

Дональд Вудз
ВИННИКОТТ

СЕМЬЯ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

Перевод с англ. А. Грузберга

МАТЬ И ДИТЯ

*Руководство
по начальным
взаимоотношениям*

Екатеринбург 2004

ББК 57.3
УДК 616
В 48

D.W.Winnicott
The Family and Individual Development.
Mother and Child

Перевод с английского А. Грузберга

В 48 Д. В. ВИННИКОТТ

Семья и развитие личности. Мать и дитя. —
Екатеринбург: Изд-во «ЛИТУР», 2004. — 400 с.

Современный психоанализ невозможно представить без творчества «доктора Винникота» — известного английского педиатра и психоаналитика. Его труды переведены на многие языки, в том числе и на русский. Книги «Семья и развитие личности», «Мать и дитя» переведены на русский язык впервые. Они адресованы всем, кому небезразличен процесс развития личности ребенка с момента рождения до подростковых лет.

ББК 84.7

ISBN 5-89648-174-8

© ЛИТУР, 2004
© ЛИТУР (оформл.), 2004
© Перевод. А. Грузберг, 2004.

СЕМЬЯ
И РАЗВИТИЕ
ЛИЧНОСТИ

В книге собраны лекции, прочитанные главным образом для социальных работников. Центральная тема — семья и развитие на этой естественной основе различных социальных групп. Я включил в нее также многочисленные попытки сформулировать или переформулировать теорию эмоционального развития ребенка как индивида. Главное мое предположение таково: структура семьи во многом зависит от тенденций развития личности.

Семья играет важнейшую роль как место, где ребенок впервые соприкасается с силами, действующими в обществе. Прототипом взаимоотношений с миром служат первоначальные отношения младенца и матери, в которых мать является представителем сложного окружающего мира и способствует развитию наследственно заложенных качеств личности ребенка либо препятствует этому. Такова центральная идея моих выступлений, хотя каждое из них предназначалось для конкретной группы слушателей в определенных месте и времени.

Часть первая

Первый год жизни

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Очень многое происходит в первый год жизни ребенка, когда развивается эмоциональная сфера. Изучая личность и характер ребенка, нельзя не принять во внимание события первых дней и часов (и даже последних дней предродовой жизни, когда ребенок созрел для появления на свет); может иметь значение и опыт, бессознательно «впитанный» во время родов.

В матери есть нечто такое, что делает ее идеально подходящей для выхаживания и удовлетворения потребностей своего ребенка на чрезвычайно уязвимой стадии младенчества. Мать способна сполна отдаться этим заботам, если сама чувствует себя в безопасности; если уверена в любви отца ребенка и всей семьи; если чувствует себя органично принятой во все более расширяющихся вокруг семьи сферах, которые и составляют общество.

Можно по-прежнему возлагать на мать исключительную заботу о младенце; это идет не от ее знаний, а от особой способности чувствовать, которая возникла у нее во время беременности и которую она постепенно будет утрачивать по мере взросления ребенка. Однако есть причины, которые оправдывают наше изучение происходящего на самых ранних стадиях развития личности младенца. Нам как врачам бывает необходимо вмешиваться в отношения матери с младенцем в случае физических отклонений у ребенка, и мы должны знать, во что вмешиваемся. За прошедшие пятьдесят лет изучение физичес-

кого развития младенцев принесло богатые плоды, и весьма вероятно, что аналогичное изучение их эмоционального развития даст еще большие результаты. Наконец, случается, что матери и отцы по социальным, семейным причинам или по болезни не могут создать младенцу подходящие условия; в этих случаях врачи и сестры должны уметь увидеть угрозу для младенца, понять ее и предотвратить точно так же, как они это делают в случае физических заболеваний. Педиатрам необходимо ориентироваться в эмоциях младенца столь же уверенно, как и в физической картине его роста.

Есть и еще одна причина изучения ранних стадий эмоционального развития: в младенчестве, на протяжении первого года жизни можно заметить и диагностировать эмоциональные отклонения. Ясно, что самое подходящее время для лечения подобных отклонений — время их возникновения или как можно ближе к этому времени. Но в данном случае я не стану развивать эту тему. Не стану говорить и о физических отклонениях или заболеваниях, а также о тенденциях развития, связанных с наследственными факторами. Для наших целей можно предположить, что младенец здоров физически и *потенциально* здоров душевно; именно смысл этой потенциальной возможности я и хочу обсудить. Что является потенциальным при рождении и что актуализируется на протяжении первого года? Предполагаю, мать достаточно здорова, чтобы материнство было полноценным. Учитывая исключительную эмоциональную зависимость младенца от матери, невозможно говорить о его развитии и даже вообще о его жизни в отрыве от материнской заботы о нем.

Ниже формулируется несколько положений, каждое из которых вкратце объясняется. Эти сжатые наблюдения позволят всем интересующимся данными вопросами прийти к выводу, что эмоциональное развитие на протяжении первого года составляет фундамент душевного здоровья человека.

Врожденная тенденция к развитию

В психологии человека существует врожденная тенденция к развитию, которая соответствует росту организма и постепенному развитию его функций. Примерно в шесть месяцев ребенок может сидеть, около года начинает ходить, в это же время осваивает первые два-три слова; точно так же эволюционирует и эмоциональное развитие. Однако мы замечаем это естественное развитие только в исключительно благоприятных условиях, и в этом отчасти заключается трудность описания нормального состояния. В последующем нам придется принимать как данное нормальный онтогенетический процесс, и нейрофизиологическую основу поведения.

Зависимость

В первый год жизни младенца заметны большие перемены в направлении его независимости. Независимость есть нечто такое, что возникает из зависимости, однако необходимо добавить, что зависимость сама по себе тоже развивается на основе состояния, которое можно назвать двойной зависимостью. В самом начале существует абсолютная зависимость от физического и эмоционального окружения. На ранних стадиях нет ни малейших признаков осознания этой зависимости, поэтому она и является абсолютной. Постепенно младенец в определенной степени знакомится с этой зависимостью и соответственно приобретает способность сообщать окружению, когда нуждается во внимании. Клинически обнаруживается очень постепенный переход к независимости, в процессе которого периодически возвращаются состояния зависимости и даже двойной зависимости. В этом отношении мать может приспособиться к разнообразным — и растущим — потребностям ребенка. К концу первого года ребенок уже в состоянии осознавать свою «неотделимость»

от матери и ее заботы о нем, и сохранять это осознание определенный промежуток времени — десять минут, час или даже дольше.

Однако состояние, которое мы обнаруживаем у ребенка в один год, чрезвычайно варьируется, причем не только от одного младенца к другому, но и у одного и того же младенца. Определенная степень независимости может быть полностью утрачена, чтобы снова и снова возникать; часто после достижения к году достаточной степени независимости ребенок снова возвращается к зависимости.

Это путешествие от двойной зависимости к зависимости и от зависимости к независимости является не просто проявлением врожденной тенденции младенца к развитию; это развитие невозможно, если та, в ком младенец нуждается, не окажется чутко приспособившейся к его потребностям. Для выполнения этой чрезвычайно деликатной и продолжительной миссии более всего подходит мать; именно она естественно и без всяких оговорок предана делу.

Интеграция

С самого начала можно видеть, что младенец уже человеческое существо, некая цельность. К концу первого года жизни большинство младенцев уже фактически достигают статуса индивида, иными словами, возникает, «прорезается» личность. Конечно, это не всегда так, но в определенные моменты и в определенные периоды, в определенных отношениях младенец в возрасте одного года представляет собой цельную личность. Однако интеграция не может быть принята как нечто само собой разумеющееся; это должно развиваться постепенно в каждом отдельном младенце. И это не просто проблема нейрофизиологии, поскольку должны существовать определенные условия, а именно те, которые обеспечиваются младенцу его матерью.

Интеграция личности возникает постепенно из первичного неинтегрированного состояния. Вначале ребенок обладает лишь некоторым количеством движений и чувственных восприятий. Почти несомненно, что сон для младенца означает возврат к неинтегрированному состоянию. Этот возврат к неинтегрированности не обязательно пугает младенца, потому что от матери исходит ощущение безопасности. Иногда безопасность означает просто возможность быть у нее на руках. И физически, и другими более тонкими способами мать и окружение способствуют сохранению «статус кво» младенца, поэтому возврат к неинтегрированному состоянию, или реинтеграция, не вызывают волн тревоги.

Интеграция как будто тесно связана с более определенными эмоциями и состояниями, такими, как гнев или возбуждение в ситуации кормления. Постепенно интеграция становится устойчивой, и младенец все более и более представляет собой единую цельность; а потеря достигнутого становится дезинтеграцией, а не возвратом к неинтегрированному состоянию. Дезинтеграция же вызывает болезненные ощущения.

Степень достижения интеграции к одному году у всех младенцев очень разная; некоторые к этому возрасту уже являются выраженной личностью, у них есть свое «я» с определенными личностными характеристиками; противоположную крайность представляют младенцы, которые, имея год от роду, не являются сколько-нибудь отчетливой личностью и нуждаются в постоянной опеке.

Персонализация

Ребенок в возрасте одного года установил прочную связь со своим организмом. Психе и сома — душа и тело — договорились друг с другом. Нейролог скажет, что тонус организма удовлетворительный, и опишет координацию движений младенца как хорошую. Такое состояние, в котором психе и сома органично связаны друг с другом,

возникает из первоначальных стадий, когда незрелая психе (хотя и основанная на функциях тела) непрочно связана с организмом и его функционированием. Если потребности ребенка в адаптации к его нуждам в достаточной мере удовлетворяются — это дает ему основу для раннего установления прочных взаимоотношений между психе и сомой. Если эта адаптация недостаточна, возникает тенденция развития психе, слабо связанной с телесным опытом; в результате физические фрустрации не всегда ощущаются ребенком со всей интенсивностью.

Но даже здоровый ребенок в возрасте одного года прочно связан с организмом лишь в определенное время. Психе нормального младенца может утратить связь с организмом, и бывают фазы, когда младенцу нелегко «вернуться в тело», например, пробуждаясь от глубокого сна. Матери это знают. Чтобы не вызывать испуганных криков, они осторожно будят младенца, прежде чем взять его на руки. Подлинная паника охватывает младенца, когда положение тела меняют в отсутствие в нем психе. Клинически с такими фазами «отсутствия психе» может быть связана бледность, ребенок потеет или, напротив, становится холодным; возможна рвота. Мать в такой момент может решить, что младенец умирает, но ко времени появления врача ребенок полностью возвращается к нормальному здоровому состоянию, и врач не может понять, чем же была встревожена мать. Естественно, опытный врач знает об этом синдроме больше консультантов или начинающих.

Разум и психе-сома

К одному году младенец начинает отчетливо проявлять проблески разума. Разум — это нечто очень отличное от психе. Психе связано с сомой и с функциями организма, а разум зависит от существования и функционирования тех областей мозга, которые развились на поздних стадиях (в филогенезе), а не тех, что связаны с примитивной

психе. (Именно разум постепенно делает возможным для ребенка ожидание кормления, потому что соответствующие звуки говорят ему, что вскоре его будут кормить. Это простейший пример использования разума.)

Можно сказать, что вначале мать должна полностью приспособиться к потребностям ребенка, чтобы его индивидуальность развивалась без искажений. Однако бывает, что приспособиться ей не удается. Происходит это потому, что разум ребенка и его умственное развитие в известной степени тоже влияют за эту адаптацию и могут привести к ошибкам матери. Разум ребенка связан с сознанием матери и как бы берет на себя часть ее функций. В заботе о ребенке мать зависит от его умственного развития, которое и дает ей со временем возможность вернуться к привычной прежней жизни.

Существуют, конечно, и другие пути развития ума. Функция разума — каталогизировать события, запастись воспоминаниями и классифицировать их. Именно благодаря разуму младенец способен воспринимать время как средство измерения, а также, пусть примитивно, измерять пространство. Разум также соотносит причины и следствия.

Было бы поучительно сопоставить развитие ума ребенка с развитием его психе, и такое изучение могло бы пролить свет на разницу между этими двумя феноменами, которые постоянно смешиваются друг с другом.

Очевидно, существуют большие индивидуальные различия в способности разума младенца содействовать матери в ее заботах о нем. Большинство матерей способны адаптироваться к хорошим или не очень хорошим умственным способностям младенца и действовать в соответствующем темпе — быстро или медленно, как младенец. Однако матери, привыкшей к быстрому развитию своих прежних детей, легко оказаться на шаг впереди возможностей ребенка с ограниченными интеллектуальными способностями; точно так же «быстрые» дети могут опережать медлительную мать.

В определенном возрасте ребенок обретает способность улавливать какие-то особенности матери и становится

относительно менее зависим от ее возможных накладок в удовлетворении его потребностей, но происходит это, вероятно, не раньше первой годовщины со дня рождения.

Фантазия и воображение

Для младенца характерна фантазия, которую можно представить себе как воображаемое развитие физических функций. Фантазия быстро становится бесконечно сложной, но вначале она, по-видимому, ограничена «количественно». Непосредственные наблюдения не дают возможности оценить фантазию младенца, но игра любого типа свидетельствует о существовании фантазии.

Удобно проследить за развитием фантазии при помощи искусственной классификации:

- 1) просто развитие функции;
- 2) разделение на ожидание, опыт и воспоминание;
- 3) опыт в виде воспоминаний об опыте;
- 4) локализация фантазии внутри или вне себя, с постоянными обменами и взаимообогащением того и другого;
- 5) создание личного, или внутреннего, мира с чувством ответственности за то, что в нем существует и происходит;
- 6) отделение сознательного от бессознательного. Бессознательное включает такие примитивные аспекты психе, которые никогда не становятся сознательными, а также аспекты психе или мыслительных функций, которые недоступны для защиты против тревожности (так называемое подавленное бессознательное).

В течение первого года жизни происходит очень значительная эволюция фантазии. Важно помнить, что хотя это (и все остальные виды роста) является частью природной тенденции к развитию, эволюция при определенных условиях может замедляться или искажаться. Природу этих условий можно изучить и даже сформулировать.

Личная (внутренняя) реальность

К концу первого года внутренний мир индивида приобретает отчетливую организацию. Из личного, в особенности инстинктивного опыта извлекаются положительные элементы, они интерпретируются личностным образом, основываясь на врожденных, унаследованных характеристиках индивида (в том виде, в каком они проявляются на этой ранней стадии). Этот внутренний мир, который для младенца является личным, организуется в соответствии со сложными механизмами, у которых есть свои цели, а именно:

1) сохранение того, что воспринимается как «хорошее», то есть приемлемое, и способствующее укреплению Самости (Эго);

2) изоляция того, что воспринимается как «плохое», то есть неприемлемое, карательное или навязанное внешней реальностью без согласия (травма);

3) сохранение области личной психической реальности, в которой объекты обладают живыми взаимодействиями, возбуждающими, даже агрессивными, но и с определенными привязанностями.

К концу первого года даже возникают начала вторичной защиты, которая имеет дело с нарушениями первичной организации; например, общее приглушение или ослабление внутренней жизни с клиническими проявлениями депрессивной настроенности; или массивная проекция во внешнюю реальность элементов внутреннего мира с клиническими проявлениями отношения к миру, окрашенными таранойей. Самыми распространенными клиническими проявлениями последнего становятся разнообразные «причуды», связанные с едой, например, подозрительное отношение к молочной пенке.

Реакция младенца на внешний по отношению к его «я» мир основана на личной внутренней реальности, и следует отметить, что реальное поведение окружающих до определенной степени окрашено положительными и отрицательными ожиданиями самого младенца.

Инстинктивная жизнь

Вначале инстинктивная жизнь основывается на пищеварительных функциях. Доминируют интересы руки и рта, но постепенно начинают вносить свой вклад функции выделения. В определенном возрасте, примерно в пять месяцев, младенец оказывается способен связать выделение с кормлением, а экскременты и мочу — с оральным приемом пищи. Одновременно с этим начинает возникать личный внутренний мир, который поэтому имеет тенденцию «локализоваться в животе». С этого сравнительно простого образца опыт соотношений психе и сомы распространяется постепенно на функции всего организма.

Дыхание как бы соединено с доминирующей в этот момент функцией и может поэтому ассоциироваться с приемом или выделением. Важной характеристикой дыхания является то, что, за исключением моментов плача, оно раскрывает непрерывность внутреннего и внешнего и, так сказать, служит местом неудачи защиты.

Все функции обладают оргазменными характеристиками; в каждой из них есть своя фаза локального возбуждения и подготовки, кульминации с участием всего организма и период последующего расслабления.

Анальные функции приобретают все большее и большее значение и могут доминировать над оральными. Оргазм испражнения обычно выделительный, но в определенных обстоятельствах анус может превратиться в принимающий орган и «перетянуть на себя» некоторые оральные функции. Обычно различные манипуляции усиливают вероятность такого осложнения.

У младенцев обоего пола выделение мочи может быть связано с оргазмом и потому быть возбуждающим и приносить удовлетворение. Однако оргазменное удовлетворение во многом зависит от своевременности. Усилия, направленные на приучение младенца в смысле процессов выделения, если они успешные, лишают младенца физического удовлетворения, относящегося к эре младенчества,

и последствия такого раннего приучения могут быть непредсказуемыми, а часто и вредоносными.

На протяжении первого года жизни генитальное возбуждение не является важным. Тем не менее у мальчиков возможна эрекция, а у девочек вагинальная активность; и то и другое обычно связано с возбуждением от кормления или от ожидания кормления. Вагинальная активность возникает часто в связи с анальными манипуляциями. На протяжении первого года начинает приобретать значение фаллическая эрекция, и то же самое относится к клиторному возбуждению. Однако к первому году рождения девочки обычно еще не начинают завидовать гениталиям мальчиков; этот орган (сравнительно с клитором или влагалищем) гораздо более заметен в расслабленном и тем более в возбужденном состоянии. Это несоответствие имеет тенденцию к хвостовству и зависти на протяжении следующих одного-двух лет жизни. (Генитальные функции и фантазии не доминируют над пищеварительными и выделительными функциями до периода, который очень приблизительно можно определить как возраст от двух до пяти лет.)

На протяжении первого года инстинктивный опыт быстро развивает у младенца способность соотносить себя с объектами внешнего мира, и эта способность достигает своей кульминации в отношениях любви между двумя существами — младенцем и матерью. К первому году рождения возникают и становятся новым фактором в жизни младенца трехсторонние отношения, с их специфическим обогащением и усложнением, но полного статуса они не достигают до того времени, пока ребенок не начинает ходить; к этому времени генитальное становится преобладающим над разнообразными пищеварительными инстинктивными функциями и фантазиями.

Читатель легко узнает в данном изложении элементы теории Фрейда относительно детской сексуальности, это послужило первым вкладом психоанализа в понимание эмоциональной жизни младенца. Сама мысль об инстинктивной жизни в младенчестве вызвала бурную реакцию в

обществе, но сейчас общепризнано, что эта теория является центральной в изучении как психологии нормального младенчества, так и причин возникновения психоневрозов.

Взаимоотношения с объектами

Ребенок в годовалом возрасте временами является цельной личностью во взаимоотношениях с другими. Это состояние развивается постепенно и проявляется только при очень благоприятных условиях.

Начальной стадией становится отношение с частью-объектами; например, ребенок вступает в отношения с грудью, в которых мать «не участвует», хотя он может «знать» мать в мгновения тесной близости. Именно постепенная интеграция отдельных особенностей в целое, в цельную личность младенца, делает возможным частью-объектам (груди и т. д.) восприниматься младенцем как части цельной личности, и этот аспект взаимоотношений связан с его особыми тревогами. Эти особенности будут рассмотрены ниже, в разделе об озабоченности.

Вместе с осознанием цельного объекта приходит и ощущение зависимости, и тем самым начало потребности в независимости. Ощущение надежности матери делает возможным возникновение и у ребенка качества надежности.

На ранней стадии, до того как младенец проявляет себя как отдельное целое, отношения с объектами имеют характер отношений части с частью. Существуют очень большие индивидуальные расхождения во времени возникновения этого целого и сохранения воспоминаний об этом опыте.

Спонтанность

Инстинктивные импульсы создают ситуацию, которая либо предшествует удовлетворению, либо гаснет в

рассеянном неудовлетворении и общем дискомфорте и психе и сомы. Время удовлетворения импульсов — кульминация, которая сопоставима с реальным опытом. В первый год жизни удовлетворение чрезвычайно важно для младенца, и лишь постепенно ребенок научается ждать. Разумеется, необходимо, чтобы младенец отвыкал от спонтанности, пусть неосознанно, уступая потребностям тех, кто о нем заботится. Иногда мы ждем от младенцев большего, чем то, на что способны сами.

Таким образом, спонтанности противостоят две разновидности факторов:

1) желание матери освободиться от тягот материнства; к этому может добавиться ошибочное представление, будто младенца нужно рано начинать приучать, чтобы он был «хорошим» ребенком;

2) развитие сложного механизма сдерживания спонтанности изнутри младенца (возникновение суперэго).

Именно развитие этого контроля изнутри образует единственную подлинную основу морали, и начинается этот процесс еще во время первого года жизни индивида. Начинается он с простого страха перед наказанием и продолжается как сдерживание инстинктивной жизни ребенка (который постепенно становится личностью с элементами сознания); он, этот процесс, защищает объекты любви от напора примитивных желаний: примитивные желания безжалостны и направлены только на удовлетворение инстинктивных импульсов.

Вначале механика самоконтроля не менее примитивна, чем сами импульсы, и если материнская строгость проявляется не слишком жестко, это помогает в развитии самоконтроля: матери можно себе в чем-то отказать, но внутреннее сдерживание импульсов проявляется при этом гораздо более полно. В процессе естественной эволюции, если внешние условия остаются благоприятными, младенец развивает внутреннюю «человеческую» строгость и обретает самоконтроль без большой утраты спонтанности, которая только и делает жизнь стоящей.

Творческие способности

Тема спонтанности естественно подводит к теме творческих импульсов, которые (как ничто другое) вселяют в младенца осознание того, что он жив.

Внутренние творческие импульсы увядают, если не встречаются с внешней реальностью («реализуются»). Каждый младенец должен воссоздавать свой мир, но это возможно только в том случае, если мир постепенно появляется в моменты творческой активности младенца. Ребенок тянется к груди, и она оказывается на месте, и таким образом он «создает» грудь. Успех этой операции зависит от того, насколько чувствительна мать, насколько она, особенно вначале, приспособилась к потребностям младенца.

Отсюда идет естественное продвижение к индивидуальное творчеству младенца, к созданию им в себе всего мира внешней реальности, к возникновению потребности в аудитории, а потом и к «созданию» самой аудитории. Степень болезненности этих первых шагов в самом раннем младенчестве зависит от способности матери «являть» образцы реальности в нужный момент. Она способна это делать, потому что поистине идентифицируется с младенцем — особенно вначале.

Подвижность — агрессия

Подвижность есть особенность зародыша, и движения недоношенного ребенка в инкубаторе позволяют представить движения младенца в матке незадолго до рождения. Подвижность — это предшественник агрессии, которая обретает смысл с ростом ребенка. Особыми проявлениями агрессивности являются хватание и жевание, которое позже становится укусами. У здорового ребенка большая часть агрессивного потенциала сливается с естественным инстинктивным опытом и с характером индивидуальных отношений младенца. Для такого развития необходимы достаточно хорошие окружающие условия.

При неблагоприятном развитии только малая часть агрессивного потенциала сплавляется с первичной эротичностью, и младенецотягощен импульсами, которые не имеют смысла. Это со временем ведет к деструктивности во взаимоотношениях с объектами или, что еще хуже, образует основу совершенно лишенной смысла деятельности, как, например, в конвульсиях. Существует вероятность проявления несплавленной, несоединенной агрессивности в форме ожидания или нападения. Это одна из возможностей возникновения патологий в эмоциональном развитии, очевидных с самого начала и со временем приводящих к психическим нарушениям. Такие нарушения, очевидно, могут иметь параноидные особенности.

Агрессивный потенциал чрезвычайно разнообразен, потому что зависит не только от внутренних факторов, но и от неприятностей и неудач окружения; например, некоторые разновидности трудных родов могут оказать чрезвычайно сильное воздействие на новорожденного; и даже нормальные роды могут оказать травматическое воздействие на незрелую психику младенца, который не знает иной защиты, кроме реагирования, и потому даже временно как бы перестает существовать.

Способность беспокоиться

Примерно во второй половине первого года жизни нормальный младенец начинает проявлять способность беспокоиться (и умение испытывать чувство вины. Это чрезвычайно сложное состояние, которое зависит от степени интеграции личности младенца в единое целое и как бы «принятия на себя ответственности» за фантазии, принадлежащие инстинктивной жизни. Обязательным условием этого достижения является продолжение присутствия матери (или ее замены), и мать должна быть постоянно готова увидеть и принять незрелые попытки младенца к согрудничеству, то есть к репарации и созидательной любви. Эта важная стадия эмоционального

развития подробно рассмотрена Мелани Кляйн в ее психоаналитической (фрейдистской) теории происхождения чувства личной вины, стремления к созидательным действиям и к отдаче. Таким образом, потенция (и ее признание) обретают свои корни в эмоциональном развитии незадолго или вскоре после того, как ребенку исполняется год.

Обладание

К одному году ребенок уже владеет несколькими мягкими предметами, плюшевыми мишками, куклами и т. д., которые становятся для него очень важными (некоторые мальчики предпочитают твердые предметы). Очевидно, эти предметы олицетворяют собой часть-объекты, в особенности грудь, и лишь постепенно символизируют детей, мать и отца.

Очень интересно наблюдать за тем, как младенец использует свои первые приобретения: кусочек шерсти от одеяла, носовой платок или шелковый шарфик. Этот предмет становится необычайно важен и может служить посредником между «я» и внешним миром. Обычно младенец засыпает, сжимая такой предмет (я называю его «переходным объектом»), и в то же время сосет два пальца или один, большой, а может, поглаживает верхнюю губу или нос. Такая картина является строго индивидуальной для младенца и может возникать во время перехода ко сну, в минуты одиночества, печали, тревоги; такое поведение может сохраниться вплоть до позднего детства и даже во взрослой жизни. Все это является частью нормального психологического развития.

Эти явления (я называю их переходными) как бы образуют фундамент всей культурной жизни взрослого человеческого существа.

Сильная депривация может привести к утрате способности использовать эту ставшую привычной процедуру, что приводит к тревожности и бессоннице. Очевидно,

палец во рту и кукла в руке одновременно символизируют часть себя и часть окружения.

Здесь у наблюдателя появляется возможность изучать происхождение аффективного поведения, что очень важно хотя бы потому, что утрата способности к такому поведению характерна для старших, испытавших депривацию детей и клинически проявляется в антиобщественных тенденциях и корнях детской преступности.

Любовь

По мере роста младенца смысл слова «любовь» меняется или включает в себя новые элементы.

Любовь означает существование, дыхание, возможность жить и быть любимым;

Любовь означает аппетит. Никакой заботы, только потребность в насыщении;

Любовь означает чувственный, аффективный контакт с матерью;

Любовь означает интеграцию (со стороны младенца) с объектом инстинктивного опыта, с матерью; отдача начинает соотноситься с взятием и т. д.;

Любовь означает требования к матери, инстинктивную жадность, стремление заставить мать «заплатить» за неизбежную депривацию, в которой она «виновата»;

Любовь означает заботу о матери (или объекте замены) в ответ на материнскую заботу о младенце — это уже зародыш взрослого отношения и ответственности.

Заключение

Эти особенности (и многие другие) можно наблюдать в течение первого года жизни, хотя, конечно, к первой годовщине со дня рождения еще ничего не установилось, и почти все после этой даты может быть утрачено в результате неблагоприятного изменения условий или

даже в результате тревог, неразрывно связанных с эмоциональным взрослением.

Педиатра могут страшить попытки проникнуться психологией младенца, краткий очерк которой здесь представлен. Тем не менее не стоит отчаиваться, потому что можно предоставить все самому младенцу, его матери и отцу. Но если врач вынужден вмешаться в отношения матери и младенца, он, по крайней мере, должен знать, что делает, и попробовать избежать всего того, чего стоит избегать.

Начальные взаимоотношения матери с ребенком

ПАРА, СВЯЗАННАЯ КОРМЛЕНИЕМ

Рассматривая взаимоотношения, существующие между матерью и младенцем, необходимо отделить то, что принадлежит матери, от того, что начинает развиваться в младенце. Здесь отчетливо различаются два типа идентификации: идентификация матери с младенцем и состояние младенца, в котором он идентифицирован с матерью. Мать вносит в ситуацию свои развитые способности, в то время как для младенца это состояние, с которого все начинается.

В будущей матери мы замечаем все усиливающуюся идентификацию с младенцем. Младенец связывается с идеей «внутреннего объекта» в матери, объекта, который воспринимается как помещенный внутрь и сохраняемый там вопреки всем грозящим осложнениям в глубинах организма. В бессознательных материнских фантазиях младенец может приобретать различный смысл, но основополагающей особенностью является готовность и способность матери перенести главную заботу с себя на ребенка. Этот аспект материнского отношения я называю «первичной материнской вовлеченностью».

С моей точки зрения, именно это дает матери возможность поступать так, как надо. Она знает, что может чувствовать младенец. Никто, кроме нее, этого не знает. Врачи и медсестры могут многое знать о психологии, и, разумеется, они знают все о физическом здоровье и болезнях. Но они не знают, что чувствует младенец минута за минутой, потому что находятся за пределами этого опыта.

Есть два вида «материнских отклонений». Одну крайность представляет мать, чей интерес к себе слишком навязчив, чтобы его можно было преодолеть, и поэтому она не способна в полной мере проникнуться нуждами ребенка, — такое состояние кажется ей болезнью, хотя на самом деле является признаком здоровья. Другая крайность — мать, которая имеет тенденцию к гипертрофированной заботливости и для которой ребенок становится предметом *патологической* вовлеченности. У такой матери особая способность отдавать всю себя младенцу, но что получается в результате? При нормальном ходе процесса у матери постепенно возвращается интерес к себе, и происходит это в том темпе, в каком позволяет развитие младенца. Патологическая вовлеченность приводит не только к слишком длительной идентификации с ребенком, но и к нежелательно резкой перемене, когда мать наконец возвращается к своим прежним заботам.

Нормальный процесс ослабления идентификации матери с младенцем — это нечто вроде отнятия от груди. Для матери, склоняющейся к первой крайности, не существует и проблемы отнять младенца от себя, потому что она никогда себя ему в должной мере не отдавала. Мать противоположного типа вообще не может отнять младенца или делает это внезапно, не думая о том, что младенца следует отучать от груди постепенно.

Параллели такому развитию можно найти в терапевтической работе с детьми. Дети, которыми мы занимаемся, поскольку они нуждаются в лечении, возвращаются в прошлое и погружаются снова (или впервые с нами) в ранние отношения, которые в их прошлой истории складывались неудовлетворительно. И мы способны идентифицироваться с ними, как мать идентифицируется со своим младенцем, — временно, но достаточно полно.

Размышляя в таких терминах о том, что происходит с родителями, мы остаемся на твердой почве, в то время как представление о *материнском инстинкте* погружает нас в трясину теории и приводит к смешению человеческого существа с животными. Большинство животных

с этими ранними материнскими обязанностями справляются вполне удовлетворительно, и на ранних стадиях эволюционного процесса вполне достаточно рефлексов и простых инстинктивных реакций. Но матери и дети обладают и человеческими качествами, и мы должны эти качества оценивать особо. У матерей и детей тоже есть рефлексы и примитивные инстинкты, но невозможно удовлетворительно описать человеческое существо в тех же терминах, что и животное.

Важно понимать, хотя это и кажется очевидным, что мать в описанном мною состоянии крайне уязвима. Это не всегда замечают, в основном благодаря заботам тех, кто окружает мать, прежде всего заботам ее мужчины. Эти вторичные проявления возникают в связи с беременностью точно так же, как возникает особое состояние матери в ожидании младенца. И лишь если эти естественные защитные силы перестают действовать, становится заметно, насколько уязвима мать. Тут мы затрагиваем сложную и большую тему, которая связана с психическими нарушениями, именуемыми родильными: это нарушения, возникающие у рожениц. Некоторым женщинам не только трудно обрести состояние первичной материнской идентификации с младенцем; им трудно впоследствии вернуться к нормальной жизни, и это может вызвать клинические заболевания. Такие заболевания могут быть вызваны также недостатком защищенности, невозможностью для матери забыть о внешних проблемах и опасностях, пока она погружена в свое материнство.

Идентификация младенца с матерью

Говоря об идентификации младенца с матерью, я рассматриваю следующие возрасты: младенец, которому вскоре предстоит родиться, новорожденный младенец и младенец в возрасте нескольких недель или месяцев. С полугодовалого возраста младенец выходит за пределы той стадии, которая меня в данном случае интересует.

Проблема настолько тонкая и сложная, что мы не можем надеяться прийти к каким-либо результатам, если заранее не предположим, что у младенца, о котором идет речь, достаточно хорошая мать. Только при таком условии личность ребенка начинает нормально развиваться. Если материнская забота недостаточно хороша, младенец становится «набором реакций на столкновение» и истинная Самость не может возникнуть или скрывается за ложной Самостью, которая имитирует подчинение, но лишь для самозащиты.

Мы опускаем эти осложнения и говорим о ребенке с достаточно хорошей матерью и гармоничным началом развития. О таком ребенке я скажу: его Эго одновременно сильное и слабое. Все зависит от способности матери поддерживать Эго ребенка. Эго матери «настроено» на Эго младенца, и она может обеспечить поддержку, только если относится к младенцу именно так, как я частично попытался описать.

Если пара младенец-мать находится в гармоничном состоянии, Эго младенца обретает силу, потому что получает поддержку во всех отношениях. Укрепившееся таким образом и потому очень сильное Эго младенца способно организовать защиту и развить качества, которые являются одновременно личными и сильно окрашенными наследственными тенденциями.

Такое описание Эго, одновременно сильного и слабого, относится также к состоянию пациента, когда он (ребенок или взрослый) в терапевтической ситуации регрессивен и зависим. Однако моя цель — описание младенца. Именно такой младенец, у которого сильное Эго в *результате материнской поддержки этого Эго*, очень рано становится истинно самим собой. Если же материнская поддержка Эго отсутствует или проявляется слабо, урывками, младенец не может успешно развиваться в личностном плане, и в таком случае, как я уже сказал, развитие сводится скорее к последовательности реакций на неудачи окружения, чем к внутренним стремлениям и генетическим предрасположенностям. Дети, окруженные

достаточной заботой, быстро формируются как личности, причем каждый младенец отличается от всех остальных; а вот те, кто получал недостаточную или патологическую поддержку Эго, проявляют тенденцию к одинаковому поведению (они беспокойны, подозрительны, апатичны, заторможенны, покорны). И лишь в терапевтической ситуации лечащий врач бывает вознагражден первыми проявлениями личности ребенка как индивида.

Эти теоретические сведения необходимы, если мы хотим побывать в месте, где живет младенец, — в странном месте, где *еще ничто не обособилось в качестве не-Я*, так что *нет и Я*. Именно с идентификации и *начинает* младенец. Дело не в том, что он отождествляет себя с матерью; скорее в этом состоянии ему неизвестны ни мать, ни какой-либо другой внешний по отношению к «я» объект: и даже это утверждение неверно, потому что нет еще и Самости. Можно сказать, что на этих ранних стадиях Самость младенца существует лишь потенциально. *Возвращаясь* к такому состоянию, индивид сливается с материнской Самостью. Поскольку Самость младенца еще не сформировалось, о ней нельзя сказать, что она сливается, однако уже могут возникать и накапливаться воспоминания и опыт. Мы не должны забывать, что все это происходит, только если у младенца в результате «подкрепления» достаточно сильное Эго.

Говоря об этой стадии развития младенца, мы должны отступить назад на один шаг больше, чем обычно. Например, мы знаем о дезинтеграции, и это знание легко приводит к идее интеграции. Однако в данном контексте нам нужен иной термин — что-нибудь вроде *неинтеграции*, чтобы прояснить, что мы имеем в виду. Аналогично мы знаем о деперсонализации, и это легко приводит к мысли о том, что существует и процесс формирования личности, процесс установления единства или связи между организмом и его функциями и психе (что бы мы под этим термином ни подразумевали). Однако говоря о самых ранних стадиях, мы должны представлять себе младенца, у которого подобные проблемы еще вообще не

возникли, ибо на этой стадии психе только начинает возникать на основе функций организма.

Опять-таки мы знаем об отношениях с внешними объектами и выводим отсюда идею процесса возникновения возможности подобных отношений. Однако необходимо представлять себе стадию, на которой у младенца еще вообще нет представления об объектах, хотя сам младенец испытывает удовлетворение от взаимодействия с тем, что мы называем объектами или часть-объектами.

Эти весьма примитивные процессы начинаются, когда мать, идентифицирующая себя с младенцем, способна и полна желаний поддержать его, когда это необходимо.

Функции матери

На основе приведенных соображений есть возможность классифицировать функции хорошей матери на ранних стадиях развития младенца. Их можно свести к следующим трем:

- 1) холдинг;
- 2) обращение (Handling);
- 3) представление объектов.

1. Холдинг тесно связан со способностью матери идентифицироваться с младенцем. Удовлетворяющий младенца холдинг — это основополагающий элемент заботы, но осознается «правильность» холдинга только в сравнении с неуверенными или неправильными действиями матери. В таких случаях он вызывает у младенца ощущение крайнего дискомфорта на грани страдания, отчего протекают:

- чувство разрывания на части;
- чувство вечного падения;
- ощущение, что внешняя реальность зыбка и не вызывает уверенности;
- другие тревожные ощущения, которые обычно описываются как психотические.

2. Обращение — это основа формирования у младенца чувства психосоматического партнерства. Оно способствует созданию представления о «реальном» в противоположность «нереальному». Неправильное обращение препятствует развитию должного мышечного тонуса и того, что называется «координацией», а также и возможности наслаждаться функциями организма и БЫТИЕМ.

3. Представление объектов, или *реализация* (то есть превращение творческих импульсов младенца в реальность), благоприятствует развитию способности соотноситься с объектами. Неправильное представление объектов мешает младенцу развивать реальные отношения с миром объектов и явлений.

Коротко говоря, развитие есть *процесс созревания*, в котором сочетаются наследственные тенденции и накопление живого опыта; но такое развитие возможно только в *способствующем ему окружении*. Способствующее окружение важно вначале абсолютно, потом относительно, и ход развития можно описать в виде последовательной смены абсолютной зависимости, относительной зависимости и постепенного достижения независимости.

Резюме

Я попытался описать, что происходит с младенцем в паре «младенец — мать». Строго говоря, это совсем не идентификация. Это нечто неорганизованное, приобретающее в весьма специфических условиях организацию и постепенно отделяющееся от начальной матрицы. Это то, что происходит в чреве и постепенно приводит к возникновению человеческого существа. Но это не может произойти в пробирке, даже в очень большой. Хотя мы этого не видим, мы являемся свидетелями эволюции незрелого опыта пары «мать — ребенок», опыта, в котором идентификация со стороны матери встречается с недиф-

ференциацией со стороны младенца. Без того особенного состояния матери, которое я описал выше, невозможно подлинное развитие младенца из первоначального состояния. В лучшем случае возникает ложная Самость, за которой может скрываться истинная.

В нашей терапевтической деятельности мы постоянно сталкиваемся с пациентами; мы проходим через фазу, в которой мы уязвимы (как уязвима мать) из-за нашей вовлеченности; мы идентифицируем себя с ребенком, который временно становится зависимым от нас в тревожной степени; мы наблюдаем, как сбрасывается ложная Самость и проявляется истинная, с сильным Эго, которое возникло, потому что мы, подобно матери, смогли подкрепить его. И если все пройдет хорошо, мы сможем наблюдать становление ребенка, Эго которого способно организовать защиту от тревог, связанных с импульсами Ид и с жизненным опытом. Родилось «новое» существо, потому что благодаря нашим действиям возник реальный человек, способный на независимую жизнь. Тезис мой таков: в терапии мы пытаемся имитировать естественный процесс, который характеризует поведение конкретной матери и ее ребенка. Если я прав, именно пара «мать — младенец» может научить нас основным принципам терапевтической работы в обращении с детьми, у которых раннее общение с матерью было «недостаточно хорошим» или оказалось прерванным.

Рост и развитие в незрелости

Читатель должен знать, что я представитель фрейдистской, или психоаналитической, школы. Это совсем не значит, что я считаю абсолютно верным все, что сказал или написал Фрейд; это было бы вообще нелепо, потому что взгляды самого Фрейда (как и любого нормального ученого) менялись на протяжении всей его жизни вплоть до кончины в 1939 году.

Кстати, существуют положения, в которые Фрейд верил, но которые мне и многим другим психоаналитикам кажутся неверными, однако это не имеет значения. Главное в том, что Фрейд стал основоположником научного подхода к проблемам развития человека; он преодолел запрет на открытое обсуждение проблем секса, и особенно младенческой и детской сексуальности; он признал основополагающую роль инстинктов и возможность и необходимость их изучения; он дал нам метод для использования и развития, который можно применить для наблюдений за другими людьми и за самим собой; он продемонстрировал существование подавленного бессознательного и результаты конфликтов в этом бессознательном; он настаивал на признании психической реальности (того, что реально для индивида, в отличие от того, что для него актуально); он смело попытался сформулировать теории ментальных процессов, и некоторые из его теорий стали общепризнанными.

Из всего этого можно сделать имеющие прямое отношение к нашей теме выводы. Каждый индивид в своем развитии имеет начало, он развивается и достигает зре-

лости; взрослая зрелость неразрывно связана с предыдущим развитием. Это развитие необыкновенно сложно и продолжается непрерывно с рождения и даже более ранних этапов через все взрослое состояние до старости. И ничто из этого развития, даже самые ранние моменты, даже то, что происходит в раннем младенчестве, опускать невозможно.

Тут стоит остановиться и подумать о целях нашей работы. Нас интересует создание должного окружения, соответствующего возрасту младенца, малыша, начинающего ходить, и ребенка постарше, — окружения, позволяющего каждому, и каждому по-своему, со временем стать личностью, которая смогла бы занять свое место в обществе без утраты собственной индивидуальности. Мы хотим, чтобы дети, которые находятся на нашем попечении, не стали «людьми крайностей»: либо теми, кто, казалось бы, встроен в общество, но у которых не удалась личная жизнь и нет ощущения своей полноценности; либо теми, кто добивается личного удовлетворения за счет пренебрежения к другим, или путем антиобщественного поведения, или безумия. Ибо мы знаем, что люди, относящиеся к этим двум крайностям, несчастны; они страдают. Некоторые из них «выражают себя» путем самоубийства. Кто-то на очень ранних стадиях развития не дал им самого важного, что-то оказалось уцербным в окружении, и в более поздние периоды ликвидировать последствия этого чрезвычайно трудно.

Но вернемся к теме маленьких детей. Когда мы обеспечиваем детям светлое детство, мы стремимся к определенной цели, а именно, чтобы каждый ребенок стал взрослым и полноценным членом общества, которое именуется демократией. Однако мы знаем, как важно не ставить детей в положение, к которому они еще не готовы. Более того, мы знаем, что тщетно «учить» демократии, ее можно усвоить только в процессе роста, развития, превращения индивидов в зрелые личности, из которых и состоит демократия. (Это тема последнего раздела «Некоторые мысли о значении слова "демократия"».)

Я хочу только упомянуть здесь ранние эквиваленты того, что, развиваясь в благоприятных обстоятельствах, станет материалом демократии. Оставляю в стороне воспитание старших детей, поскольку они имеют возможность принимать участие в деятельности клубов и других соответствующих их возрасту организаций. Однако зародыш всего этого — на ранних стадиях, и заключается он в привлечении детей к *временному* исполнению общественных функций. Разумеется, мы не можем ждать от мальчишек и девчонок, что они будут самостоятельно руководить своими группами, однако мы рассчитываем на то, что мальчик или девочка иногда будут играть в «руководителей». Игра — вещь не только приятная, но и очень полезная.

Иногда старшей сестре приходится исполнять обязанности матери, это очень большая ответственность, особенно в раннем возрасте, и мы видим, как добросовестное выполнение этих обязанностей лишает девочку непосредственности, спонтанности, осознания своих прав; этого избежать невозможно. Однако любой ребенок хотел бы получить ответственность *на ограниченный промежуток времени*. Лучше это получается, когда идея возникает у ребенка, а не навязывается нами. Однако со временем дети становятся способными идентифицироваться с нами и тем самым принимать разумное вмешательство без слишком большой потери ощущения собственного «я» и своих прав.

Разве не это проявляется в эволюции детских рисунков? Вначале простое пачкание, потом каракули. Потом ребенок сам видит некий смысл в своих каракулях, но мы об этом не знаем, если он нам не говорит. В своих каракулях ребенок видит все и всех. Возможно, вот эта выходящая за край рисунка линия — эквивалент ночного недержания мочи или какой-нибудь неприятности (вроде разбитой чашки), что было привлекательно для ребенка, но неудобно для взрослых. Потом появляется неровная окружность, и ребенок говорит «утка». Теперь ребенок выражает нечто большее, чем просто удовольствие

от инстинктивного опыта. Здесь возникает новый интерес, и ради него ребенок готов отказаться от прежних, более инстинктивных удовольствий. Скоро, очень скоро ребенок пририсовывает к кружку руки и ноги, чертит внутри глаза. И мы говорим: «Получился человечек». Мы все смеемся, видя, что прямое выражение чувств уже зашло далеко, и с этого начинаются подлинные рисунки. И снова тут есть определенное достижение благодаря конструктивному характеру сделанного, которое признается и ценится теми, кто близок ребенку, кто ему дорог, — открыта новая форма коммуникации, которая порой бывает лучше речи. И очень скоро ребенок начинает рисовать картинки. Размер и форма листка определяют размещение нарисованных объектов. Потом приходит равновесие объектов и движений и тонкие «взаимоотношения» их пропорций. На короткое время ребенок становится художником. Однако более важно то, что ребенок развил способность сохранять непосредственность и спонтанность, в то же время соблюдая формы и другие виды самоконтроля. Такова в миниатюре идея демократии. Она еще очень слаба, потому что зависит от человека, с которым взаимосвязан рисующий ребенок. Позже эта личная связь разрывается, она должна быть разорвана и растворена, но прежде чем ребенок станет настоящим художником-профессионалом или, что гораздо вероятнее, обыкновенным гражданином, он должен научиться изнутри себя что-то дать человеку, в общении с которым возникли эти первые артистические стремления.

Все это уводит нас все дальше и дальше назад. В терминах окружения «все дальше назад и назад» означает все более и более личное, а это значит, что личность, с которой отождествляется ребенок, должна быть все более и более надежной, прочной.

Постепенно мы уходим назад к личности, которая может быть более чем надежна с точки зрения ребенка. Мы знаем, что в случае маленьких детей только любовь к конкретному ребенку делает личность достаточно надежной. Мы любим ребенка, поддерживаем с ним непрерывную

связь, и половина битвы выиграна. Но давайте продвигаться еще немного вглубь. Теперь нужно использовать еще более сильные выражения. Думаю, что в течение относительно короткого периода первых месяцев наиболее подходит слово «преданность». Я не использую слова «умная», «подготовленная», «хорошо обученная», хотя не отвергаю их. Но только преданная мать (или та, что становится ее заменой) способна удовлетворить потребности ребенка. С моей точки зрения, младенец в самом начале нуждается в *активной адаптации к своим потребностям*, которой невозможно достичь, если ухаживающий за ним человек недостаточно предан. Очевидно, что такой человек — мать младенца, у которой подобная преданность возникает естественно; и даже если можно доказать, что младенцы не знают своих матерей до достижения нескольких месяцев, я все же полагаю, что мать своего младенца знает.

Образование родителей

Здесь меня могут подвергнуть критике. Читатель может сказать: «Но вы считаете само собой разумеющимся, что мать нормальная, забывая, что многие матери невротичны, а некоторые едва ли не безумны»; «Со многими матерями в свое время плохо обращались или обращаются, и они переносят свое раздражение на младенцев»; «Нелепо говорить о матерях, сестрах, учителях, ведущих себя естественно. *Их всех нужно учить*».

Не могу сказать, что совсем не согласен с этими возражениями; однако замечу, что когда люди, заботящиеся о детях, невротичны или даже близки к безумию (а во многих случаях так оно и есть), научить их невозможно. Наша надежда связана с теми, кто более или менее нормален. В своих клиниках мы имеем дело с отклонениями от нормы и ориентированы на такие отклонения. Но в отношении обычных матерей и младенцев, в обучении

младенцев и маленьких детей *следует решительно ориентироваться на норму, или здоровье*. Здоровые матери могут многому научить нас.

Вполне ли мы уверены, что врачи и сестры, которые так умело заботятся о матерях в родильных домах и клиниках, дают возможность полновесно функционировать обычным нормальным здоровым матерям? За последние несколько лет положение значительно улучшилось. Сегодня не редкость в родильном доме младенец, находящийся рядом с матерью. Мне не нужно рисовать ужасную альтернативу, с которой все хорошо знакомы: ребенок содержится в другой палате, его приносят на время кормления и подсовывают к груди, не готовой к этому, а порой и испуганной матери. К тому же, благодаря работам Боулби и Робертсона, сегодня существует сильная тенденция позволять родителям находиться с младенцами и маленькими детьми, которым какое-то время приходится провести в больнице.

Дело в том, что врачи и сестры поняли: они специалисты только в одном отношении. А в отношении таких проблем, как возникновение эмоциональной связи между младенцем и матерью (частью этого процесса является кормление грудью), обычная мать не просто эксперт: в сущности она единственный человек, который знает, как вести себя с данным конкретным ребенком. И тому есть причина. Она в материнской *преданности* — единственной мотивации, которая в данном случае действует.

Когда мы пытаемся перенести эти соображения на более сложные проблемы детского сада, то с большим упрощением можно сказать, что в детском саду возможны два типа детей — и то же самое справедливо по отношению ко всем школам. Есть дети, родители которых правильно и хорошо обращались и обращаются с ними. Это благодарные дети, способные демонстрировать весь спектр чувств. И есть дети, родители которых были неуспешны, и мы должны помнить, что неудачи совсем не обязательно их вина. Возможно, это вина врача или медсестры; или, возможно, она связана со случайными обстоятельствами,

например тяжелым приступом коклюша; возможно, помешали слишком энергичные «помощники». Таким детям в возрасте детского сада необходимо восполнить то, что они должны были бы получить раньше. И, возможно, получить это не от их настоящих родителей. Активное приспособление к нуждам, которое происходит слишком поздно, называется «избалованностью», и те, кто балует детей, подвергаются критике. Больше того, поскольку это происходит слишком поздно, дети не могут правильно воспользоваться тем, что получают, или нуждаются в дополнительной поддержке очень сильно и в течение очень длительного периода. Таким образом, человек, способный предоставить такую поддержку, может оказаться в трудной ситуации, потому что у ребенка разовьется зависимость, которую взрослый не решится разорвать.

Таким образом, во всех типах школ должны быть готовы к обращению с тремя типами детей:

а) с детьми описанной мною первой группы, которые активно усваивают то, что им предлагают, и способны внести свой вклад в это усвоение;

б) с детьми, которые нуждаются в получении от учителей того, что им не могут дать дома; это скорее психотерапия, чем обучение;

в) с детьми промежуточных типов.

Жизнь ребенка

Я хотел бы перевернуть проблему и описать младенца и ребенка в терминах его жизненного развития.

Прежде всего я упрощу изложение, отделив *возбужденное состояние* от *невозбужденного*. *Возбужденное состояние*, очевидно, предполагает действие инстинктов. Как мы знаем, каждая функция организма обладает собственным воображаемым последствием, и поэтому любой конфликт, связанный с такими представлениями, обязательно приводит к запретам и помехам в функционировании орга-

низма; рост в данном случае означает не только переход от стадии к стадии в связи с увеличением возраста, но также отрицание каждой предыдущей стадии по достижении последующей, причем без осязаемой потери инстинктивных истоков чувств. Однако именно на этих ранних стадиях инстинктивного развития жизнь многих начинают уродовать серьезные отклонения. И для ребенка, начинающего ходить, особенно необходимы стабильность и последовательность окружения — и в физическом, и в эмоциональном аспектах!

И хотя именно здесь обнаруживаются главные силы динамической психологии, мне кажется, нет необходимости повторять общеизвестное. Работы Фрейда, в которых преимущественно рассматриваются эти жизненно важные феномены, сегодня хорошо известны, особенно тем, кто изучает психологию детей.

Разнообразные инстинктивные порывы, которые порой чуть ли не «разрывают» младенца своей силой, развиваются в соответствии с естественной последовательностью. Вначале, совершенно очевидно, основу фантазий, возникающих в моменты кульминации возбуждения, составляет рот и вообще весь механизм приема пищи, включая хватание руками. Позже материал для дополнительных фантазий предоставляют механизмы выделения, а также то, что происходит внутри. Со временем возникает возбуждение генитального типа, которое, можно утверждать, доминирует в жизни маленького мальчика или девочки в возрасте от двух до пяти лет.

Естественная последовательность этих разнообразных типов возбуждающих представлений и возникновения самого возбуждения не всегда очевидна и проста, потому что на всех стадиях возникают конфликты, и даже самое бережное отношение не может изменить этот факт. Бережное отношение создает благоприятные условия, помогая каждому младенцу самому разобраться в том, что его возбуждает.

Естественно, фантазии, возникающие в периоды возбуждения, составляют основу игр и мечтаний. Игра

тоже связана с возбуждением особого типа, и игра нарушена, если на первый план выходят инстинктивные потребности. Только постепенно младенец научается справляться с такими порывами. Все взрослые знают, что радости жизни могут быть отравлены вторжением телесного возбуждения, и отчасти мудрость жизни заключается в умении избегать телесного возбуждения, которое не может быстро принести удовлетворение. Естественно, этого легче достичь тем, у кого полноценна интимная жизнь, чем тем, кто не может избежать фрустраций в сексуальных отношениях.

К счастью, пока дети постепенно разбираются во всех этих трудных проблемах, они могут достигать удовлетворяющей разрядки различными способами, характерными для детства. Например, много удовлетворения дает пища. Разрядку способен также принести сон. Исключительно удовлетворяющим опытом может стать выделение экскрементов и мочеиспускание, а также добрая драка и шлепки. Тем не менее у каждого ребенка возникают разнообразные симптомы, отражающие состояние, вроде «оделся с головы до ног, а пойти некуда»; т. е. возбуждение без способности достичь кульминации (припадки раздражения, мрачности и др.). Такие явления не обязательно являются отклонением от нормы.

Многие хорошо знают о подобных вещах, но, возможно, не представляют себе, каковы *непрямые* результаты инстинктивного опыта. Я имею в виду то, что на основе удовлетворяющего и неудовлетворяющего опыта возникает все богатство личности.

Полезно в данном случае постулировать наличие ранней стадии безжалостности, чтобы привлечь внимание к тому обстоятельству, что первоначально крайне деструктивные фантазии, связанные с инстинктивными порывами, направленные на материнскую грудь, несколько не связаны с чувством вины. Здоровый младенец, однако, очень скоро научается складывать два и два и знает, что в своих фантазиях безжалостно напал на то, что любит и в чем нуждается. И тогда стадия безжалостности сменяется стадией *обеспокоенности*.

Теперь после удовлетворяющего опыта возбуждения младенцу приходится иметь дело с двумя сторонами происшедшего. Он напал на хорошую вещь, причинил ей вред; это обогатило опыт младенца; и в то же время в нем возникает что-то хорошее. Теперь младенец в состоянии ощущать и выносить чувство вины. Со временем это дает ему возможность находить выход из неприятностей, потому что теперь он способен *совершать репарацию*, исправлять, возмещать, возвращать то, что (в фантазии) украл. (Читатели узнают в этом работы Мелани Кляйн.)

Таким образом, мы видим, что существуют специфические потребности, которые должно удовлетворить окружение, чтобы младенец мог преодолеть препятствия и расти (а именно: достичь «депрессивной позиции» в эмоциональном развитии). Младенец должен быть толерантным к чувству вины и изменять ситуацию, совершая репарацию. А чтобы это произошло, в «период вины» мать (или та, кто ее заменяет) должна все время находиться рядом и быть настороже. Грубо говоря: за младенцем в больнице могут ухаживать несколько прекрасно подготовленных сестер, но чувство вины, возникшее утром, «заглаживается» младенцем вечером, когда дежурит другая сестра, и цель репарации не бывает достигнута. Мать же, заботящаяся о младенце, всегда рядом и распознает спонтанные конструктивные и репарационные импульсы. Она может ждать их и узнает, когда они приходят.

Когда все проходит именно так, испытывается не чувство вины, а возникает ощущение ответственности. Чувство вины остается латентным и возникает, лишь когда репарация не в состоянии возместить причиненный ущерб.

Можно еще многое сказать о чувстве вины и репарации, а также о тревогах младенца, связанных с тем, что происходит у него внутри. Если внимательно присмотреться, мы и там, в психике младенца, можем найти пугающие вещи, порождаемые его гневными импульсами. Но сейчас я хочу оставить тему возбужденных состояний и

их последствий, чтобы обратить внимание на другое. Позвольте только заметить, что трудности в этой области, связанные с подавлением болезненных конфликтов, приводят к разнообразным невротическим проявлениям и «зигзагам» в настроении. Однако, изучив данные о возбужденных состояниях, мы приблизимся к изучению психозов. Нарушения, которые я описываю под названием невозбужденных состояний, по своему качеству скорее психотические, чем невротические, то есть то, что порождает безумие. Однако я такими нарушениями не занимаюсь; напротив, я кратко описываю задачи, стоящие перед младенцем в нормальном здоровом развитии.

Развитие в стороне от возбуждений

Если мы затем несколько искусственно обратимся к *невозбужденным состояниям*, что же мы найдем? Прежде всего мы обнаружим, что изучаем Эго в его путешествии к автономии. Мы изучаем, например, развитие у младенца ощущения единства личности, способности чувствовать себя (по крайней мере временами) *единым*. Постепенно младенец начинает чувствовать себя обитателем того, что нам легко представить себе его телом. На все это требуется время, и этому процессу очень помогает правильное обращение с телом, купание, упражнения и тому подобное.

Теперь обратимся к развитию способности *соотноситься* с внешней реальностью. Эта задача, которую должен решить каждый младенец, очень сложна и трудна и особо нуждается во внимании преданной матери. *Объективное* восприятие мира *никогда* не совпадает с *субъективным*, с тем, что постигается постепенно. Все люди в той или иной степени испытывают эту большую трудность, но чуткая забота преданной матери с самого начала накладывает объективную реальность на то, что воспринимает младенец; она делает это достаточно хоро-

шо и часто, так что младенец, проникаясь объективностью, может отложить решение этой проблемы на более взрослое время, когда сможет играть в игру, именуемую философией.

Еще одно: если окружение благоприятное, у младенца появляется возможность ощутить постоянство бытия; возможно, это ощущение восходит к самым первым движениям в материнском чреве. Когда такое ощущение существует, индивид обретает стабильность, которую невозможно обрести другими способами.

Если с внешней реальностью младенца знакомят небольшими дозами, рассчитанными на понимание маленького ребенка, младенец в состоянии постепенно дорасти до размышлений о явлениях и, возможно, взрослея, перенести мыслительный метод на постижение человеческих отношений. Если это произойдет и если такое постижение в будущем будет успешным, тогда младенец обязан этим преданной матери, заложившей фундамент, затем обоим своим добрым родителям, затем череде учителей и воспитателей, каждый из которых может и затруднить путь ребенка к научному познанию. Увы, большинство из нас, по крайней мере частично, примешивают черты своего характера к мыслительному подходу.

Наука и человеческая природа

Вот в чем здесь главная трудность. Если то, что истинно, хорошо и естественно в человеческой природе и в обращении с растущим человеческим существом, должно быть избавлено от втискивания в обезличивающие рамки научного анализа, достигнуть этого можно лишь более широким научным подходом ко всем областям человеческой природы. Я думаю, что мы все движемся к одной цели. Перефразирую: мы все хотим сделать возможным для каждого индивидуума найти свою собственную сущность и укрепить ее таким образом, чтобы со временем

оказаться способным стать членом человеческого общества, активным и творческим членом, без утраты личной непосредственности и спонтанности и без потери того чувства свободы, которое к здоровому человеку приходит изнутри.

Клиническая кода (заключение)

Возможно, у читателя возникло чувство замешательства. Если младенцу приходится проходить через такое количество испытаний, если ответственность матери, отца, врачей, сестер и учителей, представляющих окружение, соответствующее различным этапам роста, так велика, — как же мы со всем этим справляемся? Но не следует забывать, что когда мы останавливаемся и пытаемся оценить свои цели, как мы это делаем сейчас, возникает довольно искусственная ситуация. Поэтому давайте вернемся к реальности и заключим раздел рассказом о маленьком мальчике. (Впрочем, это вполне может быть и девочка.)

Этот ребенок прошел через все обычные стадии, он сосал кулак и пальцы, чесал кожу на животе, тянул свой пупок и выдергивал шерсть из одеяла. Ему сейчас восемь месяцев, и он еще не вполне уверенно обращается с обычным набором мишек и кукол. Но он нашел некий мягкий предмет. Он присвоил этот предмет. Со временем у этого предмета появится свое имя. На протяжении нескольких лет он будет необходим ребенку, но потом просто уйдет в тень, как старый солдат. Этот предмет — первая веха жизни. Мы знаем, что его принесла тетушка. А с точки зрения младенца это превосходный компромисс. Это не часть себя и не часть внешнего мира. Однако это и то и другое. Он, этот предмет, постигнут младенцем, однако младенец не может произвести его, он просто появился. Его появление показало младенцу, что нужно постигать. Предмет одновременно субъективен и объективен. Он на границе между «внутри и снаружи». Он одновременно мечта и реальность.

Оставим ребенка с этим предметом. Он в мире с ним в той кельтской полутьме между личной, или психической, реальностью и той реальностью, которая действительна и всеобща.

Относительно безопасности

Когда делается попытка определить основные потребности младенцев и детей постарше, мы всегда слышим: «Безопасность — вот что нужно детям». Иногда нам это кажется разумным, в других случаях мы начинаем сомневаться. Можно задать вопрос: а что означает слово «безопасность»? Несомненно, слишком опекающие своих детей родители вызывают у них тревогу, точно так же, как родители, на которых нельзя положиться, приводят к смятению и испугу детей. Очевидно, родители способны предоставить даже слишком много безопасности, однако все мы знаем, что дети действительно постоянно нуждаются в ощущении безопасности. Как во всем этом разобраться?

Родители, которые умеют сохранить семью, предоставляют детям самое необходимое, и конечно, когда семья распадается, жертвами бывают прежде всего дети. Но если мы просто скажем, что детям нужна безопасность, мы почувствуем, что чего-то в этом утверждении не хватает. Дети воспринимают безопасность как своего рода вызов, который требует от них доказательства, что при желании они «могут вырваться». Если доводить идею безопасности до предела, то самым безопасным, самым подходящим местом для воспитания детей была бы тюрьма. Но это нелепо. Конечно, свобода духа возможна повсюду, даже в тюрьме. Как писал поэт Ричард Лавлас:

Не каменные стены делают тюрьму тюрьмой,
И не железные прутья клетку — клеткой.

Автор имел в виду, что не одни физические ограничения свободы держат людей взаперти. Но чтобы жить с воображением, люди должны жить свободно. Свобода — необходимый элемент, нечто такое, что возвращает в людях лучшее. Тем не менее приходится признавать, что кое-кто не может жить свободно, потому что боится себя и мира.

Чтобы разобраться в этом, нужно обдумать развитие младенца, ребенка, подростка, взрослого, проследить их эволюцию и не только в смысле индивидуального развития, но также обратить внимание на то, что им нужно от окружения в процессе этой эволюции. Очевидно, это признак здоровья, когда дети обретают способность пользоваться свободой, которую им постепенно предоставляют. Но каковы наши цели в воспитании детей? Мы надеемся, что каждый из них постепенно обретет ощущение безопасности. В каждом ребенке должна возникнуть вера не только во что-то хорошее, но и надежное и неуничтожимое или по крайней мере восстанавливающееся после повреждения или исчезновения. Вопрос в том, как возникает это «встроенное» ощущение безопасности? Что приводит к гармоничному состоянию, при котором ребенок обладает уверенностью в окружающих людях и предметах? Что порождает качество, которое можно назвать уверенностью в себе? Является ли это важнейшее качество врожденным или личным фактором или оно возникает в результате усвоения морали? Должен ли существовать пример, которому можно было бы подражать? Необходима ли помощь внешнего окружения в получении желаемого результата?

Мы можем рассмотреть все стадии эмоционального развития, через которые должен пройти каждый ребенок, чтобы со временем стать нормальным и здоровым взрослым. В ходе такого анализа мы можем говорить о врожденных процессах роста и о пути (неизбежно очень сложном), на котором человек становится полноправной личностью. Здесь, однако, я хотел бы обратить внимание на влияние окружения, на роль, которую играем мы и которую общество играет относительно нас. Именно

окружение дает каждому ребенку возможность расти, без надежного и адекватного окружения рост личности в ребенке невозможен или по крайней мере будет сильно искажен. Больше того, поскольку не существует двух абсолютно одинаковых детей, от нас требуется особое отношение к потребностям каждого конкретного ребенка. Это означает, что тот, кто заботится о ребенке, должен его знать и действовать на основе живых личных взаимоотношений с этим ребенком, а не на основе чего-то изученного и механически приложенного. Находясь постоянно рядом и будучи надежными, мы обеспечиваем стабильность, но не жесткую, а живую и человеческую, и именно это позволяет младенцу ощущать себя в безопасности. Это то, что младенец, развиваясь, может усваивать и копировать.

Обеспечивая безопасность, мы одновременно делаем две вещи. С одной стороны, благодаря нашей помощи, ребенок в безопасности от неожиданного, от бесчисленных неблагоприятных вмешательств и от мира, который он пока еще не знает и не понимает. С другой стороны, мы защищаем ребенка от его собственных импульсов и от тех последствий, которые могут вызвать эти импульсы. Вряд ли стоит говорить, что новорожденные нуждаются в абсолютной заботе и самостоятельно не выживут. Их нужно держать на руках, перекладывать, мыть, кормить, поддерживать нужную температуру и защищать от сквозняков и ушибов. Они нуждаются в удовлетворении своих потребностей и импульсов, и мы нужны им, чтобы у них возникло ощущение спонтанности. На этих начальных стадиях обычно трудностей немного, потому что в большинстве случаев у младенца есть мать, а мать в это время почти исключительно занята своим ребенком и его потребностями. На этой стадии ребенок в безопасности. Когда матери удастся решить задачи, которые возникают в самом начале, в результате растет ребенок, трудности которого связаны не с ударами извне, со стороны окружающего мира, а с жизнью и с конфликтами, которые сопровождают живые чувства. В самых благоприят-

ных обстоятельствах, окруженный заботой и безопасностью, младенец начинает жить личной и индивидуальной жизнью.

Довольно скоро младенец обретает способность защищаться от «небезопасного», но в первые недели и месяцы эти способности еще слабые и, если их не подкреплять, могут исказиться при возникновении неблагоприятных обстоятельств. Младенец, который с самых ранних стадий развития знаком с безопасностью, начинает ожидать, что его «подведут». Фрустрация — да, она на этой стадии неизбежна, но «подвести» — нет!

Вопрос, который нас в данном случае интересует, таков: что происходит, когда ощущение безопасности у ребенка возникло? Я бы ответил так. Вслед за этим начинается длительная борьба *против* безопасности, той самой безопасности, которая обеспечивается окружением. После начального периода абсолютной защиты мать постепенно допускает «вторжение мира», и маленький ребенок ухватывается за каждую возможность свободного выражения и импульсивных действий. На протяжении всего детства продолжается эта война против безопасности и контроля; и тем не менее контроль остается необходимым. Родители по-прежнему наготове со своими требованиями дисциплины, со своими каменными стенами и железными решетками, но поскольку они знают своего ребенка и хотят, чтобы он вырос как личность, они приветствуют детские вызовы. Они продолжают действовать как хранители мира, но ожидают «беззакония» и даже восстания. К счастью, в большинстве случаев и родителям и детям облегчение приносит фантазийная жизнь и игра, а также культурный опыт. Со временем здоровый ребенок перед лицом все возрастающих опасностей мира становится способным сохранить ощущение безопасности, например, в случае болезни или смерти родителя, или когда кто-то неправильно себя ведет, или когда по какой-то причине распадается семья.

Потребность в определении пределов безопасности

Дети испытывают потребность проверять, насколько надежны их родители, и эта проверка может продолжаться до того времени, когда они сами начнут создавать безопасные условия для собственных детей, и даже после этого. Особенно характерно это для подростков, которые проверяют все ограничения, все правила и требования. Обычно дети принимают безопасность как основополагающее условие. Они верят в заботу матери и отца, потому что были окружены такой заботой. Они несут с собой ощущение безопасности и постоянно подкрепляют его, испытывая родителей и всю семью, учителей и друзей и вообще всех, с кем встречаются. Обнаружив, что замки надежно закрыты, они пытаются открыть их или сломать, а добившись успеха, вырываются наружу. И вырываются снова и снова. В противном случае они валяются на постели, слушают блюзы и чувствуют тщетность своего существования.

Почему именно подростки проводят такие испытания? Кажется, главным образом потому, что их собственные сильные чувства для них новы, пугающи и им хочется убедиться, что внешний контроль по-прежнему присутствует. Но в то же время они должны доказать себе, что могут разорвать этот контроль и выразить себя как самостоятельную личность. Здоровые дети нуждаются в том, чтобы их по-прежнему контролировали, но меры дисциплины должен поддерживать человек, которого можно любить и ненавидеть, которому можно бросить вызов и на которого можно опереться; механический контроль бесполезен, а страх — плохой мотив для послушания и согласия. Для подлинного роста всегда необходим контакт с любящим человеком, который постепенно обеспечивает все большее пространство для этого роста. Подлинный рост происходит постепенно и с течением времени проводит ребенка через подростковый период к взрослому чувству ответственности — особенно ответственности за

обеспечение безопасности маленьким детям нового поколения.

Все эти процессы можно наблюдать в работе творческих людей всех областей. Они создают для нас нечто очень ценное, потому что постоянно творят новые формы, разрушают их и создают еще более новые. Художники позволяют нам ощущать себя живыми, когда опыт реальной жизни нередко угрожает уничтожить наше ощущение жизни и реальности. Художники постоянно напоминают нам, что борьба между нашими импульсами и ощущением безопасности (и то и другое для нас жизненно необходимо) происходит вечно и в каждом из нас, пока мы живы.

Таким образом, здоровые дети вырабатывают достаточно сильную веру в себя и в других людей, чтобы ненавидеть внешний контроль любой разновидности; но этот внешний контроль сменяется самоконтролем. В самоконтроле этот конфликт был *заранее разрешен внутри личности*. Я вижу это так: хорошие условия на начальных этапах жизни ведут к ощущению безопасности, а ощущение безопасности ведет к самоконтролю, и когда самоконтроль становится фактом, навязанная безопасность становится оскорбительной.

Пятилетний ребенок

Говорят, что один ученый судья, рассматривая в суде дело, связанное с разводом родителей пятилетнего ребенка, сказал: «Дети в этом возрасте удивительно эластичны (быстро оправляются от неприятностей, имеют большой запас жизненных сил)». Не хочу критиковать данное высказывание, но позволительно обсудить вопрос: действительно ли пятилетние дети удивительно эластичны. Способность быстро восстанавливаться, как мне кажется, приходит лишь с возрастом и зрелостью, и можно высказать мнение, что в жизни ребенка не бывает периода, о котором можно было бы сказать, что в этом периоде ребенок эластичен. Эластичность означала бы, что мы ожидаем неизменную послушность ребенка без опасности для роста его личности и для становления и укрепления его характера.

Можно доказать, что в пятилетнем ребенке есть такие особенности, которые заставляют нас не ослаблять постоянной заботы о надежности окружения. Именно эти особенности я и хотел бы здесь обсудить.

Родители наблюдают за ростом своих детей и поражаются. Этот рост такой медленный, и в то же время все происходит мгновенно. В этом самое удивительное. Несколько недель назад беспомощный младенец; сегодня — ребенок уже ходит; а вот ему уже пять лет, а завтра он пойдет в школу. А еще несколько недель спустя он окупнется в долгий «школьный труд».

Это очень любопытное противоречие. Время одновременно идет быстро и медленно. Или, если выразиться по-другому, когда родители рассматривают происходящее с

точки зрения ребенка, время практически останавливается. Или оно только что началось и движется очень медленно. Идея вечности у каждого из нас связана с тем периодом младенчества, когда время еще не началось. Но как только мы переходим к взрослому восприятию, мы осознаем, что пять лет промелькнули мгновенно.

Любопытные последствия на отношения накладывает то, что помнят родители, и то, что помнит ребенок. Сами родители прекрасно помнят, что происходило месяц назад, но неожиданно обнаруживают, что их пятилетний ребенок не помнит недавнего посещения тети или появления щенка. Он помнит кое-что, даже очень давнее, особенно если об этом говорили, и использует семейную сагу так, словно она о ком-то другом, постороннем, о герое книги. Он больше осознает себя и настоящее время и при этом нередко забывает недавнее. У него теперь есть и прошлое, и в его сознании существуют полузабытые воспоминания. Его плюшевый мишка лежит в ящике шкафа, и он забыл, как необходим когда-то был ему этот мишка; лишь иногда он может снова испытать в нем необходимость.

Можно сказать, что ребенок выходит из своего укрытия; в стенах укрытия появляются щели, толщина ограды становится неровной; и смотрите — ребенок уже снаружи. Ему нелегко теперь вернуться внутрь или ощутить себя внутри, если только он не болен и не устал; в таком случае прежнее укрытие способно предоставить ему безопасность.

Укрытие было создано матерью и отцом, всей семьей, домом и двором, знакомыми зрелищами, звуками и запахами. Оно связано с его собственным состоянием незрелости, с опорой на надежность родителей и с субъективной природой мира ребенка. Укрытие естественно берет свое начало от материнских рук, которыми мать обнимала его, когда он был младенцем. Она самым интимным образом адаптировалась к потребностям младенца, но постепенно ослабляла эту адаптацию в соответствии со степенью готовности ребенка к встречам с неожиданным и

новым. И поскольку нет одинаковых детей, мать обнаруживает, что для каждого своего ребенка она готовит особое убежище, в котором он может жить; и вот из этого убежища теперь выходит ее сын или дочь, они готовы к другим видам групп, к новым типам укрытий — по крайней мере на несколько часов ежедневно. Иными словами, ребенок идет в школу.

В своей «Оде бессмертию» Водсворт имел в виду эту перемену:

В младенчестве нас окружает небо,
Но вокруг растущего мальчика
Постепенно сдвигаются тени тюрьмы...

Здесь поэт чувствует осознание ребенком нового укрытия — по контрасту с тем, как младенец не подозревает о своей зависимости.

Конечно, родители уже начали этот процесс, отдав ребенка в детский сад, который оказался поблизости от их дома. В хорошем детском саду группа только что начавших ходить детей получает возможность играть, им дают хорошие игрушки и создают условия, даже лучше, чем дома; и при этом всегда кто-нибудь присутствует, чтобы присматривать за проявлениями возбуждения детей при первых опытах социальной жизни, таких, как битье соседа по голове лопаткой.

Начальная школа в пять лет

Но детский сад не очень отличается от дома; это все же «продленный дом». Школа, о которой мы сейчас говорим, нечто совершенно иное. Начальная школа может быть хорошей или плохой, но она не приспособливается к потребностям ребенка, как детский сад, и не специализируется, по крайней мере с самого начала. Иными словами, теперь адаптироваться приходится ребенку, ему нужно приспособиться к толпе возбужденных детей, которую он

встречает в школе. И если он к этому готов, то может очень многое почерпнуть из этого нового опыта.

Родители много думают об этой решительной перемене в жизни ребенка. Они заранее говорят о школе, а ребенок играет в школу и с нетерпением ждет расширения возможностей знакомства с миром, которые до сих пор ему представляли только мать, отец и другие близкие люди.

Трудности на этой стадии связаны с тем, что перемены в окружении должны соответствовать тому, что происходит с ребенком в результате его роста. Мне не раз приходилось иметь дело с трудностями детей этого возраста, и я сказал бы, что в большинстве случаев здесь нет ни глубоко укоренившихся отклонений, ни болезненности. Напряжение связано с тем, что одному ребенку нужно действовать быстрее, а другому медленней. Причем разница в возрасте в несколько месяцев имеет очень большое значение. Ребенок, родившийся в ноябре, может с нетерпением ждать отправки в школу, в то время как августовского ребенка отдают в школу на месяц или два преждевременно. В любом случае один ребенок с готовностью погружается в глубокие воды, а другой лежит на краю воды и боится войти в нее. И, кстати, некоторые «смельчаки», окунув пальцы в воду, тут же на дни, недели или больший срок бросаются к знакомой безопасности рядом с матерью. Родители знают, какие именно у них дети, и потому предварительно разговаривают с учителями, которые вполне привыкли к таким проблемам, а потом просто ждут и «водят рыбу на длинной леске». Главное понять, что выход из укрытия — событие возбуждающее и страшное; что ребенок очень боится, выйдя, не иметь возможности вернуться; и что жизнь — это длинная последовательность выходов из укрытий, принятия новых рисков и встречи с новыми возбуждающими вызовами.

Некоторые дети сталкиваются с особыми трудностями, которые мешают им делать новые шаги, и если с ходом времени эти трудности не преодолеваются, нужна помощь родителей или специальных учреждений.

Но, возможно, что-то неладно с матерью, с очень хорошей матерью, когда ее ребенок стремится вернуться назад, в укрытие. Некоторые матери мыслят как бы на двух уровнях. На одном уровне (можно ли назвать его верхним?) они хотят только одного: чтобы их ребенок вырос, выбрался из укрытия, пошел в школу, встретился с миром. Но на другом уровне, более глубоком, полагаю, и не вполне осознанном, они не могут представить себе, что их ребенок уйдет от них. На этом глубоком уровне, где логика не играет существенной роли, мать не может отказаться от своего самого дорогого — от материнской функции; она чувствует, что легче выполняет свои материнские обязанности, когда ребенок зависит от нее, чем когда он вырастает и начинает наслаждаться своей отдельностью, независимостью и способностью отвечать на вызовы жизни.

И ребенок тоже ощущает это. Как бы ни нравилось ему в школе, он, задыхаясь, бежит домой; каждое утро он начинает кричать, что не хочет идти в школу. Ему жаль маму, потому что он чувствует: *она не может его отпустить*, не может пойти против своей природы. Ребенку было бы легче, если бы мать радовалась и его уходу, и его возвращению.

Очень многие люди, включая самых лучших, часто или почти все время испытывают депрессию. У них смутное ощущение вины перед чем-то, либо их тревожат обязанности. Энергичный и деятельный ребенок в доме такого человека служил постоянным тонизирующим средством. Детские крики и шум, даже плач были признаками жизни и придавали уверенность. Люди, подверженные депрессии, все время чувствуют, что могут утратить что-то необыкновенно ценное и существенное. Приходит пора ребенку отправляться в школу, и мать ощущает пустоту в доме и в самой себе, нечто вроде ощущения внутренней личной неудачи, которая может заставить ее искать новую увлеченность. И когда ребенок приходит домой, а мать уже увлечена чем-то другим, для него не оказывается места или ему приходится бороться за право снова

быть в центре материнского внимания. И эта борьба за право вернуться становится для него важнее школы. Обычный результат — ребенок отказывается ходить в школу. В то же время ему хочется быть в школе, а матери хочется, чтобы он был таким же, как другие дети.

Или, возможно, положение каким-то образом усложняет отец, так что ребенок хочет идти в школу, но не может туда пойти или не может там оставаться. Существуют и другие причины отказа от школы, они слишком многочисленны, чтобы их можно было здесь перечислить.

Я знал мальчика, у которого на этой стадии возникла страсть к привязыванию предметов нитями. Он всегда прикреплял подушки к сиденьям перед камином, а стулья — к столу, так что в доме было опасно что-нибудь передвинуть. Он очень любил маму, но никогда не был уверен, что вернется в центр ее внимания, потому что она сразу впадала в депрессию, когда он оставлял ее, и очень скоро заменяла его каким-то другим объектом для тревог и сомнений. (Этот случай также рассматривается ниже, в девятом разделе.)

Матерям, подобным этой, поможет понимание того, что такое случается довольно часто. Такая мать может радоваться тому, что ее ребенок чутко улавливает ее чувства и чувства других людей, способен их воспринять, но в то же время она опасается своих подавленных и даже бессознательных тревог, которые заставляют ребенка ее жалеть. И в результате он не в состоянии выйти из укрытия.

Мать может испытать такую же трудность с ребенком более раннего возраста. Например, ей может быть трудно отнять ребенка от груди. Она может увидеть закономерность в нежелании ребенка делать новые шаги в своем развитии. Ей трудно смириться с угрозой потери зависимости от нее ребенка. Она старается воспитать у ребенка самостоятельность и личностное восприятие жизни, но хотя понимает преимущества, которые дает такое развитие, в то же время не может подавить свои чувства. Существует очень тесная связь между этим неопределенно депрессивным состоянием — одержимостью этими смутными, неясными

тревогами — и способностью женщины уделять все внимание ребенку. Одно невозможно анализировать без другого. Я полагаю, что большинство женщин живет на границе между обеспокоенностью и тревогой.

Матерям приходится преодолевать множество тревог и опасений, и хорошо, если дети не «заражаются» от них. У них хватает своих проблем. Им даже полезно иметь собственные проблемы, точно так же, как новые умения, и расширяющиеся горизонты, сулящие счастье.

Что именно Вордсворт называл «теньями тюрьмы»? На моем языке это переход от маленького ребенка, живущего в субъективном мире, к более старшему, живущему с миром разделенной реальности. Младенец начинает с волшебного мира, подчиненного его желаниям, — если о нем достаточно хорошо заботятся, — и, подрастая, ему приходится весь мир, даже собственную мать и дверную ручку, «создавать заново». К пяти годам ребенок уже обретает способность видеть мать такой, какова она есть, признать мир дверных ручек и других объектов, — мир, который существовал и до его появления, — и признать свою зависимость именно в то время, когда он становится более независим. Все дело в правильном расчете времени, и большинство матерей великолепно справляется с этой задачей перехода к новым отношениям. Так или иначе, но большинство людей благополучно минуют этот рубеж.

Дальнейшие осложнения

Существует множество других вариантов воздействия жизни на детей такого возраста. Я упоминал плюшевого медвежонка. Ребенок может привязаться к определенному предмету. Этот особенный предмет, который когда-то был одеялом, или носовым платком, или материнским шарфиком, или тряпичной куклой, был чрезвычайно важен для ребенка примерно в год и особенно во времена перехода, как, например, при переходе от бодрствования ко сну. Предмет необычайно важен; хотя обращаются с

ним ужасно; он даже дурно пахнет. Но хорошо, что ребенок использует этот предмет, а не саму мать, или мочку ее уха, или ее волосы.

Этот объект соединяет ребенка с внешней, или разделенной, реальностью. Он одновременно часть и ребенка, и матери. Один ребенок, у которого есть такой объект, может в течение дня в нем не нуждаться, другой повсюду таскает его с собой. В пять лет потребность в таком предмете может не исчезнуть, но его место может занять многое другое: ребенок смотрит комиксы, у него множество игрушек, и твердых и мягких, и вся окружающая жизнь готова обогатить его жизненный опыт. Но когда ребенок отправляется в школу, трудности могут снова возникнуть, и учителю нужно быть очень осторожным и вначале не запрещать приносить в класс такие предметы. Обычно эта проблема разрешается сама собой в течение нескольких недель. Я бы сказал, что ребенок прихватывает с собой в школу часть отношений с матерью, которые восходят к младенческой зависимости и к самому раннему детству, к тому времени, когда он только начинает различать мать и окружающий мир как нечто отличное от себя.

Если тревоги по поводу ухода в школу разрешатся, мальчик откажется от этого объекта из прошлого и вместо него в его кармане окажется игрушечная машинка, или пружина, или лакрица, а девочка будет «кукольно» сворачивать носовой платок или у нее в ранце будет «тайный ребенок». В любом случае дети могут еще сосать пальцы или кусать ногти, если оказываются в трудном положении. Обретая уверенность, они обычно от этого всего отказываются. И мы должны ожидать, что ребенок проявит беспокойство, когда постепенно перестает быть неотъемлемой частью матери и дома и движется к тому, чтобы стать частью широкого, широкого мира. Эта тревога может проявляться в возврате к младенческим образцам поведения, которые остаются и милосердно предлагают «убежище» и успокоение. Такие образцы поведения становятся своего рода «встроенной психотерапией» и сохраняют свою эффективность, потому что мать по-прежнему

близка и доступна и потому что она постоянно олицетворяет связь между настоящим и младенческим опытом ребенка; реликтами этого опыта и являются подобные образцы младенческого поведения.

Постскриптум

Еще одно. Если детям нравится школа и они на несколько часов забывают о матери, они ощущают себя «нехорошими» и способны испытывать чувство вины. Возвращаясь домой, они ощущают смутную тревогу, и эта тревога может даже задержать их возвращение, причем они сами не понимают, почему задерживаются. Если у матери есть поводы сердиться на ребенка, не стоит проявлять свое недовольство сразу по возвращении ребенка из школы. Мать также может быть раздражена тем, что должна следить за своими реакциями в новых реалиях и не забывать об этом. Не стоит сердиться из-за пятен на скатерти, пока не восстановится контакт с ребенком. Если мы понимаем, что происходит, подобные проблемы не представляют особой трудности. Процесс роста для ребенка далеко не мед, а для матери это часто довольно суровый опыт.

Объединяющие и разъединяющие факторы семейной жизни

Утверждение, что семья является существенной частью нашей цивилизации, — трюизм, общеизвестная истина. То, как создаются наши семьи, в особенности показывает, какова наша культура, точно так же, как лицо на портрете представляет личность. Семья продолжает оставаться очень важной в любое время, и именно наличие семьи объясняет многие наши постоянные переезды. Мы вырываемся из ее рамок, уезжаем, переезжаем с востока на запад или с юга на север, потому что нам бывает необходимо вырваться, а потом периодически возвращаемся домой, просто для того, чтобы возобновить контакты. И мы много времени тратим на написание писем, мы посылаем телеграммы, звоним по телефону и выслушиваем новости о родственниках; больше того, во времена напряжения и стресса большинство людей становятся особенно верны семейным узам и подозрительны к чужакам.

Тем не менее, хотя это всем известно, семья нуждается в особом изучении. Как психоаналитик, подробно изучая психологическое развитие индивида, я понял, что каждый индивид проходит очень долгий путь от единства с матерью до превращения в независимое существо, тесно связанное с матерью или с матерью и отцом; а дальше дорога пролегает через территорию, известную как семья, причем главными структурными фигурами на этой территории остаются мать и отец. Семья обладает собственным ростом, и маленький ребенок вместе с семьей переживает и постепенное ее расширение, и ее трудности. Семья защищает

ребенка от мира. Но постепенно мир проникает в нее. Тети и дяди, соседи, товарищи по играм — и наконец школа. Такое постепенное расширение мира, постепенное его проникновение в границы семьи помогает ребенку адаптироваться в растущем мире; этот процесс точно повторяет процесс постепенного отделения ребенка от матери и знакомства с внешней реальностью.

Я знаю, что наши домашние отношения часто далеко не безоблачны, и мы склонны ворчать из-за их бремени. Мы можем даже умереть из-за них. Но они очень важны для нас. Достаточно посмотреть на то, какие трудности испытывают мужчины и женщины, не знающие семейных отношений (как, например, некоторые беженцы или незаконнорожденные дети), чтобы понять, что отсутствие отношений, по поводу которых можно поворчать, которые могут радовать и раздражать, — невосполнимая потеря. Одинокие нередко недобро подозрительны по отношению даже к самым дружелюбным соседям.

Что же мы встретим, как только проанализируем некоторые весьма реальные стрессы и заглянем под поверхность?

Позитивные тенденции в родителях

Возникает семья, и наступает время, когда пора появляться детям. Если дети рождаются сразу после брака, они могут быть нежеланными, потому что два молодых человека еще не миновали начальную стадию, когда они друг для друга значат все. Мы все знаем случаи, когда первый ребенок, родившись, нарушает отношения отца и матери и сам страдает из-за этого. Мы также знаем множество семей, в которых дети вообще не появляются. Рассмотрим случаи, когда дети рождаются и являются естественным продолжением и развитием отношений отца и матери. Предположим, что дети здоровы. Часто шутливо или всерьез говорят, что дети — это помеха, но, появившись вовремя, они представляют собой «правильную и необ-

ходимую помеху». В человеческой природе есть что-то такое, что нуждается в помехах, и лучше, чтобы помехой стал ребенок, чем болезнь или какая-то катастрофа.

Существование семьи и поддержание семейной атмосферы — результат взаимоотношений между родителями в том социальном окружении, в котором они живут. Что именно способны родители «внести» в семью, очень во многом зависит от их общих отношений с окружением, с непосредственным социальным кругом. Можно представить себе расширяющиеся окружности, причем каждая социальная группа зависит и от того, что внутри нее, и от того, что снаружи. Конечно, эти окружности частично налагаются друг на друга. Многие семьи, существующие в определенном окружении, не выдержат, если их вырвут из этого окружения и перенесут в другое.

Но родителей нельзя рассматривать только в их отношениях с обществом. Силы, созидающие и соединяющие семью, действуют и в отношениях между самими родителями. Эти отношения изучены очень подробно. Они связаны с очень сложными сексуальными фантазиями. Секс — не просто вопрос физического удовлетворения. Я хочу особо подчеркнуть, что сексуальное удовлетворение — это достижение эмоционального роста личности, когда такое удовлетворение достигается в отношениях, лично и социально приемлемых, оно представляет собой вершину душевного здоровья. И наоборот, нарушения в области секса связаны с различными видами невротических отклонений, психосоматических неприятностей и растратой индивидуального потенциала. Однако, хотя сексуальные силы жизненно важны, полное удовлетворение само по себе не является целью, когда речь идет о семье. Стоит отметить, что существует очень много семей, которые считаются хорошими, но которые не основаны на очень сильном сексуальном удовлетворении родителей. Крайние примеры физического удовлетворения скорее всего типичны для романтической любви, которая не является *необходимой* основой для создания хорошей семьи.

Некоторые люди обладают слабой способностью наслаждаться сексом. Другие откровенно предпочитают аутоэротическую жизнь или гомосексуализм. Однако очевидно, что семье, всем участникам отношений повезло, если родители способны наслаждаться своими возможностями, которые относятся к индивидуальной эмоциональной зрелости. Мы знаем, что есть и другие особенности в отношениях между родителями, которые естественно способствуют созданию семейного единства, такие, например, как глубоко укоренившееся стремление детей походить на собственных родителей и вести себя по-взрослому, как они. Мы помним также о фантазийной жизни и таких вещах, как совпадение культурных интересов и стремлений.

Давайте остановимся ненадолго и задумаемся над тем, что я называю «сексуальной фантазией». Я имею в виду то, что с необычайной откровенностью раскрывается в деятельности психоаналитика. Психоанализ заставляет сомневаться в том, что возможно создать прочный брак без психоаналитического лечения или обучения, с которым связана психиатрическая социальная работа. Сексуальные фантазии, сознательные и бессознательные, почти бесконечно разнообразны и имеют жизненно важное значение. Помимо всего прочего, важно осознать существование чувства вины, которое возникает на основе деструктивных элементов (в основном бессознательных), обязательно связанных с физическим выражением любовных импульсов. Можно согласиться, что именно это чувство вины и стремление к заботе составляют большую часть потребности каждого родителя и родителей вместе — в семье. Растущая семья лучше, чем что-нибудь другое, *нейтрализует пугающие мысли о причинении вреда*, о телесных излишествах в порывах плоти. Очень реальная тревога, которую ощущает отец во время родов, ясно отражает тревоги, относящиеся к области сексуальных фантазий, а не только физической реальности. Конечно, во многом радость, которую ребенок вносит в жизнь родителей, основана на том, что ребенок — это цельный

человек и, больше того, он предназначен для жизни — для самостоятельной жизни, а не просто для поддержания его жизни со стороны; что ребенок обладает врожденной способностью дышать, двигаться и расти. Ребенок как факт на какое-то время кладет конец всем фантазиям, добрым и злым, и его появление, врожденная жизненность приносит родителям огромное облегчение — облегчение от тревог, возникших на основе ощущения вины или собственной недостойности.

Невозможно понять отношение родителей к каждому ребенку, не учитывая значение этого ребенка в терминах сознательных и бессознательных фантазий родителей, связанных с зачатием. По отношению к каждому ребенку родители испытывают очень разные чувства и соответственно по-разному к нему относятся. Очень многое зависит от отношений родителей в момент зачатия, в течение беременности, во время родов и сразу вслед за ними. Воздействие беременности жены на мужа бывает очень разным: в некоторых крайних случаях муж отворачивается от жены, когда она забеременеет; иногда он становится ей ближе. В любом случае происходит перемена в отношениях родителей, часто обогащение и углубление чувства ответственности, которое они испытывают друг к другу.

Иногда приходится сталкиваться с удивленными вопросами: как могут дети так отличаться друг от друга, если рождаются от одних и тех же родителей и вырастают в одной и той же обстановке? Но в данном случае не учитываются все неистощимые в воображении усложнения важнейшей функции секса и то, как ребенок соответствует или не соответствует определенному воображаемому и психологическому окружению, определенным ожиданиям, которые никогда не могут быть одинаковыми, даже если все остальное в физическом окружении остается тем же самым.

Существует множество других вариаций этой темы. Некоторые очень сложны, другие очевидны: например, то, рождается ли мальчик или девочка, может оказать

глубочайшее воздействие на отношения между родителями. Иногда оба родителя хотят мальчика; иногда мать даже пугается своей любви к мальчику и теряет способность наслаждаться интимностью отношений при кормлении грудью. Иногда отец хочет девочку, а мать — мальчика, или наоборот.

Не следует забывать, что семья состоит из индивидуальных детей, каждый из которых не только генетически отличается от других; эмоциональное развитие ребенка находится под сильным влиянием того, соответствует или нет ребенок фантазиям родителей — фантазиям, которые обогащают и усложняют их физические отношения и вообще взаимоотношения. Самое важное, как я уже говорил, появление живого, жизнеспособного ребенка на время нейтрализует фантазии и снимает тревожные ожидания.

Те, у кого есть приемные дети, знают, что такие дети способны заполнить брешь в потребностях воображения, возникающих в браке. Женатые, но бездетные люди могут найти множество способов оправдания существования своей семьи; у них может вообще возникнуть очень большая семья. Но они, конечно, предпочли бы иметь своих собственных детей.

То, что я сказал до сих пор, сводится к следующему: оба родителя нуждаются в детях для развития своих взаимоотношений, и позитивные порывы в этом направлении очень сильны. Однако для наших целей недостаточно просто сказать, что родители любят своих детей. Они часто переживают эту любовь, и у них существует множество других чувств. От родителей детям нужно нечто большее, чем любовь; нужно нечто такое, что берет верх, даже когда они ненавидимы и сами полны ненависти.

Исходящие от родителей деструктивные факторы

Рассуждая о трудностях родителей, всегда полезно помнить, что сами родители не обязательно вполне зрелые люди только потому, что вступили в брак и создали семью. Каждый взрослый растёт и продолжает расти, мы надеемся, до конца жизни. Но взрослому трудно расти, не отбросив наслоения ранних стадий роста. Легко поучать, что, если люди достаточно зрелы, чтобы вступить в брак и иметь детей, они должны быть удовлетворены своим положением и попытаться примириться с неудачей, если недовольны собой. Тем не менее мы знаем, что мужчинам и женщинам предстоит ещё много шагов к подлинной зрелости в десятилетия, которые последуют за их браком, если они вступили в него достаточно рано. Если говорить о создании семьи, молодость — лучшее время для вступления в брак. Детям лучше всего, когда родителям лет двадцать-тридцать и они ещё не слишком мудры и рассудительны; такие родители учатся у детей, и об этом можно многое сказать. Стоит ли надеяться, что мужчины и женщины будут воздерживаться от брака, пока не разбогатеют и не станут самодостаточными? Разумеется, справедливо, что в большинстве случаев мужчины и женщины нуждаются в некоей опоре (например, жениться и завести семью), чтобы продолжать дальнейший личный рост. Родители соглашаются, часто слишком легко, ждать несколько лет, пока дети нуждаются в них и в семье, и только потом устремляются вперёд, к личным целям. Однако иногда в этот период возникает сильное напряжение, прежде чем родители (или один родитель) смогут вступить в новую фазу своего роста.

Действительно, юности трудно достичь полной зрелости. Общество не любит «свободного экспериментирования» среди юных, и всегда найдутся такие, кто хотел бы видеть детей спокойными и не причиняющими никаких хлопот. «Не причиняющими хлопот» в применении к юношам и подросткам означает «не вступающими

в непродуманные отношения». Слово «непродуманный» в данном случае относится к ранним беременностям и незаконнорожденным детям. Многие проходят через подростковый возраст заторможенно. Вступая в брак незрелыми, юноши и девушки часто находят в семье большое облегчение и наслаждение; однако мы не должны удивляться, если со временем развитие детей вынудит таких родителей решительно двинуться дальше в собственном развитии, которое было задержано, когда они сами были совсем юными.

Здесь действует социальный фактор. Во всем мире в последнее время произошли огромные перемены. Если больше не будет войн, не будет и того «разрыва» проблем юности, порождаемого войнами. И вот мы видим, что повсюду юные вступают в довольно бурную фазу своего развития, настаивая на том, что с ними нужно считаться. Это очень трудная фаза, смесь зависимости и вызова, и она проходит, когда юноша становится взрослым. (Но не забудем, что появляются новые юнцы и подростки, так что котел продолжает кипеть.)

Я бы сказал, что главные трудности в семейной жизни возникают тогда, когда у родителей исчерпывается возможность жертвовать всем ради детей. И тут начинает сказываться «отложенный подростковый возраст» обоих родителей. Возможно, в большей степени это относится к отцу, потому что мать более погружена в физические и психологические события, относящиеся к материнству. Однако и она позже может ощутить необыкновенно сильное стремление к романтической страстной любви «на стороне», которую избегала раньше, потому что хотела, чтобы у ее детей был подходящий отец.

Что же в таком случае происходит с семьей? Я сознаю, что в большинстве случаев родители проявляют достаточную зрелость, чтобы пожертвовать собой, как сделали ради них их собственные родители, чтобы сохранить семью, в которой дети могли не только родиться, но и расти, достичь подросткового возраста и благодаря семейному влиянию стать независимыми и самим вступить в брак. Но это не всегда возможно.

Я думаю, не стоит презирать тех, кто был недостаточно зрел ко времени вступления в брак и кто не может бесконечно ждать, для кого наступает время нового броска вперед в личном росте или опасность деградации. В браке возникают трудности, и детям приходится к ним приспособливаться. Иногда родителям удается благополучно довести детей до подросткового возраста, несмотря на то, что они сочли необходимым разорвать брак или даже вступить в новый брак.

Во многих случаях, конечно, молодые пары избегают заводить детей, зная, что, хотя брак многое им дал, он нестабилен; понимая это, они готовы к новым поискам, чтобы со временем все-таки завести прочную семью. Они стремятся к созданию прочной семьи отчасти потому, что это естественно, и отчасти потому, что надеются стать подобными другим родителям и таким образом органичнее интегрироваться в общество. Но семья не является просто результатом романтического любовного увлечения. В самых неблагоприятных случаях в результате семейных трудностей возникает хаос, отношения родителей становятся такими напряженными, что они не в состоянии совместно заботиться о детях, которых оба любят. (В Великобритании, согласно закону о детстве 1948 года, государство считает себя ответственным за каждого ребенка в Англии, Шотландии и Северной Ирландии, который лишен семейной жизни, и по всей стране развернута деятельность специальной службы. Детский департамент вначале проверяет, возможно ли продолжение пребывания ребенка в семье, и, если это невозможно, помещает ребенка к приемным родителям или обеспечивает особой заботой тех, кто в этом нуждается.)

В данном анализе я сознательно опускаю разрушительные последствия физической или душевной болезни (действие на семью различных типов душевных заболеваний рассматриваются ниже, в разделах 7, 8 и 9), однако я попытался показать, насколько важно изучение объединяющих и разъединяющих факторов семейной жизни, ответственных за сохранение или разрушение семьи,

факторов, возникающих в результате отношений вступивших в брак мужчины и женщины и их сознательных и подсознательных сексуальных фантазий.

Положительные тенденции в детях

Рассматривая другую половину проблемы, то есть положительные и отрицательные факторы, исходящие от детей, следует помнить, что каждый родитель был ребенком и в определенном смысле им и остается.

Невозможно переоценить то положение, что интегрирующие силы, действующие в семье, основаны на интегрирующих тенденциях *каждого отдельного ребенка*. Интеграцию индивида нельзя считать чем-то само собой разумеющимся. Личная интеграция — это дело эмоционального роста. Каждый человек начинает с совершенно неинтегрированного состояния. Очень многое в этом отношении возникает на самых ранних стадиях развития, когда Самость еще только зарождается и в своем развитии полностью зависит от материнской заботы. В обычных благоприятных обстоятельствах (которые связаны с тесной идентификацией матери с ребенком, а позже — с объединенным стремлением родителей) младенец становится способен проявлять свою врожденную тенденцию к интеграции, которая является частью процесса роста. Процесс роста происходит у каждого ребенка. Если на ранних стадиях большой зависимости условия благоприятны и происходит интеграция личности, процесс этот, происходящий очень интенсивно, воздействует на окружение. Ребенок, который хорошо развивается, и в особенности ребенок, чья личность смогла достичь интеграции в результате действия врожденных сил личного роста, оказывает сильнейшее объединяющее воздействие на близкое окружение; такой ребенок вносит свой положительный вклад в семейную ситуацию.

Этот вклад каждого ребенка может быть забыт, если родители имеют большого или с отклонениями от нормы

ребенка, который по той или иной причине не вносит свой вклад. Тогда можно наблюдать, как от последствий такой ситуации страдают родители и вся семья. Если ребенок не вносит свой вклад, родители сталкиваются с трудной задачей — они должны поддерживать и укреплять семейные узы, стараться сохранить семью и семейную атмосферу вопреки тому, что *не получают помощи со стороны данного ребенка*. Существуют пределы, за которыми родители не в состоянии решить такую задачу.

Общество зависит от степени интеграции семейных единиц, но я думаю, важно помнить, что эти семейные единицы в свою очередь зависят от интеграции, которая проявляется в росте каждого отдельного члена. Иными словами, в здоровом обществе, в котором может процветать демократия, определенный процент индивидов обязательно должен достичь удовлетворительной интеграции *в развитии своей личности*. Идея демократии и демократического образа жизни возникает на основе здорового и естественного роста индивида и не может быть достигнута никаким иным путем, кроме интеграции конкретной личности, разумеется, многократно умноженной в соответствии с числом здоровых или относительно здоровых членов общества. Должно быть достаточное количество здоровых индивидов, чтобы минимизировать последствия существования неинтегрированных личностей, иначе общество дегенерирует и демократия перестает существовать.

Отсюда очевидно следует, что невозможно *сделать общество демократическим*, если для решения такой задачи прилагаются силы *извне*, а эффективны они, только если исходят изнутри, от каждого здорового индивида. Однако в каждом здоровом обществе есть определенный процент «пассажиров». И здоровая семья тоже может вырастить детей со слабыми тенденциями к интеграции.

Каждый ребенок своим здоровым эмоциональным ростом и удовлетворительным развитием своей личности способствует нормальному существованию семьи и семейной атмосферы. Родители в своих усилиях по созданию

семьи используют сумму интегративных тенденций своих детей. Дело не просто в привлекательности младенца или ребенка; здесь дело в чем-то большем, потому что дети далеко не всегда бывают милыми и привлекательными. Младенец, маленький ребенок и ребенок постарше льстят нам, *ожидая от нас надежности и доступности*, на что мы отвечаем, отчасти, я полагаю, благодаря своей способности идентифицироваться с ребенком. Способность идентифицироваться с ребенком, в свою очередь, зависит от того, насколько нормально развивалась наша личность, когда мы сами были в таком возрасте. Таким образом, наши способности проявляются, усиливаются и укрепляются благодаря ожиданиям наших детей. Неисчислимыми, очень тонкими и в то же время очевидными способами дети сплывают вокруг себя семью, может быть, потому, что в этом нуждаются, а мы удовлетворяем эту потребность, потому что знаем об их ожиданиях. Мы видим это, наблюдая за тем, как дети играют в семью, и чувствуем, что хотим стать подлинными символами их творчества.

Родители часто способны удовлетворить ожидания своих детей в большей и лучшей степени, чем они сами почерпнули в отношениях с собственными родителями. Однако в этом таится определенная опасность, потому что, функционируя лучше своих родителей, они порой начинают подвергать сомнению собственные действия и иногда даже стремятся разрушить сделанное. По этой причине у некоторых мужчин и женщин лучше получается обращение с чужими детьми, чем со своими собственными.

Деструктивные факторы, исходящие от детей

Теперь перейдем к рассмотрению распада семьи, вызванному недостатками развития того или иного ребенка или его болезнью. При некоторых психических детских заболеваниях возникают вторичные тенденции в

виде активной потребности ребенка разрушать все хорошее, стабильное или в каком-то отношении цельное. Самым ярким примером являются антиобщественные тенденции больного ребенка, которые наиболее пагубны для семейной жизни. Семья, собственная или приемная, постоянно проходит через испытания, а пройдя их и доказав свою надежность, становится нередко целью деструктивных порывов ребенка. Здесь возникает очень серьезная проблема воспитания детей с антиобщественными тенденциями. Ребенок как будто постоянно ищет то, что можно разрушить. Бессознательно он ищет нечто хорошее, чего был лишен на ранних стадиях и из-за отсутствия чего он страдает. Это, конечно, особая тема, но ее стоит упомянуть наряду с другими тенденциями к разрушению семейной жизни, которые связаны с недостатком развития или искаженным индивидуальным развитием ребенка.

Дальнейшее развитие двух тем

Многое еще можно сказать о взаимодействии различных факторов, которые относятся к родителям и их связям с обществом, с их стремлением иметь семью, и факторов, которые возникают на основе врожденной тенденции к интеграции и относятся к личностному росту, но которые, по крайней мере вначале, зависят от наличия достаточно благоприятного окружения. Есть много семей, которые сохраняются, если дети развиваются хорошо, но которые не выдерживают давления больного ребенка.

Оценивая возможности психотерапии для ребенка, мы думаем не только о диагнозе заболевания и наличии подходящего психотерапевта, но и о способности семьи терпеть, по существу «поддерживать» больного ребенка, выносить его болезнь на протяжении всего периода, пока не начнут сказываться результаты психотерапии. Во многих

случаях семье приходится превратиться в психолечебницу, чтобы проводить лечение одного из детей; и хотя многие семьи на это способны и в таком случае психотерапия относительно несложна — другие неспособны, и в этом случае ребенка приходится удалять из семьи. В этом случае задача психотерапевта намного сложнее, и особенно трудно найти подходящую группу, в которую ребенок мог бы вносить свой вклад. Поскольку у такого ребенка относительно слабые интегративные тенденции, группа должна быть способна вынести ребенка и его болезнь.

Что делать, если родители, которые вполне способны произвести здоровых детей и дать им нормальное семейное окружение, по причинам, в которых нет их вины, имеют больного ребенка, тревожного, подверженного психосоматическим нарушениям или депрессиям, дезинтегрированную личность, а может, обладающего антиобщественными тенденциями, и т. д.? Необходимо ли в таком случае просить родителей продолжать заботиться о трудном ребенке, пока мы стараемся ему помочь, или — это противоположная крайность — попросить их отказаться от этой задачи, объяснить им, что, хотя они создали семью и заботятся о нормальных детях, этого конкретного больного ребенка их семья не вынесет? Их следует освободить от этой ответственности — по крайней мере на время. Бывает, что родители не в состоянии вынести предоставляемую помощь, хотя не выносят и ее альтернативу.

Такие случаи представляют собой очень большие сложности и упоминаются здесь, лишь чтобы подчеркнуть основную тему, а именно — здоровое развитие каждого ребенка является основанием интеграции семейной группы. Точно так же здоровые семьи делают возможной более широкую интеграцию, включая разнообразные группировки, которые часто налагаются друг на друга и иногда бывают взаимно антагонистичными, но которые тем не менее составляют основу все расширяющегося социального круга.

Разумеется, ребенок не может создать семью по волшебству — то есть без родителей и их общего стремления,

возникающего на основе их взаимоотношений. Тем не менее каждый младенец и каждый ребенок *создает* семью. Справедливо, что для возникновения семьи необходимы родители, но им нужно кое-что от каждого младенца и ребенка — то, что я называю личным творчеством каждого ребенка. Если этого нет, родители разочаровываются, и семейная атмосфера не возникает. Они, конечно, могут усыновить ребенка или каким-то другим способом создать эквивалент семьи. Сила семьи в том, что это место встречи того, что возникает из отношений отца и матери, и того, что исходит от врожденных особенностей каждого их ребенка, факторов, которые я называю тенденцией к интеграции.

Воздействие на семью депрессивной болезни одного или обоих родителей

В предыдущем разделе я рассматривал некоторые факторы — в родителях и детях, — которые приводят к разрушению семьи. В следующих трех разделах я предполагаю продолжить эту центральную тему, рассмотрев разрушение семьи, вызванное психическими заболеваниями. Когда нас просят помочь в случаях, где факты свидетельствуют о нарушениях семейной динамики, мы пытаемся определить факторы, вызывавшие трудности, свидетелями которых мы являемся, чтобы оказать максимально эффективную помощь. Мы не собираемся выносить моральное суждение относительно этих проблем; и я в данном контексте не говорю об экономических проблемах, которые сами по себе редко бывают единственным источником стресса.

В данном разделе я рассматриваю воздействие на семью депрессивного заболевания одного или обоих родителей. Вначале приведу краткие характеристики некоторых форм психических заболеваний.

Классификация психических нарушений

Психические заболевания можно разделить на две группы: психоневрозы и психозы. Психоз — это проявление безумия или элементов безумия, скрытых внутри личности. Психоневрозы возникают на основе защиты, созданной достаточно сохранный личностью; они отражают

тревоги, возникшие из фантазий или действительных межличностных отношений. Психоневротические нарушения у отца или матери осложняют рост детей, а психозы родителей представляют собой более коварную угрозу здоровому развитию ребенка.

Под термином «психоз» (психотические болезни родителей и детей и их воздействие на семейную жизнь рассматриваются ниже, в 8 и 9 разделах) я понимаю более глубокий уровень защиты, изменения, которые происходят в личности индивида под воздействием перенапряжения, которое обычные защитные механизмы преодолеть не в состоянии, возможно, потому что стресс или систематическое перенапряжение возникают слишком рано. Тяжелые случаи психозов подлежат лечению в психиатрических клиниках. Очень тяжелый психоз подобен физическому заболеванию в том смысле, что его легко распознать как болезнь, и медики знают, что делать, когда сталкиваются с такими явными нарушениями.

Депрессии, которые являются в данном случае моей темой, это изменения в настроениях и способах чувствования, но здесь я хотел бы остановиться на двух особых случаях.

Первый случай — психопатическая личность; здесь речь идет главным образом об отцах, в то время как депрессии распространены больше у матерей. Психопат — это взрослый, не расставшийся с антиобщественными наклонностями подросткового возраста. Эти наклонности по происхождению (в истории индивида) являются антиобщественными тенденциями депривированного ребенка. Депривация вначале была совершенно реальной и таковой и воспринималась ребенком; это утрата чего-то хорошего, и я предполагаю, что произошло нечто, после чего все приобрело негативную направленность и ничто не осталось прежним. Антисоциальные наклонности, таким образом, представляют собой навязчивое стремление ребенка заставить внешнюю реальность залечить первоначальную травму, которая, конечно, быстро забывается и потому не

может быть ликвидирована простым возвратом к тогдашним событиям. У психопата это стремление, толкающее его на исправление внешней реальности, сохраняется, и мы становимся свидетелями проблем, возникающих как результат его навязчивости по отношению к одному или обоим родителям.

Второй случай — своеобразный поворот, который сопровождает депрессии или антиобщественные тенденции и который имеет отношение к мании преследования или подозрительности. Тенденция чувствовать себя преследуемым является осложнением депрессии и в целом делает депрессию менее очевидной, потому что это проявление безумия (мания преследования) маскирует чувство вины, которое характерно для меланхолических или депрессивных личностей. Те, кто находится в таком болезненном состоянии, считают себя — часто на основе нелепых рассуждений — плохими и, с другой стороны, им кажется, что с ними плохо обращаются. В любом случае мы обнаруживаем, что не в состоянии вылечить больного; приходится принимать его состояние. Более обнадеживающий случай, когда депрессия не сопровождается подозрительностью или манией преследования; это относительно нормальные случаи, при которых больной проявляет определенную гибкость и легко переходит от депрессивного состояния к чувству, будто кто-то извне оказывает на него дурное влияние или преследует его.

Депрессия у матери или отца

Перехожу к теме депрессии. Она более интересна, потому что тесней связана с обычной жизнью. Хотя на одном конце шкалы меланхолия, на другом депрессия — состояния, известные всем цельным человеческим существам. Когда Китс сказал о мире: «Мыслить — значит наполняться печалью и свинцовым отчаянием», он не имел в виду, что не обладает никакой ценностью или что рассудок его находится в болезненном состоянии. Он просто

оказался способен глубже взглянуть на вещи и принять на себя ответственность. Таким образом, одну крайность представляют меланхолики, которые «принимают на себя» все беды мира, в особенности те, которые не имеют к ним никакого отношения; другую — подлинно ответственные люди мира, которые принимают как факт свою ненависть, даже жестокость, но умеют совместить это со своей способностью к любви и заботе. Иногда ощущение собственной ужасности губит их.

Если посмотреть на депрессию с этой точки зрения, мы увидим, что депрессиям подвержены самые ценные для мира люди, включая отцов и матерей семей. Конечно, жаль, что они испытывают депрессию, но если бы они не были способны к сомнениям и отчаянию, было бы еще хуже. А принужденное веселье, которое обозначает отказ от депрессии, спустя какое-то время наскучивает даже на рождественском празднике.

Нет четкой границы между отчаянием отца или матери, связанным с ребенком, и общими сомнениями в жизни и ее целях. В жизни нередко человек переходит от заботы к отчаянию, и иногда просто помощь друга или врача прочерчивает границу между надеждой и отчаянием в личной жизни. Возможно, то, что я сказал, поможет связать обычную депрессию с течением повседневной жизни. Я знаю, что депрессия может стать тяжелой болезнью, требующей лечения, но более распространено состояние, которое время от времени испытываем мы все. Мы не хотим, чтобы нас «вырывали» из такого настроения, но подлинный друг в таком случае терпит, помогает немного и ждет.

Я имел возможность наблюдать за проявлениями депрессии у матерей и отцов, потому что в течение тридцати лет принимал амбулаторных пациентов в детской больнице. Тысячи матерей посетили больницу, и их дети страдали самыми разными нарушениями, физическими и психическими. Часто ребенок совсем не был болен, но мать *сегодня* тревожилась из-за него; *завтра*, возможно, хотя и не обязательно, она переставала тревожиться.

Я быстро привык думать о своей клинике как о месте, скорее предназначенном для лечения материнской и отцовской ипохондрии. (Естественно, что детей приводили в основном матери, но далеко не всегда, и я не говорю здесь об отцах только ради удобства изложения.)

Матерям очень важно иметь возможность показать ребенка врачу, если у них депрессия. Конечно, они могут пойти в клинику для взрослых и пожаловаться на общее состояние или на какую-то часть тела, которая кажется «не в порядке». Они могут также обратиться к психиатру и открыто пожаловаться на депрессию. Могут поговорить со священником, потому что сомневаются в своей добродетельности; наконец могут побывать у знахаря или шарлатана. Дело в том, что чувство *сомнения* очень близко к своей противоположности, то есть к *вере*, а также к чувству, что *существуют вещи, достойные сохранения*.

Таким образом, говоря о депрессии, я имею в виду не только тяжелое заболевание, но и феномен, который почти универсально распространен среди здоровых людей и тесно связан с их способностью хорошо выполнять работу, когда у них нет депрессии.

Одна из таких работ, которой постоянно заняты люди, это создание и сохранение семьи. Поэтому семья — одна из тех ячеек, которые могут оказаться в опасности в случае депрессии у мужа или жены. Позвольте привести пример.

Мать приводит в клинику сына, потому что заметила, что в течение недели перед консультацией он похудел. Мне ясно, что женщина находится в состоянии хронической депрессии, и я принимаю как нечто очевидное, что в данное время она беспокоится о сыне и это приносит ей некоторое облегчение, потому что иначе она испытывает смутные опасения относительно себя. Из разговора с мальчиком я узнаю, что его недомогание началось с очень неприятного эпизода семейной жизни, когда постоянные ссоры и столкновения родителей заставили отца неожиданно спросить у двоих детей: «Хотите жить со мной или с мамой?». Отец явно подразумевает, что

они с матерью собираются расстаться. Он постоянно очень плохо обращается с матерью детей. Он незрел и беспомощен, однако вполне доволен собой. Но в данном случае меня занимает мать и ее устойчивое состояние депрессии.

Каково мое «лечение» тревоги этой матери относительно потери веса сыном? В своей клинике я не применяю психотерапию к матери, а просто осматриваю мальчика. И обычно не нахожу никаких болезней. Этот пример я отобрал потому, что у мальчика действительно начал развиваться диабет. Мой осмотр, изучение состояния мальчика и последующее его лечение было именно тем, в чем нуждалась мать. Муж будет продолжать плохо обращаться с ней. Она будет продолжать испытывать хроническую депрессию, иногда очень глубокую. Но в пределах представленной проблемы я облегчил ее тревогу. Естественно, мальчика не только лечили от диабета, но и оказали помощь в связи с тяжелой домашней ситуацией. Однако я не удивился, узнав, что то, что делал, не решило главную проблему — хроническую депрессию матери.

Ограниченная ответственность в социальной работе

Во многих случаях можно успешно лечить депрессию матери, рассмотрев то, что ее тревожит, и занявшись этим предметом тревоги. Например, у нее может быть беспорядок в доме, она необдуманно залезает в долги, хотя не терпит нечестности; или, возможно, ее муж лишился работы и она не в состоянии заплатить очередной взнос за купленный в рассрочку телевизор.

Другая мать приводит ко мне маленькую девочку, и неясна причина, по которой она ее привела. Можно даже сказать, что ее жалобы зависят от того, в какое отделение больницы она обратится. Она может спросить у отоларинголога, не стоит ли обратить внимание на аденоиды ребенка. Окулиста она спросит, хорошо ли видит девочка.

Она быстро улавливает ожидания врача и описывает именно те симптомы, которые его интересуют. Я могу тщательно рассмотреть ее историю, и это дает матери некоторое представление о том, как она исполняет свои функции и каково ее отношение к ребенку. Она может увидеть, что ребенок неплохо развивается, вопреки тому, что время от времени мать начинает за него тревожиться. У девочки действительно есть некоторые симптомы, в том числе потеря аппетита.

В данном случае я решаю, что обязан сказать матери следующее: «Вы правильно поступили, когда привели ребенка, почувствовав тревогу за него; именно для этого мы и существуем; по моему мнению, в настоящее время девочка совершенно здорова, но я могу это мнение пересмотреть, если вы согласитесь прийти через неделю для вторичного осмотра».

В данном случае мать обрела уверенность, потому что я осмотрел ребенка и серьезно отнесся к ее словам. Ей трудно поверить, что девочка здорова, но завтра, может быть, она забудет о своей тревоге. Бесплезно говорить такой матери, что она суетится и глупо тревожится, особенно если так и есть на самом деле.

Далее важно помнить, что, если у родителя психическое заболевание и мы хотим поддержать семью, нам придется быть «на одной стороне» с семьей против того, что стало проклятием для матери или отца.

Иногда удивляешься, почему люди, такие, как только что описанные, не в состоянии получить помощь естественными способами, так что путаница в голове и отчаяние накапливаются и достигают степени паралича. В обычной жизни друг может сделать то, что делаем мы в своей профессиональной работе. Но некоторые люди нелегко приобретают друзей. Часто те, с кем мы работаем, подозрительны. Они держатся обособленно и замкнуто, они отчуждены или два-три раза переезжали в незнакомую местность, и у них нет привычки дружить с соседями. Обычно люди легко преодолевают мелкие трудности, но неудачи часто пробуждают латентную депрессию, и

даже неспособность вовремя заплатить за купленный в рассрочку товар может привести к отчаянию и сомнениям в смысле жизни. В данном случае затрагивается нечто гораздо более глубокое, чем просто покупка телевизора.

Очевидно, то, что мы делаем, касается не повседневных забот и происшествий, но именно решение повседневных задач — это способ, с помощью которого люди борются с депрессией. Успешное решение повседневных дел дает надежду; но достаточно небольшой неразберихи, и человек начинает погружаться в хаотическое состояние, из которого нет выхода.

Терапия в социальной работе

В своей профессиональной деятельности мы в основном психотерапевты, хотя не интерпретируем бессознательное. Мы занимаемся депрессиями, предотвращаем депрессии и помогаем выйти из них. Мы — как врачи в психбольницах. Трудность работы врача в психбольнице в том, что успех труднодостижим. К счастью, у нас нередко возникает возможность успеха. Врач в такой лечебнице должен уметь переносить неудачи, и это напряжение составляет часть его работы. Как такой врач должен нам завидовать: ведь мы занимаемся депрессиями на краю шкалы, там, где существует тенденция к самоизлечению, и то небольшое, что мы в состоянии сделать, часто подкрепляет эту тенденцию и ускоряет ее действие. С другой стороны, мы должны признать, что и в нашей работе встречаются тяжелые случаи, и нам тоже нужно уметь переносить неудачи, и мы тоже должны уметь ждать, прежде чем убедимся, что достигнут нужный результат. Как психоаналитик, я получил очень хорошую подготовку к этой способности ждать и ждать. Существуют также успешные случаи, которые на бумаге не кажутся успешными: мы считаем, что то, что мы сделали, нужно было сделать, хотя в результате мужчина снова оказывается в тюрьме, или

женщина совершает самоубийство, или дети со временем попадают в колонию для малолетних преступников.

Какова разница между безнадежным больничным пациентом и больным с обнадеживающей депрессией, которому мы часто можем помочь? В психологии этих двух случаев нет существенной разницы. Женщина-меланхолик в больнице, не способная ничего делать в течение месяцев и даже лет, бьет себя в грудь и говорит: «Горе мне!»; она не может тревожиться из-за чего-то конкретного, потому что не может подойти к истинной причине своей болезни. Вместо этого она испытывает чувство безграничной вины, она страдает и продолжает страдать и в конце концов страдает из-за своих страданий. Иногда она говорит, что убила дорогого человека или что по ее вине произошла железнодорожная катастрофа в Японии. Нет смысла обсуждать этот случай. Только слова растратим напрасно.

С другой стороны, существуют более обнадеживающие случаи, в которых женщина в состоянии депрессии из-за чего-то конкретного, чего-то имеющего смысл. Она тревожится из-за того, что не в состоянии поддерживать чистоту в доме. Тут мы понимаем, что происходило постепенное нарастание напряжения, в котором реальность перемещивалась с фантазией; депрессия затрудняет выполнение работы, а невыполненная работа усиливает депрессию.

В тех случаях, когда депрессия принимает форму тревоги из-за чего-то конкретного, есть надежда. У нас есть способ вмешательства. Не наша работа — привести женщину к источнику ее чувства вины, как можно было бы сделать в психоаналитическом лечении на протяжении нескольких лет. Мы можем немного помочь за относительно короткий период времени, *помочь именно в том, что индивид считает своей неудачей, и тем самым внушить надежду.*

Я хочу сказать следующее: если депрессия матери связана с беспорядком в доме, у нас есть способ лечения этой депрессии, мы можем решительно взяться именно за эту тревогу. Этот способ не всегда приведет к избавлению от

депрессии, и часто самое лучшее, что мы можем сделать, это разорвать порочный круг, когда беспорядок в доме и недостаточное внимание к детям в виде обратной связи еще более усиливают депрессию. Мы должны понимать, что беда не в конкретной причине тревоги, а в депрессии. Иногда мы видим, как депрессия проходит, и тогда мать легко справляется с делами, в которых много недель и даже месяцев терпела поражения. Или начинает помогать подругам в ответ на их помощь.

А когда депрессия проходит, женщина признается, что возникла она из-за запора, который она пыталась лечить травами по совету жены бакалейщика. Но мы не возражаем. Мы знаем, что сыграли определенную роль, косвенным образом воздействуя на болезнь женщины и укрепляя ее возможности одержать победу в ее внутренней борьбе.

Клинические примеры

Ко мне за психоаналитическим лечением обратилась девушка. Я не имею в виду долговременный психоанализ ее склонности к депрессиям. Девушка выписалась из психбольницы, где провела год, теперь она работает, но у нее возникают короткие периоды депрессии.

В последний раз она пришла в состоянии депрессии. Причина — в отоплении ее новой квартиры. Она потратила деньги, исправляя старый нагреватель, а теперь ей придется покупать новый. Как она вообще сможет зарабатывать на жизнь? Она не видит для себя будущего — только постоянные проигрыши и одиночество. Весь сеанс она всхлипывала.

Вернувшись домой, она обнаружила, что проблема отопления решена, а также кто-то прислал ей деньги. Однако для нас важно, что депрессия ее прошла по пути домой, еще до того как она обнаружила подаренный новый нагреватель и присланные деньги. Ко времени появления этих подарков она была полна надежды, и хотя ее

реальное положение в мире несколько не изменилось, она не сомневалась, что сможет зарабатывать на жизнь. Я разделил с ней фазу безнадежности.

Я предполагаю, что наша работа станет более понятной и благодарной, если мы будем постоянно помнить о бремени депрессии, которое должен сбросить с себя сам человек, в то время как мы пытаемся помочь ему разрешить непосредственную, ближайшую проблему. В нашей работе тоже существует понятие экономии усилий, и мы достигнем своей цели, если будем прилагать усилия в нужное время и в нужном месте. А если попытаемся совершить невозможное, в результате сами испытаем депрессию, а больному не поможем.

Позвольте привести еще два примера.

Очень хорошая семья в порядке частной практики обратилась ко мне за консультацией. В семье существуют прочные традиции, семья живет в прекрасном доме, с отличным участком, и обладает материальным достатком. Родители привели ко мне одного из двух своих сыновей, потому что решили, что он развивается не так, как надо. У мальчика прекрасные манеры, но каким-то образом он лишен детства.

Я хочу отметить следующее. Я несколько раз встретился с обоими мальчиками и со временем понял, что о них должен заботиться кто-то другой, а не их мать. Мать сама борется с депрессией. Она лечится, и, несомненно, ее состояние улучшится; но мое лечение обоих мальчиков, которое оказалось успешным, вызвало у матери ужасное ощущение того, что она неудачница. Для нее было сильной травмой то обстоятельство, что кто-то другой будет присматривать за ее сыновьями. Теперь она начала тревожиться об абсолютно здоровой дочери. Она просит меня теперь заняться этим ребенком, и очень важно, что я дал ей знать, что рассмотрел проблему ее дочери во всех отношениях и считаю в данный момент девочку совершенно нормальным ребенком, но готов пересмотреть свое мнение, если получу новые данные. Всякое выраженное мной сомнение мать истолковала бы как под-

тверждение своей тревоги и неспособности что-то сделать. Эта мать — очень хороший человек, они с мужем создали отличную семью и, конечно, смогут воспитать детей, провести их через подростковый возраст к независимости и взрослой жизни. После того как я это написал, женщина один раз встречалась со мной. Она прошла лечение, и ее депрессия стала гораздо слабее. Она сказала: «Дом отремонтировали, и это означает, что в одной из комнат больше нет трещины на потолке». Маленькая девочка посмотрела и сказала: «Как хорошо, что больше нет трещины». (Она ужасно боялась этой трещины.) Я ответил матери: «Ваша дочь явно заметила улучшение вашего состояния».

Мой коллега очень долго противился психологической помощи. Он был хирург и однажды сам удивился, когда сказал мне, что хочет, чтобы я посмотрел его детей, потому что у них множество симптомов. Я увидел очень неплохую семейную жизнь, с некоторым напряжением между родителями, но со значительной стабильностью. Симптомы детей относились к тому типу, что связаны с их возрастом, а мы знаем множество симптомов у детей двух, трех и четырех лет. Я едва не упустил сути этого случая. А суть заключалась в депрессии отца, который сомневался в своей способности быть мужем и отцом. К счастью, я увидел это вовремя и сказал ему: «Таких детей я бы назвал нормальными». Он испытал огромное облегчение, и семья продолжала расти и процветать. Было бы катастрофой, если бы я, увидев трудности и тревоги в жизни детей, а также напряженные отношения родителей, принялся бы разбираться в них. У меня была ограниченная задача, и я считаю, что в данном случае сделал то, что было необходимо, — нужно было действовать быстро, не откладывая, и со спокойной уверенностью. Думаю, что даже тест интеллекта или любое сомнение с моей стороны усложнили бы случай, после чего потребовалось бы длительное лечение. Я знаю, как не понравилось бы жене, если бы я предложил провести психотерапию детей.

В этом месте я хочу привлечь внимание к «заряду» депрессии, который может содержаться в индивиде, причем окружающие не будут сильно затронуты. Приведу случай-иллюстрацию.

Речь идет об очень умной женщине, которая безусловно способна была занять ответственный пост в области образования. Однако она предпочла выйти замуж и вырастила троих детей, трех мальчиков, которые сейчас женаты; у нее восемь внуков. Можно было бы сказать, что жизнь этой женщины была вполне успешной, особенно в воспитании детей и укреплении семьи. Она смогла перенести преждевременную смерть мужа и избежала слишком сильной зависимости от детей, когда, став вдовой, вынуждена была работать, чтобы приложить свою энергию и даже просто заработать на жизнь. И вот теперь эта женщина по утрам страдает от сильнейшей депрессии. И так было на протяжении почти всей жизни. С пробуждения и до того времени, как позавтракает и будет выглядеть так, что мир сможет ее принять, она в глубочайшей депрессии; она не просто плачет, но способна на самоубийство.

Можно было бы сказать, что между пробуждением и завтраком она больна, как многие меланхолики в клиниках. Она очень страдала. Несомненно, семья была бы в еще лучшем состоянии, если бы женщине не приходилось бороться с болезнью. Тем не менее в ее случае, как и в случаях многих других людей, депрессию она навязала себе сама, она ее испытывала, пытаясь смириться с жизнью, какова она есть. На протяжении всего остального дня вряд ли кто-нибудь мог усомниться в том, что она одаренный человек, с большим чувством ответственности; именно такие люди нужны детям, чтобы они чувствовали себя в безопасности.

У относительно нормальных людей, страдающих депрессией, есть друзья. Друзья знают их, любят и ценят и поэтому способны в случае необходимости оказать поддержку. Но как же быть тем людям, кто с трудом заводит друзей и не умеет уживаться с соседями? Такие осложнения заставляют нас вмешаться, помочь, как это сдела-

ли бы друзья, — но профессионально и в ограниченном смысле. Та самая подозрительность, которая мешает человеку заводить друзей, затруднит и нашу профессиональную помощь. Или мы обнаружим, что восприняты как друзья и идеализированы, и тогда будем слушать клевету на кого-то другого: на другого социального работника, на представителя местной власти, на домовую комитет, на смуглых людей, живущих этажом ниже, или на родственников со стороны жены. Это параноидная система, в которой мы оказались по правильную сторону линии, отделяющей хорошее от плохого. А когда оказываемся на плохой стороне, нас могут изгонять.

Психология депрессии

Закончу краткой классификацией патологии депрессии. Разумеется, это чрезвычайно сложная проблема, и, больше того, существуют различные типы депрессии:

- тяжелая меланхолия;
- депрессия, чередующаяся с манией;
- депрессия, проявляющаяся в отрицании депрессии (гипоманиакальная стадия);
- хроническая депрессия с большей или меньшей примесью параноидной тревоги;
- фазы депрессии у нормальных людей;
- реактивная депрессия, связанная с трауром.

Во всех этих клинических состояниях есть определенные общие черты. Главное же в том, что депрессия означает: индивид принимает ответственность за агрессивные и деструктивные элементы в природе человека. Это означает, что человек в состоянии депрессии способен выдержать определенное количество вины (причины которой обычно кроются в бессознательном), и это позволяет ему искать в окружающем мире возможности для конструктивной деятельности.

В эмоциональном развитии индивида депрессия есть проявление роста и здоровья. Когда что-то нарушено на ранних стадиях эмоционального развития, индивид начинает испытывать депрессию. Смысл этого положения, возможно, станет яснее, если я приведу в качестве примера развитие чувства озабоченности. Если все идет хорошо и только в том случае, когда все идет хорошо, маленький ребенок на какой-то стадии начинает интересоваться собой, окружающим, и тем, как его любят. Любовь не просто трепетный контакт. Любовь должна сосредоточить в себе и инстинктивные порывы, которые имеют биологическое основание, и отношения, развивающиеся между младенцем и матерью (или отцом, или кем-то другим), несущие в себе и деструктивные идеи. Невозможно любить свободно и полно, не сталкиваясь с деструктивным. Достижение чувства вины в связи с деструктивными идеями и порывами идет параллельно любви и сопровождается порывами отдавать и искупать, а также любить более по-взрослому. («Любить», конечно, развивается параллельно ощущению «быть любимым».) Возможность позитивной активности — неотъемлемая часть процесса личностного роста и тесно связана со способностью испытывать вину, сомнение и депрессию.

Многое, как всегда, бессознательно, и депрессия как разновидность настроения свидетельствует именно о том, что многое бессознательно. Когда агрессия и деструктивность, которые являются частью человеческой природы, проявляются в амбивалентности, как иногда говорят, человеческих взаимоотношений, когда все это возникает в индивидуальном развитии, но подавляется, загоняется вглубь, вот тогда меланхолия становится болезнью. При этом чувство вины как причина болезни более неподвластно индивиду, и его можно «извлечь» только путем длительного и глубокого психоанализа.

Однако важно помнить, что поскольку там, где депрессия, всегда есть и здоровье, депрессия имеет тенденцию к самоизлечению, и часто небольшая помощь со стороны позволяет ее снять. Основа такой помощи — признание

депрессии, а не стремление излечить ее. Только если индивид позволит нам увидеть, где мы можем ему помочь, мы имеем шанс оказать ему косвенную помощь, не забывая, что имеем дело с лечением душевной депрессии.

Воздействие психозов на семейную жизнь

Может, стоит вначале объяснить, что для меня значит слово «психоз». Психоз — это болезнь психологической природы, но это не психоневроз. В некоторых случаях у нее есть физическое основание (как, например, при атеросклерозе). Это болезнь личности, но личность, о которой идет речь, «недостаточно здорова», чтобы стать психоневротиком. Было бы очень просто, если бы мы могли сказать: психоз означает «тяжело болен», а психоневроз «болен до некоторой степени»; но сложность в том, что здоровые люди могут притворяться психотиками, в то время как с психоневротиками такое происходит очень редко. Психоз гораздо более заглублен и связан с элементами человеческой личности и существования, чем психоневроз, и (прощитирую самого себя), мы поистине бедны, если всего лишь нормальны.

Психоз можно считать популярным обозначением шизофрении, маниакальной депрессии и меланхолии с более или менее параноидными осложнениями. Четкой границы между этими болезнями нет, и часто бывает, например, что человек, одержимый навязчивыми идеями, впадает в депрессию и смятение, а потом возвращается к одержимости. В данном случае психоневротическая защита сменяется психотической, и наоборот. Или шизоидная личность становится депрессивной. Психоз представляет собой организацию защиты, а за всякой созданной защитой таится смятение и распад единства.

Воздействие психоза на семейную жизнь лучше всего показать на конкретных случаях. Те из нас, кто занимает-

ся подобными проблемами, знают, что многие семьи распадаются в результате напряжения, вызванного психозом одного из членов, и большинство этих семей сохранилось бы, если бы можно было облегчить это невыносимое напряжение. Это чрезвычайно важная практическая проблема, и существует огромная потребность в профилактических, предупредительных мерах, особенно в форме медицинской помощи детям. Я представляю себе нечто вроде интернатов, где дети могли бы находиться неопределенный период и где они могли бы ежедневно получать психоаналитическое лечение, причем психоаналитик одновременно лечил бы пациентов других типов, включая взрослых.

Проблемы, представляемые психозом, смешиваются с теми, что продуцируют первичные ментальные дефекты, физические дефекты спастического типа и связанные с этим осложнения, последствия энцефалита (к счастью, встречающиеся сегодня гораздо реже, чем в двадцатые годы) и различные клинические формы антиобщественного поведения, указывающие на депривацию. Однако для моих настоящих целей достаточно сказать, что собственно психоз обозначает нарушение психологического развития на раннем уровне, причем мозг остается нетронутым. В некоторых случаях психоза заметны наследственные тенденции, тогда как в других они не существенны.

Начну со случая, за которым я наблюдал в течение многих лет без всяких перемен в ситуации.

У женщины, обладавшей мужскими чертами характера, родился мальчик и оказался карикатурой на своего отца. Отец у него был очень зависим от жены, мало что решал и не принимал на себя ответственность. Тем не менее он способен был хорошо зарабатывать как эксперт в какой-то очень узкой области. Мальчик очень рано проявлял признаки хороших умственных способностей и одновременно — психоза. Его нарушения своевременно не были распознаны, потому что каждая особенность его поведения воспринималась как воспроизведение детских характеристик его отца. Бабушка мальчика говорила: «Но отец

мальчика вел себя так же». Например, в характерной психотической манере он явился в гостиную бабушки и заявил: «Ты намочила в штаны». Его отец тоже совершал различные нелепые поступки и мальчиком говорил то же самое.

Отец нашел свою нишу в жизни, а сын оказался в тупике. Например, он классифицировал уличное движение в Лондоне на тридцать восемь разновидностей. Но эта классификация была совершенно бесполезной. Разумеется, он не мог складывать, потому что не знал, что такое ОДИН, но если бы ему повезло, он мог бы обойти сложение и сразу погрузиться в высшую математику или стать вундеркиндом-шахматистом. Но он не стал. Теперь ему тридцать лет. Родителям пришлось заниматься его текущими проблемами и будущим. Они сэкономили деньги, чтобы оплатить уход за сыном. Они не решились заводить других детей. Больше того, возможно, они позже расстались бы, как поступают многие, чтобы вступить в более приемлемый брак. Но психоз в семье удерживал этих двух ответственных людей в своих узах. И спасения от него не было.

В пересказе этого случая я опирался на некоторые свои личные взгляды на брак и повторный брак. Есть люди, которые искренне верят, что жизнь свое возьмет; такие люди, если у них не было полноценного подросткового периода, в случае необходимости пройдут через него в середине жизни (более полное обсуждение этой темы — в разделе 6). Вопрос вот в чем: какое количество нарушений может быть потом компенсировано достижениями? Если на сцене доминирует психоз или аналогичное нарушение, у людей, кроме разве что самых слабых и бесхарактерных, нет иного выхода, как продолжать бороться.

Вот еще один длительный случай.

Ко мне привели на консультацию мальчика семи с половиной лет, единственного ребенка в семье, с признаками повреждения головного мозга. Ко времени консультации его считали умственно отсталым, но одновременно он проявлял многие признаки ума. В восемь лет он научился читать просто потому, что у него была няня,

которая заявила, что научит его читать, даже если это причинит ему вред. Способность читать оказалась очень важна и принесла родителям некоторое облегчение. Мальчик (теперь ему двадцать лет) очень рано стал проблемой для родителей. Он был единственным ребенком, да и его появление было, скорее всего, ошибкой. Я предполагаю, что родители вообще не хотели иметь детей или не были к этому готовы. Они были по горло заняты своей работой, лошадьми и прочим; их представление о жизни было таково: недели напряженной работы в офисах, крошечная аккуратная квартира, а по уикэндам охота на лис и охотничьи балы. Эти люди только и жили по уикэндам.

Теперь представьте себе психотического мальчика, который плачет по ночам, пачкает постель и от которого в деревне нет никакой пользы, потому что он страшно боится собак и не может сидеть на лошади. Просто ничего не получалось.

И вот этим очень хорошим людям пришлось устраивать жизнь так, чтобы она подходила для мальчика; но такая жизнь не подходила для них. Они многим пожертвовали, чтобы лечить сына, но лечение не принесло ему пользы. Отец на вершине своей карьеры преждевременно умер от удара, и мальчик оказался на руках у матери. Выручила специальная школа, и мальчик находится в ней, хотя он и не в состоянии повзрослеть и стать человеком, способным отвечать хоть за что-нибудь. Самое плохое в том, что мальчик очень милый и ласковый, ему никто не хочет причинять вреда, но он постоянно нуждается во внимании, которое обычно уделяют нормальному пятилетнему ребенку, но которое нелегко уделять любому человеку вечно.

Теперь я выберу более обнадеживающий случай.

Маленький мальчик, сын очень ответственных родителей, в определенный момент, как будто совпавший с новой беременностью его матери, начал в своем развитии двигаться не вперед, а назад. У него развился бесспорный детский психоз, и до недавнего времени его считали дефективным ребенком.

Была возможность подвергнуть мальчика психотерапии, которая оказалась относительно успешной. Родители сделали все возможное, чтобы поддержать лечение, но не могли проводить его дома, ожидая результатов, поэтому договорились с администрацией больницы, что несколько раз в неделю на машине будут отвозить мальчика за двадцать миль и привозить домой (так продолжалось в течение двух лет). Стоило это очень дорого, но затраты оказались оправданными.

В данном конкретном случае семья оказалась способной выдержать болезнь ребенка. Но здесь я бы хотел заметить, что успешное лечение ребенка может оказаться травматичным для одного или обоих родителей. В результате поворота ребенка к здоровью может ожить латентный психоз взрослого, который был до этого скрыт и спал, и начать требовать признания и внимания. В приводимом ниже случае ребенок оказался в интернате.

У директора государственной школы был сын, который едва не сломал его карьеру; это было очень серьезно, потому что отец ни к какому другому делу не был приспособлен. У мальчика, последнего из нескольких детей (остальные дети были нормальными), возникло и устойчиво сохранялось состояние дезориентированности, и это делало для него невозможным учебу в школе у отца и в других школах города. Он был очень беспокоен и совершенно непредсказуем. Его мать могла бы справиться с еще одним *нормальным* ребенком, но уход за этим последним, ни с кем не контактирующим и беспокойным, ей был уже не по возрасту. Отец скрывался в своем кабинете, ссылаясь на свои обязанности, и смотрел на все издали, словно через другой конец телескопа.

Мать обладала огромной энергией и всегда пыталась помочь родителям, которые оказывались в аналогичной беде. Семья распалась бы, если бы мальчика не приняли в специальную школу-интернат; школа приняла его таким, каков он есть, не ожидая от него никаких перемен к лучшему. Теперь ему около двадцати лет, и он по-прежнему в этой школе.

Возникает все больше школ-интернатов, которые принимают не приспособленных к жизни детей. Но этот мальчик не был неприспособлен и не проявлял антиобщественных тенденций; это привлекательный любящий ребенок, ожидающий от окружающих ответной любви. Но он полон смятения, то есть его личность состоит из нескольких неорганизованных частей. Можно ли было его вылечить? Я несколько раз встречался с ним, но не смог найти место, чтобы он имел возможность ежедневно приходить ко мне или к моим коллегам.

Такие случаи ничем не заканчиваются, потому что у ребенка нет антиобщественных тенденций, которые рано или поздно заставляют власть психологически или физически ограничить свободу. А в данном случае болезнь мальчика продолжает расшатывать структуру семьи, и у мальчика нет даже надежд предпринять попытки, которые могут привести к успеху или неудаче. Из таких семей другие дети при первой же возможности уходят, а престарелые родители, тревожатся о том, что будет, когда они умрут. То, что болезнь вызвана чем-то в самих родителях, не имеет значения. Часто так именно и бывает. Однако кто мог предвидеть такой исход? Так просто случилось.

У профессора с севера страны и его жены была хорошая прочная семья и все шло хорошо, пока у дочери не проявился детский психоз, порожденный вовремя не обнаруженным младенческим кретинизмом, и не начал тревожить родителей. Они просто не могли справиться с психотическим заболеванием своей дочери.

Мне удалось воспользоваться своим знакомством с чиновниками из администрации по попечительству над детьми, и девочке быстро подыскали семью, куда ее отдали на воспитание; это была рабочая семья в одном из южных районов Англии. В этой семье, девочку, отсталую в развитии, но развивающуюся, приняли как выздоравливающую от болезни. Это спасло семью профессора, и сам профессор смог продолжать свою карьеру. Мне было любопытно отметить, что разница в социальном статусе

между родителями девочки и теми, кто взял ее на воспитание, не имела значения, в особенности для самой девочки, от которой здесь никто не ждал академических успехов. Кроме того, я был рад, что между родным и приемным домом оказалось большое расстояние.

Часто возникает осложнение: родители считают себя виновными в состоянии ребенка. Они не могут этого объяснить, но не могут не связывать состояние ребенка с мыслями о возмездии за что-то. У тех, кто принял ребенка на воспитание, подобных проблем не возникает, и они легче принимают странного, отсталого, невожатанного и зависимого ребенка.

Однако как это ни очевидно, я хочу еще раз сказать: ни одной семье нельзя позволять распадаться из-за психоза у ребенка или родителя. Во всяком случае мы всегда должны быть в состоянии предложить помощь, чего пока обычно сделать не можем.

Не знаю, почему в большинстве примеров, которые приходят мне в голову, речь идет о мальчиках. Случайность ли это или девочки умеют лучше скрывать или притворяться, подражая матери и все время пряча свою сущность, подобно нерожденному ребенку внутри них? Я думаю, предположение о том, будто девочка лучше мальчика умеет притвориться, предъявить ложную Самость или, иными словами, легче избегает попадания к психиатру, — содержит в себе некую истину. Психиатр появляется, когда у девочки развивается анорексия, или колит, или когда она начинает представлять проблемы в подростковом возрасте, или в более старшем возрасте впадает в депрессию.

Тринадцатилетнюю девочку привезли ко мне на консультацию за сто миль; ее привез отец, глава местной администрации, у которого кончилось терпение. Я увидел в комнате ожидания недоверчивую девочку и ее готового взорваться отца. Мне необходимо было действовать быстро, и я велел отцу ждать (бедняга!), а сам в течение часа разговаривал с девочкой. Таким образом, встав на ее сторону, я смог вступить с ней в тесный контакт, кото-

рый продолжался много лет и впредь может быть продолжен. Мне пришлось столкнуться с ее параноидными ложными представлениями о семье. Эти маниакальные галлюцинации относительно семьи основывались, вероятно, на конкретных фактах.

Через час она позволила мне поговорить с ее отцом, который сразу начал важничать и защищаться: он был ответственной фигурой в местной администрации, и то, что девочка рассказывала всем, подрывало его авторитет и положение. Политическое положение отца как представителя местной власти делало невозможным поступить с девочкой так, как следовало, и ясного решения проблемы не было.

Я мог сказать только одно: *эта девочка не должна возвращаться домой*. В результате она прожила два года в семье замечательной сестры-хозяйки, где была счастлива и где ей смогли доверить заботу о младших детях. Однако со временем девочка начала наведываться в родной дом — возможно, существовала ее бессознательная связь с матерью, бессознательная с обеих сторон — и тут снова начались неприятности.

Когда я услышал о ней в следующий раз, она была с молодыми проститутками в колонии для малолетних преступников. Она там провела год или два, но проституткой сама не стала, потому что антиобщественных тенденций у нее не было. Жившие с ней бок о бок гетеросексуалки смеялись над ее незнанием уличной жизни.

Однако девушка оставалась остро параноидальной. Со временем ее направили в больницу-интернат для неприспособленных к жизни детей, и здесь она стала нянечкой. Она звонила мне в любое время суток, рассказывая о своих бедах в больнице. Сестра-хозяйка и остальные сестры хорошо к ней относились, и пациентам она нравилась; но с ней все время что-то случалось: она лгала, чтобы получить работу, не платила в различные фонды по сохранению здоровья и помощи безработным; она знала, что я ничем ей не могу помочь, и переставала звонить; потом та же история в другой больнице и та же безнадежность.

Она оставалась несчастной, а в основе наших отношений лежали мои слова: «Ты никогда не должна возвращаться домой». Никто из живших с ней рядом не мог этого сказать, потому что в сущности это был хороший дом и хорошая семья, и если бы девушка утратила свои параноидальные тенденции, она поняла бы, что эта семья, как и все другие семьи, вполне терпима.

Мы часто терпим поражение, не в силах совладать с психотическим заболеванием, потому что ответственность ложится на больного. Далеко не всегда хотя бы один здоровый родитель продолжает выполнять свои обязанности, и нередко именно здоровый родитель уходит из семьи, чтобы сберечь свое душевное здоровье, даже если это означает оставить ребенка на попечении второго, страдающего психозом родителя.

В следующем случае больны родители.

Речь идет о мальчике и девочке с разницей в возрасте всего в год. Девочка старшая, что в данном случае само по себе неудача. Они единственные дети двух очень больных родителей. Отец — весьма преуспевающий бизнесмен, а мать — художница, которая принесла свою карьеру в жертву семье. Мать совершенно не годится на роль матери, будучи скрытым шизофреником. Она «сделала глубокий вдох», вышла замуж и родила двух детей, чтобы утвердить себя в семейном кругу. Муж обладает маниакально-депрессивным характером и близок к психопатии.

Пока мальчик был «чист», мать терпела его — она не досаждала ему, пока он был маленьким. Она постоянно и назойливо проявляла любовь к нему, хотя, насколько мне известно, не физически, и в подростковом возрасте у него произошел шизофренический срыв. Девочка испытывала страстную привязанность к отцу, и это дало ей шанс не заболеть до сорока лет, тогда родители уже умерли, и у нее тоже произошел срыв. Несмотря на это, она успешно занималась бизнесом, продолжив после смерти отца его дело. Она презирала мужчин, не понимала, почему они считают, что могут командовать женщинами, и доказывала в своей работе, что у нее есть все необходимое для

успеха, в то время как у ее брата не было ничего из того, что необходимо мужчине. Брат женился, создал семью, а потом избавился от жены, чтобы по-матерински растить детей, что делал превосходно.

Со временем, когда прошлое начало постепенно стираться, эта очень больная женщина с преуспевающей, но ложной Самостью обратилась за медицинской помощью. Она пришла, чтобы иметь возможность сломаться, обрести собственную шизофрению, что ей и удалось. На врача, который направил ее ко мне, не произвело впечатления мое письмо. Я еще до начала лечения написал ему, что, если даже лечение пройдет хорошо, женщина сорвется и будет нуждаться в постоянном присмотре. Что ж, она была признана душевнобольной, но потом сумела взять себя в руки, считалась выздоровевшей и была выписана, прежде чем к ней успели применить шоковую терапию и лоботомию, чего она не без оснований боялась.

Это пример того, как психоз родителей подействовал на детей, которым сейчас около сорока пяти лет. У женщины, возможно, еще будет какая-то жизнь реальной личности, в чем я сомневаюсь. (Последующие данные удовлетворительны.)

Если у меня будет еще подобный случай, я предпочту, чтобы кто-нибудь другой был ответственным за доведение пациента до срыва. Но я рад, что видел, какое облегчение подобный срыв может принести человеку с ложной, но необычно устойчивой Самостью.

Вопрос таков: что мы можем узнать из этих кратких описаний конкретных случаев? Возможно, эта женщина не могла испытать облегчения, пока не умерли ее родители и она не стала самостоятельной и независимой единицей. Но цена ожидания оказалась очень высока: она чувствовала тщетность и нереальность своего существования, за исключением кратких мгновений реальности, которые ей помогали обрести изобразительное искусство и музыка.

Это ужасно, но тем не менее справедливо: иногда у детей нет надежды, пока живы их родители. Психоз в

таком случае заключен в родителе (см. также раздел 9), и он так прочно держит ребенка, что у того единственная надежда — в развитии ложной Самости; и, конечно, ребенок может умереть раньше, однако истинная Самость сохранится цельной и не подверженной насилию.

В этих историях болезни видно то отчаяние, которого невозможно избежать в ходе клинической работы с людьми. Иногда, столкнувшись с тяжелой болезнью, мы вынуждены смириться с положением и ждать, пока, возможно, семья не распадется, не выдержав напряжения; иногда наша задача — разрушить ситуацию, прежде чем она еще больше не ухудшится; в других случаях мы пытаемся справиться с болезнью. И очень часто мы не находим никаких оснований для надежды, и приходится это принимать, потому что мы никому не принесем пользы, если сами будем парализованы безысходностью.

Воздействие страдающих психозом родителей на эмоциональное развитие ребенка

В предыдущем разделе большинство случаев психозов в семейной жизни было связано с проблемами, вызванными психотическим заболеванием ребенка. Теперь я хочу рассмотреть воздействие психоза родителя на эмоциональное развитие ребенка и жизнь семьи.

Вначале мне хотелось бы передать вам впечатление от красоты стихотворения, написанного одиннадцатилетней девочкой. Не могу привести здесь стихотворение, потому что оно напечатано в другом месте с указанием имени девочки, но в нем в кратких экононых строках создана прекрасная картина счастливой семейной жизни. В этой семье дети разного возраста, они хорошо относятся друг к другу, ревность возникает, но к ней относятся терпимо, и семья исполнена жизненных сил. Когда приходит ночь, становятся слышны звуки мира за пределами дома — лай собак, крик совы. А внутри все спокойно, безопасно и тихо.

Стихотворение создает впечатление, что юная поэтесса отразила в нем события собственной жизни. Иначе откуда она могла бы знать о подобных вещах?

История Эстер

Позвольте назвать автора стихотворения — Эстер и задать вопрос: каково ее окружение? Она была передана

на воспитание интеллигентной паре, относящейся к среднему классу, у которой уже был один приемный сын и которая теперь взяла на воспитание еще и девочку. Отец всегда был очень привязан к Эстер и хорошо ее понимал. Вопрос в том, какова ранняя история этого ребенка и откуда у Эстер эта безмятежность, которая чувствуется в стихотворении, проникнутом атмосферой и подробностями семейной жизни?

Говорят, настоящая мать Эстер была очень умная женщина, свободно владевшая несколькими языками; но брак ее оказался неудачным, после чего она жила с человеком типа бродяги. Эстер была как раз незаконнорожденным плодом этого союза. В возрасте нескольких месяцев Эстер осталась одна с матерью, которая была полностью предоставлена себе. Мать была последним ребенком в большой семье. Во время беременности ее мать посоветовала, чтобы дочь прошла курс лечения в закрытом заведении, но та отказалась. Она с рождения сама воспитывала девочку и, как написано в отчете социального работника, поклонялась девочке, как идолу.

Так продолжалось, пока Эстер не исполнилось пять месяцев. В это время мать начала вести себя странно, выглядела она дикой и смятенной. После бессонной ночи она направилась на поле возле канала и смотрела, как бывший полицейский копает землю. Потом подошла к каналу и бросила в воду девочку. Бывший полицейский девочку тут же вытащил, она не пострадала, но мать в результате арестовали и признали больной шизофренией с параноидными чертами. Поэтому в возрасте пяти месяцев Эстер оказалась в распоряжении местной власти; в детском приюте, где она оставалась до двух с половиной лет, ее характеризовали как «трудного» ребенка. После она была передана на воспитание в семью.

На протяжении первых месяцев пребывания в семье Эстер доставляла всевозможные трудности, и, с нашей точки зрения, это означает, что она еще не отказалась от надежд вернуться назад. Помимо всего прочего она на улице падала на землю и начинала кричать. Постепенно по-

ложение несколько улучшилось, но симптомы вернулись, когда спустя пять месяцев после передачи на воспитание — ей к этому времени исполнилось почти три года — в ту же семью был принят шестимесячный мальчик. Мальчик был усыновлен, а Эстер — нет. Эстер не позволяла мальчику называть мать семейства «мамой» и никому не разрешала говорить, что эта женщина — «мама» мальчика. У нее появились деструктивные тенденции, но потом она резко изменилась и стала покровительствовать мальчику и защищать его. Перемена произошла, когда приемная мать мудро позволила ей вести себя как младенец и обращалась с ней так, словно Эстер тоже шесть месяцев. Эстер это очень понравилось и она продолжала «по-матерински» относиться к мальчику. Одновременно у нее сложились очень хорошие отношения с отцом семейства, которые впоследствии сохранились. Однако к этому времени мать и пятилетняя Эстер стали все больше отчуждаться, между ними начались ссоры, и психиатр посоветовал, чтобы Эстер какое-то время пожила вне дома. Теперь, оглядываясь назад и зная, что случилось потом, мы можем признать этот совет плохим. Отец, всегда очень чуткий к потребностям дочери, добился ее возвращения домой. Как он говорил, вера Эстер в ее приемную семью умерла. Теперь этот мужчина, казалось, стал для дочери матерью; и, возможно, в этом источник параноидного заблуждения, которое возникло у него впоследствии, и его маниакальных видений, в которых жена представлялась ведьмой.

Несмотря на постоянное напряжение между родителями, которые с тех пор непрерывно враждовали и впоследствии расстались, Эстер нормально развивалась. Нужно упомянуть также, что мать всегда открыто предпочитала усыновленного мальчика и он развивался тоже достаточно хорошо, вознаграждая ее ответной любовью.

Такова вкратце печальная и сложная история автора стихотворения, от которого веет безмятежностью и семейным спокойствием. Посмотрим, как развивались события дальше.

Очень больная мать, такая, как родная мать Эстер, может дать ребенку прекрасный старт; это вполне возможно. Думаю, мать дала Эстер не только удовлетворяющий опыт кормления грудью, но также поддерживала ее Эго, в чем младенцы особенно нуждаются на ранних стадиях, и на что способна только мать, идентифицирующаяся с младенцем. Эта мать, вероятно, в очень высокой степени «слилась» с девочкой. Я предполагаю, что она хотела избавиться от младенца, с которым слилась, стала едина, потому что перед ней вырисовывалась новая фаза, на которую она не могла перейти, фаза, которая ее страшила, фаза, в которой дитя нуждалось в некоторой автономии от нее. На этой новой стадии развития она не могла бы удовлетворять потребности младенца. Она хотела отделить от себя ребенка и в то же время не могла это сделать. В такой момент действуют очень глубинные силы, и когда женщина бросила девочку в канал (предварительно так выбрав место и время, чтобы быть почти стопроцентно уверенной, что ее спасут), она пыталась разрешить очень острый бессознательный конфликт; например, страх перед импульсом умертвить ребенка в момент отделения от него. Как бы то ни было, в этот момент пятимесячный младенец потерял идеальную мать, мать, которая еще не стала измученной, отвергнутой, вытолкнутой, растоптанной, ненавидимой и в то же время деструктивно любимой; да, она была еще идеальной матерью, и эту идеализацию нужно было сохранить.

Затем последовал долгий период, подробности которого нам неизвестны; мы знаем только, что в детском приюте, куда ее направили, девочка оставалась трудной, иными словами, еще сохраняла что-то из первоначального светлого опыта. Она не перешла в стадию послушания, что означало бы, что она потеряла всякую надежду вернуться. Но к тому времени как ее передали на воспитание, произошло очень многое. Естественно, когда приемная мать стала для нее что-то значить, Эстер стала вымещать на ней накопившееся: кусать, отталкивать, отвергать, красть, ненавидеть. В этот момент приемной матери очень

нужен был кто-то, кто сказал бы ей, какую роль она исполняет, чего ей ожидать и к чему готовиться. Возможно, такая попытка была предпринята, но нам об этом неизвестно. Она приняла девочку, потерявшую идеальную мать, девочку, прожившую смутный и неясный период от пяти месяцев до двух с половиной лет, и, конечно, она взяла девочку, с которой у нее не было той фундаментальной связи, которая возникает между матерью и младенцем. Она так и не сумела установить с Эстер хорошие отношения, хотя легко справлялась с маленьким мальчиком; а когда позже приняла на воспитание еще одну девочку, третьего ребенка, она не раз говорила Эстер: «Вот наконец ребенок, какого я всегда хотела».

Отец стал хорошей, даже идеализированной матерью в жизни Эстер, и так продолжалось до распада семьи. Возможно, именно это и привело к распаду, потому что отец должен был все больше и больше восполнять потребность в матери, которую ощущала девочка, а мать вынуждена была все чаще исполнять роль преследователя в жизни ребенка. Эта проблема отравила жизнь матери, которая вполне удовлетворительно справлялась с приемным сыном и второй воспитанницей.

Эстер, очевидно, унаследовала от матери ум и способность к словесной игре, и думаю, никто не назвал бы ее психотиком. Тем не менее она страдала от депривации, и одной из ее проблем было стремление красть. Были у нее и проблемы в школе. Жила она с приемной матерью, которая очень по-собственнически к ней относилась, так что отец почти не мог видиться с девочкой; в связи с этим у отца возникло серьезное психическое заболевание параноидно-галлюцинаторной природы.

Приемные родители Эстер знали, что ее мать была психотиком, вернее, что она была признана больной, но не рассказывали девочке подробности; как отметил социальный работник, в тот период приемные родители Эстер опасались, что она унаследует материнское безумие. Любопытно, что в таких случаях боязнь унаследованного безумия обычно затмевает более серьезные проблемы,

которые возникают у ребенка во время пребывания в приюте до того, как его отдадут на воспитание. У Эстер такие проблемы несомненно были; с точки зрения ребенка, путаница и неразбериха царили там, где все должно было быть прямым, ясным, простым и истинно личным.

Психотические болезни

Психоз родителей не приводит к детскому психозу. Этиология здесь далеко не так проста. Психоз не передается так, как, например, темные волосы или гемофилия, не передается он и кормящей матерью с молоком. Это не инфекция. Для тех психиатров, которые интересуются не столько людьми, сколько болезнями — болезнями разума, как они их называют, — жизнь относительно проста. Но для тех из нас, кто думает о пациентах не как о наборе болезней, а как о людях, как жертвах человеческой борьбы за развитие, приспособление и жизнь, задача становится неизмеримо сложнее. Встречаясь с психотическим пациентом, мы чувствуем, что «отдаем себя в руки Господа»*. Мы знаем болезнь, с примером которой столкнулись.

Некое подобие классификации способно помочь в различении многообразных разновидностей болезни. Прежде всего, мы разделим психотических пациентов на отцов и матерей, потому что существуют вполне определенные следствия, касающиеся только отношений матери с младенцем, отношений, которые начинаются очень рано; если они затрагивают отца, то только в роли заместителя матери. Здесь можно заметить, что у отца есть другая роль, гораздо более важная, в которой он делает человеческим нечто в матери и удаляет элементы, которые в против-

* Вошедшее в пословицу высказывание английского поэта 16 века Джона Бредфорда. — *Прим. перев.*

ном случае становятся магически сильными и отравляют материнскую нежность. У отцов есть собственные болезни, и их воздействие на детей можно изучить, но естественно эти болезни не вмешиваются в жизнь младенца на самой ранней стадии: вначале он должен достаточно подрасти, чтобы воспринимать отца как мужчину.

Далее я бы клинически разделил психозы на маниакально-депрессивные и шизоидные нарушения, в которые входит и сама шизофрения. Наряду с этими нарушениями существуют разнообразные варианты мании преследования, которая либо чередуется с ипохондрией, либо проявляется как общая параноидальная сверхчувствительность.

Рассмотрим теперь шизофрению, самую тяжелую болезнь, и будем продвигаться к клиническому здоровью (оставив психоневрозы, которые в данном случае нас не интересуют).

Если присмотреться к истории болезни шизоидных пациентов, мы заметим у всех слабую границу между внутренней и внешней реальностью, между тем, что чувствуется субъективно, и тем, что воспринимается объективно. Если будем всматриваться дальше, обнаружим у пациентов ощущение нереальности. И еще шизоидные пациенты легче, чем нормальные люди, «сливаются» с людьми и вещами и им труднее обособляться. Далее мы заметим относительные неудачи шизоидных больных в установлении взаимоотношений тело — эго; у таких людей психе неотчетливо связана с анатомией и функциями организма. Отношения и партнерство психе — сома неудовлетворительны; возможно, границы психе не вполне соответствуют границам организма. С другой стороны, интеллектуальные процессы могут протекать сами по себе. Шизоидные мужчины и женщины нелегко вступают во взаимоотношения, а если и вступают в такие отношения с объектами, внешними для них или реальными в обычном смысле этого слова, то с трудом их поддерживают. Они вступают в отношения на своих собственных условиях, а не на условиях других людей.

Родители с такими особенностями во многих отношениях испытывают неудачи во взаимоотношениях со своими маленькими детьми (за исключением тех случаев, когда, сознавая свою неспособность, они передают детей другим).

Необходимость отделить ребенка от больных родителей

Здесь я хочу высказать еще одно утверждение: в своей практике мне не раз приходилось сталкиваться со случаями, когда было необходимо забрать ребенка у родителей, особенно если родитель страдал психозом или тяжелым неврозом. Я мог бы дать несколько примеров подобных *случаев*, но приведу только один. В нем описывается девочка с тяжелой анорексией.

Девочке было восемь лет, когда я удалил ее от матери, и как только это произошло, девочка оказалась совершенно нормальной. Мать находилась в состоянии депрессии, которая в данном случае была реакцией на отсутствие мужа, находившегося на военной службе. Как только мать погружалась в депрессию, у девочки развивалась анорексия. Позже у матери родился мальчик, и у него в свою очередь возникли те же симптомы — это была защита от безумной потребности матери доказать свою ценность, пичкая детей едой. На этот раз на лечение ко мне брата привела сестра. Но я не смог удалить мальчика от матери даже на короткий период, и он так и не смог стать независимым от матери.

На самом деле часто нам приходится мириться с фактом, что ребенок безнадежно завяз в болезни родителей и сделать ничего нельзя. Приходится признавать такие случаи, чтобы сохранить собственный здравый рассудок.

Такие психозы родителей, особенно матери, по-разному воздействуют на младенцев и детей постарше. Однако следует помнить, что *болезнь ребенка принадлежит ребенку*, хотя этиология ее может быть связана с неблагополучием

в окружении. Ребенок может найти какой-нибудь путь здорового роста, несмотря на недостатки окружения, а может и заболеть, вопреки хорошей заботе. Когда мы организуем удаление ребенка от больных родителей, предполагается, что мы продолжим работу с ним, однако редко бывает, что ребенок, удаленный от родителей, оказывается нормальным.

«Хаотичная» мать

Очень тревожное состояние матери, которое серьезно воздействует на жизнь детей, это состояние, в котором мать погружена в хаос, вернее, находится в состоянии «организованного хаоса». Это защита: хаотическое состояние было создано и устойчиво поддерживается, несомненно, с целью скрыть гораздо более серьезную дезинтеграцию, которая угрожает постоянно. С матерями, у которых такая болезнь, очень трудно жить. Вот пример.

У пациентки, проходившей у меня длительный анализ, была такая мать, и, может быть, более трудную мать иметь невозможно. Семья пациентки выглядела нормальной, отец стабилен и доброжелателен, и в семье было много детей. Все дети в том или ином отношении испытали воздействие психического состояния матери, которое во многом напоминало состояние ее собственной матери.

Этот «организованный хаос» постоянно понуждал мать моей пациентки разбивать все на фрагменты и непрерывно «дергать» детей по пустякам. Во всех отношениях, и особенно в использовании слов, мать пациентки постоянно запутывала дочь и больше ничего не делала. Она не всегда была плохой; иногда, напротив, была очень хорошей как мать; но всегда ко всему примешивалась путаница и непредсказуемые и потому травмирующие действия. Говоря с детьми, она использовала каламбуры и бессмысленные рифмы, загадки и полуправду, фантастику и факты, «окутанные в воображение». И тем самым создавала почти полный хаос. Все ее дети страдали, а отец

был бессилён чем-то помочь им и мог только находить убежище в своей работе.

Депрессивные родители

Депрессия может быть хронической болезнью, вызывая у пациента множество нежелательных последствий, или острой болезнью, проявляющейся фазами, с более или менее внезапными отступлениями. Депрессия, о которой я в данном случае говорю, не столько шизоидная, сколько реактивная. Если младенец на той стадии развития, когда ему нужна мать, полностью посвятившая себя заботам о нём, неожиданно обнаруживает, что мать озабочена чем-то другим, чем-то относящимся к её личной жизни, это может вызвать состояние очень сильной тревоги. Младенец в таком положении ощущает себя брошенным. В примере, приводимом ниже, ребёнку было два года, когда он оказался в этом положении.

В семь лет у Тони появилась сильная навязчивость — мальчик не выпускал из рук всревок, бечевки. Он готов был превратиться в извращенца, играющего с опасностью, и уже едва не задушил сестру. Навязчивость прекратилась, когда мать по моему совету поговорила с ним о его чувстве утраты. Это чувство — чувство утраты матери — возникло у ребёнка в результате нескольких случаев разлуки в раннем возрасте. Самая болезненная из таких разлук была связана с депрессией матери и произошла, когда ребёнку было два года.

Острая фаза материнской болезни полностью отрезала мать от ребёнка, и всякое возвращение депрессии в более поздние годы тут же приводило к возвращению навязчивости у Тони. Для него бечевка стала последней защитой, она соединяла то, что казалось разъединённым*.

* См.: D.W.Winnicott, 'String'; Д. В. Винникотт, «Игра и реальность», М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2002. С. 36—44.

Итак, фаза обострения меланхолии в хронической депрессии хорошей матери в хорошей семье создала депривацию, которая, в свою очередь, вызвала у Тони его текущие симптомы.

Маниакально-депрессивные колебания настроения у некоторых родителей являются источником трудностей для детей. Поразительно, как тонко самые маленькие дети ощущают настроение родителей. Они начинают с этого каждый день и иногда привыкают на протяжении всего дня не отрывать взгляда от лица матери или отца. Вероятно, позже они так же поглядывают на небо или слушают метеосводки Би-Би-Си.

В качестве примера приведу четырехлетнего мальчика, очень чувствительного, похожего по темпераменту на отца. Пока я разговаривал с его матерью, он на полу моего кабинета играл в железную дорогу. Неожиданно, не поднимая головы, он спросил: «Вы устали, доктор Винникот?» Я спросил, что заставило его так подумать, и он ответил: «Ваше лицо»; так что, по-видимому, он хорошо присмотрелся к моему лицу, когда заходил в кабинет. Я на самом деле очень устал, но надеялся, что хорошо это скрываю. Мать объяснила, что для него очень характерно определять чувства людей, потому что его отец (прекрасный отец, врач-терапевт) был человеком, настроение которого нужно было вначале точно определить, чтобы потом можно было с ним поиграть. Отец тоже часто уставал и бывал раздражен.

Таким образом, дети могут справиться с колебаниями настроения родителей, тщательно наблюдая за ними, но травматической может стать непредсказуемость некоторых родителей. Мне кажется, что как только дети минуют самые ранние стадии полной зависимости, они могут справиться с любым отрицательным фактором, только бы он был постоянным или предсказуемым. Естественно, дети с хорошими умственными способностями в вопросах предсказания обладают преимуществом перед теми, у кого уровень интеллекта ниже, но иногда мы обнаруживаем, что высоко интеллектуальные дети

перенапрягают свои умственные способности, пытаюсь предсказать комплекс родительских настроений и тенденций.

Больные родители как терапевты

Тяжелая душевная болезнь не мешает матерям и отцам в нужный момент обращаться за помощью для своих детей.

Например, Персиваль попал ко мне в момент острого психотического приступа, когда ему было одиннадцать лет. Его отец в двадцать лет заболел шизофренией, и именно психиатр отца направил ко мне мальчика. Теперь отцу за пятьдесят, и он научился жить со своей хронической душевной болезнью. И когда сын заболел, отец очень встревожился. Мать Персиваля была шизоидной личностью, с очень слабым ощущением реальности; тем не менее она оказалась способна заботиться о сыне на ранних стадиях его болезни, пока он не оправился настолько, чтобы его можно было лечить за пределами семьи. Персивалю потребовалось три года, чтобы оправиться от своей болезни, которая очень во многом была связана с болезнями его родителей.

Этот пример я привел, потому что смог использовать обоих родителей, хотя они были очень больны, или, может быть, именно потому что они были больны; и тем не менее смогли провести Персиваля через первые стадии болезни. Сама мать стала отличным психиатром и позволила личности сына слиться со своей именно так, как было необходимо. Однако я понимал, что долго она это делать будет не в состоянии, поэтому через шесть месяцев, получив призыв о помощи, которого ожидал, я немедленно удалил Персиваля из семьи; тем не менее основная работа была уже проделана. Опыт отца с собственной шизофренией помог ему терпеть душевную болезнь сына, а состояние матери позволило ей бороться с его болезнью, пока она сама не испытала потребности в ле-

чении. Конечно, первое, что дали понять мальчику, когда он выздоровел, — то, что оба его родителя больны, и он отнесся к этому спокойно. Теперь он уже благополучно достиг половой зрелости и перевалил через этот рубеж, и, как ни парадоксально, во многом благодаря болезни родителей, мальчик здоров.

А вот совершенно другая история из моей клинической практики.

Отец семейства болел не психически; у него был рак. Врачи чудом, несмотря на рак, смогли на протяжении десяти лет сохранять ему жизнь. В результате у его жены, матери многих детей, не было за пятнадцать лет ни одного выходного, и она совершенно пала духом. Она просто существует и занята исключительно заботами о прикованном к постели муже и домашним хозяйством в мрачном, разрушающемся и угнетающем доме. Она полна чувства вины, когда происходит что-то плохое или очередной ее ребенок покидает семью. Один из ее сыновей еще подростком стал алкоголиком. Но у остальных детей все обстоит хорошо. Единственное счастье этой женщине доставляет ее работа, которой она занимается с шести до восьми часов утра. Она всем говорит, что работает ради денег, но на самом деле ей нужна перемена обстановки, потому что для нее это единственный отдых. Мне кажется, что рак отца — словно бы расползается, разлагая жизнь всей семьи. Ничего нельзя сделать, потому что рак восседает в изголовье постели отца, ухмыляющийся и всемогущий.

Это ужасное состояние; однако мне кажется, что еще хуже, когда один из родителей в семье, будучи физически здоров, страдает психическими нарушениями психического характера.

Стадии развития и родительские психозы

Теоретически за этими соображениями всегда должно стоять четкое представление о стадии развития ребенка во время воздействия травматического фактора.

Младенец может быть полностью зависим, слит с матерью, или его зависимость может быть средней степени, постепенно приближаясь к автономии, или ребенок может уже стать до определенной степени независимым. Мы можем рассматривать влияние психотических родителей на этих разных стадиях и приблизительно классифицировать болезнь следующим образом:

а) очень больные родители. В этом случае о младенцах и детях заботятся другие;

б) менее больные родители. На отдельные периоды другие берут на себя заботу о детях;

в) родители, здоровые настолько, чтобы защитить детей от своей болезни и обратиться за помощью;

г) родители, в болезнь которых «включен» ребенок, так что ничего нельзя сделать, не нарушив права родителей на их ребенка.

Обычно я очень неохотно обращаюсь к помощи закона, чтобы отобрать детей у родителей, и делаю это только в тех случаях, когда жестокое обращение вызывает общественное возмущение. Тем не менее я понимаю, что иногда приходится принимать такое решение и отбирать детей у психотических родителей. Каждый такой случай требует самого тщательного анализа или, иными словами, искусной лечебной работы.

Подростковый возраст

БОРЬБА С ПРИСТУПАМИ ДЕПРЕССИИ

Сегодня наблюдается повышенный интерес к подростковому возрасту и его проблемам. Почти во всех странах существуют подростковые группы, обращающие на себя внимание. Проведено множество исследований этой стадии развития, к тому же появилась новая литература: либо автобиографические записки самих подростков, либо романы, героями которых являются тинэйджеры, мальчики и девочки. Можно предположить, что существует связь между этим интересом к подростковому возрасту и социальными условиями, в которых мы сегодня живем.

Тем, кто занимается исследованиями в этой области, с самого начала нужно отдавать себе отчет: сами подростки совсем не хотят быть понятыми. Взрослые должны держать при себе то, что они поняли относительно подростков. Было бы нелепо писать книгу о подростковом возрасте для подростков, потому что этот период жизни должен быть прожит; это время открытия собственной личности. Каждый индивид в это время поглощен своим жизненным опытом, проблемой существования.

Лечение подростков

Существует один и только один способ лечения подростков, но он не интересен мальчикам и девочкам в лихорадке переходного возраста. Этот способ лечения — ход времени и процесс постепенного взросления; в конце

концов это приводит к появлению взрослой зрелой личности. Этот процесс нельзя ни ускорить, ни замедлить, хотя его можно разрушить или разорвать, или он может завянуть изнутри в процессе душевной болезни.

Иногда приходится напоминать себе, что хотя подростки всегда с нами, каждый подросток через несколько лет станет взрослым. Родители знают это лучше некоторых социологов, и дешевый журнализм или публичные высказывания какого-нибудь важного деятеля легко могут вызвать общественное раздражение феноменом подростков; подростки становятся главной проблемой, а тот факт, что каждый отдельный подросток в процессе роста становится ответственным членом общества, как-то не принимается во внимание.

Теоретические утверждения

Относительно роли подросткового возраста в эмоциональном развитии индивида среди тех, кто занят динамической психологией, существует значительное единство точек зрения.

Мальчик или девочка в этом возрастном периоде имеют дело преимущественно с личными пубертатными изменениями. У них возникают сексуальные способности и вторичные половые признаки, у каждого подростка есть своя история и свое прошлое с индивидуальной организацией защит от различных опасений и тревог. В частности у каждого здорового подростка есть свой личный опыт еще долатентного периода полноценного Эдипова комплекса, то есть двух главных позиций в трехсторонних отношениях с двумя родителями (или их заменой); и был (в опыте каждого подростка) организованный способ отражения тревог или принятия конфликтов и способности терпимо к ним относиться в этих чрезвычайно сложных условиях.

К тому же у каждого подростка есть определенные унаследованные и приобретенные личные характеристики,

связанные с ранним периодом младенчества и детства, фиксация дополовых типов инстинктивного опыта, остатков младенческой зависимости и младенческой безжалостности; далее имеются всевозможные болезненные образцы, связанные с неудачей созревания на Эдиповом и до-Эдиповом уровнях. Таким образом, юноша и девушка приходят к периоду половой зрелости с заранее во многом predeterminedными установками в результате переработки опыта младенчества и раннего детства, и здесь много бессознательного и много неизвестного, не испытанного.

Здесь есть пространство для большого разнообразия отдельных случаев и типа возникающих проблем, но общая проблема одна и та же: как эта эго-организация встречает появление новых импульсов Ид? Как перемены, связанные с половой зрелостью, укладываются в организацию личности конкретного юноши или конкретной девушки? Как подросток справляется со своими новыми возможностями разрушать и даже убивать, возможностями, которые в возрасте, когда только начинаешь ходить, не осложняют чувство ненависти, даже если оно возникает? Это все равно, что влить новое вино в старые бутылки.

Окружение

Окружение на этой стадии играет огромную роль, поэтому для целей описания лучше предположить наличие отца, матери и более широкой семейной организации и сохранение их интереса. Многие затруднения подростков, когда приходится обращаться к профессиональной помощи, связаны с ошибками окружения, и этот факт лишь подчеркивает значение окружения и семейной обстановки для подростков, которые достигают зрелости, хотя этот процесс и причиняет головную боль их родителям.

Вызывающее поведение и зависимость

Характерной чертой данной возрастной группы является быстрое чередование вызывающей независимости и регрессивной зависимости и даже сосуществование этих двух состояний в одно и то же время.

Изоляция индивида

Подросток обычно одинок. Именно из позиции изоляции проистекает начало, которое способно привести к взаимоотношениям между индивидами и со временем к социализации. В этом отношении подросток повторяет существеннейшую фазу младенчества, потому что младенец изолирован — по крайней мере до тех пор, пока не отвергнет «не-я» и станет отделенным индивидом, который способен вступать в отношения с объектами, внешними по отношению к себе и находящимися за пределами всемогущего контроля. Говорят, что, пока принцип удовольствия-боли не сменится принципом реальности, ребенок изолирован субъективной природой своего окружения.

Подростки — это масса изолированных личностей, которые пытаются различными средствами создать группы на основе единства вкусов. Если на них нападают, как на группу, они могут стать группой, но это параноидная организация реакции на нападение; после ликвидации угрозы группа снова распадается на собрание одиночек.

Секс до готовности к сексу

Сексуальный опыт подростков окрашен феноменом изоляции, а также тем, что юноша или девушка еще не знают, какова их ориентация: гомосексуальная, гетеросексуальная или просто нарцисстическая. Во многих случаях бывает длительный период неопределенности и

неуверенности в том, что сексуальный порыв вообще проявится. Настойчивая мастурбационная активность в этот период может быть следствием стремления избавиться от секса, а не приобрести сексуальный опыт, и принудительная гетеросексуальная или гомосексуальная активность в этом возрасте может служить цели избавления от секса или снятия напряжения, а не формой союза между двумя людьми. Союз между цельными личностями в этот период возможен в виде сексуальной игры с неясными целями или в виде фанатичного поведения с подчеркиванием чувств. И здесь индивидуальный рисунок личности готов объединиться с инстинктами, но в конечном счете находится какая-то форма облегчения сексуального напряжения; во многих случаях, если бы мы могли знать все факты, выявилась бы компульсивная мастурбация. (Исследователю темы рекомендуется руководствоваться девизом: когда задаешь вопросы, ожидай в ответ ложь.)

Возможно изучение подростков, справляющихся с изменением в Ид, в терминах Эго, и практикующий психоаналитик должен быть готов к встрече с этой центральной темой, проявляющейся в жизни ребенка, или в материале, представленном ребенком в ситуации анализа, или в сознательных и бессознательных фантазиях ребенка и в самых глубоких частях личной психической, или внутренней, реальности. Здесь, однако, я не буду развивать этот подход, потому что моя цель — рассмотреть подростковый возраст в другом отношении и попытаться соотнести современное внимание к проблемам подростков с социальными переменами последних пятидесяти лет.

Время подростка

Разве не признак здоровья общества, когда дети достигают подросткового состояния вовремя, то есть в период достижения половой зрелости? У примитивных племен

признаки наступления половой зрелости либо скрыты под табу, либо подросток в течение нескольких недель или месяцев становится взрослым в результате определенных ритуалов и испытаний. В нашем обществе взрослые естественным путем возникают из подростков, которых движут вперед тенденции к росту. Это означает, что новые взрослые обладают силой, стабильностью и зрелостью.

Естественно, у этого есть своя цена. Многие подростки срываются и вынуждены надеяться на терпимость окружающих и на лечение; к тому же такое развитие вызывает напряжение в обществе, потому что угнетает взрослых, у которых в свое время, можно сказать, отняли подростковый период; а теперь они окружены мальчиками и девочками в цветущей подростковости.

Три социальных перемены

По моему мнению, три главных перемены изменили весь климат подросткового периода.

1. *Венерические болезни* перестали быть пугалом. Спирохеты и гонококки больше не воспринимаются как орудия разгневанного Бога (как они несомненно воспринимались пятьдесят лет назад). Теперь с ними можно справиться с помощью антибиотиков. (Очень хорошо помню разговор с девушкой вскоре после мировой войны. Она рассказала, что только страх перед венерическими болезнями удержал ее от того, чтобы стать проституткой. Ее привела в ужас простая мысль, высказанная мною в разговоре, о том, что венерические болезни могут оказаться излечимыми или их можно предотвращать. Она сказала, что не может представить себе, как пережила бы свой подростковый период (а она только что из него вышла) без этого страха; только с его помощью она сохранила чистоту. Теперь она мать большой семьи, и ее можно было бы назвать нормальной; но будучи подростком она

сражалась со своими инстинктами. И это время было для нее очень трудным. Она воровала и лгала, но все же выдержала. Однако венерические болезни были для нее главным удерживающим устрашением.)

2. *Развитие контрацепции* предоставило подросткам невиданную раньше свободу. Это новая свобода — возможность исследовать сексуальность и чувственность без опасений, которые раньше почти всегда присутствовали, породить в мир нежеланного ребенка, лишённого родителей. Конечно, по-прежнему происходят и будут происходить несчастные случаи, которые ведут к опасным абортам или рождению незаконных детей. Но, говоря о проблемах подросткового периода, мы должны признать тот факт, что современный подросток, если захочет, может знакомиться с чувственной сферой, не испытывая страха перед возможным зачатием. Это справедливо только частично, потому что страх перед случайным зачатием сохраняется, но за последние тридцать лет этот новый фактор существенно изменил проблему. Теперь душевная боль, как мы можем увидеть, исходит из внутреннего чувства вины ребенка. Я не хочу сказать, что у каждого ребенка есть это внутреннее чувство вины, но здоровый ребенок очень сложным путем обязательно вырабатывает в себе умение отличать правильное от неправильного, приобретает чувство вины и идеалы, а также представление о том, кем хочет стать в будущем.

3. *Атомная бомба*, вероятно, вызвала еще более глубокие изменения, чем две вышеперечисленные характеристики нашего века. Атомная бомба действует на взаимоотношения между взрослым обществом и «подростковым приливом», который вечно вливается в море жизни. Теперь нам можно исходить из предположения, что *войн больше не будет, по крайней мере, таких, какие потрясали мир*. Конечно, можно возразить, что в любую минуту в том или ином месте земного шара может возникнуть война, но мы знаем теперь, что невозможно путем новой войны решить социальные проблемы. Поэтому теперь, казалось бы, нет оснований для навязывания детям строгой военной или

морской дисциплины, какой бы удобной такая организация нам ни казалась*.

И здесь сказывается эффект атомной бомбы. Если больше нет смысла пытаться справиться с трудностями наших подростков, готовя их к сражениям за короля и страну, нам приходится заниматься подростковым возрастом как вещью в себе. Теперь нам приходится внимательней изучать его.

Подростки находятся в преддверии своих возможностей и сил. В фантазийной жизни сила мужчины не только в активном или пассивном половом акте. Она включает в себя победу одного мужчины над другим и женское восхищение победителем. И я полагаю, что теперь все это окутается мистикой баров и изредка драками с ножами. Подростки должны в гораздо большей степени, чем раньше, довольствоваться самими собой, быть предоставленными самим себе, а это весьма взрывчатый материал — подобно подавленному подсознанию индивида, которое, будучи открыто миру, оказывается совсем не прекрасным.

Когда мы думаем об известных жестокостях современных молодых людей, нужно сопоставлять их со всеми смертями, которая принесла бы война, которой нет и, надемся, не будет, со всеми жестокостями войны, которых не будет; со всей половой распушенностью, которая сопровождает любую войну и которой, хочется верить, не будет снова. А подростки рядом с нами, и так будет всегда.

Эти три перемены оказали сильное воздействие на общественное сознание, и теперь ясно, что подростковые проблемы больше не удастся убрать со сцены такими «ложными маневрами», как воинская повинность.

* В свете событий последних лет и глобальной борьбы с терроризмом, с такими утверждениями автора вряд ли можно согласиться. — *Прим. ред.*

Неприемлемость ложных решений

Важнейшая характеристика подростков — они не принимают ложных решений. Такое отношение характерно также для младенчества и болезней шизофренического типа.

Лечит подростков время, но этот факт почти не имеет смысла для самих подростков. Подростки ищут немедленных средств, но в то же время отвергают одно за другим такие «средства», обнаружив в них элемент фальши.

Как только подросток научается выносить компромиссы, он обнаруживает многочисленные возможности смягчения безжалостности основных истин своего бытия. Например, одна из таких возможностей — идентификация с родительскими фигурами; или возможен перенос акцента с секса на физическое совершенство в спорте или с физической стороны на интеллектуальные достижения. Но в целом подростки отвергают эту «помощь компромиссов», и им приходится проходить через *депрессивную зону*, фазу, в которой они чувствуют свою тщетность и в которой они еще не нашли себя. И нам приходится наблюдать, как это происходит. Но полный отказ от компромиссов, в особенности от использования идентификации и чужого опыта, означает, что каждому индивиду приходится все начинать с самого начала, не учитывая всего того, что выработала в прошлом наша культура. Мы видим, как подростки начинают все сначала, как будто ничего ни у кого не могут заимствовать. Они образуют группы на основе каких-то незначительных совпадений, в группу входят по признаку одной местности или одного возраста. Молодые люди ищут такой идентификации, которая помогла бы им победить *в борьбе за ощущение реальности*, в борьбе за установление личной идентичности, чтобы не просто соответствовать принятой на себя роли, но и пройти через все, что с этой ролью связано. Они не знают, кем станут. Они не знают, кто они, и они ждут. И поскольку все в ожидании, они чувствуют нереальность, а это ведет к таким вещам, которые

кажутся им реальными и которые, увы, чересчур реальны в глазах общества.

В сущности, здесь мы опять сталкиваемся с этой своеобразной особенностью подросткового возраста — *смесью вызова и зависимости*. Те, кто наблюдает за подростками, снова и снова поражаются тому, до какой степени эти мальчики и девочки могут вызываяще себя вести и в то же время быть зависимыми, как дети, даже как младенцы, проявляя признаки младенческой зависимости, которая восходит к самым ранним временам. Больше того, родители платят деньги, чтобы позволить своим детям бросать им вызов. Это наглядный пример того, что те, кто теоретизирует, пишет и говорит, действуют совсем не на том уровне, на каком живут подростки и на котором родители сталкиваются с проблемами влияния на жизнь подростков. Реальна здесь не теория, а взаимодействие друг с другом подростков и родителей.

Потребности подростков

Итак, мы можем собрать воедино потребности подростков.

Потребность избегать ложных решений.

Потребность чувствовать реальность или смириться с отказом от чувств.

Потребность вести себя вызываяще в ситуации, когда ощущаешь зависимость.

Потребность задирать, шокировать общество, так, чтобы проявлялся его антагонизм, на который можно отвечать своим антагонизмом.

Здоровая подростковость и болезни

То, что демонстрирует нормальный подросток, весьма напоминает то, что проявляется у различных больных личностей. Например.

Потребность избегать ложных решений соответствует неспособности психотических пациентов к компромиссам; сравните также с психоневротической двусмысленностью и обманом и самообманом здоровья.

Потребность ощущать реальность или вообще ничего не ощущать соотносится с психотической депрессией при деперсонализации.

Потребность бросать вызов соответствует антиобщественным тенденциям, которые проявляют малолетние преступники.

Отсюда следует, что в группе подростков разнообразные тенденции представляются наиболее большими членами группы. Например, один из членов группы злоупотребляет наркотиками, другой в депрессии валяется в постели, а третий, не задумываясь, выхватывает в драках нож. В каждом таком случае вся группа поддерживает больного индивида, крайнее проявление симптомов которого приходит в столкновение с обществом. Но у большинства индивидов, составляющих группу, недостаточно энергии, чтобы перенести симптомы в реальность и столкнуться с реакцией общества.

Депрессии

Повторю: если подростки проходят через эту стадию естественным путем, следует ожидать феномена, который можно назвать *подростковой депрессией*. Общество должно воспринять это как постоянную особенность, относиться к этой особенности терпимо, реагировать на нее, но *не пытаться излечить*. Вопрос в том, достаточно ли для этого здорово наше общество?

Осложняющим обстоятельством является то, что некоторые индивиды настолько больны (психоневроз, или депрессия, или шизофрения), что не достигают стадии эмоционального развития, которую можно назвать подростковой, или достигают ее в весьма искаженном виде. Я не включаю сюда описание тяжелых душевных заболеваний, которые

начинают сказываться в этом возрасте; тем не менее один тип болезни нельзя не упомянуть, говоря о подростках. Я имею в виду подростковую преступность.

Подростки и антисоциальные тенденции

Поучительно изучать тесные связи, существующие между нормальными подростковыми трудностями и ненормальностями, которые можно назвать антисоциальными тенденциями. Разница между этими двумя тенденциями не столько в клинической картине, представленной каждым индивидом, сколько в динамике, этиологии. В основе любой антиобщественной тенденции всегда лежит депривация, лишение ребенка чего-то необходимого. Возможно, мать в самый критический период находилась в состоянии отчуждения или депрессии, или, может, распалась семья. Даже легкая депривация, если она происходит в критический момент, может вызвать серьезные последствия, потому что перенапрягает защитные механизмы. Любая антисоциальная тенденция — это вначале здоровое состояние, потом его нарушение, после чего положение никогда не возвращается к прежнему. Антисоциальный ребенок тем или иным способом, насильственно или мягко, пытается заставить мир признать долг перед ним; или старается восстановить разрушенное состояние. Таким образом, в основе антиобщественных тенденций находится депривация. Сказать, что в основе подростковости в целом лежит депривация, нельзя, но отдельные ее элементы присутствуют; они слабее, более рассеяны и не перенапрягают имеющиеся защитные механизмы. Таким образом, в группе, с которой идентифицируют себя подростки, или в совокупности изолированных индивидов, которая преобразуется в группу в ответ на внешнее давление, крайние члены действуют за всю группу. Все то, что совершают подростки: кражи, драки на ножах, разъединения и объединения, вообще все — уже содержится в динамике данной группы, даже когда она просто слушает

джаз или пьет пиво. *И если ничего не происходит*, члены группы начинают чувствовать неуверенность в своем протесте, и однако они сами не настолько встревожены, чтобы совершить антиобщественное действие, которое вернуло бы им уверенность. Но если в группе есть один антиобщественный член или два-три готовых на антисоциальные действия, которые вызовут общественную реакцию, это заставляет остальных членов сплотиться, согласовать свои действия и поступки, позволяет им ощутить собственную реальность и временно структурирует группу. Каждый член будет верен и поддержит того, кто действует от всей группы, даже если никто из них внутренне не одобрит того, что делают эти крайние антисоциальные типы.

Я думаю, этот принцип применим и к другим видам болезней. Попытка самоубийства одного из членов очень важна для остальных. Или один из членов группы не может встать, он парализован депрессией, и на его проигрывателе всегда меланхолическая, печальная музыка; он запирается в своей комнате, и туда никто не может войти. Остальные знают, что происходит, и когда время от времени он выходит, у них начинается пирушка, которая может продолжаться всю ночь или два-три дня. Такие происшествия как бы принадлежат всей группе, причем состав группы может меняться и члены меняют группы; однако все время рядовые члены группы используют «экстремалов», чтобы *ощутить собственную реальность* в своей напряженной внутренней борьбе в этот депрессивный период.

Все сводится к проблеме, *каким быть в подростковом возрасте*. Для этого нужна немалая смелость, и некоторые пытаются ее обрести. Это совсем не значит, что взрослые должны сказать: «Смотрите, у наших дорогих детей подростковый период; мы должны с этим смириться, и пусть разбивают нам окна». Дело совсем не в этом. Дело в том, что нам бросают вызов. И мы отвечаем на него, как положено взрослым. Но мы принимаем вызов, не намереваясь излечить то, что в своей основе здорово.

Самый большой вызов подростки бросают тем из нас, у кого не было настоящей подростковости. Мы негодуем, что у них есть свой период подростковой депрессии, и это заставляет нас искать для них решение. Существуют сотни ложных решений. Все, что мы говорим или делаем, неверно. Если мы поддерживаем, это ошибка, если не поддерживаем — тоже ошибка. Мы осмеливаемся не быть «понимающими». Но со временем мы увидим, что наши подростки, мальчики и девочки, вышли из этого трудного периода и теперь готовы идентифицироваться с обществом, с родителями, с самыми различными видами более широких групп, не испытывая угрозы лишиться личной уникальности.

Семья и эмоциональная зрелость

Психология, о которой я сейчас говорю, считает зрелость синонимом здоровья. Здоровый ребенок десяти лет зрел для десятилетнего ребенка; подросток — это зрелый подросток, а не преждевременно созревший взрослый. Взрослый, который здоров, зрел как взрослый, и это означает, что он прошел через все стадии незрелости, через все стадии взросления в более молодом возрасте. К зрелому взрослому его незрелость возвращается для забавы или в напряжении, или в тайном автоэротическом опыте, или в снах. Для того чтобы по справедливости оценить эту концепцию «зрелости каждого возраста», необходимо переформулировать всю теорию эмоционального развития, но я предполагаю, что читатель обладает кое-какими сведениями из динамической психологии и теории, на основе которой работает психоаналитик.

Учитывая данную концепцию зрелости, моя тема — роль семьи в обретении индивидуального здоровья. И это заставляет поставить следующий вопрос: может ли индивид достичь эмоциональной зрелости не в рамках семьи?

Если разделить динамическую психологию на два раздела, возникают два подхода к теме индивидуального развития. Во-первых, существует развитие инстинктивной жизни, прегенитальные инстинктивные функции и фантазии, на которых строится полная сексуальность — а она, как известно, достигается до начала латентного периода. Рассуждая в этом направлении, мы приходим к мысли о подростковом периоде как о времени, когда на сцене доминируют пубертатные изменения и защита от

тревог, которая была создана в первые годы, появляется снова или стремится появиться в растущем индивиде. Все это очень знакомо. По контрасту я хочу по-другому взглянуть на то, посредством чего каждый индивид, начиная с почти абсолютной зависимости, становится менее зависим и постепенно обретает автономию.

Выгодней и удобней рассматривать второй путь. Если мы так поступим, то возраст ребенка, подростка и взрослого нас будет не очень занимать. А занимать будет влияние окружения, которое хорошо приспособлено к потребностям индивида в каждый данный момент. Иными словами, это та же самая тема, что и тема материнской заботы, которая меняется в соответствии с возрастом младенца, начиная с ранней его зависимости, и затем порывов младенца к независимости, его попытками ее обрести. Второй подход к жизни особенно пригоден для изучения здорового развития, а наша цель в настоящий момент как раз изучение здоровья.

Материнская забота становится родительской, оба родителя вместе принимают на себя ответственность за младенца и за отношения между младенцем и другими детьми. Больше того, родители готовы принять тот «вклад», который приносит в семью здоровый младенец. Родительская забота эволюционирует в пределах семьи, и значение слова «семья» начинает расширяться, включая бабушек и дедушек, двоюродных братьев и сестер, людей, которые становятся подобными родственникам благодаря соседству или своей особой роли, например крестные родители.

Когда мы рассматриваем этот развивающийся феномен, который начинается с материнской заботы и дозревает до настойчивого интереса к семье, какой испытывает каждый подросток, нас не может не поразить человеческая потребность во все более расширяющемся круге заботы об индивиде, а также потребность индивида в месте, где время от времени он может вносить свой вклад, когда испытывает порывы к творчеству или щедрости. И эти все расширяющиеся круги начинаются с коленей матери, ее объятий и ее озабоченности.

Я много писал об очень тонкой адаптации матери к потребностям младенца, потребностям, которые способны ежеминутно меняться. Кто, кроме матери, может понять нужды и беды младенца? Теперь я хотел бы продолжить эту тему и сказать, что только семья ребенка способна продолжить выполнение этой задачи, которое начинает мать и продолжают совместно мать и отец, задачи удовлетворения потребностей ребенка. Эти потребности включают зависимость и стремление индивида к независимости. Задача включает не только удовлетворение меняющихся потребностей индивида, но и постоянную готовность принять его посильный вклад, который является жизненно важной особенностью существования человека. В задачу входит далее способность с пониманием отнестись к вызывающему поведению, а также и к возвратам к зависимости, которые чередуются с вызывающим поведением.

Сразу же становится очевидно, что, говоря о вызывающем поведении и зависимости, я обсуждаю то, что типично для подросткового возраста и может быть хорошо наблюдаемо в этом возрасте; в сущности, это главная проблема в общении с подростками: как оказаться рядом в момент, когда подросток становится инфантильным и зависимым, все принимает как само собой разумеющееся, — и в то же время быть готовым столкнуться с вызывающим ударом, с помощью которого тот же подросток пытается установить свою личную независимость. Именно семья индивида лучше всего подготовлена к решению этой задачи, требующей от родителей одновременно терпимости и траты денег, времени и заботы. Как хорошо известно, подросток, убегающий из дома, утрачивает потребность в доме и семье.

В этом месте я хотел бы повторить: индивид в ходе эмоционального роста переходит от зависимости к независимости и в нормальном здоровом состоянии сохраняет способность переходить от одного к другому. Этот процесс осуществляется не легко и не спокойно. Осложняется он альтернативой вызывающего поведения и возвратом от

такого поведения к зависимости. При вызывающем поведении индивид разрывает непосредственное окружение, то, что обеспечивало его безопасность. Чтобы этот разрыв был полезен, необходимы две вещи. Индивид должен найти более широкий круг, готовый принять его, а это по существу то же самое, что сказать: он готов вернуться к ситуации, из которой вырвался. В практическом смысле маленький ребенок нуждается в высвобождении из материнских объятий не для того, чтобы пространственно уйти дальше: он высвобождается от контроля, символом которого стали колени и объятия матери. Ребенок чуть постарше убегает из дома, но, добежав до конца заднего двора, останавливается. Садовая ограда символизирует для него сохранение прежнего круга, из которого он только что вырвался. Позже то же самое происходит со школой и в отношении других групп, которые находятся за пределами семьи. В каждом случае более широкая группа символизирует уход из дома, но одновременно и сохранение дома, из которого индивид только что вырвался — в реальности или в воображении.

Когда все идет хорошо, ребенок, вопреки стремлению уйти, всегда способен вернуться домой. Мы можем описать это в терминах внутренней «экономии», в терминах организации внутренней психической реальности. Но в широком смысле успех в нахождении личного решения зависит от наличия семьи и от родительского руководства. Можно сказать по-другому: ребенку очень трудно разобраться в конфликтах лояльности без должного руководства со стороны семьи. Обычно такое понимающее руководство присутствует, потому что есть семья, есть родители, чувствующие свою ответственность и готовые принять ее на себя. В подавляющем большинстве случаев дом и семья существуют, остаются прочными и предоставляют индивиду возможности для личного развития. Удивительно большое количество людей, оглядываясь назад, может сказать, что именно семья не позволила им допустить ошибку, как мать в первые дни, недели и месяцы не оставляла их без своей заботы.

Если в семье есть другие дети, то каждый ребенок испытывает огромное облегчение, благодаря возможности разделить с кем-то свои проблемы. Это совсем другая большая тема, и здесь я хочу только сказать, что если семья полная и братья и сестры дружны, каждый индивид получает прекрасную возможность «начинать социальную жизнь». Главное в том, что в центре всегда находятся отношения с реальными матерью и отцом, и как бы это ни разделяло детей, заставляя их иной раз даже ненавидеть друг друга, в основном это же их соединяет и создает ситуацию, в которой безопасно негодовать.

Все это легко принять само собой разумеющимся, когда существует полная, цельная семья, и мы видим, как растут дети, демонстрируя все стороны естественного развития, которые могут показаться неудобными, тревожными. И только когда семье угрожает распад или она распалась, мы замечаем, насколько она важна. Правда, угроза распада семьи далеко не всегда ведет к клинической болезни детей, потому что в большинстве случаев приводит к преждевременному эмоциональному взрослению и не по годам выработанным независимости и чувству ответственности; но не это мы называем зрелостью возраста, и это не здоровье, даже если в этом и есть черты здоровья.

Позвольте сформулировать общий принцип. Мне кажется, что пока семья цельная, все соотносится непосредственно с реальными отцом и матерью. В сознательной жизни и в фантазиях ребенок может уйти от отца и матери и испытать при этом даже большое облегчение. Тем не менее в его бессознательном всегда сохраняется возможность возвращения. В бессознательных фантазиях ребенка всегда сохраняется фундаментальная связь с отцом и матерью и «претензии» на их внимание. Постепенно ребенок утрачивает эти «претензии» почти полностью, но происходит это в фантазиях. Происходит постепенное смещение «претензий» с реальных родительских фигур во вне. И повзрослевшую семью цементирует тот факт, что для каждого члена семьи отец и мать всегда живы во внутренней психической реальности.

Таким образом, мы видим две тенденции. Первая — тенденция индивида уйти от матери, от отца и матери и от семьи, причем каждый шаг дает все большую свободу мыслей и функций. Другая тенденция действует в противоположном направлении, это стремление сохранить отношения с реальными отцом и матерью. Именно вторая тенденция делает первую часть роста именно ростом, а не разрушением личности индивида. Дело не в интеллектуальном признании того, что все расширяющаяся сфера отношений символически сохраняет идею отца и матери. Я имею в виду способность индивида действительно вернуться к отцу и матери, назад, в центр, или назад, к самому началу, вернуться в любой момент — может быть, в мимолетной фантазии, в мечте, в стихотворении или в шутке. Основа всех замещений — отец и мать, и эта особенность должна сохраниться. Эту мысль можно применить очень широко; мы можем, например, представить себе эмигранта, который живет на другом полушарии, но со временем возвращается, чтобы убедиться, что Пиккадилли-Серкус* на месте и не изменилась. Надеюсь, я показал, что если принимать во внимание подсознательные фантазии — а их, конечно, нужно принимать во внимание, — постоянное расширение исследуемого ребенком мира, его стремление к группам за пределами семьи и упорное разрушение всех застывших жестких форм одновременно есть и его потребность в первичных взаимоотношениях со своими подлинными родителями.

Для здорового развития на любой стадии индивиду необходимо постоянное продвижение вперед, так сказать, хорошо градуированные серии вызывающих действий, но каждое из этих действий должно быть совместимо с сохранением бессознательных связей с центральной фигурой или фигурами, с родителями или с матерью. И если понаблюдать за семьей, то можно увидеть, как в естествен-

* Площадь в центральной части Лондона со знаменитой статусей Эроса; одна из главных достопримечательностей английской столицы. — *Прим. перев.*

ном ходе событий родители прилагают усилия, чтобы поддержать эти «серии» и их последовательность, чтобы не нарушалась постепенность в развитии индивида.

Особый случай представляет сексуальное развитие — и в первых шагах личной сексуальной жизни, и в поисках партнера. В браке осуществляется одновременно разрыв с реальными родителями и сохранение и развитие идеи создания семьи.

На практике эти напряженные эпизоды часто «заслонены» процессом идентификации, в особенности идентификации юноши с отцом и девушки с матерью. Однако жизненное решение в терминах идентификации не всегда «срабатывает», ибо отдельные подростки позволяют себе в мечтах насильственное и яростное ниспровержение. В связи с этой темой повторяющихся разрывов, которые характерны для жизни растущего индивида, облегчение получает Эдипов комплекс, поскольку в ситуации треугольника мальчик может соединить любовь к матери и идею отца, аналогично девочка, находясь рядом с матерью, может сдерживать свое стремление к отцу. Если же речь идет только о ребенке и матери, то тут возможны только два выхода: быть поглощенным или вырваться на свободу.

Чем больше мы анализируем эти проблемы, тем больше убеждаемся, как трудно любой группе совладать со всеми вызовами и обеспечить нормальное развитие, если эта группа не семья, членом которой является ребенок.

Мне нет необходимости напоминать, что нельзя считать верным противоположное: если семья делает все необходимое для ребенка в этом отношении, то ребенок обязательно достигнет полной зрелости. Во внутренней жизни каждого индивида существует множество опасностей, и личная психотерапия направлена в основном на расчистку этих внутренних напряжений и стрессов.

Размышляя о роли семьи, полезно помнить, какой вклад в эту тему внесли социальная психология и антропология. В связи с социальной психологией можно упомянуть работу Виллмога и Янга «Семья и родство в восточном Лондоне». А что касается антропологии, мы знаем, как

варьируются особенности семьи в зависимости от местности или эпохи; иногда детей воспитывают тети и дяди, и подлинные родители могут быть совсем забыты; но в бессознательном всегда сохраняется память о подлинных родителях.

Но вернемся к концепции зрелости как здоровья. Индивидуально легко перепрыгнуть через одну-две ступеньки, стать зрелым преждевременно, «утвердив» свою индивидуальность, в то время как следовало бы оставаться менее уверенным и более зависимым. Об этом необходимо помнить, когда мы изучаем эмоциональную зрелость или незрелость индивидов, выросших в отрыве от своей семьи. Эти индивиды могут развиваться таким образом, что вначале нам хочется сказать: какой он основательный и независимый и как хорошо, должно быть, рано в жизни стать самостоятельным и независимым! Однако я не считаю это окончательным суждением, потому что полагаю, что для обретения подлинной зрелости необходимо, чтобы индивид не достигал зрелости преждевременно, не чувствовал себя совершенно отдельным в то время, как его возрастная группа еще сохраняет свою зависимость.

Оглядываясь назад и обдумывая вопрос, который я поставил вначале, я прихожу к выводу, что если принять идею здоровья как зрелости, соответствующей каждому определенному возрасту, эмоциональная зрелость индивида не может быть достигнута за пределами семьи: только семья представляет собой мост, ведущий от родительской (или материнской) заботы к жизни в обществе. И не следует забывать, что общество — это во многом расширение и продолжение семьи. Если присмотреться к тому, как родители заботятся о маленьких и старших детях, и изучить политические институты взрослой жизни, мы увидим замещение семейной обстановки и семьи. Мы увидим, например, как детям предоставляют возможность вырваться из своей семьи, из своего дома, чтобы найти новый дом, из которого они в случае необходимости тоже смогут вырваться. Дом и семья остаются моделями, на которых основаны все существующие социальные институты.

Есть две главные особенности, которыми (на принятом мною здесь языке) семья способствует достижению эмоциональной зрелости индивида: первая — это сохраняющаяся возможность высокой степени зависимости; вторая — предоставление индивиду возможности вырваться из семейных уз, уйти из семьи в социальные сферы, которые находятся сразу за ее пределами, а затем переходить от одной социальной сферы к другой, а может, к третьей и четвертой. Эти все расширяющиеся круги, которые со временем становятся политическими, религиозными или культурными объединениями общества, а может, и национализм (как бы мы ни стремились к интернациональному, нельзя упускать из виду национализм как один из этапов развития), оказываются конечным продуктом того, что начинается как материнская забота, родительская забота и продолжается как семейная забота. Именно семья словно специально приспособлена для того, что поддерживать подсознательную зависимость от отца и матери, реальных отца и матери, и эта зависимость прикрывает растущую потребность ребенка к вызывающему высвобождению от семейных уз.

В таком представлении концепция взрослой зрелости адекватна психическому здоровью. Можно сказать, что зрелый взрослый способен идентифицировать себя с окружающими группами или институтами и сделать это без утраты осознания собственного существования и развития, не жертвуя слишком сильно спонтанными импульсами, которые являются основой творческих способностей. Если рассмотреть понятие «группировок окружения», то самое большое значение приобретет самая широкая группировка, самая обширная сфера общества, с которой идентифицирует себя индивид. Важной особенностью является способность индивида после каждого вызывающего действия заново открывать для себя разбитые первоначальные формы материнской и отцовской заботы и семейной атмосферы, все то, от чего индивид зависел на более ранних стадиях. Функция семьи — предоставлять практические возможности для индивидуального роста.

Вот два высказывания, которые удивительно дополняют друг друга.

1. Все не то, чем кажется!

2. Plus ça change, plus c'est la même chose*.

Зрелый взрослый подкрепляет эти древние высказывания, каждый раз заново воссоздавая разрушенное. Так и родители делают шаг вверх, потом шаг вниз и становятся дедушками и бабушками.

* Чем больше перемен, тем больше постоянства (фр.). — *Прим. перев.*

Часть вторая

Теоретические утверждения в области детской психиатрии

1. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СФЕРА

Только теперь становится очевидным, что та часть педиатрии, которая связана с психологией, столь же важна, как та, что занимается состоянием тканей организма и действием физических заболеваний на организм и его функции. Педиатрия основана на знании а priori* физического развития и нарушений в этом развитии и в функциях организма. Психиатрия основана на понимании эмоционального развития нормального младенца, ребенка, подростка и взрослого и развития взаимоотношений индивида с внешней реальностью.

Здесь следует остановиться на роли академической психологии. Академическая психология находится на границе между физическим и эмоциональным ростом. Академический психолог изучает проявления, которые, хотя и являются психологическими, в сущности, относятся к физическому росту. Примером могут послужить навыки, которые развиваются *pari passu*** с ростом мозга и развитием координации, или навыки, которые не развиваются из-за физического повреждения мозга. В качестве иллюстрации: академический психолог интересуется возрастом, в котором ребенок может начать ходить; однако динамическая психология принимает во внимание, что

* Априорный, доопытный. — *Прим. перев.*

** Одновременно (лат.). — *Прим. перев.*

тревожность может заставить ребенка начать ходить раньше времени или, наоборот, задержать развитие этой способности. Редко бывает так, что время, когда ребенок начинает ходить, точно соответствует его и физиологическому, и анатомическому росту и развитию.

Важная тема тестирования интеллекта также иллюстрирует заинтересованность академического психолога детскими способностями, основанными на качествах мозга как функционирующего органа. Академический психолог заинтересован в любой возможности исключить эмоциональные факторы, которые нарушают «чистоту» результатов теста. Когда клиницист использует результаты теста, он должен заново «закутать» их в сознательно снятые ткани динамической психологии. Психиатрическое интервью существенно отличается от теста на интеллект, и смешивать их нельзя. Одному человеку даже нелегко выступать в обеих ролях: в роли психолога, проводящего тест, и в роли психиатра.

В сущности, психиатр в особенности использует то, что психолог старается устранить, а именно эмоциональную спутанность. Цель психиатра не проведение теста, но влияние на эмоциональную жизнь пациента, он должен почувствовать свою «включенность» и знать скорее пациента, чем о пациенте.

В этом отношении социальный работник находится в той же позиции, что психиатр.

На первый взгляд, академическая психология кажется в большей степени наукой, чем динамическая. И клиническая медицина, и психиатрия более «лабораторны». Однако человек соткан из чувств и их соотношений, и узнать форму мозга человека еще не значит узнать его психе. В детской психиатрии клинические проблемы в основном как раз связаны с психе, с личностью, с персонной и с внутренней и внешней жизнью чувства. (Нужно заметить, что автор совсем не склонен преуменьшать роль академической психологии.)

Врач как советчик

Врач часто оказывается в ложном положении, потому что от него как от авторитета в физической медицине ждут совета и в области психологии. Он может распознать эмоциональные отклонения и направить пациента к коллеге-психиатру. Однако если от него ожидают, что он разбирается в особенностях нормального эмоционального развития, — он не в своей области. Он не подготовлен для того, чтобы давать советы родителям относительно воспитания нормального ребенка. Конечно, он может опираться на свой опыт в качестве родителя, но психологию невозможно изучить, наблюдая за собой и собственными детьми.

Комплекс знаний об эмоциональном развитии младенца и родительской заботе о детях в целом — это, в сущности, самостоятельная научная дисциплина, к тому же очень сложная, которая предъявляет высокие требования к тем, кто ее изучает. Дело не в том, чтобы «уметь обращаться с детьми»; дело в совершенно другом. Можно добавить, что, если родители добились успеха в воспитании детей, они сами не знают, что привело их к успеху. Можно даже утверждать, что родители, у которых неудачные дети, скорее могут дать совет, потому что неудача заставила их объективно взглянуть на заботу о детях и их воспитание.

Очевидно, что педиатр, который прекрасно знаком с физической стороной развития ребенка, не может упускать детскую психиатрию. От него требуются усилия, он должен овладеть новой наукой и со временем новыми навыками, основанными на науке, которая не включается в учебный план студента-медика. Если это справедливо относительно педиатра, то справедливо также относительно учителя и социального работника.

Психосоматическая дихотомия

Нигде необходимость разбираться в таких проблемах не становится настолько ясной, как в лечении психосоматических нарушений. На практике очень трудно встретить физически ориентированного педиатра, который легко и на равных сотрудничал бы с психоаналитически ориентированным психотерапевтом, причем каждый разбирался бы в работе другого и верил в ее полезность. На практике ребенок разрывается не только внутренне — физическими факторами и психологическими проявлениями, но и внешне — в соперничестве врачей. Ребенок, который нуждается в госпитализации из-за психосоматических нарушений, либо попадает в больничную палату, где за него отвечает физически ориентированный педиатр, либо оказывается в психиатрической клинике или в приюте для трудных детей, и в результате педиатр больше не в состоянии за ним следить.

Правда, существует амбулаторный прием, и ребенок может долгое время лечиться, не получая ярлычок физического или психического заболевания. Это единственная основа, на которой возможна практика психосоматической медицины.

Педиатрия и детская психиатрия

Развитие отношений между педиатрией и детской психиатрией может быть представлено следующим образом. Педиатр, который предполагает, что будет полностью занят физическими болезнями, готовится на основе изучения физических наук. На основе педиатрии развивается изучение здорового организма. Педиатрия вносит в это изучение особый вклад, так как занимается проблемами роста. Со временем изучение физического организма приводит педиатров к пониманию физических потребностей младенца как стадии полной физической зависимости.

В педиатрии существует тенденция использовать вместо клиники лабораторию. Больничная палата превращается едва ли не в лабораторию. А амбулаторных пациентов пытаются поставить в те же условия, что и госпитализированных.

Однако изучение здорового ребенка все более и более уводит педиатра к условиям, которые естественны для ребенка и далеки от контролируемых условий лаборатории. Клиницист не может выполнять свою работу без понимания ребенка и сочувствия к нему как к личности, и он по необходимости сталкивается с взаимоотношениями ребенка с окружающей средой, включая сюда все проблемы воспитания. Таким образом, педиатр, который остается клиницистом, поворачивает в сторону психиатрии и оказывается в положении советчика по вопросам заботы о детях, хотя для такой роли у него нет специальной подготовки.

Сегодня педиатры в Великобритании физически ориентированы и достигли больших успехов в физической сфере. В результате этих достижений резко сократилось количество физических заболеваний, и можно предсказать их дальнейшее сокращение по мере развития педиатрии в стране.

Была проделана также очень большая работа по изучению нормального эмоционального развития младенцев и детей разного возраста, а также в области психопатологии; больше того, началась организованная подготовка психоаналитиков и детских психоаналитиков. Фрейд много лет назад показал, что при лечении психических болезней взрослых аналитик постоянно обращается к ребенку во взрослом; как следствие этого положения стала возможна профилактическая работа непосредственно с детьми и даже с младенцами, а также перемены в области заботы о детях. Стало возможно лечить психические заболевания детей, пока дети еще находятся в состоянии зависимости. И теперь существует все более сильная тенденция в педиатрии обращать внимание не только на физическое, но и на эмоциональное развитие, на разви-

тие личности ребенка и его отношений с семьей и социальным окружением.

Психоанализ и ребенок

Произошли перемены и в психоанализе по отношению к ребенку. Эту эволюцию, пожалуй, можно описать следующим образом. Практикующий психоаналитик лечит взрослых пациентов всех типов: тех, кто считается *нормальными*, тех, кто классифицируется как *невротики*, пациентов с *антиобщественными* тенденциями и тех, кто граничит с *психотиками*. Во всех случаях, занимаясь повседневными проблемами пациента, психоаналитик обнаруживает, что ему приходится изучать детство и даже младенчество пациента. Таким образом, следующим шагом для него становится лечение подростков, детей, маленьких детей, и он начинает заниматься эмоциональной жизнью реального ребенка, а не ребенка во взрослом. Он анализирует детей, принимает участие в лечении психически больных детей и обсуждает с родителями заботу о младенцах. Проводя психотерапию, психоаналитик обладает возможностью заниматься ребенком в целом. Поэтому в поле его внимания естественно попадают нарушения физического здоровья, связанные с эмоциональными нарушениями, а также эмоциональные нарушения, вторичные по отношению к физическим болезням. Однако лечение физических болезней требует знаний, накопленных физически ориентированными педиатрами.

Психоаналитик должен помнить, что физическое здоровье, которое он считает само собой разумеющимся, зависит от профилактических усилий педиатров. А также от акушеров, которые за последние десятилетия намного сократили младенческую смертность и сделали роды относительно безопасными.

Но кто позаботится о ребенке в целом?

2. ПАЦИЕНТ-РЕБЕНОК

Аспекты психиатрической проблемы, изучаемые последовательно

Теперь рассмотрим проблему, с которой сталкивается всякий, имеющий дело с ребенком в терапевтической ситуации. Существуют три набора феноменов, тесно взаимосвязанных, но, тем не менее, различных. (В данном описании подразумевается наличие физического здоровья.)

1. Нормальные трудности жизни

Норма, или здоровье, — это вопрос зрелости, а не свободы от симптомов. Например, нормальный четырехлетний ребенок испытывает очень сильную тревогу просто потому, что в человеческих отношениях существуют конфликты, обязательно сопровождающие жизнь и связанные с овладением инстинктами. Парадоксально, что в определенном возрасте, например в четыре года, нормальный ребенок может демонстрировать весь набор симптомов (явная тревога, приступы раздражительности, фобии, навязчивые компульсии, нарушения соответствующих физических функций, драматизация, конфликты в психической сфере и т. д.), в то время как почти свободный от симптомов ребенок может оказаться тяжело больным. Естественно, опытный психиатр способен заглянуть за этот фасад, но с точки зрения неподготовленного наблюдателя, а под такое определение вполне может подойти физически ориентированный педиатр, именно больной ребенок может казаться более нормальным.

2. Проявления детского невроза (или психоза)

В разном возрасте, от младенчества до подросткового периода, могут быть обнаружены проявления психиче-

ского заболевания. Организация защиты от невыносимых тревог продуцирует симптоматику, которую можно распознать, классифицировать, после чего возможно лечение. В некоторых случаях окружение достаточно нормальное, в других внешний фактор этиологически значителен.

3. Латентный невроз или психоз

Далее психиатр прилагает усилия, чтобы разглядеть у ребенка потенциальную болезнь, которая может проявиться позже при перенапряжении, под действием травматического стресса или стресса подросткового периода, взрослого состояния и независимости. Эта третья задача детского психиатра очень трудна, но выполнима. В качестве примера можно привести распространенный феномен создания ложной Самости. Ложная Самость может хорошо вписываться в семейные рамки, возможно, в болезнь матери, и ошибочно быть принята за здоровье. Однако она подразумевает нестабильность и склонность к срывам.

Эти три аспекта психических нарушений у ребенка, хотя и взаимосвязаны, но различимы при любом теоретическом осмыслении эмоционального развития человека.

Здоровье как эмоциональная зрелость

Психолога интересует развитие — эмоциональное развитие индивида. В психиатрии болезнь и незрелость — почти синонимы. С точки зрения психоанализа, лечение нацелено на достижение зрелости, даже запоздавшей. Поэтому обучение детской психиатрии основано на изучении развития ребенка. Академическая психология — важное дополнение к общему изучению эмоционального развития. Это развитие начинается рано, прямо с рождения, и приводит к формированию зрелого взрослого. Зрелый взрослый способен идентифицироваться с окружением и принять участие в создании, поддержании и изменении

этого окружения, причем идентификация происходит без серьезных жертв в области личных импульсов.

Что предшествует взрослой зрелости? Ответ на этот вопрос покрывает весь обширный предмет детской психиатрии. Ниже я попытался вкратце очертить психологию ребенка, начиная с конца и двигаясь назад, к самому раннему младенчеству.

Взрослая зрелость

Полноправное гражданство на просторах мира представляет огромное и редкое достижение в развитии индивида, едва ли даже сравнимое с личным здоровьем или со свободой от депрессий. Если не считать отдельных изолированных примеров, зрелые взрослые черпают здоровье и бодрость в самом осознании членства в группе, входящей в еще более широкую группу, и чем ограниченной размеры группы, тем менее уместен эпитет «зрелый». Можно, правда, увидеть тех, кто достигает здоровья в ограниченной группе, и тех, кто старается попасть в более широкую группу, обладая слабым здоровьем.

Подростковый возраст

Этот возраст более всего характеризуется ограниченными ожиданиями общества в отношении подростка, который еще не достиг полной социализации. В сущности, мы предоставляем подросткам группы, созданные на основе самоограничения, и надеемся, что они смогут воспользоваться постепенным расширением группы, требующей верности. Подросток проявляет смесь вызывающей независимости и зависимости. Эти два состояния чередуются или даже сосуществуют. Кажется, что каждая из этих двух крайностей полагает само собой разумеющимся взрослый контроль, поэтому любая группа, созданная для подростков, нуждается во взрослой поддержке.

Латентность

В возрасте от пяти до шести лет ребенок вступает в период, который в психологии называется латентным; в этом возрасте модифицируются биологические порывы, стоящие за инстинктивными. Именно в этом возрасте совершается главная работа воспитателя, потому что здоровый ребенок в это время сравнительно не столь поглощен эмоциональным *ростом* и инстинктивными *переменами*.

Латентный период обладает определенными характеристиками: тенденцией мальчиков к восхищению героями, тягой к группам других мальчиков на основе какого-то общего поиска; однако существует и личная дружба, которая может идти вразрез с верностью группе. У девочек появляются аналогичные тенденции, особенно если у них, как у многих девочек в этом возрасте, мальчишеские интересы. Кроме того, девочки обладают способностью раздражать матери — в доме, в уходе за другими детьми и в полных тайн походах по магазинам.

Первая зрелость

В период, предшествующий латентному, здоровый ребенок овладевает взрослой способностью к мечтам или играм с соответствующими инстинктами и с возникающими в результате тревогами и конфликтами. Этой способностью можно овладеть только в условиях относительно стабильной семейной обстановки. В этот период — примерно от двух до пяти лет — переживается огромное количество жизненных впечатлений. Они укладываются в краткий промежуток, по стандартам взрослых, однако сомнительно, чтобы вся остальная жизнь была бы такой же долгой, как эти три года, в которые ребенок становится цельной личностью, живущей среди цельных людей, любящей и ненавидящей, мечтающей и играющей.

В этот период от ребенка можно ожидать проявления самых разнообразных симптомов, вернее, качеств, которые можно называть симптомами, если они устойчиво сохраняются или преувеличены. Ключевым явлением этого периода, во время которого возникают неврозы, является тревога; в данном случае под тревогой понимается очень серьезное переживание того типа, что клинически проявляются в кошмарах. Тревога связана с конфликтом, главным образом бессознательным, между любовью и ненавистью. Разнообразные симптомы либо перекрывают тревогу, либо создают некий внутренний механизм, нацеленный на защиту от тревоги, которая становится непереносимой. Невроз — это не что иное, как застывший «механизм» защиты от тревоги, которая возникает в инстинктивной жизни ребенка этого возраста. Это справедливо относительно невроза, в каком бы возрасте он ни проявился.

В основе этого периода очень сложная психология, большая часть которой сегодня понимается, и это понимание не было возможно, пока Фрейд не начал научное исследование особенностей маленького ребенка, что он делал в основном при лечении взрослых. Именно в данном случае утверждение Фрейда о младенческой сексуальности, под которой он понимал инстинктивную жизнь ребенка, центральную для него в этом возрасте, вначале сделало психоанализ непопулярным, хотя сегодня можно сказать, что провозглашенный Фрейдом принцип является общепринятым. Теперь главные трудности связаны с пониманием действующих в этом периоде мощных сил, которые определяют и симптоматику периода, и психическое здоровье, которое ребенок может обрести, когда достигает пяти лет и входит в латентный период.

Младенчество

Перед состоянием, о котором шла речь и в котором ребенок существенно вовлечен в отношения треуголь-

ника, существует этап, когда ребенок связан только с матерью и одновременно — как цельное живое существо с другим цельным живым существом. Граница между этой ранней стадией и более поздней ситуацией треугольника несколько искусственная; но все же ранняя стадия очень важна, и возникающие в ней тревоги иного характера. Это двусторонние тревоги, так сказать, любовь и ненависть, направленные на один и тот же объект. Психиатрическое состояние, связанное с этим периодом, напоминает маниакально-депрессивный психоз, депрессию, паранойю и некоторые другие неврозы.

Раннее младенчество

Еще раньше младенец находится в особо зависимом состоянии, когда решаются важные предварительные задачи, такие, как интеграция личности, вселение психе в тело и начало контактов с внешней реальностью. Ребенок в этот период настолько зависим, что ни одна задача не может быть выполнена без участия матери. Болезни, возникающие в этот период, носят характер психозов — иными словами, напоминают те нарушения, которые описываются под названием «шизофрения».

Именно здесь ведутся самые активные исследования. Многие еще не определены и спорны, но из того, что уже известно, можно сделать вывод, что именно в этот период закладываются основы душевного здоровья, когда ребенок наиболее зависит от способности матери удовлетворять его потребности — подвига, на который мать способна благодаря идентификации с младенцем, возникающей из преданности.

Заключение

Проследивая психологию ребенка, мы от способности индивида к созданию, сохранению и изменению окружения прошли к состоянию абсолютной зависимости,

которая существует в самом начале. В ходе развития от последнего к первому ребенок проходит сложный индивидуальный путь, который, несмотря на его сложность, в настоящее время может быть очерчен и до определенной степени точно описан.

Область детской психиатрии рассматривает состояние ребенка вместе с его прошлым и его потенциалом умственного здоровья и достижения возможностей взрослой личности. Детский психиатр постоянно помнит о том, что именно в эмоциональном развитии ребенка содержится потенциал для функционирования семьи и социальных групп и институтов.

Вклад психоанализа в акушерство

Нужно помнить, что мастерство акушера, основанное на научных знаниях физических феноменов, внушает пациентке необходимую уверенность. Без хорошего знания физических процессов изучение психологии бесполезно: никакие психологические познания не подскажут, что делать в случае предлежания плаценты, осложняющего появление младенца. Однако при наличии требуемых физических знаний и навыков нет никакого сомнения в том, что акушерка станет гораздо лучше выполнять свою работу, если будет понимать свою пациентку как человека.

Место психоанализа

Каким образом психоанализ связан в темой акушерства? Прежде всего он дает возможность анализировать подробности долгого и трудного лечения отдельных пациентов. Психоанализ начинает прояснять такие отклонения от нормы, как меноррагия (ненормально обильные и болезненные менструальные выделения), повторные выкидыши, утренняя тошнота и рвота беременных; начало многих других болезней можно иногда свести к конфликту в бессознательной эмоциональной жизни пациентки. Об этих психосоматических нарушениях уже много написано. Здесь меня, однако, занимает другой аспект психоанализа: я стараюсь в общих чертах передать психоаналитические теории относительно взаимоотношений между врачом, сестрой и пациенткой в ситуации родов.

Психоанализ уже привел к существенным переменам во взглядах на акушерство по сравнению с тем, что было еще двадцать лет назад. Теперь общепринято, что акушерке к ее основным профессиональным знаниям нужно добавить умение оценивать пациентку как личность — личность, которая когда-то родилась, была младенцем, играла в дочки-матери, пугалась перемен в своем организме при достижении половой зрелости, экспериментировала с новообретенными подростковыми побуждениями, «закрывает глаза и нырнула» — вышла замуж (может быть) и либо случайно, либо сознательно забеременела.

Если пациентка в больнице, ее тревожат мысли о доме, куда она вернется, и в любом случае появление младенца изменит ее личную жизнь, отношения с мужем и с родителями и ее самой, и ее мужа. Часто можно также ожидать осложнений в ее отношениях с другими детьми и в отношениях детей друг к другу.

Если мы в своей работе реализуемся как личности, наша работа становится более интересной и благодарной. В данной ситуации нужно рассмотреть четыре личности и четыре точки зрения. Прежде всего сама *женщина*, которая находится в особом состоянии, напоминая болезнь, но в то же время совершенно нормальном. *Отец* до определенной степени находится в таком же состоянии, а если отца нет, результатом становится чрезвычайное осложнение ситуации. Родившийся *ребенок* уже личность, и, возможно, как-то способен отличать хорошее обращение от плохого. И наконец *акушерка*. Она не только специалист, она тоже человек; у нее есть чувства и настроения, волнения и разочарования; возможно, она сама хотела бы стать матерью, или ребенком, или отцом, или всем по очереди. Обычно она довольна и в то же время бывает слегка угнетена своим положением акушерки.

Самый важный естественный процесс

Все, что я хочу сказать, пронизывает одна общая идея: существуют естественные процессы, на которых основано все происходящее; и мы, врачи и сестры, работаем хорошо, только если глубоко почитаем эти процессы и способствуем их нормальному протеканию.

Матери рожали детей тысячи лет до появления акушерок, и, вероятно, акушеркам вначале приходилось иметь дело с суевериями. Сегодня мы справляемся с суевериями на основе научного подхода: наука основана на объективных наблюдениях. Современная подготовка, основанная на медицинских знаниях, дает возможность акушерке преодолевать суеверия. А как же отцы? До появления врачей и общественного здравоохранения отцы играли при родах важную роль: они не только сопереживали чувствам и боли своих женщин, но и принимали деятельное участие, отражая внешние и непредсказуемые осложнения и давая возможность матери заниматься только одним — заботой о ребенке, который у нее в теле или на руках.

Перемены в отношении к младенцу

В отношении к младенцу происходила эволюция. Полагаю, что на протяжении веков родители видели в младенце личность, наделяя его тем, чего у него не было, считая его маленьким мужчиной или маленькой женщиной. Наука вначале отвергала такое представление, указывая на то, что младенец совсем не маленький взрослый, и поэтому долгое время объективные наблюдатели не видели в младенце человека, по крайней мере пока он не начинает говорить. Однако недавно было установлено, что младенец — настоящий человек, хотя и незрелый. Психоанализ с течением времени показал, что даже процесс родов не утрачивается для младенца, и что, с точки зрения младенца, роды могут быть нормальными и ненормальными.

Вероятно, все подробности рождения (как они воспринимаются младенцем) запечатлеваются в младенческой психике, и в нормальном случае это проявляется в том удовольствии, которое испытывают люди в играх, символизирующих испытания младенца при родах: повороты, падения, переходы из жидкой среды в сухую, от постоянной температуры к необходимости приспособливаться к температурным перепадам, переход от кормления и дыхания через трубку к дыханию и питанию при помощи личных усилий.

Здоровая мать

Одна из сложностей, которые возникают в отношении акушерки к матери, связана с мыслями и чувствами относительно диагноза. (В данном случае я не имею в виду диагноз состояния организма, что является исключительно делом врача и медсестры; не имею я в виду и телесные нарушения; я говорю о здоровом и нездоровом в психиатрическом смысле.) Начнем с «нормального края» проблемы.

В этом случае пациентка вообще не пациентка, она вполне здоровая и зрелая личность, способная принимать серьезные решения и, возможно, более зрелая, чем обслуживающая ее акушерка. Она находится в зависимости лишь из-за своего состояния. Временно она передает себя в руки акушерки и способна сделать все, для чего требуются здоровье и зрелость. Акушерка насколько возможно поддерживает независимость матери даже во время родов, если они проходят легко и нормально. Точно так же она принимает полную зависимость некоторых матерей, которые могут родить, только передав весь контроль присутствующему профессионалу.

Взаимоотношения матери, врача и сестры

Я предполагаю, что, сознавая свою зрелость или взрослость здоровая мать не может передать контроль сестре или врачу, с которыми незнакома. Она должна заранее с ними познакомиться, и это очень важный момент в период непосредственно перед родами. Она либо доверяет им и в этом случае даже простит допущенную ошибку, либо не доверяет, и в таком случае все роды будут для нее отравлены: она боится передать им контроль, пытается что-то делать сама или начинает бояться родов; и если что-то будет неладно, она винит в этом врача и сестру, даже если они не виноваты. И правильно винит: они должны были познакомиться с нею заранее.

Я ставлю на первое место необходимость предварительного знакомства матери с врачом и сестрой и, если возможно, сохранение этих контактов во все время беременности. Если это невозможно, то по крайней мере задолго до родов должен быть очень доверительный контакт с человеком, который будет принимать роды.

Больничные распорядок, при котором женщина заранее не знает, кто из врачей и сестер будет принимать у нее роды, неприемлем, даже если дело происходит в самой современной, хорошо оборудованной, стерильной, облицованной хромированной плиткой больнице. Именно такие порядки заставляют многих матерей принимать решение рожать дома, в присутствии только семейного врача; в больницу же обращаются только в случае серьезных осложнений. Я лично считаю, что матерей нужно поддерживать в желании рожать дома; будет плохо, если стремление создать внешне «идеальные» больничные условия приведет к полному прекращению практики домашних родов.

Тот, кому мать доверяет, должен подробно объяснить ей весь ход процесса родов и появления ребенка, и это помогает преодолеть воздействие пугающей и неточной информации, которую могла получить мать. Именно здоровая женщина больше всего в этом нуждается

и способна лучшим образом извлечь пользу из полученных сведений.

Здоровая и зрелая женщина, у которой здоровые отношения с мужем и родственниками, к моменту родов нуждается в акушерке, обладающей опытом и мастерством. Ей необходимы присутствие акушерки и ее способность помочь, когда все идет нормально, и особенно, когда что-то не так. Но одновременно она во власти природных сил и процесса, который является таким же естественным, как глотание пищи, переваривание и выделение, и чем больше можно предоставить природе, тем лучше для матери и ребенка.

Одна из моих пациенток, мать двух детей, которая начала по собственной инициативе трудный процесс лечения, чтобы освободиться от воспоминаний о ее прежних трудных родах, написала так: «...даже для очень эмоциональной женщины процесс родов распадается на множество эпизодов, в ходе которых ей нужна вся забота, все внимание и теплое подбадривание того, кто принимает роды, как ребенок нуждается в матери, которая помогает ему проходить через каждый новый и трудный опыт в процессе развития».

Тем не менее, ссылаясь на естественность процесса родов, никогда не следует забывать, что у человеческого младенца нелепо огромная голова.

Нездоровая мать

Контраст со здоровой зрелой женщиной, о которой заботится акушерка, составляет нездоровая женщина, то есть эмоционально незрелая или неориентированная на ту роль, которую женщина играет в великом действе природы; или женщина в депрессии, в тревоге, подозрительная или просто сбитая с толку. В таких случаях сестра должна быть способна поставить диагноз, и в этом еще одна причина того, что она должна знать пациентку до того, как та оказывается в трудном положении конца бе-

ременности. Акушерка несомненно нуждается в специальной подготовке для диагностирования психически больных женщин, чтобы уверенно распознавать здоровых. Естественно, больная или незрелая женщина нуждается в особом подходе со стороны того, кто за ней присматривает: там, где здоровой женщине нужны лишь инструкции, больной необходимо одобрение и поддержка; больная мать может испытывать терпение акушерки и превратиться в серьезную проблему; возможно даже, ее придется сдерживать, если она впадет в маниакальное состояние. Однако здесь уже вопрос здравого смысла и принятия в случае необходимости заранее продуманного решения.

При здоровых матери и отце в обычном случае акушерка — просто медицинский работник, способный оказать помощь, ради которой ее и наняли. Для больной или незрелой матери акушерка — это медсестра, вместе с врачом руководящая пациенткой; нанимателем в таком случае является больница, где она работает. Было бы ужасно, если бы адаптация к болезни приглушила естественную процедуру, адаптированную не к болезни, а к здоровью.

Конечно, многие пациентки занимают промежуточное положение между этими двумя крайностями, которые я выбрал для описания. Я хочу подчеркнуть, что наблюдения над истеричными, суетливыми, нервными матерями, склонными к саморазрушению, не должны мешать акушеркам первое место все-таки отводить здоровью и психологической зрелости; акушерки не должны на всех пациенток смотреть как на неразумных детей; большинство матерей вполне способны отвечать за себя, за исключением тех моментов, когда они вынуждены довериться акушерке. Большинство — это здоровые женщины; это матери, жены (а также акушерки), которые к простой эффективности добавляют нечто позитивное и позволяют рутинной процедуре проходить без срывов.

Руководство матерью и младенцем

Рассмотрим теперь руководство действиями матери сразу после родов, в ее первых взаимоотношениях с новорожденным младенцем. Почему, когда мы даем матери возможность свободно говорить и вспомнить, что с ней происходило, то часто слышим такие замечания (цитирую по истории болезни, приведенной коллегой, но мне много раз говорили примерно то же самое):

«Роды прошли нормально, и ребенок был желанным для родителей. Очевидно, сразу после родов он мог сосать, но в течение тридцати шести часов его не подносили к груди. Тогда он был вялым и сонным, и в следующие две недели ситуация кормления была удручающей. Мать считала, что медсестры ей не сочувствуют, не позволяя ей достаточно много времени проводить с ребенком. Она говорит, что они насильно вкладывали сосок ему в рот, держали его за подбородок, чтобы он сосал, и зажимали ему нос, чтобы отнять от груди. Вернувшись домой, она без особого труда установила нормальный порядок при кормлении».

Не знаю, понимали ли сестры, что испытывает мать, и знали ли о ее жалобах. Возможно, им никогда не приходилось слышать ее замечаний, и, конечно, матери предпочитают не жаловаться сестрам, от которых во многом зависят. К тому же я совсем не считаю, что мать дает точное описание происходившего. Нужно быть готовым к встрече и с результатами работы воображения, это неизбежно, потому что мы не просто сборище фактов; то, что мы чувствуем, переплетается с нашими фантазиями и мечтами и становится частью жизни и личного опыта.

Повышенная послеродовая чувствительность

В нашей психоаналитической деятельности мы находим мать, только что родившую младенца, высоко чувствительной; такая женщина на протяжении недели-двух

после родов склонна даже верить в существование женщины-преследовательницы. Полагаю, стоит учитывать параллельную тенденцию у акушерки, которая в этот же период становится доминирующей фигурой. Часто случается, что эти две тенденции сталкиваются: мать чувствующая себя преследуемой, и сестра, которая действует так, словно мотивируется скорее страхом, чем любовью.

Дома такая сложная ситуация разрешается, когда сестру увольняют, хотя это болезненная процедура для обеих сторон. Хуже другой исход, когда сестра, так сказать, побеждает: мать погружается в беспомощное послушание, и необходимые отношения между нею и младенцем не устанавливаются.

Не могу подобрать слов, чтобы выразить, какие могучие силы действуют в этот критический момент, но постараюсь объяснить, что происходит. Происходит чрезвычайно любопытная вещь: мать, возможно, физически истощенная, не вполне адекватная реальности, во многих отношениях зависящая от врача и медицинской сестры, в то же самое время является единственным человеком, который способен «ввести ребенка в мир» именно так, как это надо сделать. Она знает, как это сделать, не благодаря специальной подготовке и своему уму, а просто потому, что она мать. Но ее природные инстинкты не могут проявиться, если она испугана, или если редко видит ребенка после родов, или если ребенка приносят ей только в утвержденное авторитетами время для кормления. Так просто не получается. Материнское молоко не вырабатывается, как элементы выделения; оно отвечает на стимулы, а стимулами служат вид, запах и ощущение ребенка, а также звуки детского плача, указывающие на потребность. Это нечто единое — забота матери о ребенке и периодическое кормление; словно средство связи между этими двумя — песня без слов.

Два противоположных восприятия

Итак, мы имеем, с одной стороны, крайне зависимую личность, мать, а с другой — в лице той же матери — эксперта в деликатнейшем процессе начала кормления грудью и вообще всей заботы о ребенке. Некоторым медсестрам трудно допустить существование в матери двух этих противоположных начал, в результате они относятся к проблемам кормления, как отнеслись бы, например, к перегруженной прямой кишке. Они пытаются совершить невозможное. Именно здесь возникает множество связанных с пищей ограничений; и даже если со временем ребенок полностью переходит на искусственное кормление, какие-то ограничения остаются, никак не соответствуя процессу, который называется заботой о младенце. В своей работе я постоянно пытаюсь предотвратить эту ошибку, нередко возникающую в первые дни и недели жизни ребенка из-за медицинской сестры, которая хотя и специалист в своем деле, но не понимает, что в ее работу не входит установление отношений ребенка с материнской грудью.

К тому же, как я уже говорил, акушерка тоже испытывает чувства, и ей бывает трудно просто стоять и смотреть, как ребенок тратит время, пытаясь взять грудь. Ей хочется сунуть сосок ему в рот, она так и делает, а ребенок отвечает отказом.

Есть еще одно обстоятельство: почти всегда мать слегка (или достаточно сильно) чувствует, что «украда» ребенка у своей собственной матери. Это восходит ко времени, когда она играла в отцов и матерей, когда она была совсем маленькой девочкой и отец был для нее идеалом. Поэтому она может почувствовать, а в некоторых случаях должна почувствовать, что медсестра и есть мстительная мать, которая пришла, чтобы отобрать у нее младенца. В этом случае медсестра ничего не должна делать, но было бы полезно, если бы она не уносила ребенка, лишая мать естественного контакта; она должна только приносить младенца, закутанного в пеленку и готового к кормлению.

Сегодня так уже не делают, но совсем недавно подобная практика была распространена.

Мечты, воображение, игры, лежащие в основе подобных проблем, остаются, даже когда медсестра действует таким образом, что у матери появляется возможность восстановить свое ощущение реальности, что происходит естественным порядком в течение нескольких дней или недель. В это время медсестра должна ожидать, что ее воспримут как преследователя, даже если это не так и даже если она исключительно внимательна и очень терпима. Способность терпеть такое положение — часть ее работы. Обычно мать в конце концов восстанавливается и обретает способность видеть медсестру такой, какая она есть, то есть медсестрой, стремящейся к взаимопониманию, но которая тоже человек и потому обладает своими пределами терпимости.

Еще одно обстоятельство: мать, особенно если она сама незрела или была в детстве лишена внимания, с трудом отказывается от услуг сестры; она не может в одиночку заботиться о младенце, ей самой нужна забота. В этом случае потеря поддержки хорошей сестры может на следующей фазе привести к серьезным трудностям.

В этих отношениях психоанализ, каким я его вижу, вносит в акушерство и вообще в любую работу, связанную с человеческими взаимоотношениями, уважительное внимание к чувствам людей друг к другу и уважение к их правам. Общество нуждается в специалистах, в том числе в медицине, но там, где речь идет не о машинах, а о людях, специалисты должны глубоко изучать, как живут люди, как действует их воображение и как они приобретают опыт.

Советы родителям

Название этого раздела способно привести к недопониманию. Всю свою профессиональную жизнь я избегал давать советы, и если мне удастся добиться поставленной в данном случае цели, то читатель узнает не как давать советы, а, скорее, будет испытывать меньше желания давать советы вообще.

Однако я совсем не хочу довести это свое отношение до абсурда. Если врача спрашивают: «Что мне делать с ребенком, у которого диагностировали ревматическую лихорадку?», врач посоветует уложить ребенка в постель и держать его там, пока не минует опасность поражения сердца. Или, если медсестра обнаруживает гниды в волосах ребенка, она дает инструкции, как провести необходимую дезинфекцию. Иными словами, в случае физических заболеваний врачи и сестры благодаря своей специальной подготовке знают, какой ответ дать, и допустят ошибку, если не ответят.

Однако нам часто приходится иметь дело с детьми, которые физически не больны. Например, в случае с матерями наша работа не лечебная, потому что мать и ребенок обычно здоровы. А со здоровьем иметь дело гораздо труднее, чем с болезнью. Любопытно, что врачи и сестры способны испытывать замешательство при столкновении с проблемами, которые не связаны с физическими заболеваниями или деформациями; их подготовка к «обращению со здоровьем» несопоставима с той, что они получают для обращения с болезнями.

Мои наблюдения относительно советов распадаются на три категории:

1. Разница между лечением болезни и советами относительно жизни.
2. Необходимость скорее держать проблему в себе, чем предлагать пути ее решения.
3. Профессиональные интервью.

Лечение болезни и советы о жизни

Так как сегодня врачи и сестры все больше интересуются психологией, то есть эмоциональной и чувственной стороной жизни, им нужно понять одно обстоятельство: они не специалисты в области психологии. Иными словами, оказавшись на границе между двумя территориями — территорией физических болезней и территорией процессов жизни, — они должны использовать совсем другую методику. Позвольте привести пример.

Педиатр осматривает ребенка в связи с состоянием желез в горле. Он ставит диагноз и сообщает его матери, а также объясняет особенности предполагаемого лечения. Матери и ребенку этот педиатр нравится, потому что он добр и полон сочувствия и потому что хорошо справился с осмотром ребенка. Будучи современным специалистом, врач позволяет матери немного поговорить о себе и о ее семье. Мать замечает, что ребенку плохо в школе, где его преследуют другие дети; она подумывает, не сменить ли школу. До этого момента все шло хорошо, но тут врач, который привык давать советы в своей области, говорит матери: «Да, я считаю, что было бы полезно сменить школу».

В этот момент врач вышел за пределы своей территории, но прихватил с собой свое авторитарное отношение. Мать этого не знает, но он посоветовал сменить школу только потому, что недавно сам поменял школу для своего ребенка, которому в школе приходилось несладко, поэтому эта идея была для него близка. Другой

тип личного опыта побудил бы его дать противоположный совет. На самом деле врач вообще не может давать совет в этой области. Слушая рассказ матери, он, не зная этого, осуществлял полезную функцию, но потом повел себя безответственно и дал совет, тем более что его об этом даже не спрашивали.

Подобное в практике врачей и сестер происходит все время, и положение можно будет изменить, только если врачи и сестры поймут, что они не должны решать проблемы *жизни* своих пациентов, мужчин и женщин, которые часто являются более зрелыми личностями, чем врач или сестра, дающие совет.

Следующий пример иллюстрирует противоположный метод.

Молодые родители обратились к врачу по поводу своего второго младенца, восьми месяцев. Ребенок «не отнимался» от груди. Никакой болезни не было. В ходе часового разговора выяснилось, что мать ребенка направила к врачу ее собственная мать. У бабушки в прошлом были большие трудности, когда ей самой приходилось отнимать от груди мать младенца. В основе всего происшедшего просматривалась депрессия — и у бабушки, и у матери. Когда все это выяснилось, мать сама удивилась своему безутешному плачу.

Решение проблемы было связано с признанием матери, что проблема заключается в ее отношениях со своей матерью, после чего она смогла перейти к практическим вопросам отнятия от груди без необходимости проявлять жестокость по отношению к девочке и продолжать любить ее. Совет в данном случае ничем не помог бы, потому что проблема заключалась в эмоциональной перестройке.

По контрасту следующий пример касается девочки, с которой я встретился, когда ей было десять лет.

Девочка, будучи единственным ребенком, любила родителей, но причиняла им множество хлопот. Тщательное изучение истории болезни показало, что трудности начались, когда девочку в восемь месяцев отлучили от

груди. После отлучения от груди девочка потеряла способность наслаждаться едой. В три года ее показали врачу, который, к несчастью, не понял, что ребенок нуждается в психологической помощи. Девочка тогда уже была непоседливой, не могла долго участвовать в играх и вообще всем мешала. Врач сказал: «Подбодритесь, мамаша, скоро ей будет четыре!»

В другом случае родители советовались с педиатром в тот период, когда испытывали трудности отнятия от груди.

Врач осмотрел ребенка, не нашел ничего плохого и так и сказал родителям. Но он пошел дальше. Он предложил матери немедленно отнять ребенка от груди, что та и сделала.

Этот совет матери не плохой и не хороший, он просто неуместный. Он был связан с бессознательным конфликтом матери относительно отнятия от груди ребенка, единственного ребенка, который мог у нее, вероятно, быть (ей тогда было тридцать восемь лет). Конечно, она послушалась совета специалиста: что еще ей оставалось делать? Но он не должен был давать этот совет. Он должен был заниматься своей непосредственной работой и передать решение конфликта, связанного с отнятием от груди, кому-нибудь другому, обладающему более обширными познаниями в области жизни и жизненных отношений.

К несчастью, подобное происходит часто; такова повседневная медицинская практика. Приведу еще один, достаточно длинный пример.

Мне позвонила женщина и сказала, что находится с дочкой в детской клинике, но хочет поговорить со мной о своем ребенке приватно. Мы договорились о приеме; и она пришла с младенцем, которому было семь месяцев. Молодая мать сидела в кресле, держа ребенка на коленях, и мне было легко наблюдать за ребенком. Я хочу сказать, что мог говорить с матерью и в то же время заниматься ребенком без помощи или вмешательства матери. Мне вскоре стало ясно, что мать вполне нормальная личность и нормальны ее отношения с младенцем. Ребенок сидел у нее на коленях спокойно, в его поведении не было

ничего фальшивого, никакого дерганья или подпрыгивания.

Роды прошли легко; девочка родилась словно бы «спящей»: ее очень трудно было заставить взять сосок; по существу она не просыпалась. Мать описала, какие усилия предпринимались в больничной палате, чтобы заставить ребенка взять сосок. Она в течение недели собирала свое грудное молоко и давала его ребенку в бутылочке. Сестра была настроена решительно, она хотела обязательно приучить ребенка к груди и непрерывно всовывала соску в рот младенцу, щекотала девочке пальцы ног и подбрасывала ее. Все эти процедуры не произвели никакого эффекта, и поведение девочки оставалось прежним; больше того, много позже мать обнаружила, что когда пытается «активизировать» бутылочное кормление, девочка немедленно засыпает. К концу первой недели была сделана попытка перейти на грудное кормление, однако матери не позволили использовать свое инстинктивное понимание потребностей младенца. Для нее это было крайне болезненно. Ей казалось, что на самом деле никто не заинтересован в успехе. Ей приходилось просто сидеть и ждать, пока сестра делала все, что могла, чтобы заставить ребенка есть. Сестра, достаточно опытная, прижимала голову ребенка к груди. Поскольку такие действия вызывали только глубокий сон, от грудного кормления совсем отказались, и последующие попытки привели к значительным ухудшениям.

Неожиданно в две с половиной недели произошло улучшение. В месячном возрасте девочка весила 6 фунтов 6 унций* (при рождении — 6 фунтов 9 и три четверти унции); в это время ее выписали, и она вместе с матерью вернулась домой. Матери велели кормить ребенка ложечкой.

Сама мать считала, что могла бы отлично кормить девочку, хотя к этому времени молока у нее уже не было.

* Английский фунт равен 453 г, унция — 25 г. — *Прим. перев.*

Она кормила девочку по полтора часа и была готова кормить ее часто и понемногу. Но к этому времени в больнице обратили внимание на некоторые нарушения в состоянии ребенка и посоветовали лечиться амбулаторно. Совет был основан на представлении, что матери уже трудно кормить младенца, тогда как на самом деле ей это нравилось и совсем не казалось трудным. Она не согласилась с советом врача (заметила: «В следующий раз я точно не буду рожать в больнице»). Вопреки протестам матери в больнице провели бесчисленные исследования, но, естественно, она считала, что заботу о физической стороне дела надо предоставить врачам. У девочки оказалась укороченная левая рука и расщепленное нёбо (волчья пасть), причем были затронуты только мягкие ткани.

Поскольку обнаружили физические отклонения, мать была вынуждена держать девочку в больнице, но это означало, что ей приходилось выслушивать советы относительно кормления ребенка, как правило, основанные на непонимании ее собственного отношения. Ей посоветовали с трех месяцев кормить девочку твердой пищей, чтобы избавиться от длительных и частых кормлений. Но это было бесполезно, и она к этому совету не прислушалась. В семь месяцев девочка сама захотела твердую пищу, потому что ее усаживали во время обеда за стол с родителями. Ей стали давать кусочки, и со временем она усвоила мысль, что существует и другой вид еды. Тем временем ее кормили молоком и шоколадным пудингом, и весила она уже 14 фунтов 4 унции.

Зачем эта мать обратилась ко мне? Ей нужна была поддержка в ее собственных представлениях о младенце. Во-первых, девочка для своего возраста была вполне развита, никакого отставания в развитии не было, в то время как в больнице предполагали, что она отстает. Во-вторых, мать соглашалась с необходимостью лечить левую руку, но не собиралась соглашаться на многочисленные исследования и особенно отказывалась поместить руку девочки в лубок. Совершенно очевидно, мать лучше чувствовала потребности девочки, чем врачи и сестры.

Например, она встревожилась, когда попросили оставить девочку на ночь в больнице, чтобы сделать ей анализ крови. Мать не согласилась, и анализ был взят амбулаторно, без осложнений, связанных с помещением девочки в палату.

Таким образом, проблема заключалась в следующем: мать вполне осознавала свою зависимость от больницы во всем, что касается физической стороны, и ей приходилось признавать тот факт, что физически ориентированные специалисты не признают младенца здоровым человеческим существом. Однажды она решительно возразила против помещения руки девочки в лубок, хотя ей уверенно заявили, что в таком возрасте на девочку это не повлияет; однако она была уверена, что повлияет отрицательно; она видела, что девочка левша и лубок повредит развитию ее левой руки на этой чрезвычайно важной стадии, когда хватание создает мир.

Вот описание ребенка (семь месяцев) во время консультации.

Когда я вошел в кабинет, девочка внимательно посмотрела на меня. Убедившись, что я вступил с ней в контакт, она улыбнулась и ясно показала, что понимает: началась коммуникация с другой личностью. Я взял неподточенный карандаш и подержал перед ней. По-прежнему глядя на меня и улыбаясь, она взяла карандаш правой рукой и без колебаний сунула в рот, явно довольная. Несколько мгновений спустя она переложила карандаш в левую руку, продолжая держать его во рту. Потекла слюна: Так продолжалось примерно пять минут, пока она случайно не уронила карандаш. Я вернул его ей, и игра началась снова. Еще несколько минут, и карандаш снова упал, но на этот раз ошибка была менее очевидной. Теперь девочка не была озабочена только тем, чтобы взять карандаш в рот; однажды она сунула его себе между ног. Она была одета, потому что я не думал, что придется ее осматривать. В третий раз она уронила карандаш нарочно и смотрела, как он падает. В четвертый раз поместила карандаш вблизи материнской груди и уронила между матерью и ручкой кресла.

К этому времени мы уже подошли к концу консультации, которая продолжалась полчаса. Когда игра с карандашом кончилось, ребенок захныкал, и последовало несколько неловких минут: ребенок считал, что пора уходить, а мать была еще не готова уйти. Однако особых трудностей не возникло, и мать с дочерью вышли из кабинета, вполне довольные друг другом.

Пока все это происходило, я разговаривал с матерью и только один раз попросил ее не показывать на ребенка то, о чем мы говорим, например, когда я спрашивал о запястье, она вполне естественно отвернула рукав платья девочки.

Консультация особой цели не достигла, за исключением того, что мать получила поддержку, в которой нуждалась. Ей нужна была поддержка в ее вполне реальном понимании потребностей собственного ребенка, а врачи отказывали ей в этой поддержке, не желая признавать границ своей узкой специальности.

Более общее критическое суждение высказано медсестрой, которая написала: «Я долго работала в известном роддоме. Я видела, как детей держат вместе, так что их кровати соприкасаются, закрывают в душевной комнате на ночь, никакого внимания не обращая на их плач. Я видела как младенцев приносят к матерям закутанными, со связанными руками, рот младенца сестра прижимает к груди матери и держит так иной раз час, пока мать в изнурении не раздражается слезами. Многие матери ни разу не видели ножки своих детей. Если у матери была «специальная» сестра, лучше не становилось. Я много раз видела жестокое обращение сестер с младенцами. В большинстве случаев сестры не обращали внимания на указания врачей».

Если человек здоров, нужно постоянно идти в ногу с естественными процессами: торопливость или отставание — это вмешательство. Больше того, если мы сумеем приспособиться к естественным процессам, можно самые сложные механизмы предоставить природе, а самим наблюдать и учиться.

Проблема, заключенная в нас самих

Я уже ввел эту тему в примерах. Ее можно сформулировать так. Те из нас, кто получил подготовку в области физической медицины, обладают собственным умением, опытом и знаниями. Вопрос в том, должны ли они выходить за пределы этих своих специальных знаний и вторгаться в область психологии, так сказать, жизни и образа жизни? Мой ответ таков. Да, если они могут вобрать в себя и держать в себе личные, семейные или общественные проблемы, с которыми сталкиваются, и позволить решению возникнуть самостоятельно. А это означает страдание. Это означает тревогу или даже боль за пациента из-за его конфликтов с другими людьми, из-за его запретов и разочарований, из-за разлада в его семье, финансовых трудностей — и все это далеко не полезно тому, кто изучает психологию. Возвращаешь то, что временно в себе удерживал, а потом стараешься помочь. Если же, с другой стороны, у врача такой темперамент, который заставляет действовать, советовать, вмешиваться, вызывать изменения, которые кажутся полезными, тогда мой ответ: нет, такой человек не должен выходить за пределы своей специальности, которая включает в себя только физические болезни.

Я меня есть коллега, которая занимается консультациями по вопросам брака. Она получила подготовку только как учитель, но у нее темперамент, позволяющий ей за время консультации проникнуться проблемой, которую перед ней ставят. Ей не нужно проверять, верны ли представленные факты и не представлены ли они односторонне; она просто принимает то, что ей дают, и переживает в себе. И клиент уходит домой, в чем-то изменившись и часто находя решение проблемы, которая казалась неразрешимой. Эта моя коллега действует эффективней, чем многие получившие специальную подготовку. Она, в частности, никогда не дает советов, потому что не знает, что посоветовать, и вообще она не из тех, кто советует.

Иными словами, те, кто обнаруживает, что выходит за пределы своей специальной подготовки, поступят правильно, если немедленно прекратят давать советы.

Профессиональное интервью

Психология, если ею вообще занимаются, должна практиковаться в определенных условиях. Прежде всего интервью должно проходить в нужной обстановке и быть ограничено по времени. В этих пределах мы можем быть и должны быть более надежными, чем в своей повседневной жизни. Быть ответственным во всех отношениях — вот самое необходимое наше качество. Это означает не только уважение к личности клиента и к его праву на наше время и заботу. У каждого из нас есть собственное ощущение правильного, и если мы обнаруживаем свою систему ценностей у больного, то не должны ее касаться. Моральные суждения, будучи выраженными, разрушают профессиональные отношения — абсолютно и безвозвратно. А ограничение времени интервью — нам на пользу; перспектива окончания интервью позволяет заранее справиться с собственным раздражением, которое в противном случае способно исказить нашу искреннюю озабоченность.

Те, кто практикует психологию таким образом, принимая ограничения и переживая в ограниченный период времени страдания пациента, не должны знать много. Но они будут учиться, их будут учить их клиенты. И я считаю, что чем больше они узнают таким образом, тем мудрее станут и тем менее будут склонны давать советы.

Социальная работа при лечении душевнобольных детей

Социальная работа и психотерапия

Позвольте начать с уточнения смысла термина «социальная работа»* на современном этапе подготовки социальных работников. Это кратко можно описать как *процесс решения проблем, помощь в их решении*. Возникает проблема, и изучается обстановка и обстоятельства жизни, чтобы понять, как конкретно можно помочь в решении этой проблемы. В психотерапии происходит нечто совершенно другое, и часто психотерапия проводится без параллельной социальной работы, потому что ребенка приводят взрослые, которые признают наличие болезни, а взрослый пациент способен сам проделать работу по решению собственных проблем, когда его состояние это позволяет.

Эти два процесса: социальная работа и психотерапия — часто на практике сосуществуют и становятся взаимозависимыми, но важно отметить, что социальную работу** нельзя использовать для ускорения или исправления неудавшейся психотерапии, эти два вида деятельности нельзя смешивать.

Социальная работа в значительной степени связана с общественным положением и окружением; можно ска-

* Casework — работа с семьей, которая нуждается в помощи; изучение условий жизни неблагополучных семей и лиц, нуждающихся в материальной или моральной поддержке — *Прим. перев.*

** В чем-то схожую с понятием «патронажа» в России. — *Прим. ред.*

зять, она связана с социальными отношениями, которые составляют часть жизни и общего современного осознания социальной ответственности. Социальный работник осуществляет свою деятельность в соответствии с требованиями своего агентства или института. Эти ограничения во многом определяют суть его работы и в то же время обеспечивают ее эффективность.

Социальный работник должен по возможности знать и о бессознательном. Но в его работе не будет попыток изменить ход событий путем интерпретации бессознательного. Максимум, что может позволить себе такой работник, это сформулировать словесно то, что составляет основу переживаний человека, хотя полностью им не осознается. «Вы были очень больны»; или «Вам кажется, что, если бы у вас был дом попросторней, агрессивность ваших детей не причиняла бы им столько неприятностей»; или «Вы боитесь своих соседей и гадаете, оправдан ли ваш страх или вы просто склонны к таким страхам»; и т. д. Напротив, работа психотерапевта в основном осуществляется путем интерпретации бессознательного, путем интерпретации невроза переноса и последовательности проявлений личных конфликтов пациента — каждое такое проявление становится в профессиональной обстановке пригодным для терапии.

Моя работа всегда делилась на четыре части. Первая часть относится к моей деятельности в качестве врача в детской клинике. Это попытка удовлетворить социальные потребности амбулаторным способом, и моя клиника в детской больнице Паддингтон Грин стала широко известна под прозвищем «психологическая закусочная».

Вторая часть работы осуществляется в психологическом отделении Паддингтон Грин, куда мы принимаем больных из «психологической закусочной», если у психиатров социальной службы находится место для новых пациентов. Полагаю, что в данном случае мы определенно занимаемся социальной работой.

Третья сфера моих интересов — психоанализ для детей и подготовка специалистов к этой работе.

И наконец, у меня есть и частная практика в детской психиатрии. Возможно, частная практика приносит наибольшее удовлетворение, потому что, если я решаю, что действительно могу помочь, то принимаю на себя всю ответственность. Мои неудачи — а у меня их бывает немало — это именно мои неудачи, и мне приходится смотреть им в лицо. Вероятно, в своей частной практике я выполняю и функции социального работника, изучающего обстановку.

В частной практике обычно очевидна необходимость экономии; а в клинической практике моим лозунгом всегда было: какой минимум мы можем сделать? Социальная работа может быть очень экономной. Однако часто она занимает много времени и связана с большими тревогами и разочарованиями.

Клинические примеры

Я попытался отобрать из многих тысяч случаев несколько и описать их по возможности кратко. Первый такой случай — Руперт.

Руперт, мальчик пятнадцати лет, обладает хорошими умственными способностями; страдает серьезной депрессией и тяжелой анорексией на нервной почве. Он попросил провести с ним психоанализ и сейчас проходит его. В данном случае минимум социальной работы, поскольку родители сами ввели аналитика в курс дела. Аналитику необходима поддержка со стороны родителей, а также и педиатров, которые время от времени принимают участие в лечении. В этом заключена потенциальная опасность: если состояние мальчика ухудшится, родители могут потерять веру в аналитика и тогда не смогут осуществлять свою функцию, объединяя различные элементы лечения мальчика. (Лечение, осуществленное одним из моих коллег, оказалось успешным.)

По контрасту приведу пример одной из моих собственных неудач — случай Дженни.

У Дженни, девочки десяти лет, колит. На протяжении нескольких лет ей уделяли большое внимание. В течение года этот случай находился у меня под контролем, и я проводил психотерапию. Лечение шло хорошо, и поэтому родители мне верили, а я не осознавал, какие огромные осложнения лежат в основе этого случая. Если бы я знал, что больной в этой семье была мать и что болезнь девочки была в основном проявлением сильнейшей психической неуравновешенности матери, я бы наряду с психотерапией, а может, и вместо нее, занялся социальной стороной дела.

А так мое лечение было прервано возобновившимися симптомами, связанными с возвращением девочки в школу. В то время я не знал, что мать не в состоянии дать девочке выздороветь настолько, чтобы ходить в школу, хотя знал, что в возрасте дочери она сама не могла посещать школу. Мне следовало предпринять более серьезные попытки разобраться с проблемами матери, но меня сбilo с толку то, что мать сама не подозревала о наличии у себя проблем, а также тот факт, что симптомы девочки самым чудесным образом с началом психотерапии исчезли. Срыв показал, что в данном случае мать представляет собой не интегрирующую, а решающую дезинтегрирующую силу. Я узнал, что одновременно с посещением моих сеансов девочку показывали многим другим врачам и вообще людям, которые считали, что способны помочь больной. И со временем я отказался от этого лечения.

Здесь в центре находилась мать, которая, сама этого не сознавая, внутренне отвергала ответственных, способных помочь медиков, не позволяя одному человеку осуществлять контроль. Девочка знала, что не в состоянии справиться с этой предвзятостью матери, постепенно адаптировалась к такой участи и сосредоточила в себе большое количество вторичной вины, проявляя это в своем безнадежно больном состоянии.

Это печальная история, и она иллюстрирует нечто такое, о чем я постоянно думаю в связи с проблемой изучения обстановки в семьях душевно больных детей.

Я обнаруживаю, что развитие этой темы снова и снова приводит меня к словам *интеграция* и *дезинтеграция*.

Вначале может показаться, что просто существуют два разных процесса: психоанализ и социальная работа. Однако, если приглядеться внимательней, можно обнаружить, что психотерапия всегда сопровождается определенной социальной работой. Всегда приходится что-то делать с родителями ребенка или с неудовлетворительной домашней обстановкой. Необходимо и информировать школу. В некоторых случаях на психотерапевта оказывают влияние результаты бесед с родителями, школьными учителями и различными людьми, знающими ребенка. Выражение «социальная работа» не очень подходит ко всему этому, но в то же время все это не психотерапия.

Иногда гадаешь, что же делает изучение обстановки таким важным. Можно взять противоположную крайность, случаи, когда обстановка совершенно неудовлетворительная. Разумеется, в таких случаях необходимость вмешательства становится очевидной. Однако я думаю, что мы не приходим к мысли о таком виде работы, пока не обнаружим, что существуют некие дезинтегрирующие силы, которые необходимо нейтрализовать каким-то интегрирующим процессом той или иной разновидности. В этом отношении выражение «социальная работа» приобретает новый смысл. Работа, вероятно, предельвается та же самая, однако здесь она противостоит чему-то динамически противоположному, чему-то такому, что я постарался проиллюстрировать случаем с Дженни, чья мать, сама того не сознавая, не позволяла дочери полностью воспользоваться помощью психотерапии. Динамика изучения обстановки способна выявить разрушительный элемент.

Проблему подобных дезинтегрирующих элементов можно видеть в приводимых ниже примерах.

Джереми, восемь лет, здоров и силен, но не может уснуть, если не держится за ухо матери. Семья благополучная. Родители очень хотят сохранить благополучие в семье и обратились к нам за решением проблемы.

В этом случае я передал все полномочия психиатру социальной службы, и именно так я использую этих специалистов: временно полностью передаю им проблему, подкрепляя их действия профессионально, не требуя от них письменных отчетов; они только должны время от времени докладывать мне, встречаются ли затруднения или дело успешно завершается.

В данном случае психиатр социальной службы смог справиться с материнским непониманием своей роли в появлении и укоренении симптома у мальчика. Здоровый мальчик оказался во власти тревоги из-за депрессии матери. Он был единственным ребенком и оказался не в состоянии освободиться от материнской потребности в нем. В настоящее время мальчик смог пойти в школу, которая ему очень нравится, хотя он по-прежнему беспокоится о матери, которой его не хватает. Однако мать справляется со своей потерей, и я думаю, что она стала ближе к мужу, чего не было со времени рождения ребенка. Таким образом, разрешается эта проблема.

Социальная работа в данном случае заключалась в понимании проблемы психиатром социальной службы, в обсуждении этой проблемы с матерью, а также в том, что случай оставался в его поле зрения на протяжении значительного периода. Родители попросили разрешить эту проблему и верили в меня, в «социального психиатра» и в клинику. Я хочу подчеркнуть, что проблема была разрешена совместно с родителями. Если бы мы потеряли их доверие, они не смогли бы содействовать силам помощи, которые были представлены психиатром социальной службы и мной — на заднем плане.

Думаю, все случаи можно разделить на три группы:

- 1) интегрированные изнутри;
- 2) дезинтегрирующие элементы;
- 3) характеризующиеся «срывом окружения», ставшим уже фактом.

В первой группе случаев проделанная работа подразумевает то, что делают или могут сделать родители. Во второй необходима социальная работа, чтобы развить

динамику, противостоящую дезинтегрирующим силам. В третьей работник, занятый изучением окружающей обстановки, организует и реорганизует эту обстановку. Очевидно, наиболее серьезные проблемы представляет вторая группа, и мы часто терпим неудачу, потому что не имеем права радикально вмешаться.

Вот типичный случай, который можно привести в качестве иллюстрации.

Мать привела на прием Джеймса, восьми лет, потому что у него недержание мочи, потому что он не учится и не хочет учиться и потому что замыкается, избегая новых ситуаций и новых людей, уходит от реальности. Мать говорит, что у мальчика очень строгий отец и что настроение отца вызывает напряжение в семье. К тому же отец обычно принимает сторону сына против матери, когда бы та ни пыталась проявлять твердость. Когда я занялся этим случаем детально, то обнаружил, что ситуация улучшается. Отец ушел из семьи и теперь занят созданием новой семьи; мать получила возможность настойчивей связывать мальчика с реальностью; а сам мальчик стал видеть в родственниках-мужчинах как бы замену отца. Ему явно нравится, когда эти мужчины поддерживают его мать, а не его против матери. Ему эти мужчины нравятся. И он, в общем, гораздо более счастлив и спокоен; таким он давно не был. А его симптомы при этом проявляются все слабее.

В этом случае я решил не встречаться с мальчиком. Мать как будто испытала большое облегчение, когда я сумел показать ей, что теперь она держит ситуацию в руках; при этом мальчик оправляется от самых тяжелых последствий отношения отца и у него оказалось для этого достаточно здоровья. Вмешавшись, я лишил бы мать удовлетворения, на которое она имеет право благодаря своей возможности помочь сыну. С другой стороны, я все время нахожусь на втором плане и способен сразу вмешаться, если меня об этом попросят, потому что уже тщательно изучил историю случая и у меня сложилось собственное мнение относительно его динамики. Если бы я непосредственно занялся

этим случаем, если бы провел интервью с мальчиком, то либо потерпел бы неудачу, либо превратился бы в некую малоудачную замену отца. В последнем случае я мог бы продолжать действовать в роли такого заменителя, пока от меня не отказались бы; иначе я причинял бы только вред.

Теперь рассмотрим случай Энтони.

Этого мальчика я впервые увидел в своей клинике, когда ему было восемь лет. Теперь он мужчина; иными словами, он где-то в мире, и я не знаю, где именно. Не знаю, успешно ли завершилась эта долгая история, которая потребовала всех ресурсов клиники. В сущности, в жизни этого мальчика не было ничего постоянного, кроме наличия моей клиники. В ходе этого долгого испытания несколько раз сменился весь персонал моей клиники, за исключением меня. На протяжении многих лет только наше отделение продолжало интегрировать окружающую мальчика обстановку; ничего другого позитивного и постоянного в его жизни не было.

Мать забрала мальчика у отца, когда сын был совсем маленьким, но вскоре начала жить собственной жизнью и в возрасте трех или четырех лет вернула мальчика отцу. Отец был очень нестабильный человек с маниакально-депрессивным характером и раздражительным отношением к окружающим. К тому времени как я занялся этим случаем, он женился вторично, у него родилась дочь, и Энтони воспитывали отец и мачеха. Мачеха во всем поддерживала отца и, казалось, все время идентифицировалась с его точкой зрения, с его парадоксальной смесью антагонизма к обществу и требований, чтобы то же самое общество давало образование мальчику, в котором явно таился ум. Коэффициент интеллекта у него оказался необычно высоким, что мы установили позже, когда подвергли его тестированию.

Возможно, главная трудность данного случая заключалась в том, чтобы не позволить раздражению, вызываемому родителями (точнее сказать, отцом мальчика), вмешаться в положительное отношение к мальчику. Мальчик не очень располагал к себе. Помимо косоглазия, он

постоянно выглядел несчастным, и казалось, в нем вообще ничего хорошего нет. Именно социальный работник, проводивший психотерапию, первым показал мне, что на самом деле мальчик хороший, когда имеешь дело с ним индивидуально и когда у него появляется возможность проявить себя. У него оказалась стойкая тяга к воровству и лжи, а однажды ко мне обратились сестры, ужаснувшиеся, увидев, как он играет со своими экскрементами. Мачеха оказалась не в состоянии держать его в одной квартире со своей дочерью; положение усугублялось тем, что родители не стали снимать большую квартиру, хотя имели для этого все возможности, так что для мальчика никогда не находилось места, а укладывать спать его в одной комнате со сводной сестрой было невозможно.

Родители непрестанно жаловались нам и всем, кому могли, на свою ситуацию. Они хотели, чтобы мальчик учился в известной школе, и чтобы его готовили к этому, однако отказывались платить за обучение. Отец не переставал винить меня за то, что я направил мальчика в школу для плохо приспособленных к жизни детей. Однако для того, чтобы не отправлять его туда, нужно было найти кого-то, кто мог бы подолгу выдерживать отталкивающие особенности его навязчивости. Пришлось сменить много школ, но клиника продолжала постоянно контактировать с ним и с теми людьми, кто о нем заботился. На протяжении всего школьного периода за обучение и содержание мальчика платил Совет Лондонского графства, в результате Энтони получил очень хорошее образование. Но даже Совету не удавалось получать помощь от всех учреждений, и из клиники приходилось писать письма, убеждая, что мальчику нельзя отказывать в помощи, потому что его отец больной и очень раздражительный человек. Со временем мачеха от отца ушла, стала совсем другим человеком и смогла проявить гораздо более объективное, чем раньше, отношение к ситуации отца и к тому невыносимому положению, в котором оказывался мальчик.

Мальчик стремился во что бы то ни стало получить стипендию в одном из двух университетов, которые счи-

тал достойными себя. Вначале он попытался поступить в Кембридж, но не поступил; потом попробовал в Оксфорд, и думаю, что ему снова не удалось поступить, но он не сообщил мне об этом. Однако чтобы сдать экзамен на получение этих стипендий, ему в самый последний момент потребовалась помощь, потому что отец оказался не в состоянии помочь ему. В этом случае моя клиника дала мальчику 10 фунтов, что дало ему возможность сдать экзамен. Думаю, нет никаких сомнений в том, что экзамен он не сдал и что однажды он снова появится в нашей жизни, когда устроится в какой-нибудь коммерческой фирме физиком-исследователем. Несомненно, он хорошо учился бы в университете, но что-то, шедшее от отца, заставляло его стремиться только в Оксфорд или Кембридж; а этим университетам он не подходил из-за всей своей истории и из-за остаточных симптомов, которые, вне всякого сомнения, указывали на подавленную гомосексуальность и на бессознательную связь с личностью отца и всеми трудностями.

В этом случае потребовалась очень большая работа; имеется огромное досье и еще утяжеляющие его письма к различным представителям власти. Возможно, это пример неудачного лечения, и мальчик смог вырасти только «джентльменом-мошенником». Мы не можем этого сказать, но, во всяком случае, мы делали все возможное для его интеграции и устойчивости, иначе его ждала бы малолетняя преступность и криминальная жизнь. Из всех примеров этот лучше всего иллюстрирует важность социальной работы. Совет Лондонского графства выплатил очень крупную сумму, чтобы содержать мальчика в школе, соответствующей его умственному развитию. В задачи социальной работы не входит предоставление денег, хотя, как я говорил, мы в самый последний момент предоставили мальчику 10 фунтов из нашего специального фонда, когда отец его подвел — подвел так, как кажется невозможным для отца, даже серьезно больного.

В данном случае дезинтегрирующим фактором было раздражительное отношение отца к обществу. Не было

ни одного человека, который его не раздражал бы. Обычно трудные родители меня не выводят из себя, но в данном случае я сказал отцу все, что я о нем думаю, в таких выражениях, что он написал министру здравоохранения, который через своих подчиненных связался с администрацией больницы святой Марии, которая, в свою очередь, связалась с Пэддингтон Грин, а уж администрация нашей больницы обратилась ко мне. Я ответил на выдвинутое против меня обвинение, сказав, что действительно совершил то, в чем меня обвиняют, и в качестве приложения отправил министру досье, разрешив прочитать его. Больше я ничего об этом не слышал, а досье нам вернули.

Можно усомниться в том, стоило ли проделывать всю эту работу, но я отвечаю, что мы не могли этого не делать; если к нам обращаются, мы обязаны принимать меры, удовлетворять возникающие потребности и пытаться помочь. Мы не можем просто работать в соответствии со своей оценкой возможных результатов. Во многих случаях работа прерывается силами, контроля над которыми у нас нет, и я считаю благоприятным признаком то, что этот мальчик до самого последнего времени регулярно сообщал нам о себе, а это означает, что он давал нам возможность продолжить работу, начатую много лет назад. Возможно, сам факт, что мы существовали на протяжении такого долгого времени, и явился фактором, который позволил ему стать не преступником, а физиком-исследователем.

Должен упомянуть, что на ранних этапах с этим мальчиком немного занимались психотерапией. Мы бы подвергли его самой глубокой психотерапии, если бы это было в наших силах, но в той местности, где мы работаем, поблизости нет возможностей для размещения таких детей. Этот пример иллюстрирует настоятельную необходимость того, что можно было бы назвать детской психиатрической клиникой, обладающей всем необходимым для обучения и расположенной недалеко от нашей больницы. В этом случае мы могли бы сразу предоставлять необходимое психоаналитическое лечение для

детей, которых в противном случае направляют в заведения для трудных подростков. Конечно, мы могли бы лечить очень небольшое число больных, но по крайней мере набирались бы опыта. А в настоящее время, если предстоит проделать большую работу, а ребенку — предоставить новое окружение, он уходит из сферы, в которой возможна психотерапия.

Следующий пример я предлагаю для иллюстрации того факта, что существует связь между легкими формами психозов и начальными стадиями антиобщественных тенденций. В этом случае речь идет о воровстве.

Речь идет о мальчике, который учится в государственной школе. Когда мальчику исполнилось шестнадцать лет, директор школы заявил, что исключает его, потому что тот постоянно крадет. Очень печальная история: отец мальчика сам закончил эту школу, и у школы были особые причины хорошо относиться к ученику. Отец был директором другой школы. В разговоре с мальчиком я обнаружил, что он способен описать очень трудное для себя время; ему тогда было пять или шесть лет, и родители словно совсем не обращали на него внимания. Я поговорил об этом с родителями, и они подтвердили, что это правда и что в этом возрасте с мальчиком обращались не так, как следовало. Родителям потребовалось некоторое время, чтобы понять, что они не уделяют сыну достаточно внимания; они это поняли и постарались исправить, что возможно. Но как раз в это время мальчик, который был младшим ребенком в семье, стал средним, потому что у него появилась сестра.

В данном случае семья очень хорошая, и родители очень расстроились, поняв, что сами заложили основы срыва, который произошел с мальчиком в школе. Они готовы были держать его дома и уделять ему все свое внимание, поскольку двое других детей находились в школах с очень хорошей репутацией. И родители выполнили свое намерение: мальчик провел дома очень хороший год, не имея никаких обязанностей. К концу года он захотел вернуться в школу, но перед этим у него произошла сильнейшая

регрессия, он стал исключительно зависим, точно малыш, но в данном случае не как младенец. Со временем он начал ходить в обычную школу (не закрытого интернатного типа), а потом решил учиться в школе, где директором был его отец. Вскоре все забыли о том, что он воровал, и действительно с того дня, как я час с ним разговаривал, он больше ничего не украл; именно в том разговоре он вспомнил о своей депрессии, когда ему было пять или шесть лет и когда ему не уделяли внимания.

В данном случае болезнь не была психоневрозом, а лечение не было психотерапией. Полагаю, это был вид патронажа, в котором пришлось иметь дело с родителями, в них удалось вселить веру в возможность помощи сыну и поддерживать с ними постоянный контакт, когда болезнь мальчика вначале усугубилась (но к воровству он не вернулся), а потом он стал выздоравливать. Работа облегчалась тем обстоятельством, что и родители, и директор школы хотели выздоровления мальчика, так что здесь не приходилось учитывать и устранять дезинтегрирующие факторы. Не было разрушительных элементов, которые могли бы превратить нашу работу в процесс сдерживания реакций.

В некоторых случаях детских психозов, особенно тяжелых, именно отклоняющееся от нормального отношение родителей является причиной возникновения и усугубления болезни. В этом случае болезни ребенка и родителей взаимодействуют, что усложняет ситуацию. Вот тогда социальная работа, изучение обстановки нацеливаются на поиски альтернативного окружения. Но как это трудно!

Социальная работа и командное сотрудничество

Я заканчиваю этот раздел замечаниями относительно административного аспекта проблем социальной работы и патронажа в случае душевно больных детей, а именно — взаимоотношений команды (психиатр, психолог и соци-

альный работник), тесно сотрудничающих в условиях детской клиники.

Некоторые полагают, что социальная работа — самая рутинная часть деятельности в детской клинике. Но это не совсем верно, когда возникают сложные взаимоотношения между членами команды, сотрудничающей во имя общей цели — выздоровления детей.

Значительная доля усилий клиники заключается в объединении различных аспектов данного случая болезни, которыми занимаются разные люди, составляющие единую команду. Возможно, по этой причине сам я никогда не применял командную работу, какой она обычно бывает в клинике. В хорошей клинике психиатр, итожащий ход лечения на конференции, имеет возможность объединить различные элементы случая, и наблюдение за этим процессом весьма полезно и поучительно для студентов. Тем не менее возможно, чтобы случай был разобран на отдельные аспекты, а затем просто объединен в клинике, и при этом никакой социальной работы не проводится.

Благодаря организации своей работы я в последние годы имел возможность сотрудничать, как с коллегами, с психиатрами-социальными работниками и психологами, мы вместе рассматривали случаи и использовали преимущества принципа, согласно которому одна голова хорошо, а две лучше. В некоторых случаях, благодаря способностям психиатра социальной службы, я имел возможность временно или на более длительный период полностью передавать случай такому работнику. Это все равно что передать случай одному из моих коллег психиатров, только я продолжаю нести медицинскую ответственность и поэтому ожидаю, что социальный работник будет информировать меня о происходящем.

Есть еще одно наблюдение, которое кажется мне полезным. Если в психотерапии очень трудно сменить терапевта, в социальной работе и патронаже это можно сделать, и в этом случае не отдельный человек, а вся клиника в целом обеспечивает непрерывность усилий для

этого больного. Человек, занимающийся патронажем, не может рассчитывать на то, что будет постоянно заниматься этим делом. Это определенный недостаток, если думать о психотерапии индивидов, хотя каждый работник представляет свое агентство или клинику. Клиника же обладает гораздо большими возможностями для непрерывности лечения, чем отдельный человек. Я уже приводил случай, иллюстрирующий это положение. Конечно, я совсем не хочу сказать, что отношения между людьми могут быть ослаблены до такой степени, что смена работника, занимающегося «социальным фоном» больного, совсем не вызывает травмы. Можно представить себе крайний случай, когда социальной работой вообще занимается не индивид, а учреждение как некая административная машина. Но это привело бы нас назад, в темные века, откуда мы только что выбрались. В некотором смысле социальная работа и, в частности, патронаж есть человеческий и потому подверженный ошибкам элемент, который использует административный механизм, но не позволяет механизму использовать больного. Если посмотреть на это с такой точки зрения, легко понять, что те, кто непосредственно занимается патронажем, и администраторы могут подозревать друг друга, хотя им необходимо сотрудничать.

Резюме

Я попытался выделить смысл социальной работы из сложного механизма командных усилий.

Обычно родители признают болезнь своего ребенка и пытаются его вылечить. В случае болезни ребенка, когда существует неблагополучие в обстановке и его необходимо ликвидировать, патронаж с этой целью становится первоосновой лечения. Я привлек особое внимание к случаям, в которых социальная работа приобретает особое значение в нейтрализации разрушительных элементов.

В простейших случаях психически больны родители или один из них, и социальная служба использует собственные динамические силы и самоинтеграцию как реакцию на эту болезнь родителей. К этой теме относится большое количество разнообразных случаев, но главное положение таково: поскольку в каждом случае в том или ином виде действуют дезинтегрирующие силы, — во имя ребенка должен развиваться мощный интегрирующий процесс. Здесь не может быть более важной работы, чем организация активных интегрирующих тенденций, или холдинга, — в противовес потенциально разрушительным силам. Я полагаю, что именно в данном случае лучше всего использовать формулировку «социальная работа в форме патронажа».

Мысль не новая, но ее необходимо подчеркнуть, и классификация и разделение различных задач позволит нам яснее разграничить социальную работу и психотерапию в случаях душевнобольных детей.

Депривированный ребенок и как можно компенсировать утрату семейной жизни

В виде вступления к теме заботы о ребенке, лишенном нормальной семейной жизни, напомним, что главной заботой общества должны быть состояние здоровья его членов. Общество нуждается в хороших семьях по той простой причине, что дети, воспитанные в таких семьях, становятся самыми продуктивными членами общества: именно забота о таких детях «приносит дивиденды».

Если принять это положение, придется признать два следствия. Во-первых, в центре нашего внимания должно находиться обеспечение обычной семьи жильем, пищей, одеждой, возможностями для образования и отдыха и тем, что можно назвать культурной пищей. И во-вторых, никогда не следует вмешиваться в нормальную семейную жизнь, даже ради блага самой семьи. Врачи особенно склонны вмешиваться в отношения матерей и младенцев или родителей и детей, делая это всегда с лучшими намерениями, ради предотвращения болезней и укрепления здоровья; и в этом отношении врачи не являются единственными «агрессорами». Вот пример.

Мать после развода попросила моего совета в следующей ситуации. У нее шестилетняя дочь, и религиозная организация, с которой связан отец ребенка, хотела отобрать девочку у матери и поместить в интернат — не только на время учебы, но и в каникулы, — потому что эта организация не одобряла развод. Тот факт, что девочка чувствовала себя в безопасности и ей хорошо с матерью и ее новым мужем, игнорировался; девочка должна

была испытать депривацию на основании принципа: ребенок не должен жить с разведенной матерью.

На практике большинство депривированных детей так или иначе приспособляются к ситуации, и проблема заключается в том, чтобы избежать плохого обращения и непродуманного руководства.

Тем не менее мне приходится признавать, что сам я, как и многие другие, не раз способствовал распаду семьи. Мы постоянно удаляем детей из их семей. Только в одной моей клинике еженедельно бывает случай, когда необходимо срочно удалить ребенка из семьи. Правда, такие дети редко бывают младше четырех лет. Все работающие в этой области знают такие случаи, когда по той или иной причине складывается положение, при котором, если ребенка немедленно не убрать из семьи, она распадется или ребенок попадет в суд. Часто можно предсказать, что ребенку вне семьи будет лучше или что семья без ребенка имеет шанс на сохранение. Бывает немало тяжелых случаев, в которых положение улучшается после такого разделения, и было бы очень жаль, если бы все, что мы делаем, чтобы избежать распада семьи, привело бы к ослаблению усилий властей по созданию условий для детей, о которых здесь идет речь.

Когда я говорю, что в моей клинике каждую неделю встречается такой случай, я хочу сказать, что в подавляющем большинстве случаев мы умудряемся помочь ребенку в существующей семейной ситуации. Такова, конечно, наша цель, и не только потому, что это наиболее экономично, но и потому, что семья, если это достаточно нормальная семья, — наилучшее место для роста и развития ребенка. Большинство детей, нуждающихся в помощи психолога, страдают из-за нарушений, связанных с *внутренними* факторами, индивидуальных нарушений эмоционального развития, часто неизбежных, потому что жизнь сложна. И эти нарушения можно лечить, когда ребенок остается в семье.

Оценка депривации

Для того чтобы понять, как помочь таким детям, нужно определить, какая степень нормального эмоционального развития возможна с самого начала при хороших отношениях (1) младенца с матерью и (2) отца, матери и ребенка; затем в свете этого постараться установить ущерб, причиненный депривацией, когда она начинается и устойчиво сохраняется. Поэтому в таких случаях важна история болезни.

Может оказаться полезной следующая классификация распавшихся семей:

1) обычная хорошая семья, распавшаяся случайно по вине одного или обоих родителей;

2) семья, распавшаяся в результате развода супругов, которые остаются хорошими родителями;

3) семья, распавшаяся в результате развода супругов, которые не стали хорошими родителями;

4) неполная семья из-за отсутствия отца (незаконно-рожденный ребенок). Мать хорошая; бабушка и дедушка могут отчасти принять на себя роль родителей или помочь в определенной степени;

5) неполная семья из-за отсутствия отца (незаконно-рожденный ребенок). Мать тяготеет своим материнством;

6) семьи никогда не было.

Вдобавок можно провести переkreщивающуюся классификацию:

1) в соответствии с возрастом ребенка; а также с возрастом, когда перестала существовать удовлетворительная семейная обстановка;

2) в соответствии с характером и уровнем интеллекта ребенка;

3) в соответствии с психиатрическим диагнозом ребенка.

Мы избегаем давать оценку проблемы с точки зрения симптомов ребенка, или по степени затруднений, которые он причиняет взрослым, или по чувствам, которые вызывает у нас его положение. Все эти соображения уво-

дят нас в сторону. Часто в истории болезни не хватает самых существенных моментов. В таком — наиболее распространенном — случае единственная возможность определить наличие прежнего раннего хорошего семейного окружения — создать ребенку такое окружение и посмотреть, как он им воспользуется.

Здесь необходимо особое замечание относительно слов «как ребенок воспользуется хорошим окружением». Депривированный ребенок, лишенный нормальной семьи, болен, и положение никогда не бывает настолько простым, что для возвращения здоровья достаточно благоприятных перемен в окружении. Ребенку может стать лучше, он может при этом испытывать все больший гнев из-за своей прошлой депривации. Где-то здесь кроется ненависть к окружению, и здоровье не возвращается, пока эта ненависть в полной мере не испытана. В небольшом количестве случаев ненависть испытывается, но даже при этом небольшие осложнения способны вызвать трудности. Благоприятный результат возникает, только когда все относительно доступно осознанию самим ребенком, а так бывает крайне редко. Почти всегда чувства, испытываемые в связи с деструктивностью окружения, не доступны для осознания. Там, где депривация происходит после позитивного раннего опыта, нечто подобное может произойти, и может возникнуть соответствующая депривации ненависть. Приводимый ниже пример иллюстрирует такую ситуацию.

Речь идет о семилетней девочке. Отец ее умер, когда девочке было три года, но она перенесла это без потрясений. Мать, которая очень хорошо о ней заботилась, вторично вышла замуж. Брак оказался успешным, и отчим был очень добр с девочкой. Все шло хорошо, пока мать не забеременела. В этот момент отношение отчима к падчерице совершенно изменилось. Все его мысли были теперь о собственном младенце, и он лишил внимания девочку. После рождения младенца положение стало еще хуже, и мать оказалась в ситуации «конфликтующей преданности». Ребенок не мог нормально

развиваться в такой атмосфере, но, когда девочку поместили в интернат, она смогла успокоиться и понять трудности, которые испытала дома.

С другой стороны, следующий пример показывает результаты воздействия негативного раннего опыта.

Мать обратилась за помощью, когда мальчику исполнилось два с половиной года. Семья хорошая, но мальчик счастлив только тогда, когда ощущает личное внимание матери или отца. Он не может оставить мать и играть самостоятельно, а приближение незнакомых людей приводит его в ужас. Что же произошло в этом случае, учитывая, что родители совершенно обычные нормальные люди? Дело в том, что мальчик был усыновлен в пятинедельном возрасте, и к этому времени он уже был болен. Есть свидетельства того, что старшая медсестра больницы, где он родился, считала его своим любимцем: она даже пыталась скрывать мальчика от людей, которые обращались в больницу с просьбами об усыновлении. Перемена обстановки в возрасте пяти недель вызвала серьезные нарушения эмоционального развития ребенка, и приемные родители смогли только частично преодолеть эти трудности — которых они определенно не ожидали, усыновляя ребенка в таком раннем возрасте. (На самом деле они хотели получить ребенка еще младше, в возрасте одной или двух недель, потому что сознавали, какие осложнения могут возникнуть.)

Нам нужно знать, что происходит с ребенком, когда он лишается хорошего окружения или когда такого окружения вообще не существовало, — а это означает изучение всего эмоционального развития индивида. Некоторые характерные проявления хорошо известны: ненависть подавляется или вообще утрачивается способность любить людей. В личности ребенка возникают «защитные» качества. Может произойти регрессия к ранней стадии эмоционального развития, которая оказалось удовлетворительней остальных, возможно и состояние патологической интроверсии. Гораздо чаще, чем обычно считают, происходит расщепление личности. В простейшем слу-

чае такого расщепления ребенок предъявляет миру витрину или перевернутую половину, построенную на основе послушания, а главная часть Самости, в которой сосредоточена вся спонтанность, держится в тайне и все время вовлечена в тайные взаимоотношения с идеализированными фантазийными объектами.

Хотя четко и ясно сформулировать эти феномены не легко, знать их необходимо, если мы хотим понять, каковы благоприятные симптомы у подвергшегося депривации ребенка: Если мы не понимаем сути, то, когда ребенок очень болен, можем не понять, например, что депрессивное состояние у такого ребенка — благоприятный знак, особенно если оно не сопровождается мыслями о преследовании. Простое депрессивное состояние означает, что ребенок, по крайней мере, сохранил единство личности и чувство обеспокоенности и способен принять на себя ответственность за то, что делает неправильно. К тому же антисоциальные поступки, такие, как мокрая постель или воровство, означают, что еще есть надежда — надежда обретения достаточно хорошей матери, достаточно хорошей семьи, достаточно хороших отношений между родителями. Даже гнев может указывать на существование надежды и на то, что в данный момент ребенок является цельной личностью и способен ощутить противоречие между воображением и тем, что он находит в реальной действительности.

Рассмотрим значение антиобщественного поступка, например воровства. Когда ребенок ворует, то ищет (ребенок в целом, то есть с учетом бессознательного) совсем не объект кражи; ребенок ищет личность, он ищет мать, у которой он имел право красть, потому что она мать. В сущности, каждый младенец обладает правом красть у матери, потому что он ее «изобрел», придумал, создал из своей врожденной способности любить. Мать, находясь постоянно рядом, постепенно, кусочек за кусочком, отдает младенцу свою личность, как материал для творчества, так что в конце концов субъективная, созданная воображением мать становится такой же, как реальная.

Точно так же ребенок, который мочится в постель, ищет материнские колени, на которых он на самых ранних стадиях младенчества имел право мочиться.

Антисоциальные симптомы «ищут» возвращения окружения и указывают на существование надежды. Они терпят неудачу не потому, что неверно направлены, а потому что ребенок не осознает, что делает. Таким образом, антиобщественный ребенок нуждается в специальном окружении с терапевтической целью, и только такое окружение способно реально ответить на надежду, которую он выражает в своих симптомах. Однако, чтобы оказать терапевтический эффект, такое окружение должно сохраняться длительно, потому что, как я уже говорил, многое недоступно ребенку в форме осознанных чувств и памяти; к тому же ребенок должен обрести уверенность в новом окружении, должен поверить в его стабильность и объективность, прежде чем откажется от защиты — защиты от непереносимой тревоги, которая всегда готова возродиться при новой депривации.

Таким образом, мы знаем, что подвергшийся депривации ребенок болен, это больная личность с травматическим опытом в прошлом и со своим особым способом подавления возникшей тревоги; способность этой личности к восстановлению зависит от степени утраты осознанности гнева и от изначальной способности любить. Какие практические меры могут помочь такому ребенку?

Забота о подвергшемся депривации ребенке

Очевидно, кто-то должен заботиться о детях. Общество больше не отказывается от своей ответственности за детей, лишенных нормальной семьи; напротив, сегодня произошел поворот прямо в противоположном направлении. Общественное мнение требует, чтобы было сделано все возможное для тех детей, которые лишены

нормальной семьи. Многие современные беды связаны с практическими трудностями, которые возникают при воплощении в жизнь принципов, вытекающих из такого нового отношения.

Невозможно сделать что-то хорошее для ребенка, просто приняв закон или приведя в действие административные механизмы. Все это необходимо, но это лишь первый и самый незначительный шаг. В каждом случае правильное обращение с детьми требует людей, и это должны быть подходящие для такой роли люди; а таких людей всегда мало. Количество их значительно увеличилось бы, если бы административный механизм предусматривал еще и наличие *посредников*, которые, с одной стороны, имеют дело с неповоротливой администрацией, а с другой, постоянно контактируют с теми, кто непосредственно выполняет работу, определяют их положительные качества, оценивают достигнутые успехи, дают возможность развиваться образовательному процессу, делают эту работу интересной, обсуждая неудачи и их возможные причины, и всегда готовы оказать помощь, если необходимо удалить ребенка из приемного дома или заведения, причем как можно быстрее. Забота о ребенке отнимает много времени и лишает человека, который ею занимается, эмоционального резерва, необходимого для контактов с административным персоналом или с более широкими проблемами, касающимися в отдельных случаях полиции. И наоборот, человек, способный постоянно иметь дело с администрацией и полицией, не может обеспечивать необходимую заботу о ребенке.

Переходя к более специальным проблемам, следует помнить психиатрический диагноз каждого ребенка, который доверен нашим заботам. Как я уже указывал, такой диагноз можно поставить только после тщательного изучения истории болезни или на основе определенного периода наблюдений. Дело в том, что у ребенка, лишенного семейной жизни, мог быть в младенчестве хороший старт и даже начало полноценной семейной жизни. В таких случаях может сохраняться прочное основание

душевного здоровья, так что болезнь, связанная с депривацией, вторична и наложена на это здоровье. С другой стороны, ребенок, который нередко не выглядит очень больным, не имеет такого здорового опыта, который может быть обнаружен и реактивирован в новом окружении; больше того, возможны случаи, когда в младенчестве был острый дефицит заботы и поэтому сами основания душевного здоровья в терминах структуры личности повреждены или отсутствуют. В таких крайних случаях хорошее окружение приходится создавать впервые, и, возможно, оно не окажет никакого воздействия, потому что ребенок нездоров изначально, может быть, еще и с наследственной предрасположенностью к нестабильности или безумию. В самых крайних случаях ребенок безумен, хотя в отношении детей это слово никогда не используется.

Необходимо отдавать себе отчет в существовании этой стороны проблемы, иначе те, кто оценивает результаты наших усилий, будут поражены, обнаружив, что даже при самом чутком отношении бывают неудачи и всегда найдутся дети, которые вырастают безумными или в лучшем случае антиобщественными.

После установления диагноза в терминах присутствия или отсутствия положительных черт в раннем окружении, а также зависимости ребенка от них, делается следующий шаг — обдумывается процедура. Здесь я хочу подчеркнуть (а я пишу это в качестве детского психоаналитика), что формулировка принципов ухода и обращения с депривированными детьми не входит в задачи психотерапии. Психотерапия — это средство, которое, как можно надеяться, постепенно в некоторых случаях усовершенствует то, что уже сделано. Говоря в общем, в настоящее время личная психотерапия не является столь уж практичной. Главная процедура — создание альтернативы семье. То, что может быть в этом смысле сделано для ребенка, можно классифицировать следующим образом.

1. Приемные родители, которые хотят создать ребенку семейную жизнь, какой она была бы у настоящих ро-

дителей. Считается, что это идеальное решение, однако тут же следует добавить, что дети, переданные приемным родителям, должны обладать способностью отзываться на хорошее. Практически это означает, что в прошлом таких детей должна существовать хорошая семейная жизнь и они способны на нее отзываться. У приемных родителей такие дети получают возможность вернуть то, что у них когда-то было, но что они потеряли.

2. Далее идут небольшие «дома заботы» — семейные приюты под началом (это не обязательное, но желательное условие) супружеской пары, в которых воспитываются дети разного возраста. Такие маленькие приюты со временем можно группировать, что имеет преимущества и с административной точки зрения, и с точки зрения детей, которые обретают, так сказать, сводных братьев и сестер. Здесь детям тоже предоставляют хорошие возможности, и потому необходимо тех детей, которые не в состоянии этими возможностями воспользоваться, в такие приюты не поселять. Один нестабильный ребенок может испортить работу целой группы. Следует помнить, что работа, в которую вкладывают душу, эмоционально труднее простого «исполнения обязанностей» и воспитатели в случае неудач склонны переходить к более простым, поверхностным методам.

3. В третьей категории группы больше по численности количество детей может достигать восемнадцати человек. У воспитателя сохраняется возможность личного контакта со всеми детьми, но у него должны быть помощники, и руководство этими помощниками — важная часть работы воспитателя или опекуна. Здесь возникает проблема разделения симпатий, и дети получают возможность настраивать одних взрослых против других и даже играть на латентной ревности. Причем в среднем каждому ребенку достается меньше внимания. Но с другой стороны, мы получаем больше возможностей для работы с сильно пострадавшими от депривации детьми. В данном случае отношения менее личные, более «диктаторские», и к каждому ребенку предъявляется меньше требований.

В таком доме ребенок меньше нуждается в прошлом здоровом опыте, который можно было бы оживить. В таких приютах ребенка меньше тянет отождествлять себя с домом и семьей, сохраняя личную спонтанность и импульсивность. Возникает промежуточное положение — в большом доме происходит, так сказать, слияние с личностями других детей в группе. Это означает потерю личной идентичности и идентификации с общей семейной обстановкой.

4. Далее в нашей классификации идут большие учреждения, в которых руководители заняты главным образом управлением штатом и лишь косвенно связаны с повседневным воспитанием детей. Преимущество в том, что так можно содержать больше детей. Поскольку персонал больше, вероятней и различные обсуждения трудных случаев; дополнительное преимущество в том, что дети могут образовывать соперничающие друг с другом группы. Думаю, такое учреждение более приспособлено для обращения с более больными детьми, то есть с теми, у кого в прошлом положительный опыт слишком мал. Относительно безличный руководитель может держаться на удалении и представлять власть, в которой нуждаются такие дети; они нуждаются в такой власти, потому что самостоятельно не в состоянии обладать одновременно спонтанностью и контролем над ней. (Они либо отождествляют себя с властью и превращаются в маленьких «гауляйтеров», либо становятся чрезмерно импульсивными, полностью полагающимися на внешний контроль власти.)

5. Наконец, возможны еще большие учреждения, которые являются наилучшим местом для детей в самом тяжелом состоянии. На какое-то время такие учреждения необходимы. Они должны управляться диктаторскими методами, и для ребенка хорошо подвергнуться ограничениям, которые может немедленно наложить на него общество. Это хорошая форма сублимации потенциальных диктаторов. Можно даже найти преимущества в таком нежелательном состоянии, потому что при дикта-

торских методах управления трудные дети — можно надеяться — в течение долгого времени не будут причинять неприятностей обществу. Очень больные дети здесь более счастливы, чем в меньших приютах, здесь они могут обрести способность играть и учиться, так что несведущий наблюдатель будет поражен. Но в таких заведениях трудно распознавать детей, которые созрели для более личностного воспитания, детей с растущей способностью идентифицироваться с обществом, не утрачивая своей собственной индивидуальности.

Терапия и руководство (Management)

Сейчас я хочу сопоставить две крайности: приемную семью и самое большое учреждение. Как я уже сказал, в семье цель подлинно терапевтическая. Здесь есть надежда, что с течением времени ребенок оправится от депривации, которая без такой семьи не только оставила бы шрам, но и искалечила ребенка. Но для того, чтобы это произошло, нужно нечто большее, чем реакция ребенка на новое окружение.

Вначале ребенок склонен сразу откликнуться на хорошее, и те, кто о нем заботится, решают, что все неприятности позади. Однако, когда ребенок обретает уверенность, возрастает вероятность гнева, питаемого перенесенными ранее неудачами прежнего окружения. Конечно, маловероятно, чтобы происходящее выглядело точно так, особенно потому, что сам ребенок не сознает происходящие радикальные перемены. Приемные родители обнаружат, что время от времени становятся объектом ненависти ребенка. Они должны преодолеть гнев, который будет особенно проявляться вначале и который питают неудачи в собственной семье ребенка. Приемным родителям важно понимать это, иначе у них могут опуститься руки; должны знать об этом и социальные работники, занятые данным случаем; иначе они будут винить приемных

родителей и поверят рассказам детей о жестоком обращении и лишениях. Если социальный работник навещает приемных родителей с подозрением, что что-то неладно, родители могут встревожиться, а это заставит их попытаться соблазнить ребенка, подкупить его, внося элемент неискренности, чтобы он чувствовал себя желанным и счастливым, но тем самым они лишают ребенка важнейшей возможности выздоровления.

Иногда к ребенку относятся сознательно плохо в попытке «восстановить» то плохое, на которое можно реагировать гневом; в таком случае жестокого приемного родителя начинают по-настоящему любить, благодаря облегчению, которое ребенок испытывает от столкновения «ненависти с ненавистью»: ненависти, заключенной внутри, с ненавистью внешней. К несчастью, в этом случае приемных родителей могут неверно понять в их социальной группе.

Есть возможности выхода. Например, некоторые приемные родители действуют по принципу спасателей. Для них настоящие родители ребенка безнадежно плохие, и они вслух снова и снова говорят это ребенку, тем самым отвращая от себя его гнев. Такой способ может неплохо сработать, но он игнорирует реальную ситуацию и в любом случае болезненно затрагивает подвергшихся депривации детей, которые склонны идеализировать своих подлинных родителей. Несомненно, гораздо полезней, когда приемные родители периодически принимают на себя волны отрицательных чувств и переживают их, каждый раз достигая новых, более прочных (потому что менее идеализированных) отношений с ребенком.

Напротив, в большом учреждении отношение к ребенку не ставит целью избавление его от болезни. Целью прежде всего является обеспечение жильем, едой и одеждой детей, которые этого лишены; во-вторых, создание такого типа режима, при котором дети могли бы жить в состоянии порядка, а не хаоса; и в-третьих, удержание детей от столкновений с обществом до того времени, когда им можно предоставить самостоятельность — примерно

в шестнадцатилетнем возрасте. Не стоит делать вид, что таким путем делается попытка воспитать нормальное человеческое существо. Строгая дисциплина в таких случаях совершенно необходима, но если к ней может быть добавлено немного человечности — сделайте это.

Следует помнить, что даже в самых строгих приютах, пока в них сохраняется устойчивость и справедливость, дети могут ощутить в себе человечность и даже будут ценить строгость, потому что она подразумевает стабильность. Понимающие, чуткие мужчины и женщины, работающие в условиях такой системы, способны наладить важные контакты. Можно, например, отобрать подходящих детей для регулярных встреч с дядей или тетей, надежными «заменами» настоящей родни. Можно найти людей, которые будут поздравлять ребенка в день рождения и три-четыре раза в год приглашать его к себе домой на чай. Это всего лишь примеры, но они показывают, что можно предпринять, не нарушая строгой обстановки, в которой живет ребенок. Следует помнить, что если основой служит строгая обстановка, то любые исключения и пробелы в ней вызывают у ребенка тревогу. Если существует строгая обстановка, пусть она будет постоянной, надежной и справедливой, чтобы ее ценность сохранялась. К тому же всегда найдутся дети, злоупотребляющие привилегиями, в таком случае будут страдать те, кто этими привилегиями не обладает.

В таких больших учреждениях ради порядка и спокойствия акцент делается на воспитании в интересах общества. В этих рамках дети в большей или меньшей степени утрачивают свою индивидуальность. (Я не игнорирую тот факт, что в учреждениях промежуточных типов есть возможности для постепенного развития детей, достаточно здоровых для такого развития, так, чтобы они все лучше могли идентифицироваться с обществом, не теряя собственной идентичности.)

Остаются немногие дети, которые — вследствие своего безумного состояния (хотя такое слово не следует использовать) — даже при самых строгих порядках не

поддаются воспитанию. Для таких детей должно существовать нечто вроде эквивалента психиатрических лечебниц для взрослых, и я думаю, что общество еще не решило, как лучше поступать в таких крайних случаях. Такие дети настолько больны, что те, кто о них заботится, легко различают, что когда они становятся антиобщественными, — это означает, что у них начинается улучшение.

Я заканчиваю этот раздел двумя очень важными соображениями о потребностях депривированных детей.

Важность ранней истории ребенка

Первое соображение касается тех работников, кто занят заботой о детях, в особенности об их размещении и адаптации к новой ситуацией. На месте такого работника я, как только ребенок оказывается в моем ведении, сразу начал бы собирать всю возможную информацию относительно жизни ребенка, какую только можно найти в настоящий момент. Это очень важно, потому что с каждым днем вероятность встретить человека, знакомого с обстоятельствами жизни ребенка, становится все меньше. Как тяжело было во время войны, когда сюрпризы эвакуации означали появление детей, о которых невозможно было что-нибудь узнать!

Мы знаем, что нормальные дети, ложась спать, часто спрашивают: «Что я делал сегодня?» и тогда мать отвечает: «Ты проснулся в половине седьмого и поиграл с плюшевым медвежонком, напевал ему песенки, пока мы не проснулись, потом ты встал и пошел в сад, потом позавтракал, а потом...» и так далее, и так далее, пока не будет воссоздана схема всего дня. Ребенок все это знает, но рад, когда ему помогают осознать эту информацию. Он себя при этом чувствует хорошо, уверен в своей реальности и может отличать реальность от мечты и игры воображения. То же самое, только обычно в ухудшенном варианте

происходит, когда родители пересказывают прошлую жизнь ребенка, включая то, что сам ребенок помнит с трудом или вообще не помнит.

Отсутствие такой простой вещи, как сведения о жизни, — серьезная потеря пострадавшего от депривации ребенка. Во всяком случае, должен найтись человек, который соберет какой-то доступный материал. В самых благоприятных случаях этот человек сможет поговорить с настоящей матерью ребенка, чтобы она последовательно рассказала всю его историю с самого рождения и даже, возможно, важнейшие свои переживания периода беременности и того периода, который привел к зачатию, — все это может во многом определить ее отношение к ребенку. Однако часто приходится повсюду отыскивать обрывки информации; ценным может оказаться даже имя друга, который был у ребенка в предыдущем заведении. Затем следует организация контакта с ребенком, во время которого социальный работник должен заручиться его доверием. Ребенку можно дать понять, что здесь или в кабинете социального работника есть специальное досье, в котором содержится вся его, ребенка, предшествующая жизнь. Вначале ребенок может не захотеть узнавать свое прошлое, но потом могут потребоваться любые подробности. В особенности факты необходимы незаконно-рожденным детям и детям из распавшихся семей — необходимы, чтобы достичь здоровья, а я считаю, что в приемной семье цель ставится именно такая. Ребенок в противоположной ситуации, руководимый диктаторскими методами в составе большой группы, менее склонен усвоить всю правду относительно своего прошлого.

Поскольку сотрудников не хватает, социальные работники могут оказаться не в состоянии заниматься сбором сведений из-за своей перегрузки. Я считаю, что те, кто занят заботой о детях, должны принять твердое решение: не принимать детей больше, чем они в состоянии обеспечить нормальной заботой. В этом деле не может быть половинчатых решений. Приходится хорошо заботиться о немногих, передавая остальных в большие учреждения

с диктаторскими методами, пока общество не будет в состоянии предложить нечто лучшее. Хорошая воспитательная работа может быть только личностной, иначе она становится жестокой и мучительной не только для ребенка, но и для воспитателя. *Работу стоит делать только тогда, когда она ориентирована на личность и те, кто ею занят, не перегружены.*

Нужно помнить также, что если социальные работники будут принимать в свои группы слишком много детей, у них неизбежно будут неудачи, и со временем появятся статистические данные, доказывающие, что такая организация работы вообще ошибочна и что диктаторские методы воспитания более эффективны в пополнении заводов молодыми рабочими, а домов — прислугой.

Переходные явления

Другое соображение, которое я хотел бы здесь высказать, легче понять, если взглянуть на нормального ребенка. Почему, каким образом многие обычные дети, лишенные семьи и всего знакомого, не заболевают от этого? В чем секрет стойкости? Ежедневно дети попадают в больницы и выписываются из них не только физически выздоровевшими, но и душевно цельными и даже обогащенными новым опытом. Снова и снова дети живут какое-то время у тетей и дядей и тем более часто меняют знакомое окружение, переезжая с родителями.

Тема очень сложная, и подойти к ней можно так. Подумаем о ребенке, которого мы хорошо знаем, и спросим себя, что этот ребенок берет с собой в постель при переходе от бодрствования ко сну: куклу; может быть, несколько кукол; плюшевого медвежонка; книгу; обрывок старого одеяла или материнского платья; возможно, носовой платок, который служил салфеткой на определенной стадии развития этого младенца. В некоторых случаях

такого объекта нет, но тогда ребенок сосет то, что под рукой: кулак, большой палец, пальцы руки; угол стеганого одеяла; или возможна активность в области гениталий, которую легко обозначить термином «мастурбация»; или ребенок лежит на спине и делает ритмичные движения, оргастическая природа которых проявляется в выступившем у него на лбу поте. В некоторых случаях с самых ранних месяцев ребенок требует личного присутствия человека, скорее всего матери. Существует большое разнообразие обычно наблюдаемых возможностей. Среди всех кукол и других игрушек, принадлежащих ребенку, есть, вероятно, один, скорее всего мягкий объект, который был дан ребенку в десять, одиннадцать или двенадцать месяцев, с которым ребенок обращается наиболее бесцеремонно и в то же время его любит и без которого не соглашается ложиться в постель; и если ребенка увозят, эту вещь обязательно нужно взять с собой; если она потеряется, для ребенка, а следовательно, и для тех, кто о нем заботится, это будет настоящей катастрофой. Маловероятно, чтобы такую вещь отдали другому ребенку; во всяком случае другой ребенок ее не захочет; она со временем становится грязной, дурно пахнет, однако мы не решаемся ее выстирать.

Я называю эту вещь переходным объектом. Тем самым я хочу проиллюстрировать трудность, которую испытывает ребенок при соотношении субъективной реальности с реальностью общей, разделенной с другими. С пробуждения до засыпания ребенок все время перемещается из воспринимаемой реальности в создаваемый им мир и обратно. И поэтому ему нужны все разновидности переходных феноменов — своего рода нейтральная территория между двумя видами реальности. Я описал бы этот драгоценный для ребенка предмет, сказав: существует молчаливое понимание того, что никто не станет утверждать, что эта вещь — частица мира или что она создана младенцем. Оба утверждения справедливы: ребенок создал этот предмет, а мир предоставил его. Это — развитие изначальной задачи, которую обычная мать помогает осуществить

младенцу, когда в результате самой тонкой адаптации она предлагает ребенку себя — свою грудь — тысячу раз, как только младенец готов к созиданию чего-то вроде груди, которую она предлагает.

Большинство детей, которых можно отнести к категории «нарушенных», либо никогда не имели такого предмета, либо потеряли его. Видимо, такой предмет незамечен, а это значит, что подобных детей нельзя вылечить, просто дав им иной предмет. Однако ребенок может обрести такую уверенность в человеке, который о нем заботится, что появится предмет, на глубоком уровне символизирующий этого человека. Это хороший признак, наподобие возможности вспомнить сон или видеть во сне реальные события.

Все эти переходные объекты и переходные феномены помогают ребенку противостоять раздражениям и лишениям новых ситуаций. В воспитании (management) пострадавших от депривации детей нужно уважать существование подобных переходных объектов. Я думаю, что если с этой точки зрения взглянуть на использование игрушек, на аутоэротическую активность, на рассказы и детские стихи перед сном, мы поймем, что с помощью всего этого ребенок получает возможность до определенной степени обходиться без того, к чему он привык и в чем нуждается. Ребенок, которого переводят из одного дома в другой или из одного учреждения в другое, перенесет или не перенесет этот переезд в зависимости от того, смог ли он прихватить с собой кусок мягкой ткани или старую игрушку; или в зависимости от того, читают ли перед сном знакомые стихи — как связь настоящего с прошлым; и даже в зависимости от того, терпят ли его аутоэротическую активность, воспринимая все это позитивно. Для детей с резкой сменой окружения эти феномены особенно важны, и изучение их поможет нам действенной помогать тем маленьким человеческим существам, которым досталось от жизни, прежде чем они смогли принимать то, что приходится принимать всем: мир никогда не бывает таков, каким мы его создаем, и в самом лучшем случае возможно лишь частичное совпадение ре-

альности с тем, что создано нами. Мысль об идентичности этих двух реальностей мы считаем иллюзией.

Тем, кому повезло и у кого была благоприятная обстановка, трудно осознать все это; тем не менее, младенец или ребенок, которого часто перевозят с места на место, сталкивается именно с этой проблемой. Если мы лишаем ребенка переходного объекта и разрушаем установившиеся переходные явления, у ребенка остается только один выход — расщепление личности, когда одна половина соотносится с субъективным миром, а другая реагирует на столкновение с реальностью. Когда такое расщепление возникло, и мосты между субъективным и объективным уничтожены или так и не были наведены, ребенок не способен действовать как цельное человеческое существо.

До определенной степени ребенок, лишившийся семейной жизни, всегда обнаруживает такое состояние. В детях, которых мы направляем к приемным родителям или в «маленькие дома заботы», всегда обнаруживается некоторый элемент расщепления. Субъективный мир имеет один недостаток: он может быть идеальным, но может стать жестоким и мстительным. Вначале все обретенное ребенком будет воспринимать именно в таких терминах: либо приемная семья замечательна, а родная ужасна, либо наоборот. Однако в конце концов, если все пройдет хорошо, у ребенка появится возможность фантазировать о хороших и плохих семьях, видеть их во сне, говорить о них, рисовать их и в то же время воспринимать реальную семью приемных родителей такой, какая она есть в реальности.

Реальная приемная семья обладает тем преимуществом, что не колеблется очень сильно от хорошего к плохому и от плохого к хорошему. Она остается постоянно «средне разочаровывающей и средне внушающей уверенность». Тем, кто заботится о пострадавших от депривации детей, поможет понимание того, что каждый ребенок приносит с собой способность принять нейтральную территорию, локализованную каким-то образом в мастурбации, или

в кукле, или в знакомом детском стишке и тому подобном. Таким образом, изучая то, что доставляет радость нормальным детям, мы поймем, в чем отчаянно нуждаются депривированные дети.

Влияние группы и дети с нарушениями развития

ШКОЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В данном разделе моя цель — изучение определенных аспектов психологии групп, которые помогут нам лучше понять тот тип проблем, который возникает при групповом воспитании (management) детей с нарушениями развития. Вначале подумаем о нормальном ребенке, который живет в нормальной семье, имеет цели и охотно учится в школе; который самостоятельно «встраивается» в свое окружение и даже пытается влиять на него, изменять к лучшему. По контрасту, «нарушенный» ребенок нуждается в особом окружении, с акцентом скорее на развитие и воспитание, чем на обучение; обучение в данном случае как бы отступает на второй план и иногда может быть специализированным, более напоминая оздоровительные процедуры, чем знакомство с предметами школьной программы. Другими словами, для детей с нарушениями развития «школа» означает скорее «закрытое воспитательное учреждение интернатного типа». Поэтому те, кто занимается воспитанием антисоциальных детей, не столько школьные учителя, тут и там добавляющие к обучению немного человеческого понимания, сколько групповые терапевты, добавляющие к лечению немного обучения. Поэтому им очень важно разбираться в принципах формирования групп.

Группы и групповая психология — это обширная тема, из которой я выбрал для рассмотрения здесь только один важный тезис, а именно: основу групповой психологии

составляет психология индивида и в особенности личная интеграция индивида. Поэтому начну с краткого описания задач индивидуальной интеграции.

Индивидуальное эмоциональное развитие

Психология возникла из безнадежного хаоса, когда была принята идея существования непрерывного процесса эмоционального развития, начинающегося еще до рождения и продолжающегося на протяжении всей жизни до самой смерти в старости (если повезет). Это теория объединяет все разнообразные психологические школы и предоставляет полезный общепринятый принцип. Мы можем очень сильно расходиться там и здесь, но простая идея непрерывного эмоционального развития объединяет нас. На этой основе мы можем изучать ход процесса и различные его стадии, представляющие опасность либо изнутри (инстинкты), либо снаружи (изъяны окружения).

Все мы соглашаемся, что чем более ранние стадии этого процесса роста индивида рассматриваются, тем важнее фактор окружения. Это означает признание принципа, что ребенок движется от зависимости к независимости. Мы ожидаем от здорового индивида способности постепенно идентифицироваться со все более и более широкими группами, причем без потери своего «я» и индивидуальной спонтанности. Если группа слишком обширна, индивид утрачивает соприкосновение с ней; если она слишком узка, утрачивается ощущение гражданства (членства).

Не без трудностей удастся нам постепенно расширять значение слова «группа», создавая подходящие для подростков клубы и другие организации, обеспечивая подростку возможность последовательно идентифицироваться с каждой такой группой без слишком большой потери индивидуальности. Детям доподросткового возраста предназначены организации скаутов и гайдов; для более млад-

ших — браунигайдов и кабов*. Школа вначале представляет собой как бы продолжение и расширение семьи. Если это ясли для малышей, которые только учатся ходить, мы видим, что ребенок еще мало отделен от семьи и что в них почти нет собственно обучения; такой ребенок больше всего нуждается в организованных возможностях для игры и опекаемых условиях начала социальной жизни. Мы считаем подлинной группой такого ребенка его собственную семью, а что касается младенца, то мы знаем, какой катастрофой становится для него неотвратимость распада семьи. Если посмотреть на еще более ранние стадии этого процесса, мы увидим, что младенец в своем выживании чрезвычайно зависит от материнской заботы и ее постоянного присутствия. Мать должна хорошо приспособиться к потребностям младенца, иначе у него развиваются защитные системы, искажающие процесс; например, если окружение ненадежно, младенец должен «принимать на себя» его функции; поэтому истинная Самость прячется и мы можем видеть только ложную Самость, выполняющую двойную задачу: она прячет истинную Самость и подчиняется требованиям, которые время от времени предъявляет ему окружение.

Еще раньше младенец находится в матери и ощущает лишь любовь, выраженную физическими средствами, так сказать, человеческим содержанием. Здесь зависимость абсолютная, и от изъянов окружения на этой самой ранней стадии можно защититься только сдерживанием процесса развития и младенческим психозом.

Теперь посмотрим, что происходит, когда окружение позитивное и соответствует потребностям каждого специфического момента. Психоанализ прежде всего рассматривает инстинктивные потребности, но в данном кон-

* Детские организации скаутского типа в Великобритании по возрасту делятся на следующие группы: каб-скауты, бойскауты-волчата и браунигайды — мальчики и девочки от восьми до десяти лет; скауты и гайды — мальчики и девочки от десяти до пятнадцати лет; далее идут уже старшие подростки. — *Прим. перев.*

тексте мы больше озабочены обеспечением среды, которая делает возможным все остальное; иными словами, нас больше интересует мать, «держущая» ребенка, чем мать, кормящая его. Что происходит с процессом личного эмоционального развития, если «держание» (холдинг) и общий уход достаточно хорошие?

Из всего, что мы знаем, нас в данном случае больше всего интересует часть процесса, которая называется интеграцией. До интеграции индивид неорганизован, это скорее собрание сенсорно-двигательных явлений, собранных и удерживаемых окружением. После интеграции перед нами младенец, человеческое существо, достигшее, так сказать, статуса единицы, которое может сказать «я существую» (только еще не умеет говорить). У индивида теперь возникла некая «отграничивающая мембрана»: то, что не-он или не-она, отталкивается и является внешним. Теперь у него или у нее есть внутренний мир, и здесь могут быть собраны воспоминания о жизненном опыте, как он ни мал, здесь может начинаться создание невероятно сложной структуры, которая определяет суть человека.

Неважно, происходит ли это развитие быстро или на протяжении длительного времени; важно то, что возникают понятия «раньше» и «после» и что происходящее заслуживает теперь названия процесса.

Несомненно, в процесс интеграции очень многое вносит инстинктивный опыт, но все время присутствует и достаточно хорошее окружение, кто-то «держит» младенца (осуществляет холдинг), чутко приспосабливаясь к его меняющимся потребностям. Этот кто-то может функционировать только в потоке любви, свойственной этой стадии, любви, в которой заключена возможность отождествления с младенцем, чувство, что адаптация к его потребностям — это святой долг. В таком случае мы говорим, что мать предана младенцу — пусть временно, но всей душой, полна этой одержимостью до тех пор, пока нужда в ней (этой одержимости) не упадет.

Я предполагаю, что момент возникновения «я существую» очень трудный и суровый: новый индивид чув-

ствует себя чрезвычайно уязвимым. И этот момент — «я существую» — можно выдержать, вернее, рискнуть выдержать только при условии, что тебя в это время кто-то обнимает.

Я добавил бы, что этот момент подходит для объединения в пространстве психе и организма, так что «ограничивающая мембрана» не только метафорически ограничивает психе — мембраной одновременно становится кожа. «Раскрытый» теперь уже означает просто «нагой».

До интеграции есть состояние, в котором индивид существует только для тех, кто за ним наблюдает. Для самого младенца внешний мир не отделен, и у него нет внутреннего или личного мира или внутренней реальности. После интеграции младенец приобретает Самость.

В период до интеграции между матерью и младенцем существует область, которая как бы *одновременно* является и матерью, и младенцем. Если все идет хорошо, эта область со временем расщепляется на два элемента: на часть, которую младенец постепенно отталкивает, и часть, которую он признает своей. Но мы должны ожидать сохранения реликтов такого промежуточного состояния. Мы действительно видим это в том первом, чем всецело владеет младенец: обрывке одеяла, простыни или рубашки; или в салфетке, материнском носовом платке и т. д. Такой объект я называю «переходным», и дело в том, что он является (в одно и то же время) созданием младенца и частью внешней реальности. Поэтому родители почитают такой объект даже больше, чем многочисленных мишек, кукол и другие игрушки, которые быстро за ним последуют. Младенец, лишившийся такого объекта, трясет одновременно рот, грудь, руки матери и ее кожу, способность к творчеству и способность объективно воспринимать окружающее. Этот объект — один из тех мостов, которые делают возможным контакт между индивидуальным психе и внешней реальностью.

Точно так же невысказано существование младенца до интеграции без достаточно чуткой материнской заботы. Только после интеграции мы можем сказать, что если

мать подведет, младенец «умрет от холода», или «упадет бесконечно далеко вниз», или «улетит», или «взорвется как водородная бомба, уничтожив в одно мгновение и себя и весь мир».

Таким образом, только что интегрированный младенец представляет собой первую группу. До этой стадии существует лишь примитивная догрупповая формация, в которой неинтегрированные элементы удерживаются вместе окружением, от которого они еще не отделились. Это окружение — мать, осуществляющая холдинг.

Группа — это достижение этапа «я существую», и это по-своему опасное достижение. На начальных стадиях необходима защита, иначе «отодвинутый» внешний мир вернется к новому феномену и нападет на него со всех сторон и всеми мыслимыми способами.

Если мы продолжим изучение эволюции индивида, то увидим, как все более и более сложный индивидуальный рост усложняется картиной роста групп. Но в данном случае посмотрим, что вытекает из нашего основного предположения.

Образование групп

Мы достигли стадии *интегрированной человеческой единицы* и в то же время того, что можно назвать *матерью, предоставляющей укрытие* и хорошо понимающей то параноидальное состояние, которое неотъемлемо от только что интегрированного единства. Надеюсь быть понятым, когда использую два термина: «индивидуальное единство» и «материнское укрытие».

Эти два термина представляют крайности, и каждая такая крайность может привести к появлению групп, о сути которых говорят слова: 1) наложенные (совмещенные) единицы; 2) укрытие.

1. Основой взрослой групповой формации является умножение индивидуальных единиц. Десять личностей,

хорошо лично интегрированных, свободно накладывают друг на друга десять своих интеграций и получают до некоторой степени общую отграничительную мембрану. Отграничительная мембрана теперь представлена кожей каждого индивидуального члена. Организация, в которую каждый отдельный член вносит свою личную интеграцию, обладает тенденцией поддерживать единство группы изнутри. Это означает, что группа пользуется преимуществами личного опыта индивидов, каждый из которых прошел момент интеграции и получал укрытие, пока не стал способен предоставлять себе укрытие самостоятельно.

Групповая интеграция предполагает прежде всего ожидание возможного преследования, и по этой причине преследование определенных разновидностей может искусственно вызвать формирование группы, но такая группа не будет стабильной.

2. Другую крайность представляет собрание относительно неинтегрированных личностей, которым предоставляется укрытие, в результате чего образуется группа. В данном случае групповая работа исходит не от индивидов, а от укрытия. Индивиды проходят через три стадии:

а) они рады полученному укрытию и обретают уверенность;

б) они начинают использовать ситуацию, становятся зависимыми и регрессируют в сторону неинтеграции;

в) они начинают независимо друг от друга достигать определенной интеграции и в такие периоды используют предоставляемое группе укрытие, в котором нуждаются из-за своих ожиданий преследования. Механизмы укрытия испытывают сильное напряжение. Некоторые из этих индивидов достигают личной интеграции, после чего готовы перейти в группы другого типа, в которых групповую работу осуществляют индивиды. Другие не могут быть излечены только терапией группового укрытия и продолжают нуждаться в руководстве со стороны какого-то агентства без идентификации с этим агентством.

В каждой из исследуемых групп можно увидеть, какая крайность преобладает. Слово «демократия» используется

для описания наиболее зрелых групп, и слово это применимо только к собранию взрослых личностей, большинство которых достигло личной интеграции (а также зрелости и в других отношениях).

Подростковые группы могут достигнуть определенной степени демократии под надлежащим руководством. Однако было бы ошибкой ожидать зрелой демократии от подростков, даже если каждый из них достиг индивидуальной зрелости. У маленьких здоровых детей в любой группе должно быть очевидно наличие укрытия, но в то же время индивидам должны быть предоставлены возможности внести свой вклад в единство группы, используя те же силы, что обеспечивают единство внутри индивидуальной структуры эго. Ограниченные группы предоставляют возможности для индивидуального вклада.

Групповая работа с детьми, чье развитие было нарушено

Изучение групповых формаций, состоящих из здоровых взрослых, подростков или детей, проливает свет на проблему руководства группами больных детей; болезнь в данном случае означает неприспособленность из-за нарушений развития.

Это неприятное слово — неприспособленность — означает, что когда-то в раннем прошлом окружение не смогло соответствовать нуждам и запросам ребенка, поэтому ребенок вынужден либо прятаться в групповом укрытии и тем самым терять личную идентичность, либо пытаться заставить кого-то действовать в качестве укрытия, чтобы тем самым получить шанс для личной интеграции.

Перед антисоциальным ребенком две возможности: уничтожить свою истинную Самость, либо «давить» на общество, пока оно не предоставит укрытие. Если во втором случае укрытие будет найдено, возможно новое появление истинной Самости, и, как говорится, лучше жить в тюрьме, чем быть уничтоженным в бессмысленной покорности.

В терминах двух описанных мною крайностей, очевидно, что группа трудных детей никогда не станет слитной из-за особенностей личной интеграции мальчиков и девочек. Частично это объясняется тем, что группа состоит из подростков или детей, то есть незрелых человеческих существ, но главным образом потому, что дети в большей или меньшей степени неинтегрированы. Следовательно, у каждого ребенка аномально сильная потребность в укрытии, потому что каждый из них болен в этом отношении, то есть в какой-то момент младенчества или детства в своем интеграционном процессе он испытал сильное перенапряжение.

Как же помочь этим детям, обеспечить им возможность адаптировать свои меняющиеся потребности в не легком пути к здоровью? Существуют два альтернативных метода.

1. Согласно первому, в одном и том же заведении постоянно содержат группы детей и отвечают за их воспитание; детям предоставляется все, что им необходимо на различных стадиях их развития. Вначале штат заведения предоставляет укрытие, и группа представляет собой группу укрытия. В этой группе укрытия дети (после первого «медового» месяца) становятся хуже и, если повезет, достигают предельного уровня дезинтеграции. К счастью, это происходит не одновременно, так что в любой момент один ребенок обычно бывает хуже остальных. (Как соблазнительно бывает избавиться от этого худшего — и тем самым в критический момент потерпеть поражение!)

Постепенно один за другим дети начинают достигать личной интеграции, и за пять-десять лет, оставаясь теми же детьми, они создают группу совсем иного типа. Техника укрытия может быть ослаблена, и группа интегрируется с использованием сил, которые обеспечивают интеграцию каждого индивида.

Штат всегда готов помочь «воссоздать укрытие», например, когда ребенок начинает красть или проявляет те или иные симптомы страха, относящиеся к запоздалому

достижению стадии «я существую» или относительной независимости.

2. Согласно другому методу, группа заведений работает совместно. Каждое заведение классифицируется согласно типу осуществляемой работы и сохраняет этот тип. Например:

заведение А предоставляет стопроцентное укрытие;
заведение Б дает укрытие в 90 процентов;
заведение В дает укрытие в 65 процентов;
заведение Г дает укрытие в 50 процентов;
заведение Д дает укрытие в 40 процентов.

Дети знакомятся с различными заведениями во время заранее спланированных посещений, постоянно происходит обмен помощниками. Когда ребенок из заведения А достигает определенной степени личной интеграции, его переводят в другое заведение. Таким образом, прогрессирующие дети продвигаются к заведению Д, которое уже может направить подростка в мир.

Вся группа заведений в таком случае обеспечивается укрытием со стороны представителей власти или общего комитета.

Неудобство второго метода в том, что штат каждого заведения не будет понимать работников других заведений, если они не встречаются и не получают полную информацию о применяемых методах и о том, как они действуют на практике. На заведение Б, которое дает девяностопроцентное укрытие и выполняет всю грязную работу, будут смотреть сверху вниз; здесь будет существовать тревожная сигнализация и сюда будут проводиться экскурсии. Заведение А находится в лучшем положении, потому что тут индивидуальная свобода вообще исключена; все дети будут выглядеть счастливыми и хорошо накормленными, и посетителям это заведение понравится больше всех. Руководитель этого заведения должен быть диктатором и без всякого сомнения будет считать, что неудачи других заведений объясняются недостаточной

дисциплиной. Но дети в заведении А еще не начали свой путь. Они только готовятся его начать.

В заведениях Б и В дети лежат на полу, не могут встать, отказываются есть, пачкают штанишки, крадут, когда испытывают потребность любить, мучают кошек, убивают мышей и хоронят их, чтобы иметь кладбище, куда можно сходить и поплакать; в таких заведениях должно быть правило: посетители не допускаются. Воспитателям таких заведений приходится постоянно укрывать обнаженные души, и они видят столько же страданий, сколько можно увидеть в психиатрических лечебницах для взрослых. Как трудно в таких условиях сохранить в штате хороших работников!

Резюме

Из всего, что можно сказать о заведениях, как группах, я выбрал только один аспект: соотношение групповой работы с большим или меньшим уровнем личной интеграции детей. Я считаю это отношение основным: там, где знак плюс, дети используют собственные интеграционные силы; там, где минус, укрытие предоставляет заведение, как предоставляют одежду для детей или как мать осуществляет холдинг новорожденного младенца.

Если в вопросе о степени личной интеграции существует путаница, заведение не может найти свое место. Доминирует болезнь детей, и более здоровые дети, которые могли бы внести свой вклад в групповую работу, не получают такой возможности, поскольку укрытие должно предоставляться постоянно и повсеместно.

Я верю, что мое упрощенное изложение проблемы будет оправдано, если предложенную терминологию используют для лучшей классификации детей и заведений. Тем, кто работает в таких заведениях, постоянно мстят за бесчисленные ранние неудачи окружения, которые не являются виной этих работников. И если они способны вынести страшное напряжение, если они терпимы и своей

терпимостью даже пытаются исправить ошибки прошлого, они должны знать, по крайней мере, что делают и почему у них не всегда получается.

Классификация случаев

На основании изложенных выше мыслей можно постепенно погрузиться в сложнейшую проблему групп. Закончу очень грубой классификацией разновидностей случаев.

1. Дети, которые больны в том смысле, что не стали интегрированными единицами и поэтому не могут внести свой вклад в группу.

2. Дети, развившие ложную Самость, которая выполняет функции установления и поддержания контактов с окружающим миром и в то же время защиты и маскировки подлинной Самости. В этих случаях наблюдается обманчивая (ложная) интеграция, которая распадается, как только ее принимают как нечто само собой разумеющееся и обращаются за позитивным вкладом.

3. Дети, которые страдают от чувства отверженности. Здесь интеграция достигнута и защита направлена на перераспределение добрых и злых сил. Такие дети живут в собственном внутреннем мире, который является искусственно добрым, хотя и тревожным, потому что существует по законам волшебства. А внешний мир у таких детей полон зла или преследования.

4. Дети, которые сохраняют личную интеграцию, излишне подчеркивая ее; у таких детей защита от угрозы дезинтеграции приобретает форму создания сильной личности.

5. Дети, у которых было достаточно хорошее раннее воспитание и которые смогли населить переходный мир объектами, значение которых определялась тем, что они одновременно представляли внешние и внутренние ценности. Тем не менее эти дети мучительно переживают разрыв в

обращении с ними — столь сильно, что нарушается использование переходных объектов. У этих детей обычный комплекс депривации, в их поведении возникают антисоциальные тенденции, когда такие дети вновь обретают надежду. Такие дети крадут, и жаждут любви, и хотят, чтобы мы поверили в их ложь. В лучшем случае они регрессируют в общем или в таких частностях, как мокрая постель, что представляет собой преходящую регрессию во сне. В худшем случае они вынуждают общество терпеть их обнадеживающие симптомы, хотя сами из этих симптомов никакой непосредственной пользы не извлекают. Когда они крадут, то не достигают того, к чему стремятся, но могут постепенно (потому что кто-то терпит их кражи) до определенной степени снова поверить, что у них есть какие-то права на этот мир. В такой группе будут самые разнообразные проявления антиобщественного поведения.

6. Дети, у которых было относительно хорошее начало, но которые пострадали от воздействия родителей, идентификация с которыми оказалась невозможной. Здесь существуют многочисленные подгруппы; примерами их могут служить:

- хаотичные матери;
- матери, подверженные депрессии;
- отсутствующие отцы;
- тревожные матери;
- строгий отец, не заслуживший права быть строгим;
- ссорящиеся родители, которые враждуют в тесной

квартире или когда ребенок спит в комнате родителей и т. д.

7. Дети с маниакально-депрессивными тенденциями, с наследственными или генетическими элементами или без них.

8. Дети вполне нормальные, пока не наступают депрессивные фазы.

9. Дети, живущие в постоянном ожидании преследования и с тенденцией к хулиганству или к тому, чтобы стать жертвами хулиганов. У мальчиков это может стать основой для гомосексуальности.

10. Гипоманиакальные дети, с депрессией, либо латентной, либо скрытой в психосоматических нарушениях.

11. Дети, существенно интегрированные и социализированные, способные страдать (когда больны) от запретов, принуждений и организации защиты от тревог; состояние этих детей можно приблизительно определить словом «психоневроз».

12. И наконец нормальные дети, то есть такие дети, которые перед лицом изъятий в окружении или в опасных ситуациях способны применить любые защитные механизмы, но которые не прибегают к какому-то виду защиты в результате искажения личного эмоционального развития.

Некоторые мысли о значении слова «демократия»

Прежде всего позвольте заверить: я понимаю, что вступаю в область, которая целиком находится за пределами моей специальности. Вначале социологи и политологи могут возмутиться такой наглостью. Но мне кажется, что специалистам полезно время от времени пересекать границы своих областей, конечно, если они понимают (как, вне всякого сомнения, понимаю я), что их замечания неизбежно покажутся наивными тем, кто знает соответствующую литературу и знаком с профессиональным языком, которого не знает пришелец.

В настоящее время слово *демократия* приобрело огромное значение. Оно используется в самых разнообразных смыслах; вот некоторые из них:

- 1) социальная система, при которой правит народ;
- 2) социальная система, при которой народ выбирает лидера;
- 3) социальная система, при которой народ избирает правительство;
- 4) социальная система, при которой правительство предоставляет народу свободу:
 - мысли и выражения своего мнения;
 - предпринимательства;
- 5) социальная система, которая, с учетом блага всего общества, предоставляет индивидам свободу действий.

Можно изучать:

- 1) этимологию слова;
- 2) историю социальных институтов в Древней Греции, Риме и т. д.;

3) использование этого слова в различных странах и культурах в настоящее время, например, в Великобритании, Соединенных Штатах, России и т. д.;

4) злоупотребление этим словом диктаторами и другими; обман народа и т. д.

В любых дискуссиях о смысле терминов, таких, как демократия, очевидна необходимость достижения какого-то определения, подходящего для данной дискуссии.

Психология использования термина

Можно ли использовать изучение термина психологически? Мы привыкли к психологическому анализу таких терминов, как «нормальная психика», «здоровая личность», «индивидуальное приспособление к обществу», и считаем такое изучение полезным, поскольку оно подчеркивает значение бессознательных психологических факторов. Одна из задач психологии — изучение и выявление латентных идей, заключенных в использовании подобных концепций, не ограничиваясь вниманием к очевидному и сознательному значению.

Здесь делается попытка инициировать подобное психологическое изучение.

Рабочее определение термина

Кажется, можно установить важное латентное содержание термина, а именно: демократическое общество «зрелое», то есть обладает качеством, сходным с качеством индивидуальной зрелости, которое характеризует его здоровых членов.

Таким образом, демократия определяется нами как «общество, хорошо приспособленное к своим здоровым членам». Это определение согласуется с мнением, высказанным Р.Е. Мани-Кирли.

Психологу важно, как именно люди используют этот термин. Психологическое изучение оправданно, если в термине предполагается наличие элемента *зрелости*. Предполагается в любом использовании термина подразумевать идею зрелости или относительной зрелости, хотя, как все согласятся, трудно будет адекватно сформулировать это.

Психическое здоровье

В психиатрической терминологии нормальным или здоровым индивидом принято называть достигшего зрелости; имея в виду соответствие степени эмоционального развития индивида его возрасту и социальному окружению. (В данном обсуждении предполагается наличие физического здоровья.)

Таким образом, психическое здоровье — это термин без строго определенного содержания. Точно так же и термин «демократический» не нуждается в закреплённом значении. Использованный в обществе, он может означать «скорее более, чем менее зрелое в социальной структуре». Таким образом, можно ожидать по-разному закрепившегося значения этого слова в Великобритании, Соединённых Штатах и России, однако термин сохраняет свою ценность, потому что подразумевает признание зрелости как здоровья.

Как же изучать психологическое развитие общества? Такое изучение может соотноситься с изучением индивидов. Эта два исследования должны проводиться одновременно.

Механизмы демократии

Предпримем попытку сформулировать общепринятые принципы демократических механизмов. Эти механизмы

должны существовать для *выбора* лидеров свободным и тайным голосованием. Эти механизмы должны осуществлять *избавление* от лидеров путем тайного голосования.

Сущность механизмов демократии — свободные выборы при тайном голосовании. Суть в том, что такие выборы предоставляют людям свободу выражения глубоких чувств, даже *помимо сознательных мыслей*. (В этом отношении пропорциональное представительство антидемократично, даже когда осуществляется тайным голосованием, потому что мешает свободному выражению чувств и пригодно только для специальных условий, в которых нужны умные и образованные люди для определения *сознательного* мнения.)

При наличии тайного голосования вся ответственность за действие принимается на себя индивидом, если он для этого достаточно здоров. Голосование выражает исход внутренней борьбы: внешняя сцена перенесена внутрь и тем самым приведена в соприкосновение с игрой сил личного внутреннего мира. Таким образом, принятие решения, за кого голосовать, определяется результатом внутренней борьбы. Процесс как будто происходит следующим образом. Внешняя сцена с ее многими социальными и политическими аспектами становится личной в том смысле, что человек постепенно идентифицирует себя со всеми участниками борьбы. Это означает, что он воспринимает внешнюю сцену в терминах своей собственной внутренней борьбы и временно позволяет своей внутренней борьбе осуществляться в терминах внешней политической сцены. Этот колеблющийся, движущийся то вперед, то назад процесс требует усилий и времени, и одной из обязанностей механизмов демократии является обеспечение периода подготовки к выборам. Неожиданные выборы вызывают острое ощущение раздражения в электорате. Внутренний мир каждого избирателя должен за короткое время превратиться в политическую арену.

Если существуют сомнения в тайне голосования, индивид, если он здоров, может выразить своим голосом только свою *реакцию*.

Можно взять общество и навязать ему механизмы, относящиеся к демократии, но это не создаст демократию. Нужен будет кто-то контролирующий работу механизмов (для тайного голосования и т. п.), а также силы, которые заставили бы людей принять полученные результаты.

Врожденная тенденция к демократии

Демократия есть достижение ограниченного общества в определенное время, то есть общества, имеющего какую-то природную границу. О подлинной демократии (как этот термин используется сегодня) можно сказать: *В этом обществе в данное время достаточным количеством индивидов достигнута достаточная зрелость эмоционального развития, включающая врожденную.* Повторю: речь идет о *тенденции к созданию, воссозданию и поддержанию механизмов демократии* *.

Было бы важно установить, какая доля зрелых индивидов необходима для проявления врожденной тенденции к демократии. Или, если выразиться по-другому, какую долю антисоциальных индивидов способно содержать общество без подавления врожденной тенденции к демократии:

Гипотеза

Если Вторая мировая война, и особенно осуществленная в то время схема эвакуации, увеличила долю ан-

* Под словом «врожденная» я имею в виду естественную тенденцию человеческой природы (наследственности) процветать в условиях демократического образа жизни (социальной зрелости), но это происходит только при здоровом эмоциональном развитии индивидов; только некоторой части индивидов в социальной группе выпадает счастье обрести зрелость, и только через них эта врожденная (наследуемая) тенденция группы к социальной зрелости может осуществляться.

тисоциальных детей в Великобритании, скажем, от X процентов до 5X процентов, это легко могло подействовать на всю образовательную систему, так что ориентация образования сместилась в сторону этих 5X процентов антисоциалов, требующих диктаторских методов, и отворотилась от тех 100—5X процентов детей, которые не являются антисоциальными.

Десятилетие спустя проблему можно будет сформулировать так: в то время как общество в состоянии справиться с X процентов преступников, содержа их в тюрьмах, 5X процентов преступников приведут к полной переориентации общества по отношению к преступникам.

Незрелая идентификация с обществом

Если в обществе в любое время есть X индивидов, которые проявляют дефицит общественного чувства, предаваясь антисоциальным тенденциям, то всегда есть Z индивидов, которые реагируют на внутреннюю нестабильность альтернативной тенденцией — идентификацией с властью. Это нездоровая, незрелая идентификация, потому что она возникает не на основе самопознания. Это ощущение рамы без картины, чувство формы без сохранения спонтанности. Такая просоциальная тенденция антииндивидуальна. Тех, у кого она развивается, можно назвать «скрытыми антисоциалами».

Скрытые антисоциалы в такой же мере не «цельные личности», как и антисоциалы явные, поскольку и те и другие нуждаются в том, чтобы найти и контролировать конфликтующие силы внешнего мира за пределами своего «я». По контрасту, здоровая личность, способная впасть в депрессию, способна также обнаружить и конфликт в себе, и конфликты за пределами себя, во внешней (разделяемой с другими) реальности. Когда объединяются здоровые личности, их вклад — это целый мир, потому что каждый привносит цельную личность.

«Скрытые антисоциалы» составляют основу социологически незрелого лидерства. Больше того, эти элементы общества усиливают опасность, исходящую от открытых антисоциальных элементов, особенно потому что обычные люди легко позволяют тем, кто стремится к лидерству, занимать ключевые позиции. Заняв такие позиции, незрелые лидеры сразу собирают вокруг себя явных антисоциалов, которые приветствуют их (незрелых антииндивидуальных лидеров) как своих природных вожаков. (Ложное разрешение расщепления.)

Промежуточные элементы

Однако положение никогда не бывает таким простым, потому что если в обществе существует $(X+Y)$ процентов, антисоциальных индивидов, то неверно было бы утверждать, что остальные $100-(X+Y)$ процентов «социальные». Существует множество промежуточных позиций. Нужно учитывать следующие возможности:

антисоциалы	X %
промежуточные элементы	Y %
просоциальные, но антииндивидуальные элементы	Z %
здоровые индивиды, способные вносить вклад в общество	$100-(X+Y+Z)$ %
всего:	100 %

Все бремя демократии падает на $100-(X+Y+Z)$ процентов индивидов, которые созрели как индивиды и способны постепенно добавлять социальное чувство к своему высокому уровню индивидуального развития.

Сколько составляют эти $100-(X+Y+Z)$ процентов индивидов, скажем, в современной Великобритании? Возможно, совсем немного, скажем, 30 процентов. Если есть

30 процентов зрелых личностей и, допустим, 20 процентов промежуточных элементов, которых можно считать относительно зрелыми, получится всего 50 процентов. Если, однако, количество зрелых индивидов сократится до 20 процентов, можно ожидать, что еще более сократится количество промежуточных элементов, способных действовать зрело. Если на 30 процентов зрелых в обществе приходится 20 процентов промежуточных, то есть всего 50 процентов, то на 20 процентов зрелых придется только 10 процентов промежуточных, всего 30 процентов.

Если 50 процентов могут практически выражать значительную прирожденную тенденцию к демократии, то 30 процентов не могут предотвратить подавляющего влияния антисоциалов (скрытых и явных), а также промежуточных элементов, которые из-за своей слабости или страха будут объединяться с антисоциалами.

Тогда возникает антидемократическая тенденция, тенденция к диктатуре, которая вначале характеризуется показной отделкой демократического фасада (с ложным использованием термина «демократия»).

Знаком такой тенденции являются корректирующие учреждения, локализованная диктатура, учебная площадка для лично незрелых лидеров, которые являются обратными антисоциалами (просоциальными, но антииндивидуальными).

Корректирующие заведения — и тюрьмы, и психиатрические лечебницы — в здоровом обществе ближе всего к диктатуре, поэтому врачи, лечащие преступников и душевнобольных, должны быть постоянно настороже, иначе они, сами о том вначале не подозревая, будут использованы как агенты антидемократической тенденции. Всегда должна существовать граница, за которой уже нет четкого различия между «исправительным» содержанием политических или идеологических противников и лечением душевнобольных. (Именно здесь заключена опасность физических методов лечения душевнобольных, по сравнению с подлинной психотерапией. В психотерапии пациент как личность обладает равными правами с вра-

чом, в том числе правом быть больным, а также правом нести полную ответственность за свои личные политические и идеологические взгляды.)

Создание врожденного демократического фактора

Если демократия — это зрелость, зрелость — здоровье, а здоровье желательно, то нужно посмотреть, чем можно способствовать развитию демократии. Разумеется, навязывание стране демократических механизмов ничем не поможет.

Мы должны обратиться к $100-(X+Y+Z)$ процентов индивидов. Все зависит от них. Члены этой группы могут способствовать исследованиям.

Мы обнаружим, что бессильны повысить уровень врожденного демократического фактора по сравнению с тем, что сделали (или не сделали) родители и семьи с индивидами, когда они, индивиды, были младенцами, детьми и подростками.

Однако мы можем попытаться предотвратить угрозу для будущего. Мы можем не вмешиваться в те семьи, которые способны должным образом воспитывать своих детей и подростков. Эти *обычные хорошие семьи* составляют единственную среду, в которой может быть создан врожденный демократический фактор*. Это очень скромная формулировка положительного вклада таких семей, однако, применяя эту формулировку, мы сталкиваемся с поразительными сложностями.

* Обычные хорошие семьи почему-то не привлекают внимания тех, кто занимается статистическими исследованиями. Там не возникает сенсаций, и оттуда редко выходят люди, чьи имена становятся всем известны. Мое предположение, основанное на 20 тысячах случаев, которыми я лично занимался на протяжении двадцати пяти лет, таково: в общине, в которой я работаю, обычные хорошие семьи являются нормой.

1. Людям очень трудно признать, что суть демократии на самом деле заключена в обычных мужчинах и женщинах и в обычных, самых распространенных семьях.

2. Даже если разумная правительственная политика позволяет родителям по-своему руководить семьями, совсем не обязательно, чтобы местные представители власти уважали позицию родителей.

3. Обычные хорошие родители нуждаются в помощи. Им нужно все то, что способна дать наука в области физического здоровья, профилактики и лечения физических заболеваний; их нужно также знакомить с методами воспитания детей и помогать, когда дети больны психически или когда у них возникают проблемы в поведении. Но если они обратятся за такой помощью, могут ли они быть уверены, что не лишатся какой-то части своей ответственности? Если это произойдет, они перестанут быть творцами врожденного демократического фактора.

4. Многие родители не являются обычными хорошими родителями. Либо они психически больны, либо незрелы, либо антисоциальны в самом широком смысле, а социальны лишь ограниченно; или они не состоят в браке, или у них неустойчивые отношения, или они постоянно ссорятся, расходятся и так далее. Неблагополучие таких семей привлекает к ним внимание общества. Но понимает ли общество, что внимание к таким патологическим проявлениям не должно мешать общей ориентации на обычные здоровые семьи?

5. В любом случае, стремление родителей создать семью, в которой дети могли бы расти как личности и постепенно идентифицироваться с родителями и более широким окружением, начинается, когда мать остается с младенцем. Отец в данном случае выступает как защитник, помогающий матери посвятить себя младенцу.

Роль семьи давно признана, и в последние годы психологи многое сделали, чтобы доказать: устойчивая семья не только помогает детям обрести себя и друг друга, но и делает из них достойных членов общества в самом широком смысле.

Однако вопрос о вмешательстве в ранние отношения младенца и матери требует особого рассмотрения. В нашем обществе наблюдается усиливающаяся тенденция вмешательства в эти отношения; дополнительную опасность создают утверждения некоторых психологов, что вначале важна только физическая забота о ребенке. Это означает только, что в бессознательных фантазиях многих людей наиболее нелепые идеи возникают и плодятся вокруг отношений младенца с матерью. Бессознательная тревога на практике представлена:

а) излишним акцентом, который врачи и даже психологи делают на *физических* процессах и *физическом* здоровье;

б) различными теориями о вреде грудного кормления, о том, что ребенка нужно приучать с самого рождения, что матери не должны брать детей на руки и т. д.; или (с обратным знаком) что ребенка нужно обязательно кормить грудью, что ничему обучать его не нужно, что ни в коем случае нельзя позволять младенцу плакать и т. д.;

в) вмешательством в отношения матери и младенца в самые первые дни и в первое осуществляемое матерью знакомство младенца с внешним миром. В конечном счете это основа способности нового индивида со временем соотнести себя со все расширяющейся внешней реальностью, и если необыкновенно важный вклад матери, который она делает благодаря своей преданности, чем-то искажен или предотвращен, нет надежды на то, что индивид со временем попадет в группу $100-(X+Y+Z)$ процентов, которая одна генерирует врожденный демократический фактор.

Развитие вторичных тем: избрание личностей

Другая существенная часть демократического механизма — это избираемая личность. Существует огромная разница между: 1) голосованием за личность; 2) голосованием за партию или определенную программу; 3) поддержкой четко сформулированного принципа путем голосования.

1. Выбор личности подразумевает, что избиратели верят в себя как в личности и потому верят в личность, за которую голосуют. Избранная личность имеет возможность действовать как личность. Как всякая цельная (здоровая) личность, такой человек весь внутренний конфликт держит в себе, что позволяет ему обладать широким, хотя и личным взглядом на общую внешнюю ситуацию. Такой человек, конечно, может быть членом определенной партии и представлять определенную тенденцию. Тем не менее он способен к адаптации в меняющихся условиях; если он меняет свою главную тенденцию соответственно изменившейся ситуации, то может выдвигать свою кандидатуру на новые выборы.

2. Выбор партии или групповой тенденции относительно менее зрелый. Он не требует от избирателя веры в человеческую личность. Однако для незрелых личностей это единственная логичная процедура, именно потому что незрелая личность не в состоянии поверить в подлинно зрелого индивида. Результатом голосования за партию или тенденцию — за явление, понятие, а не за личность — становится жесткая точка зрения, не приспособленная к переменам или тонким реакциям. То, что избрали, невозможно любить или ненавидеть, и это подходит тем индивидам, у которых слабо развито ощущение своего «я». Можно сказать, что система голосования менее демократична, потому что менее зрела (в терминах психологического развития индивида), когда акцент в голосовании делается на партии или программе, а не на личности.

3. От всего, что связано со словом «демократия», еще более отдалено голосование по какому-нибудь специаль-

ному вопросу. В референдумах немного зрелости (хотя и в зрелой системе в особых случаях референдум вполне уместен). В качестве примера бесполезного референдума можно привести референдум о мире в Великобритании между двумя мировыми войнами. Людей просили ответить на вопрос: «Что вы предпочитаете: войну или мир?» Очень многие воздержались от участия в референдуме, потому что поняли, что вопрос поставлен неверно. Конечно, большинство из тех, кто принял участие в голосовании, поставили крестик против слова «мир», хотя в действительности, когда обстоятельства изменились, они были настроены на войну и приняли участие в боевых действиях. Дело в том, что в подобных опросах есть возможность для выражения только *осознаваемого* желания. Нет никакой связи между постановкой креста против слова «мир» в таком голосовании и голосованием за человека, который известен как сторонник мира, как нет связи между нежеланием участвовать в драке и отсутствием честолюбия и ответственности и предательством друзей.

То же самое возражение относится и ко многим опросам Гэллапа и других исследователей общественного мнения, хотя прилагаются все усилия, чтобы избежать именно таких ловушек. Во всяком случае, голосование в референдуме — очень плохая замена голосованию за личность, которая, будучи избранной, обладает возможностями для принятия собственных решений. Референдум не имеет никакого отношения к демократии.

Поддержка демократической тенденции: резюме

1. Наиболее ценная поддержка дается негативным образом — путем невмешательства в обычные хорошие отношения матери и младенца в обычной хорошей семье.

2. Для осуществления более разумной поддержки, даже таким негативным способом, необходимы тщательные исследования эмоционального развития младенца и детей

всех возрастов, а также психологии кормящей матери и функций отца на разных стадиях.

3. Существование настоящей работы свидетельствует о вере в ценность обучения демократической процедуре, которое можно осуществлять только при наличии понимания и которое можно применять только к эмоционально зрелым и здоровым индивидам.

4. Другим важным негативным вкладом был бы отказ от попыток ввести демократические механизмы во все общины. Результатом может быть только неудача и задержка истинного демократического развития. Альтернативой и ценной акцией была бы поддержка психологически зрелых индивидов, как бы мало их ни было, и предоставление им возможности сделать все остальное.

Личность — мужчина или женщина?

Подумаем, можно ли заменить слово «личность» словами «мужчина» или «женщина».

Несомненно, во главе большинства стран находятся мужчины, хотя женщины все чаще занимают ответственные посты. Можно предположить, что мужчины и женщины обладают равными способностями в качестве мужчин и женщин или, выражаясь по-другому, нельзя утверждать, что только мужчины в силу своих интеллектуальных или эмоциональных способностей могут занимать высшие политические посты. Тем не менее это не снимает проблему. Задача психолога — привлечь внимание к *бессознательным* факторам, которые обычно не принимают во внимание даже в самых серьезных обсуждениях этой проблемы. Нужно учесть бессознательное чувство, которое испытывают люди к мужчине или женщине, избираемым на высокий политический пост. Если существует разница в фантазиях относительно мужчины и женщины, ее нельзя игнорировать, нельзя небрежно отбросить на том основании, что это всего лишь «фантазии».

В психоанализе и смежных видах деятельности установлено, что у всех людей, мужчин и женщин, есть скрытый страх перед *женщиной**.

У некоторых индивидов этот страх проявляется сильнее, чем у остальных, но можно сказать, что он универсален. Это совсем не то, что сказать: данный индивид боится конкретной женщины. Страх перед *женщиной* — мощный фактор социальной структуры, и именно он объясняет тот факт, что женщины редко обладают политической властью. Он также объясняет жестокость по отношению к женщинам, которую можно найти закрепленной в обычаях почти любой цивилизации.

Корни этого страха перед *женщиной* известны. Страх связан с тем, что в ранней истории каждого индивида, который хорошо развивался, который обладает душевным здоровьем и смог найти себя, таится долг перед женщиной — той женщиной, что была предана индивиду как младенцу и чья преданность абсолютно необходима для нормального здорового развития индивида. Первоначальная зависимость забывается, и поэтому долг не признается, но страх перед *женщиной* представляет первые стадии этого признания.

Основы душевного здоровья индивида закладываются в самом начале, когда мать целиком предана своему младенцу, а младенец вдвойне от нее зависит, потому что не подозревает об этой зависимости. А вот к отцу, который в известной степени исполняет те же функции, такого отношения нет, и поэтому мужчина, который в политическом отношении находится на самой вершине, может оцениваться гораздо объективнее, чем женщина, окажись она в такой же позиции.

* Здесь не место обсуждать подробности, но к сути идеи можно подойти постепенно, если учесть: 1) страх перед родителями в самом раннем детстве; 2) страх перед фигурой женщины с мужскими возможностями и силой (ведьмой); 3) страх перед матерью, которая в начале существования младенца обладает абсолютной властью обеспечивать или не обеспечивать все, что необходимо для начального становления себя как индивида.

Женщины часто говорят, что если бы они стояли у руководства, войн не было бы. Можно сомневаться в справедливости этого утверждения, но даже если оно справедливо, нет оснований считать, что мужчины и женщины смогли бы терпеть положение, при котором высшие посты занимают женщины. (Королевская власть, будучи за пределами политики и выше ее, этим соображениям не подчиняется.)

В продолжение подобных рассуждений можно задуматься о психологии диктатора, который находится на противоположном полюсе по отношению к тому, что называют демократией. *Одной из причин потребности в диктатуре может быть потребность подавить в себе страх перед женщиной, «обойдя» ее и действуя в ее роли.* Забавное обыкновение диктаторов требовать не только абсолютного подчинения и абсолютной зависимости, но и «любви», может исходить из этого источника.

Больше того, тенденция групп людей признавать господство над собой и даже искать такого господства исходит из страха перед господством женщины из фантазии. Этот страх заставляет людей искать и даже приветствовать господство знакомого человеческого существа, особенно такого, который принимает на себя бремя персонализации и тем самым ограничивает магические свойства всемогущей женщины из фантазии, перед которой находится в долгу. Диктатор может быть свергнут или со временем умрет; а у женской фигуры из примитивной бессознательной фантазии нет пределов ни существования, ни силы.

Отношения детей и родителей

Демократическая организация предусматривает обеспечение избранным лидерам некоторой стабильности; пока они могут справляться со своей работой, не лишаясь поддержки избирателей, они ее исполняют. Таким

образом люди обретают некоторую степень стабильности, которой нельзя достичь при прямом голосовании по каждому вопросу, даже если бы такое голосование можно было бы организовать. Психологические соображения в данном случае связаны с тем обстоятельством, что в истории каждого индивида существовали отношения с родителями. Хотя в зрелой демократии предполагается, что избиратели — зрелые человеческие существа, нельзя не предположить также, что остается место и для пережитков отношений родители — дети, что дает очевидные преимущества. В определенной степени во время демократических выборов зрелые люди выбирают себе временных родителей, что означает также, что в определенной степени эти самые избиратели остаются детьми. Даже временные родители — избранные политические лидеры демократической системы — за пределами своей профессиональной политической деятельности остаются детьми. Превысив скорость движения машины, они попадают под действие обычных законов, потому что вождение машины не входит в их работу. Они временные родители как политические лидеры и только как таковые, а после окончания срока правления они возвращаются в состояние детей. Как будто играть в детей и родителей удобно, потому что так все получается лучше. Иными словами, поскольку в отношениях родителей и детей есть определенные преимущества, эти отношения частично сохраняются; но чтобы это было возможно, значительная часть индивидов должна быть достаточно взрослой, чтобы не возражать против игры в детей.

Точно так же для тех, кто исполняет роль родителей, плохо самим не иметь родителей. В этой игре обычно считается, что должен существовать орган, перед которым непосредственно отчитываются избранные руководители. В нашей стране эти функции принадлежат Палате лордов, которая состоит, с одной стороны, из обладателей наследственных титулов, а с другой — из тех, кто занял свое высокое положение благодаря достижениям в различных сферах общественной деятельности. И опять «родители»

«родителей» — это личности, способные именно как личности внести свой позитивный вклад. Только личность имеет смысл любить или ненавидеть, уважать или презирать. Замены для человеческого существа в обществе или на его вершине нет, если это общество считается достигшим психологической зрелости.

Изучая социальную структуру Великобритании, можно заметить, что члены Палаты лордов — это дети по отношению к Короне. Здесь мы снова приходим к личности, которая занимает свое место по наследству, но также сохраняет любовь и преданность людей благодаря качествам своей личности и своим действиям. Хорошо, когда действующий монарх органично и искренне продолжает ту же линию, провозглашая веру в Бога. Здесь мы касаемся связанных с нашей темой проблем Умирающего Бога и Вечного Монарха.

Географические границы демократии

Для развития демократии в смысле зрелой социальной структуры кажется необходимым наличие у общества естественных географических границ. Очевидно, что до самого последнего времени и даже сейчас тот факт, что Великобритания со всех сторон окружена морями (за исключением границы с Ирландией), имеет непосредственное отношение к зрелости нашей социальной структуры. Швейцария обладает (менее удовлетворительными) горными границами. Америка до последнего времени обладала огромным преимуществом в виде Запада, который предлагал неограниченные возможности для освоения; это означает, что Соединенные Штаты, связанные тесными узами, до самого последнего времени не испытывали внутренней борьбы замкнутого сообщества, объединенного вопреки ненависти и благодаря любви.

Государство, не обладающее естественной границей, не может расслабиться в активной адаптации к соседям. В определенном смысле страх упрощает психологичес-

кую ситуацию, потому что многие из промежуточных элементов Y и некоторые из наименее антисоциальных X получают способность идентифицироваться с государством на базе реакции слияния под угрозой внешней опасности. Однако такое упрощение пагубно для развития в направлении зрелости, а это развитие проходит очень трудно, требует полного знания сущности конфликта и отказа от «защитной» замкнутости.

В любом случае основой общества является цельная человеческая личность, а у такой личности есть границы. Диаграммой здоровой личности может служить окружность (сфера), так что все, что не-я, может быть описано как существующее внутри или снаружи этой личности. Личности не могут в создании общества зайти дальше, чем в собственном личном развитии.

По этой причине мы с подозрением относимся к терминам типа «мировое гражданство». Наверно, лишь немногие подлинно великие и очень пожилые мужчины и женщины так далеко заходят в своем развитии, что имеют право на мышление в подобных широких терминах.

Если бы весь мир был нашим обществом, тогда он должен был бы временами впадать в депрессию (как неизбежно время от времени впадает личность) и обладать способностью признавать существенный конфликт внутри себя. Концепция глобального общества влечет за собой идею самоубийства мира, а также идею о всемирном счастье. По этой причине мы считаем воинственных защитников мирового государства индивидами, которые находятся в одном из крайних положений маниакально-депрессивного психоза.

Обучение демократии

Существующие демократические тенденции можно укрепить, изучая психологию социальной и индивидуальной зрелости. Результаты такого изучения должны быть

изложены на общедоступном языке всем существующим демократиям и всем здоровым индивидам, так, чтобы они могли *разумно осознать себя*. Иначе они не будут знать, на что нападать и что защищать, и не смогут распознать угрозу для демократии, когда угроза возникает. «Цена свободы — вечная бдительность»*, но чья бдительность? Бдительность двух или трех из 100—(X+Y+Z) процентов зрелых индивидов. Остальные просто обычные хорошие родители, они растят и воспитывают своих детей, помогая этим детям тоже стать взрослыми.

Демократия на войне

Можно задать вопрос, существует ли вообще демократия на войне? Ответ, несомненно, не может быть простым «да». Существуют причины, по которым в военное время на демократию накладываются временные ограничения.

Очевидно, что зрелые здоровые индивиды, которые коллективно и создают демократию, должны быть способны воевать: 1) чтобы сохранить пространство для роста и развития; 2) чтобы защищать ценности, которыми уже обладают; и 3) чтобы отражать антидемократические тенденции, пока существуют люди, способные с помощью войн навязывать эти тенденции.

Тем не менее положение редко бывает таким простым. Согласно описанному выше, общество никогда не состоит на сто процентов из здоровых зрелых индивидов.

Как только становится очевидным приближение войны, происходит перегруппировка, так что на войне сражаются отнюдь не здоровые личности. Рассмотрим следующие четыре группы:

а) многие антисоциальные элементы, а также умеренные параноики чувствуют себя лучше на настоящей войне

* Это высказывание приписывается Томасу Джефферсону. — *Прим. перев.*

и приветствуют реальную угрозу. Участвуя в боевых действиях, они обретают прообщественную тенденцию;

б) многие промежуточные элементы кончают со своим промежуточным состоянием, возможно, используя для роста мрачную реальность войны; в противном случае они не достигли бы зрелости;

в) некоторые из скрытых антисоциалов находят возможность удовлетворить свое стремление командовать на различных ключевых постах, которые создает война;

г) зрелые здоровые индивиды необязательно проявляют себя так ярко, как остальные. Они не так уверены, что враг ужасен. У них есть сомнения. К тому же они больше включены в мировую культуру, у них больше симпатий и дружеских связей в мире и им нелегко бывает поверить, что война необходима. По сравнению с почти параноиками они не спешат братья за оружие и нажимать на курок. В сущности, они опаздывают на идущий на войну автобус, но если уж попадают в него, именно они становятся наиболее надежными воинами, способными лучше других приспособиться к лишениям войны.

Больше того, некоторые здоровые индивиды во время войны становятся антисоциалами (сознательная оппозиция) — не из трусости, а из-за искренних личных сомнений, точно так же, как антисоциалы мирного времени становятся храбрыми воинами на войне.

По этим и другим причинам, когда демократическое общество воюет, воюет вся группа и невозможно было бы найти формирование, состоящее только из членов общины, в мирное время предоставляющих врожденный демократический фактор.

Может быть, лучше было бы сказать: когда война врывается в демократию, демократия кончается, и тем, кому нравится этот образ жизни, придется все начинать заново и после окончания внешнего конфликта бороться за установление внутри группы механизмов демократии.

Это очень обширная тема, и она требует внимания со стороны людей с широкими взглядами.

Резюме

1. Использование слова «демократия» можно изучать с точки зрения психологии с привлечением концепции зрелости.

2. Ни демократию, ни зрелость обществу навязать невозможно.

3. Демократия есть достижение определенного общества в определенное время.

4. Врожденный демократический фактор в общине порождается в обычных хороших семьях.

5. Излишняя активность по укреплению демократических тенденций негативна: нужно избегать вмешательства в обычные хорошие семьи. Добавочную помощь дает изучение психологии и соответствующее образование.

6. Особое значение имеет преданность обычной хорошей матери младенцу, именно на такой преданности основана способность индивида со временем достичь эмоциональной зрелости. Вмешательство в эту интимную сферу неизбежно и резко ослабляет демократический потенциал общества, а также обедняет его культуру.

МАТЬ **И** ДИТЯ

**Руководство по начальным
взаимоотношениям**

Вы испытаете облегчение, узнав, что я не собираюсь учить вас, что нужно делать. Я мужчина и, в сущности, никогда не смогу понять, каково видеть рядом с тобой лежащего в колыбели закутанного младенца — живое независимое существо и в то же время высоко зависимое, постепенно становящееся личностью. Только женщина может испытать такое и, вероятно, только женщина способна испытать это в воображении, если по какому-то несчастному стечению обстоятельств у нее нет такого реального опыта.

Что же я предлагаю, если не собираюсь давать указания и инструкции? Ко мне часто матери приносят детей. Ребенок подпрыгивает у матери на коленях, тянется к предметам на моем столе, спускается на пол и ползает по кабинету; он карабкается на стулья и сбрасывает книги с полки; или же цепляется за мать в ужасе перед одетым в белое врачом, который, конечно, чудовище, пожирающее детей, даже если они хорошие, и который проделывает с детьми разные ужасные вещи.

Старшие дети рисуют за отдельным столом, пока мы с матерью разбираем историю развития ребенка и пытаемся понять, с чего все пошло не так. Малыш слушает краем уха, чтобы быть уверенным, что ему ничего не грозит, и в то же самое время общается со мной без слов — с помощью рисунков, которые я время от времени просматриваю.

Если мне трудно общаться с вами, то что должны были испытать вы, общаясь с ребенком в возрасте в несколько недель? Если вы об этом задумаетесь, то постарайтесь вспомнить, в каком возрасте ваш младенец, как вам показалось, заметил вас как личность и что заставило вас почувствовать уверенность в том, что в этот волнующий

момент общаются друг с другом два человека. Это происходит не при разговорах с младенцем. Да и на каком языке с ним говорить? Нет, вы заняты заботой об организме ребенка, и вам это нравится. Вы знаете, как брать ребенка на руки, как укладывать его, как оставлять одного, чтобы вас заменила колыбель; вы научились укутывать ребенка так, чтобы ему было удобно и чтобы одежда сохраняла естественное тепло. Вы знали все это еще маленькой девочкой, когда играли в куклы. А потом наступило время, когда у вас появился свой настоящий младенец: вы его кормите, купаете, меняете ему пеленки, качаете. Иногда его моча стекает по вашему переднику или ваша одежда промокает насквозь, но вы не возражаете. На самом деле именно такие вещи дают вам ощутить себя женщиной и обычной преданной матерью.

Я пишу, потому что хочу, чтобы вы знали: мужчина, написавший это, далекий от реальных забот о младенце, знает, что испытывает мать, и понимает, что она ни на что в мире их не променяет. Если мы с вами это понимаем, возможно, вы позволите мне писать об обычной преданной матери и о том, как протекают самые ранние стадии жизни человеческого существа. Я не могу сказать точно, что вам нужно делать, но могу попытаться объяснить, что все это значит.

Делая самые обычные вещи, вы совершенно естественно делаете и нечто очень важное. Вам не обязательно быть умной и даже не обязательно вообще думать, если не хотите. Возможно, вы были совершенно безнадежны на уроках математики; или все ваши подруги кончили школу, а вы терпеть не могли учебники и рано бросили учиться; или, возможно, вы хорошо учились, но перед самым экзаменом заболели корью. А может, вы очень умны. Все это не имеет значения и отношения к тому, хорошая вы мать или нет. Конечно, вы можете стать обычной преданной матерью, и я верю, что вы такая и есть.

Для того чтобы стать со временем здоровыми, независимыми и социально ориентированными взрослыми индивидами, дети должны иметь хорошее начало. Это хорошее

начало обеспечивается природой благодаря тесной связи между матерью и младенцем. Эта связь называется любовью. Так что если вы любите своего младенца, он получает хорошее начало.

Я не говорю о сентиментальности. Все вы знаете таких особ, которые восклицают: «Я просто *обожаю* детей!» Но любят ли они их? Материнская любовь — совсем не утонченное чувство. В нем есть и чувство собственности, и даже элемент «пропади ты пропадом!», но есть и щедрость, и великодушие, и сила, и скромность. Но сентиментальности нет, и она матери отвратительна.

Возможно, вы обычная преданная мать и несколько об этом не задумываетесь. Люди искусства часто терпеть не могут думать об искусстве и его целях. Вы, как мать, можете предпочесть вообще об этом не думать, поэтому я хочу предупредить вас, что в этой книге мы обсудим то, что делает преданная мать, просто оставаясь самой собой. Но ведь некоторым хочется понять, что же они делают. Для некоторых из вас активное материнство уже позади, ваши дети выросли и учатся в школе, и вам хочется оглянуться назад, на то хорошее, что вы сделали, и подумать о том фундаменте, который вы заложили для развития своих детей. Если вы проделали это интуитивно, вероятно, это наилучший способ.

Важно понять, какую роль играют те, кто заботится о младенце, чтобы мы могли защитить молодую мать от тех, кто пытается встать между нею и ее ребенком. Если она сама не понимает то, что так хорошо делает, она будет не в состоянии защитить свое положение и легко испортит дело, прислушиваясь к советам, поступая так, как в свое время поступала ее мать, или следуя тому, что написано в книгах.

Здесь есть место и для отца, и не только потому, что он какос-то ограниченное время может исполнять роль хорошей матери, но и потому, что он может защитить мать и младенца от тех, кто пытается встать между ними, нарушить связь, которая и является сущностью заботы о младенце.

В главах книги я сознательно постараюсь показать, что делает обычная достаточно хорошая мать для своего ребенка.

Нам еще многое предстоит узнать о младенцах в начальный период их жизни, и только матери могут нам рассказать то, что мы хотим знать. Младенцы невероятно различаются, и ни на одном этапе их развития мы не сможем сказать, станет ли этот младенец в будущем президентом.

Автор всегда в большом долгу перед теми, кто прямо или косвенно помогал ему в работе. Прежде всего я должен признать свой долг перед доктором Дженет Харденберг, чье тщательное и искусное редактирование первоначального материала в очень большой степени способствовало появлению конечного продукта.

Мисс Дженет Квигли, которая убедила меня провести серию радиопередач для матерей, и мисс И.Д. Бензи (миссис Ройстон Морли), которая была продюсером еще одиннадцати лекций на Би-би-си, дали первоначальный импульс к появлению этой книги, потому что большая часть материала заимствована из этих передач. Доктор Пегги Волков, издательница журнала «Новая эра в семье и школе», убедила меня выразить свои мысли на бумаге, и я всегда буду благодарен ей за поддержку.

Нужно также поблагодарить Би-би-си и доктора Волков за разрешение использовать уже опубликованные материалы.

Обычная преданная мать и ее младенец

1. Знакомство с младенцем

Когда происходит зачатие, жизнь женщины во многих отношениях меняется. До этого момента она, возможно, обладала самыми широкими интересами: занималась бизнесом, политикой, с энтузиазмом играла в теннис или всегда была готова потанцевать. Она могла презирать относительную ограниченность жизни своих подруг, у которых есть дети. Такие подробности, как стирка и сушка пеленок, могли вызывать у нее отвращение. И если она интересовалась детьми, то ее интерес был скорее сентиментальным, чем практическим. Но что происходит, когда эта женщина беременеет?

Возможно, вначале она негодует, потому что слишком ясно видит, какое ужасное вмешательство в ее «собственную» жизнь означает эта беременность. И это правда, и было бы глупо отрицать это. Дети причиняют множество неудобств и становятся настоящей помехой, если они нежеланные. Если женщина не хочет ребенка, которого вынашивает, у нее обязательно возникает чувство, что ей не повезло.

Однако опыт показывает, что постепенно меняется не только организм беременной, но и ее чувства. Можно ли сказать, что ее интересы сужаются? Вероятно, лучше сформулировать так: направленность ее интересов смещается внутрь. Она медленно, но уверенно приходит к представлению, что центр мира — в ее собственном теле. Те чита-

тельницы, которые уже достигли этой ступени, начинают немного гордиться собой, чувствовать, что они заслуживают уважения, и вполне естественно, если им уступают дорогу на улице.

Осознав, что вам предстоит стать матерью, вы все ставите на одну карту. Позволяете себе сосредоточиться на одном-единственном объекте — на маленьком мужчине или маленькой женщине, которым еще предстоит родиться. Этот мальчик или девочка будут вашими в самом глубоком смысле этого слова, а вы будете принадлежать ему или ей.

Чтобы стать матерью, вы проходите через многие испытания, и я думаю, что именно потому, что вам приходится через многое пройти, вы с особой отчетливостью и ясностью осознаете основные принципы заботы о детях; то, на овладение чем кому-то требуются годы изучения и опыта, вы постигаете в обычном ходе жизни. Но вам может потребоваться помощь со стороны тех из нас, кто изучает вас, потому что суеверия и сказки старых бабок — некоторые вполне современные — приходят вам в голову и заставляют усомниться в ваших истинных чувствах.

Давайте подумаем о том, что обычная здоровая мать знает о своем младенце нечто жизненно важное, но что забывается теми, кто смотрит со стороны. Я думаю, самое важное — это ваше чувство, что ребенка нужно узнать как личность и сделать это необходимо как можно раньше. Никто из тех, кто дает вам советы, не знает этого так хорошо, как вы.

Уже в чреве ваш младенец — человеческое существо, а ко времени рождения он обладает большим опытом, и неприятным и приятным. Младенцы могут иногда выглядеть очень мудрыми и даже философски настроенными, на их лицах легко прочесть даже то, чего там нет. Но на вашем месте я бы не стал ждать, пока психологи решат, насколько младенец при рождении человек, я бы начинал немедленно познавать малыша, давая ему возможность познавать вас.

Вы уже кое-что знаете о своем младенце, потому что чувствовали его движения во чреве. Если младенец много двигался, вы думали, правду ли говорят, что мальчики толкаются больше девочек. Во всяком случае вам нравились явные и несомненные доказательства жизни, какие предоставляли эти движения. Думаю, за это время и ребенок многое узнал о вас. Его кровь текла быстрее, когда вы пили утренний кофе или бегом догоняли автобус. До определенной степени он знал, встревожены вы, возбуждены или рассержены. Если вы много двигались, то он привык к движениям и будет радоваться, если вы будете подбрасывать его на коленях или качать в колыбели. Если же вы были спокойны, то он может спокойно лежать на коленях или в коляске. Могу сказать, что в этом отношении он знает вас лучше, чем вы его, узнал вас еще до того, как родился и вы услышали его крик и смогли взять на руки.

Состояние матерей и младенцев после рождения бывает очень разное, и, возможно, в вашем случае пройдут два или три дня, прежде чем вы и ваш младенец будете готовы наслаждаться обществом друг друга. Но если вы здоровы, нет никаких причин, мешающих вам начать знакомство немедленно. Я был знаком с молодой матерью, которая очень рано вступила в контакт с младенцем, своим первым ребенком. С самого дня рождения после каждого кормления разумная сестра в роддоме укладывала его в колыбель и оставляла рядом с матерью. Какое-то время он спокойно лежал в тихой палате, а мать протягивала ему руку. Не прошла и неделя, как он начал хватать ее пальцы и смотреть в ее сторону. Тесные отношения продолжались и развивались без всяких помех, и я считаю, что это заложило основы личности младенца и того, что мы называем эмоциональным развитием, его способности противостоять фрустрациям и потрясениям, которые ему предстоит рано или поздно испытать.

Самый впечатляющий ранний контакт с младенцем — кормление, иными словами, время, когда младенец возбужден. Вы тоже можете быть возбуждены, а ваша грудь под-

сказывает, что это возбуждение полезно и что вы готовы дать молоко. Ребенку повезло, если он может воспринимать вас и ваше возбуждение как нечто само собой разумеющееся, что дает ему возможность заниматься собственными потребностями и желаниями. Ибо, по-моему, самое трудное для ребенка — справиться с чувствами, которые возникают, когда он возбужден.

Очевидно, что вы должны знать своего младенца в двух состояниях: когда он удовлетворен и более или менее спокоен и когда он возбужден. Вначале, когда он не возбужден, он будет много времени спать, но не всегда. Моменты деятельной мирной жизни бесценны. Я знаю, что некоторые дети почти никогда не бывают удовлетворены. Даже после кормления они могут долго плакать и проявлять признаки недовольства, они с трудом засыпают, и матери в таком случае трудно вступать с ними в удовлетворительный контакт. Но со временем, вероятно, положение улучшится и придет удовлетворение; и тогда, может быть во время купания, появится возможность для человеческих взаимоотношений.

Вы должны знать ребенка и в спокойном состоянии, и в возбуждении, потому что он нуждается в вашей помощи. А вы не можете ему помочь, если не знаете, в каком он состоянии. Он нуждается в вашей помощи, чтобы пережить ужасный переход от сна к бодрствованию или от удовлетворенного бодрствования к всепоглощающим голодным атакам. Можно сказать, что, помимо самых обычных рутинных забот, в этом заключается ваша первейшая обязанность, и выполнение этой обязанности требует мастерства, которым обладает только мать или добрая женщина, берущая младенца сразу после рождения.

Например, дети не рождаются с висящим на шее будильником и с инструкцией: «кормить каждые три часа». Регулярное кормление удобно для матери, медсестры, но для ребенка это тоже неплохо; это почти так же хорошо, как кормление сразу, как только он чувствует голод. Но ребенок совсем не обязательно рождается с желанием регулярного кормления; скорее, мне кажется, он ожидает,

что грудь появится тогда, когда нужна, и исчезнет, когда в ней нет необходимости. Мать может какое-то недолгое время кормить ребенка совсем без расписания, пока не выработается удобная для нее схема.

Во всяком случае, если вы знаете своего ребенка, вы знаете, что он хочет, даже если решаете, что он этого не получит. И если вы действительно знаете своего ребенка, то увидите, что его властность и требовательность проявляются только в периоды возбуждения. В остальное время он рад тому, что за грудью или бутылочкой с молоком есть мать, а за матерью — комната, а за комнатой весь внешний мир. Вам предстоит очень многое узнать о младенце во время кормления, но еще больше вы о нем узнаете, когда он находится в ванночке, или лежит в колыбели, или когда вы меняете ему пеленки.

Если за вами ухаживает медицинская сестра, я надеюсь, она поймет меня и не подумает, что я вмешиваюсь в ее прерогативы, когда говорю, что плохо, если ребенка приносят матери только для кормления. Вам нужна помощь медсестры, и вы еще недостаточно сильны, чтобы самостоятельно справляться с младенцем. Но если вы не знаете своего младенца спящим или спокойно лежащим в колыбели, у вас должно появляться очень странное ощущение, когда его приносят вам для кормления. В это время он сплошная неудовлетворенность — конечно, он человек, но такой, у которого внутри разгневанные тигры и львы. И собственные чувства, почти несомненно, его пугают. Если вам никто этого не объяснил, вы тоже можете испугаться.

С другой стороны, если вы уже знаете своего младенца, вы видели, как он лежит рядом с вами, вы позволили ему играть вашими руками и грудью, вы увидите его возбуждение в должном масштабе и поймете, что это проявление любви. Вы сможете также понять, что происходит, когда он отворачивает голову и отказывается есть или когда засыпает у вас на руках, вместо того чтобы есть, или когда так возбуждается, что не может есть. Собственные чувства его пугают, и в этот момент вы можете помочь ему

как никто другой, проявляя терпение и позволяя поиграть: взять в рот сосок, возможно, потрогать его рукой, пока он не наберется мужества, чтобы рискнуть попробовать пососать. Для вас это нелегко, потому что приходится думать и о себе, ваша грудь переполнена молоком, и вам хочется, чтобы ребенок побыстрее начал сосать. Но если вы понимаете, что происходит, вы сможете пережить это трудное время и установить хорошие отношения с ребенком во время кормления.

Он совсем не глуп. Если вы поймете, что возбуждение для него примерно то же самое, что мы испытывали бы, если бы нас поместили в львиное логово, то вы поймете и то, что он стремится к надежному источнику молока, он должен быть уверен в этой надежности. Если вы обманываете его ожидания, для него это все равно, как если бы на него набросились дикие звери. Дайте ему время, и он откроет вас, и вы будете ценить даже его жадную любовь к вашей груди.

Как я уже говорил, вы можете быть слишком слабы, чтобы с первого дня подружиться со своим младенцем, но вы должны знать: для матери совершенно естественно стремиться с первых мгновений быть со своим ребенком. И не только потому, что она хочет узнать его, но также и потому (и это особенно подчеркивает необходимость такого знакомства), что у нее масса опасений, будто она родила нечто ужасное, что-то не такое совершенное, каким должен быть ее младенец. Ей нужно убедиться в нормальности ребенка. Сомневаюсь, чтобы какая-нибудь мать с самого начала полностью и в действительности верила, что у нее родился нормальный, здоровый младенец. Отец, также как и мать, страдает от сомнений, что способен произвести на свет нормального ребенка. Раннее знакомство с младенцем становится особенно важным, потому что приносит добрую весть обоим родителям.

Вы хотите узнать ребенка, потому что любите его и гордитесь им. И будете изучать его во всех подробностях, чтобы помочь в случае необходимости. Помощь он может

получить только от того, кто лучше всех его знает, то есть от своей матери, от вас. Все это означает, что забота о новорожденном — серьезная работа, отнимающая все время, и выполнять ее может только один человек.

2. Ребенок — это действующая система

Я пишу о матерях и детях в целом. Я не собираюсь указывать матерям, что делать, потому что советы относительно подробностей они легко могут получить у врачей в клиниках. В сущности, такие советы даются им слишком легко, вызывая иногда смятение. Я решил поговорить с теми матерями, которые хорошо заботятся о детях, чтобы помочь им понять, каковы дети и что с ними происходит, чтобы они были способны доверять собственному здравому смыслу. Если мать руководствуется здравым смыслом, она лучше выполняет свои обязанности.

Для матери чрезвычайно важно делать то, что она считает нужным: это позволяет ей полней раскрыться как матери. Как писатель часто бывает удивлен богатством идей, которые возникают, когда он начинает писать, так и мать поражается богатству своих повседневных ежеминутных контактов с младенцем.

Можно спросить, как мать может учиться быть матерью, если единственный способ научиться этому — принять на себя всю ответственность? Если она делает только то, что ей говорят, она всегда будет так делать, и чтобы стать лучшей матерью, ей понадобятся указания кого-то поопытнее. Но если она чувствует себя свободной действовать естественным образом, она растет в ходе своей работы.

Здесь может помочь отец. Он предоставляет матери пространство для свободы. Защищенная своим мужчиной, мать избавлена от необходимости заниматься окружением в то время, когда все ее внимание должно быть

устремлено внутрь, когда она стремится заниматься только кругом, который образует своими руками, а в центре этого круга находится младенец. Этот период времени, когда мать занята только своим младенцем, длится недолго. Вначале связь матери с младенцем очень сильна, и мы должны делать все возможное, чтобы мать в это время могла посвятить себя только этой естественной потребности — заниматься своим ребенком.

Это хорошо не только для матери, младенец, несомненно, тоже нуждается в этом. Мы еще только начинаем понимать, насколько новорожденный нуждается в материнской любви. Здоровье взрослой личности закладывается на протяжении всего детства, но основы этого здоровья формируются в первые недели и месяцы. Возможно, эта мысль немного поможет вам, когда вы будете недоумевать из-за своей временной утраты интереса к мирским делам. Вы закладываете фундамент здоровья будущего члена нашего общества. Это достойное дело. Любопытно, что обычно считается: чем больше детей, тем трудней о них заботиться. На самом деле я уверен, что чем меньше детей, тем сильнее эмоциональное напряжение. Полная преданность одному ребенку — самое сильное напряжение, и хорошо, что оно длится недолго.

Итак, вы все поставили на одну карту. Что же вам делать? Наслаждайтесь. Наслаждайтесь мыслями о своей значительности. Наслаждайтесь возможностью предоставить другим заниматься делами мира, в то время как вы производите нового члена этого мира. Наслаждайтесь своей сосредоточенностью на себе, почти влюбленностью в себя: ведь ребенок — это почти часть вас самой. Наслаждайтесь тем, что ваш мужчина чувствует себя ответственным за ваше благополучие и благополучие ребенка. Наслаждайтесь открытием в себе нового. Наслаждайтесь правом делать то, что вы не могли делать раньше, делать то, что вы считаете правильным и хорошим. Наслаждайтесь раздражением, которое вызывают у вас крики младенца, прежде чем он примет молоко, которым вы так щедро с ним делитесь. Наслаждайтесь всеми чисто женскими

чувствами, которые вы даже не в состоянии объяснить мужчине. В особенности, я знаю, вы будете наслаждаться постепенным проявлением в ребенке признаков личности: ваш младенец становится личностью.

Наслаждайтесь всем этим ради себя самой, но то удовольствие, которое вы извлекаете из заботы о младенце, с точки зрения самого младенца имеет огромное значение. Ребенку нужно не столько получать правильную пищу в нужное время, сколько получать ее с любовью. Такие вещи, как мягкость ткани или приятную температуру воды в ванне ребенок воспринимает как нечто само собой разумеющееся. Но что не может быть само собой разумеющимся, так это удовольствие, которое получает мать, одевая и купая своего младенца. Для ребенка, когда вы наслаждаетесь всеми этими делами, все равно что восходит солнце. Материнское наслаждение должно присутствовать, иначе вся процедура становится мертвой, бесполезной и механической.

Этому наслаждению, этой радости, которые приходят естественно в самой обычной обстановке, могут помешать тревоги, а тревоги во многом определяются невежеством. Похоже на то, что вы могли прочесть в книгах о так называемом способе расслабления, релаксации при родах. Люди, которые пишут эти книги, стараются объяснить, что происходит во время беременности и родов, чтобы мать могла расслабиться, то есть перестать тревожиться из-за неизвестности и рассчитывать на естественный ход процесса. Боль при родах вызывается не столько самими родами, сколько напряженностью, исходящей от страха, главным образом, страха перед неизвестным. Все это вам объясняют, и, если у вас хороший врач и хорошая сестра, вы сможете стерпеть неизбежную боль.

Точно так же после рождения ребенка испытываемое вами наслаждение зависит от того, насколько вы расслаблены и способны не тревожиться из-за невежества и страха.

Теперь я хочу сделать совершенно ясным одно обстоятельство. Ваш младенец не зависит от вас в своем росте и развитии. Каждый ребенок — это своего рода действу-

ющая и развивающаяся система. В каждом младенце есть искра жизни, и это стремление к жизни, росту и развитию является частью младенца, это то, с чем он рождается и что влечет его вперед. Природу этого стремления мы еще не вполне понимаем. Например, если вы посадите луковицу нарцисса в ящик с землей на подоконнике, вы прекрасно знаете, что не должны заставлять эту луковицу превращаться в нарцисс. Вы только находите подходящую почву, поливаете, а все остальное происходит естественно, потому что в луковице заключена жизнь.

Конечно, забота о младенце гораздо сложнее ухода за луковицей нарцисса, но иллюстрация помогает объяснить мою мысль, потому что и в луковице, и в младенце происходит нечто такое, что не связано с вашей ответственностью. Ребенок с момента зачатия становится жильцом в вашем теле. После рождения он становится жильцом в ваших руках. Это временное положение. И оно не будет вечным — на самом деле оно продлится очень недолго. Не успеете оглянуться, как ребенок пойдет в школу. Сейчас этот жилец мал, слаб и нуждается в особой заботе, которая исходит от вашей любви. Но это не меняет того факта, что в младенце присутствует врожденная тенденция к жизни и росту.

Интересно, испытываете ли вы облегчение, когда слышите нечто подобное? Я знал матерей, у которых радость материнства была испорчена сознанием своей ответственности за жизнь ребенка. Когда ребенок спит, такие матери стоят у колыбели, прислушиваясь к звукам дыхания и ожидая других признаков жизни. Если ребенок не улыбается, они начинают с ним играть, пытаются вызвать улыбку, что, конечно, для самого младенца ничего не значит. Такие матери подбрасывают ребенка на коленях, заставляя его смеяться, или каким-то другим способом, чтобы убедиться, что жизненные процессы в младенце продолжаются.

Некоторым детям даже в самом раннем возрасте не позволяют просто лежать. Такие дети многое теряют и могут вообще утратить стремление к жизни. Мне кажется, что

если я смогу убедить вас, что в ребенке осуществляются независимые жизненные процессы (которые, кстати, не так легко прекратить), вы сможете лучше о нем заботиться. В конечном счете, жизнь меньше зависит от воли к жизни, чем от способности дышать.

Некоторые из вас создавали произведения искусства. Вы рисовали, лепили, вязали свитеры или шили платья. Когда вы это делали, все, что вы делали, было сделано именно вами. Дети — совсем другое дело. Дети растут, а вы, как мать, предоставляете им нужные условия для этого.

Некоторые представляют себе ребенка глиной в руках гончара. Они начинают лепить ребенка и чувствуют себя ответственными за результат. Это совершенно неверно. Если вы тоже так считаете, вас придавит ответственность, которую вы совсем не должны на себя принимать. Если вы воспримете мысль о ребенке как о саморазвивающейся системе, вы освободитесь и сможете с интересом наблюдать за его развитием, в то же время удовлетворяя все его потребности.

3. Кормление младенца

С начала двадцатого века проделана огромная работа по изучению кормления младенцев. Врачи и психологи написали множество книг и бесчисленное количество статей, намного увеличив сумму наших знаний. В результате всей этой работы мы теперь имеем возможность проводить различие между двумя разновидностями знаний: знаниями физическими и биохимическими, которые невозможно постичь без глубоко погружения в научные проблемы, и знаниями психологическими, которые у человека были всегда и которые можно получить с помощью чувств и простых наблюдений.

Если сразу перейти к сути, кормление младенца сводится к отношениям матери и младенца, это проявление

на практике отношений любви между двумя человеческими существами. Однако принять это утверждение было трудно (хотя матери инстинктивно всегда ощущали его правоту), пока не были прояснены многие физические аспекты этой проблемы.

В любой период человеческой истории матери, ведущие здоровый образ жизни, могли считать кормление младенца простым проявлением своих с ним взаимоотношений; но в то же время существовали матери, дети которых умирали от болезней и расстройства желудка. Такая мать ничего не знала о болезнетворных микробах, убивших ее младенца, и потому могла считать, что причина смерти — ее плохое молоко. Болезни и смерть младенцев приводили к тому, что матери теряли уверенность в себе и обращались к советам со стороны. Физические заболевания бесчисленными путями усложнили видение проблемы матерями. И только благодаря развитию знаний относительно физического здоровья и физических болезней мы можем сейчас вернуться к главному, а именно — к эмоциональной ситуации — к связи, которая возникает между кормящей матерью и младенцем. Именно эта связь должна удовлетворительно развиваться, чтобы нормально осуществлялось кормление.

Сегодня врачи достаточно знают о рахите, чтобы предотвратить его появление, или о слепоте, которая раньше часто вызывалась гонококковой инфекцией, они знают об опасности заражения молоком коров, больных туберкулезом, чтобы предотвратить туберкулезный менингит, который в прошлом был очень распространенной и смертельной болезнью, они настолько много знают о цинге, что, по существу, уничтожили ее. И теперь для тех из нас, кто занят главным образом чувствами, стало настоятельной необходимостью прояснить встающие перед каждой матерью психологические проблемы так же полно, как изучены физические заболевания и нарушения.

Мы пока не можем точно сформулировать психологические проблемы, встающие перед каждой матерью

новорожденного, но нужно предпринять такую попытку, и матери могут помочь в этом, поправляя меня и проясняя то, что осталось неясным.

Если мать, о которой мы говорим, обладает нормальным здоровьем, живет в нормальной семье, о которой заботится муж, если ребенок родился здоровым и нормально доношенным, кормление младенца является только частью, правда, одной из самых важных частей, отношений двух человеческих существ. Мать и новорожденный младенец готовы к установлению могучих уз любви, и, прежде чем идти на такой огромный эмоциональный риск, они должны хорошо узнать друг друга. Как только они пришли к обоюдному взаимопониманию, а это может произойти сразу или после определенной борьбы, они надеются друг на друга, понимают друг друга, и кормление происходит естественно.

Иными словами, если отношения между матерью и младенцем возникли и развивались естественно, нет никакой необходимости в особой технике кормления, в бесконечных взвешиваниях и всевозможных исследованиях: эти двое знают, что для них хорошо, лучше всякого постороннего. В таких обстоятельствах младенец съедает нужное количество молока в нужном темпе и знает, когда нужно остановиться. В этом случае за пищеварением и выделениями младенца не должен следить никто из посторонних. Весь физический процесс происходит нормально, потому что естественно развились эмоциональные взаимоотношения. Я пошел бы даже дальше и сказал, что в таких обстоятельствах мать узнает многое о младенцах от своего младенца, точно так же как младенец узнает от нее о матерях.

Беда в том, что огромное чувство наслаждения возникает на основе интимных физических и духовных связей, которые могут существовать между матерью и ее младенцем. Чувствительные матери легко становятся жертвой советов людей, которые говорят, что таким чувствам нельзя потакать. И в этой сфере — сфере кормления младенцев — можно найти современных пуритан. Представьте

себе: младенца после рождения держат вдалеке от матери, пока он не утрачивает уникальную возможность (благодаря обонянию) ощутить, что он снова нашел мать после того, как потерял ее. Или укутывают младенца во время кормления так, что он не может дотронуться рукой до груди или бутылочки; в результате он может принимать участие в процессе, только говоря «да» (когда сосет) или «нет» (когда отворачивает голову или засыпает). Как можно начинать жизнь ребенка с кормления по часам, если он еще не ощутил, что помимо его самого и его желаний существует еще что-то?

В естественном состоянии (под которым я имею в виду здоровье двух человеческих существ, участвующих в процессе) техника кормления, количество, расчет времени — все это можно предоставить природе. На практике это означает, что мать предоставляет младенцу решать то, что в его силах решить, потому что она сама в состоянии решить и предоставить то, что входит в ее обязанности: уход за младенцем и молоко.

Может показаться, что с моей стороны опрометчиво говорить все это, потому что мало кто из матерей свободен от личных трудностей и от склонности тревожиться, которая заставляет их искать поддержку со стороны; к тому же, несомненно, существуют матери, которые не уделяют детям нужного внимания и даже бывают с ними жестоки. Но, по моему мнению, даже матерям, нуждающимся в советах, полезно знать эти основные сведения. Если мы хотим, чтобы мать научилась обращаться со вторым или третьим своим ребенком, она должна знать, чего нужно добиваться и при уходе за первым младенцем, когда она так нуждается в помощи. Ее цель — независимость от советов в реальном уходе за своими детьми.

Я бы сказал, что естественное кормление происходит, когда ребенок в нем нуждается, и прекращается, когда он больше не хочет есть. На этой и только на этой основе младенец способен пойти на компромисс с матерью; таким компромиссом становится регулярное и надежное кормление, скажем, с трехчасовым интервалом, что удобно

для матери и в то же время может соответствовать желаниям младенца, если он через каждые три часа снова будет голоден. Если промежуток для данного младенца слишком длинный, ребенок расстраивается, и самый быстрый способ возвращения уверенности — кормить его тогда, когда он хочет. А вернуться к регулярному кормлению по времени можно будет тогда, когда он сможет это выносить.

И опять-таки многое здесь может показаться необычным. Мать, которую учили кормить ребенка обязательно с регулярными интервалами, начиная с промежутка в три часа, может счесть себя недостойной, если примется кормить своего младенца нерегулярно. Как я уже сказал, огромное ощущаемое ею наслаждение может ее испугать; она решит, что во всем, что отныне пойдет неладно, родственники и соседки будут винить только ее. Беда в том, что ответственность за ребенка очень часто подавляет, и в таком случае люди приветствуют правила, распоряжения и всяческие установки: это делает жизнь менее рискованной, хотя и немного скучной. Однако до некоторой степени виноваты бывают врачи и медсестры. И нам следует немедленно отступить, когда мы оказываемся между матерью и младенцем. Даже идея естественного кормления может стать вредной, если этого добиваются, потому что так рекомендуют авторитеты.

Что же касается теории о том, что обучение нужно начинать как можно раньше, то истина заключается в том, что обучение вообще неуместно, пока младенец не признал существующий внешний мир и не пришел с ним к соглашению. И основой этого признания внешней реальности является первый краткий период, когда мать удовлетворяет все желания младенца.

Я не говорю, что нужно забыть о существовании детских клиник и кабинетов врачей и предоставить матерям и младенцам самим справляться с проблемами диеты, витаминов, вакцинаций и правильного способа стирки пеленок. Я говорю о том, что врачи и медсестры должны заниматься этими физическими проблемами так, чтобы

ничто не нарушило тонкий механизм развивающихся отношений матери и младенца.

Конечно, если бы я разговаривал с медсестрами, которые ухаживают за чужими детьми, я мог бы многое сказать об их трудностях и разочарованиях. В замечательной книге «Кормящая пара» мой покойный друг доктор Меррел Миддлмор писал:

«Неудивительно, что грубость сестры часто вызвана тем, что она сама нервничает. Она следует за взлетами и падениями кормящей пары, и в этих пределах их интересы становятся и ее интересами. Ей трудно следить за неловкими попытками матери накормить младенца, и она постоянно испытывает стремление вмешаться, потому что считает, что сделает все лучше. Ее собственный материнский инстинкт начинает соперничать с инстинктом матери, вместо того чтобы подкреплять его».

Матери, читающие это, не должны слишком расстраиваться, если первый контакт с одним из их детей получился неудачным. У такой неудачи может быть множество причин, и многое можно впоследствии исправить. Но если пытаешься поддержать мать, способную достичь успеха в самой важной своей материнской работе, нужно рисковать. Во всяком случае я должен рискнуть, даже если придется причинить боль матерям, испытывающим трудности; я считаю, что если мать в своих отношениях с ребенком рассчитывает на себя и на свой здравый смысл, она делает самое лучшее для своего младенца, для себя и для общества в целом.

Иными словами, опыт, который становится основой будущих отношений с матерью и отцом, с другими детьми, а со временем и с обществом, опирается на первые успешные отношения матери и младенца — отношения двух человеческих существ, и ничто — даже правило регулярного кормления или правило обязательного грудного кормления — не должно вставать между ними. В человеческих отношениях более сложное развивается только на основе более простого.

4. Куда идет пища

Голод ощущается младенцами как угроза, как нечто живое, грозящее завладеть ими. Вы сами начинаете издавать определенные звуки, готовясь к кормлению, и младенец знает, что скоро наступит время, когда он сможет безопасно удовлетворить свое ужасающее стремление к еде. Вы можете видеть, как у него течет слюна, потому что маленькие дети ее не глотают: пуская слюнку, они показывают, что то, что их интересует, они должны взять в рот. Можно сказать, что ребенок приходит в возбуждение, особенно в области рта. Руки тоже играют роль в этом поиске удовлетворения. Так что когда вы кормите ребенка, вы удовлетворяете его стремление к пище. В это время его подушечки губ очень чувствительны и помогают получать самое большое чувственное наслаждение, какое может испытывать младенец.

Мать активно приспосабливается к потребностям младенца. В силу своей любви она лучший специалист в этой тонкой подготовке. Для посторонних неведомо существование и необходимость такой подготовки. Когда вы начинаете кормить ребенка грудью или из бутылочки, рот младенца активизируется, и молоко из вас или из бутылочки попадает в его рот.

Считается, что существует разница между грудным и искусственным кормлением. Ребенок, которого кормят грудью, втягивает сосок в рот и начинает жевать его деснами. Для матери это может быть болезненно, но давление выталкивает молоко из соска в рот. Затем молоко проглатывается. Ребенок, которого кормят из бутылочки, должен пользоваться другой техникой. В этом случае акцент делается на сосании, которое при грудном кормлении играет меньшую роль.

Некоторые младенцы нуждаются в большом отверстии в соске, потому что еще не умеют сосать и хотят получить молоко без всасывания. Другие сразу начинают сосать и давятся, если отверстие слишком велико.

Если вы кормите ребенка из бутылочки, вам нужно больше внимания обращать на процесс кормления, чем

при кормлении грудью. Мать, кормящая грудью, расслаблена. Она чувствует, как приливает к груди кровь и как подходит молоко. Мать, пользующаяся бутылочкой, должна все время следить за процессом. Она держит бутылочку у рта ребенка, впуская в нее некоторое количество воздуха, иначе вакуум в бутылочке станет таким сильным, что младенец вообще не сможет сосать. Она охлаждает молоко до нужной температуры, проверяя эту температуру рукой; она держит поблизости посудину с горячей водой, чтобы подогреть молоко, если оно слишком остыло.

Теперь посмотрим, что происходит с молоком. Оно попадает в рот, создает здесь определенное ощущение, имеет определенный вкус. Несомненно, все эти ощущения удовлетворительные. Затем молоко проглатывается. С точки зрения ребенка, это означает, что оно исчезает. В этом отношении кулак и пальцы гораздо лучше, потому что они остаются во рту и всегда пригодны к употреблению. Однако проглоченная пища не пропадает окончательно: пока она находится в желудке, ее можно вернуть. Младенцы как будто знают, в каком состоянии находится их желудок.

Вы, вероятно, знаете, что желудок представляет собой небольшой орган в форме детской бутылочки для кормления, повернутый слева направо между ребрами. Это мышца довольно сложно устроена, она обладает удивительной способностью, напоминающей способность матери обращаться с новорожденным, а именно: она может адаптироваться к новым условиям. Делает она это автоматически, если не потревожена возбуждением, страхом или тревогой, точно так же, как хорошие от природы матери, если они не напряжены и не встревожены. У младенца внутри как будто миниатюрная хорошая мать. Когда ребенок спокоен (такое состояние у взрослых мы называем расслабленным), мышечный контейнер, который мы называем желудком, ведет себя хорошо. Это означает, что желудочная мышца слегка напряжена, но сохраняет свою форму и положение.

Итак, молоко попадает в желудок и удерживается в нем. Теперь начинается процесс, который называется

перевариванием. В желудке всегда есть жидкость — пищеварительный сок, а сверху всегда есть немного воздуха. Этот воздух для матери и младенца имеет особое значение. Когда ребенок проглатывает молоко, количество жидкости в желудке увеличивается. Если вы и младенец спокойны, давление в желудке адаптируется к этому, мышца слегка расслабится, и желудок станет немного больше. Желудку требуется какое-то время для адаптации. Временное увеличение давления в желудке неприятно, и для ребенка самый быстрый способ избавиться от этого неприятного ощущения — отрыгнуть немного воздуха. Поэтому сразу после кормления или даже во время кормления вы можете ожидать легкую отрыжку. Если младенец находится в вертикальном положении, вероятнее, это будет только воздух, без отрыгнутого молока. Поэтому часто можно увидеть, как мать кладет младенца себе на плечо и легонько шлепает его по спине; шлепанье стимулирует мышцу желудка и облегчает ребенку отрыжку.

Часто бывает, что желудок младенца приспособливается так быстро и принимает молоко так легко, что никакой надобности в отрыжке не возникает. Но если мать младенца в напряженном состоянии (как иногда бывает), ребенок тоже ощущает напряжение, и в этом случае желудку для адаптации к приему пищи требуется больше времени. Если вы это понимаете, то сможете легко вызвать отрыжку и не удивитесь тому, что одно кормление отличается от другого или один ребенок не похож на другого в этом отношении.

Но если вы не понимаете происходящего, вы будете смущены и встревожены. Соседка скажет вам: «Ребенок после каждого кормления должен обязательно срыгивать». Не зная фактов, вы не сможете возразить, поэтому кладете ребенка себе на плечо и начинаете энергично шлепать по спине, стараясь добиться отрыжки воздуха. Ведь ребенок должен отрыгнуть обязательно! Это становится своего рода религией. Таким образом вы навязываете ребенку собственные (или вашей соседки) представления

и вмешиваетесь в естественный ход событий, который в конечном счете является единственно правильным.

Маленький мышечный контейнер содержит молоко в себе некоторое время, и здесь происходит первая стадия переваривания. Прежде всего молоко сворачивается — это первая естественная ступень переваривания. Когда вы, например, готовите творог из молока, то имитируете процесс, происходящий в желудке. Поэтому не тревожьтесь, если младенец срыгивает немного свернувшегося молока. У младенца вообще легко вызвать рвоту.

Хорошо, если в этот период, когда в желудке идет процесс пищеварения, ребенок спокоен. Я предоставляю вам решать, как вы этого добьетесь: положите ли ребенка в колыбель сразу после кормления или немного поносите его на руках: нет двух одинаковых матерей и двух одинаковых младенцев. В самых легких обстоятельствах ребенок спокойно лежит на спине и как будто размышляет. Он испытывает приятное ощущение, потому что кровь приливает к активному органу и в животе у ребенка возникает замечательное тепло. Помехи, отвлечения и возбуждение на этой ранней стадии пищеварения могут привести к жалобному плачу, что приведет либо к рвоте, либо к преждевременному выходу пищи из желудка, до того, как она прошла через все преобразования. Поэтому важно не подпускать соседок, когда вы кормите младенца. Это относится не только к самому времени кормления, но и включает спокойный период непосредственно после кормления, когда пища еще полностью не усвоена.

Если все идет хорошо и этот особо чувствительный период подходит к концу, вы услышите бульканье и другие звуки. Это означает, что процесс обработки пищи в желудке закончился, и желудок автоматически начинает проталкивать частично переваренное молоко через особый клапан в тонкую кишку.

Вам не обязательно в подробностях знать, что происходит с пищей в тонкой кишке. Переваривание пищи — очень сложный процесс, постепенно переваренное молоко проникает в кровь и по сосудам разносится по всему

организму. Интересно знать, что вскоре после того, как молоко покидает желудок, к нему добавляется немного желчи. Желчь в нужный момент поступает из печени, и именно из-за желчи содержимое кишок приобретает своеобразный цвет. Если желчь поступает в нужный момент и в нужном количестве, ребенку бывает приятно.

Заглянув в книги по физиологии, вы можете узнать, что дальше происходит с перевариваемым молоком, но эти подробности не имеют значения для вас как для матери. Главное в том, что бульканье означает: период повышенной чувствительности кончился, и пища теперь окончательно внутри организма. С точки зрения младенца, эта новая стадия должна представляться очень загадочной, поскольку физиология за пределами его разума. Мы, однако, знаем, что пища различными способами усваивается и постепенно разносится по всему организму. По кровеносным сосудам она доставляется ко всем тканям, которые все время растут. У младенца эти ткани растут необыкновенно быстро и нуждаются в постоянном поступлении припасов.

5. Окончание процесса пищеварения

В предыдущей главе я проследил судьбу проглоченного, переваренного и усвоенного молока. В кишках происходит очень многое, но матери это не касается, а с точки зрения младенца этот процесс представляет собой тайну. Однако постепенно ребенок снова вовлекается в происходящее на последней стадии, которую мы называем выделением, в которой участвует и мать. И здесь она лучше сыграет свою роль, если будет понимать, что происходит.

Дело в том, что пища поглощается не полностью: даже в великолепном природном продукте — в грудном молоке всегда есть что-то не усваиваемое. Различные веще-

ства, которые в конечном счете превращаются в экскременты, постепенно проходят к нижнему концу кишок, где находится отверстие, именуемое анус. Как это делается? Вещество передвигается при помощи последовательных волнообразных сокращений, происходящих по всей длине кишок. Кстати, знаете ли вы, что у взрослого человека пища проходит через узкую трубку длиной в двадцать футов? У младенца кишки достигают двенадцати футов в длину.

Иногда мать говорит мне: «Пища словно проходит сквозь него, доктор». Матери кажется, что как только пища попадает в организм младенца, она тут же выходит с противоположного конца. Так кажется, но на самом деле это неверно. На самом деле кишки младенца очень чувствительны, и прием пищи вызывает волну сокращений; когда сокращения достигают конца кишок, происходит выделение. Обычно последняя часть кишечника — прямая кишка — более или менее пуста. Волны сокращений возникают, если в кишках много такого, что должно быть выделено, или если ребенок возбужден, или если кишки воспалились в результате инфекции. Не сразу и очень постепенно младенец обретает способность до определенной степени контролировать выделения.

Вначале можно предположить, что прямая кишка начинает наполняться просто потому, что накопилось большое количество подлежащих выделению веществ. Вероятно, действительным стимулом к выделению становится последнее кормление. Рано или поздно прямая кишка заполняется. Заполнение прямой кишки вызывает ощущение, которое нельзя назвать неприятным и которое заставляет младенца стремиться к немедленному выделению. Вначале не нужно ожидать от ребенка, что он будет контролировать прямую кишку. Вы прекрасно знаете, сколько времени на первых этапах занимает смена и стирка пеленок. Если ребенок одет, необходимо часто менять пеленки: если испражнения долгое время контактируют с кожей, она воспаляется. Особенно это справедливо в том случае, когда по различным причинам выделения

происходят быстро и потому бывают жидкими. Потребность в смене пеленок не устранишь торопливым обучением. Но если вы действуете правильно и проявляете терпение, начинают происходить некоторые события.

Если младенец задерживает испражнения в последнем участке прямой кишки, они высыхают: вода усваивается, пока они здесь находятся. В таком случае выходят относительно твердые испражнения, и ребенку это нравится; в сущности, в момент выхода экскрементов может возникнуть такое локализованное возбуждение, что ребенок кричит от полноты чувств. Он на собственном опыте убеждается, что приятно сдерживать экскременты на некоторое время, прежде чем выпустить их. Если все идет нормально, выделение может стать очень удовлетворительным опытом. Здоровое отношение ребенка к этим вещам — самое надежное основание для будущего приучения его к туалету.

Может быть, кто-то сказал вам, что вы должны с самого начала регулярно высаживать ребенка после кормления, чтобы как можно раньше начать приучать его к туалету. На самом деле вы только стараетесь уберечь себя от частой смены пеленок. Наверно, можно было бы много говорить на эту тему, но ребенок еще не готов к обучению. И если вы не позволяете младенцу самостоятельно развиваться в этом отношении, вы вмешиваетесь в ход естественного процесса. И к тому же упускаете много хорошего. Например, если наберетесь терпения и подождете, то обнаружите, что рано или поздно младенец, лежащий в кроватке, находит способ дать вам знать, что произошло выделение; а вскоре вы научитесь узнавать, что выделение еще только должно произойти.

Вы у начала новых отношений с младенцем, который не может общаться с вами нормальным путем, как взрослые, но который нашел способ разговора без слов. Он как будто говорит: «Кажется, мне хочется покакать. Тебе это интересно?» И вы (без слов) отвечаете: «Конечно» и даете ему знать, что вы заинтересованы не потому, что испугались, или не потому, что он создаст грязь, или не потому, что хотите приучить его к чистоте, а потому, что то, что важно

для него, важно и для вас. И вам все равно, если вы опоздаете, потому что главное не содержать младенца в чистоте, а ответить на призыв другого человеческого существа.

Позже ваши отношения с младенцем в подобных терминах станут еще богаче. Иногда предстоящее выделение пугает младенца, а иногда он считает экскременты чем-то очень ценным. Поскольку все, что вы делаете, основано на любви, вы очень скоро научитесь отличать случаи, когда помогаете младенцу избавиться от чего-то плохого и когда получаете ценный подарок.

Стоит здесь упомянуть одно практически важное положение. Когда произошло удовлетворительное выделение, вы решаете, что это конец, меняете младенцу пеленку и занимаетесь тем, чем занимаетесь. Но ребенок почти сразу может снова запачкать пеленки. Часто опустевшая прямая кишка немедленно снова заполняется. И если вы подождете, то ребенок сможет выделить и эту часть, когда начнется следующая волна сокращений. Это может происходить снова и снова. И если вы не торопитесь, то оставляете ребенка с совершенно пустой прямой кишкой. Это поддерживает ее чувствительность, и когда несколько часов спустя она снова заполнится, ребенок сможет проделать всю процедуру естественно.

Чуткое отношение на протяжении длительного времени закладывает у ребенка естественное основание для ощущения порядка в отношении к выделительным функциям. Если же вы торопитесь и не позволяете малышу полностью пережить все этапы процесса, он испытывает смятение. Ребенок, не испытывающий смятения, позже сможет отсрочить то огромное наслаждение, которое он ощущает, выделяя именно в тот момент, когда почувствует стремление к этому. Ребенок сделает это не только из-за вашего желания, чтобы было как можно меньше грязи, но и потому что вы довольны. И ради этого он готов подождать. Много позже ребенок сможет контролировать анус и выделять, когда ему хочется доминировать над вами, и не выделять, если хочется вам понравиться, доставить радость.

Я знал многих детей, которым так и не выпало возможности найти себя в этом важном деле выделения. Знаю мать, которая никогда не допускает естественного стула у своих детей. Она считает, что задержка экскрементов в прямой кишке так или иначе отравляет организм младенца. Это неправда: младенцы и маленькие дети могут на сутки удерживаться от выделения, не причиняя себе вреда. Эга мать на каждое наполнение прямой кишки у детей реагирует свечами и клизмами, и результат более чем хаотичный. И она не может надеяться на то, что ее дети будут счастливы и хорошо к ней отнесутся.

Вы, конечно, ждете, что я заведу разговор о другом типе выделений — о моче. Общий принцип одинаков для обоих типов выделения.

Вода переходит в кровь, а та, что не нужна, проходит через почки младенца и уходит в мочевой пузырь вместе с растворенными в ней отходами. Когда заполняется мочевой пузырь, возникает позыв к мочеиспусканию. Вначале это происходит более или менее автоматически, но со временем младенец начинает понимать, что, удерживая мочу, он получает некую награду: после того как сдерживался, очень приятно избавляться от воды. Возникает еще один небольшой оргазм, обогащающий жизнь ребенка, делающий ее стоящей.

Со временем это сделанное младенцем открытие — сдерживание приносит награду — может быть вами использовано, потому что по внешним признакам вы видите, что что-то произойдет, и еще более обогатите жизнь младенца своим интересом к этому происходящему. Постепенно ребенку начнет нравиться ожидание, если оно не слишком долгое, потому что оно добавляет нечто к процессу любовных взаимоотношений, уже происходящему между вами.

Теперь вы видите, что мать необходима младенцу во время выделения так же, как необходима во время кормления. Только мать чувствует, что стоит в мельчайших деталях изучать и удовлетворять потребности младенца, чтобы эти возбуждающие эксперименты стали частью

любовных отношений, существующих между двумя людьми: младенцем и ею самой.

Если это происходит и осуществляется на протяжении достаточного времени, то приучение к туалету совершается без особого труда, потому что мать заслужила право предъявлять ребенку требования, которые он в состоянии выполнить.

Это еще один пример того, как обычная мать в своей обычной любящей заботе о младенце закладывает основы здоровья.

6. Младенец как личность

Я долго думал, как начать разговор о младенце как личности. Легко увидеть, что съеденная младенцем пища переваривается, часть ее разносится по всему организму и используется для роста. Часть запасается в виде энергии, а от какой-то части организм избавляется тем или иным способом. Таков подход к ребенку со стороны тех, кто заинтересован в физической стороне проблемы. Но если мы на того же ребенка взглянем с точки зрения его личности, то заметим, что есть не только физический процесс кормления, но и процесс, в котором участвует воображение. Одно основано на другом.

Можно представить себе, что ваша любовь так же необходима младенцу, как пища. Из того и другого ребенок создает нечто. И сходство не только в этом. Ребенок обращается с вами, как с пищей, иногда использует вас, а иногда от вас отказывается. Может быть, это будет легче объяснить, если позволим младенцу немного вырасти.

Перед нами десятимесячный мальчик. Пока мать разговаривает со мной, он сидит у нее на коленях. Ребенок живой, энергичный и естественно интересуется окружающим. Вместо того чтобы позволить ему бесцельно исследовать это окружающее, я кладу на угол стола, за которым сижу и перед которым сидит мать, какой-то привлекательный

предмет. Мы с матерью продолжаем разговор, но краем глаза наблюдаем за ребенком. Можете быть уверены, что, если ребенок нормален, он сразу заметит привлекательный предмет (допустим, это ложка) и потянется к нему. Но, потянувшись к ложке, он вдруг как будто передумает. Как будто он размышляет: «Пожалуй, не стоит торопиться; интересно, как мама относится к этому предмету. Лучше подождать, пока не узнаю». И он отворачивается от ложки, будто совершенно о ней забыв. Однако через несколько мгновений интерес к ложке вернется, и ребенок осторожно прикоснется к ней пальцем. А может, схватит ее и тут же посмотрит на маму, постарается поймать ее взгляд. В этот момент мне, вероятно, стоит сказать матери, как себя вести, потому что в противном случае она либо будет усиленно помогать младенцу, либо остановит его; поэтому я прошу ее играть как можно меньшую роль в происходящем.

Взглянув на мать, младенец понимает, что то, что он делает с ложкой, не встречает ее осуждения, поэтому он хватается ложку крепче и присваивает. Однако он очень напряжен, потому что не знает, что произойдет, если он сделает с этим предметом то, что ему так хочется сделать. Он даже точно не знает, чего хочет сам.

Однако мы догадываемся, что скоро он поймет, что хочет с нею сделать, потому что рот его начинает возбуждаться. Ребенок по-прежнему тих и задумчив, но из его рта начинает течь слюна. Язык выглядит мокрым. Его рот начинает хотеть ложку. Десны хотят насладиться кусанием ее. И очень скоро он сунет ложку в рот. И тогда испытает те обычные агрессивные чувства, какие испытывают тигры, львы и младенцы, когда получают нечто хорошее. Ребенок начинает «есть» ложку.

Теперь мы можем заключить, что младенец принял предмет и сделал его своим. Он утратил все свое спокойствие, которым отличался в состоянии сосредоточенности, размышления и сомнений. Теперь он уверен в себе и чувствует себя обогащенным своим новым приобретением. Я сказал бы, что в воображении он уже съел ложку. Точно так же как пища поглощается, усваивается и ста-

новится его частью, то, что он съел в воображении, тоже становится его частью и может быть использовано. Но как оно будет использовано?

Что ж, вы это и сами знаете, потому что подобное постоянно происходит дома. Он поднесет ложку ко рту матери, как будто кормит ее, и захочет чтобы мать сделала вид, что ест. Имейте в виду, он совсем не хочет, чтобы мать действительно откусила от нее, он был бы испуган, если бы мать взяла ее в рот. Это игра — опыт использования воображения. Ребенок приглашает играть. Что еще он станет делать? Он может попробовать покормить и меня и захочет, чтобы я тоже сделал вид, будто ем. Он может показать на рот кого-то другого, кто есть в помещении. Пусть все разделят с ним это удовольствие. У него оно есть, почему бы всем его не иметь? Он приобрел нечто и может проявить щедрость. Теперь он сует ложку под блузку матери, туда, где грудь, потом снова ее находит и вытаскивает. Прячет под блокнот и наслаждается игрой, будто потерял и снова нашел, или замечает на столе миску и начинает делать вид, будто ложкой черпает еду из этой миски; в своем воображении он ест суп. Это очень обогащающий опыт. Он соответствует тайне тела — пищеварительному процессу, тому времени, когда пища теряется, будучи проглочена, и снова обнаруживается в виде экскрементов и мочи. Я мог бы очень долго описывать, как разные дети по-разному проявляются в этом типе игры и как она их обогащает.

Но вот ребенок уронил ложку. Вероятно, его интерес начинает переходить на что-то другое. Я поднимаю ложку, и он может снова взять ее. Да, он как будто хочет ее, он снова начинает играть, используя ложку, как раньше, как дополнительную часть самого себя. О, он снова ее уронил! Очевидно, на этот раз он ее уронил не совсем случайно. Может, ему понравился звук, с каким ложка падает на пол. Посмотрим. Я снова протягиваю ее ему. Он берет ее и нарочно роняет: теперь он хочет ее ронять. Я снова даю ее ему, и он отбрасывает ее в сторону. У него теперь другие интересы. С ложкой покончено, мы подошли к концу представления.

Мы видели, как младенец заинтересовался чем-то и сделал это что-то частью самого себя, мы наблюдали, как он это использовал и как с ним покончил. Такое дома происходит постоянно, но в специальной обстановке последовательность яснее: ребенок получает возможность проделать эксперимент с начала до конца.

Что мы узнали, наблюдая за этим маленьким мальчиком?

Во-первых, мы смогли наблюдать за экспериментом с начала до конца. В контролируемых обстоятельствах у происшедшего было начало, середина и конец; это полный цикл. *И это хорошо для младенца.* Когда вы заняты или торопитесь, вы не позволяете ребенку пройти через все фазы, и это его обедняет. Но когда у вас есть время, а у вас оно должно на это быть, если вы воспитываете ребенка, вы должны допустить такое последовательное развитие. И такое полное переживание дает ребенку представление о времени. Они начинают новое, зная, что, начав что-то, они должны его кончить.

Теперь вы видите, что промежуточными этапами можно наслаждаться (или терпеть их, если они неприятные), только если есть отчетливое сознание начала и конца.

Предоставив ребенку возможность полного опыта и принимая в нем участие, вы закладываете основы способности овладевать без нервозности любым жизненным опытом.

Наблюдая за ребенком с ложкой, можно сделать еще один вывод. Мы видели что в самом начале нового опыта его охватывают сомнения и колебания. Мы видели, как ребенок осторожно протягивает руку и трогает ложку; после этой первоначальной простой реакции он временно утрачивает интерес. Потом, старательно проверив отношение матери, он позволяет интересу вернуться. Однако он нервничает, он напряжен и не уверен в себе, пока со временем не кладет ложку в рот и не начинает жевать ее.

Вначале ребенок готов советоваться с вами, если вы присутствуете при возникновении новой ситуации. Поэтому вы должны хорошо понимать, чего можно касать-

ся ребенку, а чего нельзя. Простейший путь самый хороший, а это значит, что в пределах досягаемости не должно быть предметов, которые ребенку нельзя брать в рот. Ребенок старается понять принцип, на котором основано ваше решение, так что со временем становится способен предсказать, что вы ему разрешите. Чуть позже начинают помогать слова, и вы скажете «слишком острое», «слишком горячее» или каким-то другим способом укажете на физическую опасность; вам нужно найти способ дать понять ребенку, что ваше обручальное кольцо, которое вы сняли во время стирки, совсем не предназначено для игры.

Теперь вы понимаете, как помочь вашему младенцу понять, что можно трогать, а что нельзя? Вы достигаете этого, отчетливо понимая, что вы запрещаете и почему. И, будучи рядом, скорее предупреждаете, чем исправляете ошибки. К тому же вы сознательно предоставляете ребенку предметы, которые ему понравится брать в руки или в рот.

И еще одно. Мы можем говорить о том, что видели, в терминах умения: ребенок учится тянуться, находить, хватать, брать предмет в рот. Меня поражает, когда шестимесячный младенец проходит через эту процедуру с начала до конца. С другой стороны, у четырнадцатимесячного ребенка слишком разнообразные интересы, чтобы мы могли четко проследить весь процесс так, как увидели это у десятимесячного мальчика.

Но я думаю, что, наблюдая за младенцем, мы прежде всего узнаем следующее: *по тому, что происходит, мы видим, что перед нами не просто младенец, а личность.*

Интересно наблюдать, в каком возрасте возникают разные типы умений, это нечто большее, чем просто овладение. Это игра. Играя, младенец показывает, что он создал в себе нечто такое, что может быть названо материалом для игры — внутренний воображаемый мир, который и проявляется в игре.

Кто может сказать, насколько рано начинается у младенца жизнь воображения, которая постоянно обогаща-

ется физическим опытом и обогащает сам этот опыт? В три месяца младенец захочет положить палец в рот матери, играя в то, что кормит ее, в то же время кормясь у ее груди. А что было еще раньше? Кто знает? Совсем маленький младенец, когда у него отнимают грудь или бутылочку, начинает сосать кулак или палец (так сказать, получает пирожное и ест его), и это свидетельствует, что тут есть нечто большее, чем простая потребность удовлетворить голод.

Но кому я об этом говорю? Матери с самого начала видят личность в своих младенцах. Однако некоторые специалисты скажут вам, что до шести месяцев младенец — это только физический организм и рефлексы. Не давайте людям, которые так говорят, обмануть вас.

Наслаждайтесь тем, что наблюдаете, отмечайте черты личности в вашем младенце, потому что он в этом нуждается. И ждите — без спешки, суеты или нетерпения — проявления игривости младенца, ибо это прежде всего указывает на существование внутренней личной жизни. И если эта игривость встречает с вашей стороны готовность поиграть, внутреннее богатство младенца расцветает, и игры становятся лучшей частью ваших отношений друг с другом.

7. Кормящая младенца мать — крупным планом

В предыдущей главе я сказал, что младенец ценит, возможно, с самого начала, присутствие матери. Удовольствие, которое испытывает мать, когда она что-то делает для ребенка, позволяет ему быстро понять, что за сделанным есть человеческое существо. Но чувствовать в матери личность ребенку позволяет, вероятно, особая способность матери ставить себя на место младенца и таким образом понимать, что он чувствует. Никакая книга не поможет

овладеть чувством, которое испытывает мать к своему младенцу; это чувство обогащает ее и позволяет точно адаптироваться к интересам ребенка.

Проиллюстрирую это сравнением двух младенцев в ситуации кормления. Одного из них мать кормит дома, другого кормят в заведении — прекрасном заведении, но таком, где у нянечек очень много дел и нет времени для проявления индивидуального внимания.

Вначале рассмотрим младенца в заведении. Больничные нянечки, которые прочитают это, пусть простят меня за то, что я привожу в качестве иллюстрации худшее, а не лучшее.

Итак, ребенок в заведении; время кормления, но он не знает, чего ему ожидать. Младенец, о котором мы говорим, не очень многое знает о бутылочках и людях, но готов поверить, что его ждет нечто приносящее удовлетворение. Его приподняли в кроватке и бутылку с молоком подперли подушками, чтобы она касалась его рта. Медсестра сует соску в рот младенцу, ждет несколько мгновений, а потом отходит к другому заплакавшему ребенку. Вначале все может идти хорошо, потому что проголодавшийся ребенок получает достаточно стимулов, чтобы начать сосать, молоко поступает, и это приятно. Но во рту какой-то непонятный предмет, и через некоторое время он начинает восприниматься как страшная угроза самому существованию. Младенец начинает плакать или биться, и бутылочка вываливается. Это приносит облегчение, но ненадолго, потому что вскоре ребенок готов попробовать снова, но бутылочка не появляется; тогда снова слышится плач. Немного погодя возвращается медсестра и снова сует соску в рот младенцу, но теперь бутылочка, которая на посторонний взгляд никак не изменилась, воспринимается младенцем как что-то плохое. Она становится опасной. Так происходит снова и снова.

Теперь рассмотрим другую ситуацию — рядом с младенцем находится мать. Удивительно, как умело уверенная в себе мать справляется с подобной ситуацией! Вы

видите, как она поудобней устраивает младенца и организует *окружение*, в котором проходит кормление. Это окружение — часть человеческих взаимоотношений. Если мать кормит грудью, мы видим, что она высвобождает младенцу, даже совсем крошечному, руки, чтобы он ощущал текстуру и теплоту ее обнаженной груди; больше того, можно определить расстояние от груди до младенца, потому что мир младенца, в который можно помещать объекты, очень мал, но этот мир младенец уже может исследовать ртом, руками и глазами.

Мать позволяет младенцу коснуться груди лицом. Вначале младенец не знает, что грудь — это часть матери. Если лицо касается груди, он не знает, исходит ли приятное ощущение от лица или от груди. Младенцы играют своими щеками, царапают их, точно так же, как играют с грудью, и есть важные причины, по которым матери позволяют младенцам любые контакты, которых те хотят. Несомненно, ребенок испытывает очень острые ощущения, а если они острые, мы можем быть уверены, что они важны.

Ребенок прежде всего нуждается в таких *спокойных* опытах, которые я описываю, и еще нуждается в том, чтобы его держали с любовью, то есть как живое существо, без суеты, тревоги и напряжения. Это и есть окружение. Рано или поздно происходит контакт соска материнской груди и рта младенца. Неважно, как именно это происходит. Мать присутствует в этой ситуации, она ее часть, и ей особенно нравится интимность этих отношений. У нее нет предубеждений относительно поведения младенца.

Этот контакт соска со ртом вызывает у младенца мысль: «Возможно, за пределами рта есть что-то хорошее, надо бы его попробовать». Начинает выделяться слюна; в сущности, ее выделяется так много, что младенец начинает ее глотать и какое-то время не нуждается в молоке. Постепенно мать позволяет ребенку создать в воображении то, что она ему предлагает, и ребенок берет сосок в рот, добирается до его основания, сжимает деснами, кусает и, возможно, сосет.

Теперь наступает пауза. Десны отпускают сосок, и младенец отворачивается от сцены действия. Идея груди меркнет.

Понимаете ли вы, как важно происходящее? У ребенка возникает идея груди, появляется грудь с соском и происходит контакт. Потом ребенок кончает с этой идеей и отворачивается, и сосок исчезает. Это одно из важнейших отличий опыта ребенка, которого мы сейчас описываем, от опыта ребенка в заведении. Как обращается мать с отвернувшимся младенцем? Младенцу ничего не суют в рот, чтобы он снова начал сосать. Мать понимает чувства ребенка, потому что она живая и обладает воображением. Она ждет. Через несколько минут или даже быстрее ребенок снова поворачивается к соску, и новый контакт происходит точно в нужный момент. Это повторяется снова и снова, и младенец пьет не из вещи, в которой содержится молоко, а из своего личного имущества, которое он на время отдает человеку, знающему, как с ним обращаться.

Тот факт, что мать способна на такое тонкое приспособление, свидетельствует о том, что она человеческое существо, и младенец сразу начинает это ценить.

Я хочу особенно подчеркнуть то обстоятельство, что мать позволяет младенцу отвернуться. Именно в этот момент, когда она отнимает сосок у младенца, который перестает его хотеть, она утверждает себя как мать. Это настолько тонкая операция, что мать может вначале потерпеть неудачу. Младенец, почувствовав потребность воспользоваться своим личным правом отказаться от пищи, отвернет голову и заснет. Мать разочарована, потому что ей хочется проявить свою щедрость. Иногда она не может вынести напряжения в груди (если кто-нибудь не показал ей, как сцеживать молоко, чтобы она могла подождать, пока младенец снова не повернется к ней).

Однако если мать понимает, что отказ ребенка от груди или бутылочки имеет определенный смысл, она сможет преодолеть эту трудную ступень. Она воспримет это отворачивание и сон младенца как указание на необходимость особого внимания и заботы. Это означает, что

должно быть сделано все для создания нормального окружения во время кормления. Матери должно быть удобно. Ребенку должно быть удобно. Должно быть достаточно времени, никуда не нужно торопиться. И у ребенка должны быть свободны руки. Кожа младенца должна быть обнажена, чтобы он ощущал тепло материнской кожи. Можно даже положить нагого младенца на обнаженное тело матери. И если возникают трудности, то единственное, что абсолютно бесполезно, это кормить младенца силой. Если возникли трудности, нужно правильно организовать окружение, чтобы ребенок смог найти грудь и обрести правильный опыт кормления. Отзвуки таких трудностей могут проявиться на более поздних стадиях опыта ребенка.

Продолжая развивать эту тему, я бы хотел остановиться на положении только что родившей матери. Она пережила трудное и тревожное испытание и продолжает нуждаться в помощи. Она по-прежнему в руках тех, кто помогал ей при родах. Существуют причины, по которым в этот момент она особенно склонна к зависимости и чувствительности, к мнениям других женщин, будь то сестра в больнице, или ее собственная мать, или свекровь. Женщина находится в трудном положении. Она девять месяцев готовилась к этому моменту, и по причинам, которые я попытался объяснить, она единственный человек, который знает, как поднести младенца к груди и покормить его. Однако если окружающие настроены решительно, если они властны, женщина вряд ли может сопротивляться им, особенно если не родила уже двух-трех детей и не обладает большим опытом. Идеальными, конечно, были бы отношения, которые часто возникают между опытными медсестрами и матерью.

Если такие отношения существуют, мать получает возможность осуществить первый контакт с ребенком по-своему. Большую часть времени младенец спит рядом с ней, и у нее есть возможность смотреть на него и поражаться тому, что она произвела на свет такого прелестного ребенка. Она привыкает к плачу своего ребенка. Если

этот плач ее тревожит, ребенка на время ее сна уносят, но потом возвращают. Потом, когда она ощущает, что ребенок хочет есть или нуждается в контакте с ее телом, ей помогают взять его на руки и покормить. В ходе этого опыта возникает особый контакт между лицом, ртом и руками младенца и ее грудью.

Иногда приходится слышать о растерянной, сбитой с толку молодой матери. Ей никто ничего не объяснил; младенца держат в другой комнате, может быть, с другими детьми, и приносят только на время кормления. Где-то всегда плачут дети, поэтому мать не знакома с плачем своего ребенка. Она должна взять принесенного малыша и кормить его грудью, но у нее нет чувства жизни, возникающего в груди, а у младенца нет возможности для исследований и обретения представлений. Приходится слышать о помощницах, которых раздражает, если ребенок не берет грудь, и поэтому они тычут его носом. Мало кто не испытывал таких переживаний.

Но даже матери должны на собственном опыте учиться вести себя по-матерински. Мне кажется, лучше смотреть на это таким образом. Если они посмотрят по-другому и решат, что нужно вначале по книгам научиться быть матерью, они на неверном пути. В конечном счете нам нужны матери и отцы, которые нашли способ верить в себя. Такие матери вместе с мужьями создают лучшие семьи, в которых могут расти и развиваться дети.

8. Почему младенцы плачут

Мы рассмотрели некоторые очевидные вещи, которые вы хотите знать о детях и их потребностях. Как необходимы детям материнское молоко и тепло, так нужны им любовь и понимание. Если вы знаете своего ребенка, вы в состоянии дать ему то, что он хочет, и никто не знает младенца лучше его матери, никто, кроме вас, лучше не поможет ему. Теперь рассмотрим время, когда он как будто

больше всего нуждается в вашей помощи: когда ребенок плачет.

Как вы знаете, многие дети часто плачут, и вам постоянно приходится решать, успокаивать ли младенца, кормить ли его, сказать отцу, чтобы попытался его успокоить, или вообще передать его женщине со второго этажа, которая все знает о детях или считает, что знает. Вероятно, вы хотите, чтобы я сказал, но, если я попытаюсь это сделать, вы ответите: «Какой глупец! Существует множество причин, по которым плачут дети, и нельзя решать, что делать, не поняв причину плача». Именно так, и поэтому я постараюсь разобраться в причинах, по которым дети плачут.

Скажем сразу, что существуют четыре основных типа плача, это более или менее верно, и мы можем развесить все, что хотим сказать, на четыре колышка: удовлетворение, боль, гнев, горе. Вы увидите, что я говорю совершенно очевидные вещи, то, что каждая мать и каждый младенец знают естественно, хотя вряд ли смогут выразить свои знания в словах.

Плач представляет ребенку возможность либо тренировать легкие (удовлетворение), либо это сигнал о неприятностях (боль), либо выражение негодования (гнев), либо выражение печали (горе). Если вы примете это рабочее предположение, я постараюсь объяснить, что имею в виду.

Вам может показаться странным, что вначале я пишу о плаче как выражении удовлетворения, почти наслаждения, потому что всякий согласится: если ребенок плачет, у него какие-то неприятности. Однако я считаю, что начинать нужно именно с этого. Мы должны понять, что с плачем, как и с упражнением любого органа, может быть связано удовольствие, так что можно сказать, что младенцу необходимо определенное количество плача, и меньшее, чем необходимо, количество не принесет ему удовлетворения.

Мать говорит: «Мой ребенок редко плачет, только непосредственно перед кормлением. Конечно, ежедневно в

течение часа с четырех до пяти он плачет, но я думаю, ему это нравится. У него на самом деле нет никаких неприятностей, и я показываю ему, что я рядом, но не особенно старюсь его успокоить».

Иногда приходится слышать, что ребенка никогда не следует брать на руки, когда он плачет. С этим мы разберемся позже. Другие говорят, что детям нельзя позволять плакать. Такие люди также говорят матери, что детям нельзя разрешать брать кулак в рот, или сосать пальцы, или играть грудью после окончания кормления. Они не знают, что у младенцев есть (или должны быть) свои способы справляться с неприятностями.

Во всяком случае дети, которые редко плачут, совсем не обязательно растут лучше, чем те, что плачут часто и громко. Лично я при необходимости сделать выбор выбрал бы плачущего младенца, который полностью испытал свою способность производить шум, если, конечно, плач не настолько част, что становится отчаянным.

Я хочу сказать, что любое физическое упражнение полезно для младенца. Само дыхание — совершенно новое достижение для новорожденного — может быть чрезвычайно интересным, пока не начнет восприниматься как нечто само собой разумеющееся, а крики, вопли и все формы плача могут приводить в большое возбуждение. Мы должны понимать: ценность плача и в том, что во время неприятностей он придает уверенность. Дети плачут, потому что чувствуют тревогу или неуверенность, и плач им помогает. Поэтому мы должны признать, что в плаче есть что-то хорошее. Позже помогает речь, а в то время, когда ребенок учится ходить, бой в барабан.

Вы знаете, как ваш младенец использует кулак или пальцы, как он заталкивает их в рот и тем самым становится способен выдержать раздражение. Так вот, крик подобен кулаку, только он исходит изнутри. И никто не может этому помешать. Вы можете удерживать руки младенца подальше от рта, но не можете затолкать крик назад в легкие. Вы не можете помешать младенцу плакать, и я надеюсь, вы не будете пытаться. Если ваши соседи не

выдерживают шума, вам не повезло, потому что вам придется пытаться прекращать плач ради них. Если вы знаете причины, по которым плачет ваш ребенок, то прекратите плач только тогда, когда он бесполезен и даже вреден.

Врачи говорят, что громкий крик новорожденного младенца — признак силы и здоровья. Что ж, плач действительно есть признак здоровья и силы, ранняя форма физической терапии, упражнение не только полезное, но и приятное. *Но это и нечто гораздо большее.*

Теперь перейдем к другим видам плача. Всякий без труда узнает крик боли — природный способ дать вам знать, что ребенок в беде и нуждается в вашей помощи. Когда младенцу больно, он издает резкие, пронзительные звуки и часто одновременно каким-то образом показывает, в чем дело. Например, если у него колики, он задирает ноги; если болит ухо, он прижимает к нему руку; если его тревожит слишком яркий свет, он отворачивает голову. Но что делать со слишком громкими звуками, он не знает.

Крик боли сам по себе не доставляет ребенку удовольствия, и никто о таком даже не подумает, потому что в окружающих сразу просыпается стремление что-то сделать.

Один из видов боли называется голодом. Да, я считаю, что младенец воспринимает голод как боль. Голод причиняет ему боль такого рода, которую взрослые, редко бывающие голодными до такой степени, не могут вспомнить. Думаю, сегодня в Соединенных Штатах мало кто понимает, что значит быть по-настоящему голодным. Мы думаем о том, чтобы такого вкусенького съесть, но редко думаем о том, а будет ли у нас возможность поесть вообще. И если чего-нибудь нам недостает, мы перестаем этого хотеть, боясь не получить желаемого. Младенцы слишком хорошо знают, что такое боль от голода. Матерям нравится, когда их дети едят с жадностью, когда они возбуждаются при звуках, видах и запахах, предвещающих появление пищи; а возбужденные дети испытывают

боль и проявляют это в виде плача. Но если эта боль ведет к удовлетворительному кормлению, она быстро забывается.

Рано или поздно мы замечаем появление нового типа болезненного плача — плача предчувствия. Думаю, это означает, что ребенок кое-чему научился. Он теперь знает, что в определенных обстоятельствах должен испытывать боль. Когда вы начинаете его раздевать, он знает, что ему предстоит расстаться с приятным теплом, он знает, что его положение в пространстве изменится и будет утрачено ощущение безопасности, и поэтому, стоит вам расстегнуть верхнюю пуговицу, он начинает плакать. Он сложил два и два, он приобрел опыт, и одно напоминает ему о другом. Естественно, все это становится все более и более сложным, по мере того как идут недели и ребенок растет.

Как вы знаете, младенец иногда плачет, когда пачкает пеленки. Это может означать, что ребенку не нравится быть грязным (если он долго будет оставаться грязным, возникнет раздражение кожи и ребенку будет больно), но обычно это значит, что младенец боится вмешательства. Опыт научил его, что в следующие несколько минут он потеряет всю свою безопасность: его разденут, передвинут, и он утратит тепло.

Основа плача от страха — боль, поэтому эти два вида плача похожи, но в данном случае речь идет о боли, которую младенец помнит и повторения которой боится. После того как младенец испытал какое-то болезненно острое ощущение, он плачет от страха, что случится нечто такое, что вновь вызовет такое же ощущение. Очень скоро у него начинают возникать фантазии, некоторые из них очень пугающие. Если он плачет, значит, ему что-то напомнило о боли, причем это что-то может быть воображаемым.

Если вы только начали задумываться обо всем этом, вам может показаться, что я слишком усложняю проблему, но тут я ничего не могу поделать. Дети вообще во многих отношениях очень сложны. Однако третью причину плача

будет легче понять, потому что нечто подобное испытываем и мы, взрослые. Я говорю о гневе.

Мы все знаем, что значит сорваться, знаем, что очень сильный гнев делает нас словно одержимыми, на какое-то время не способными контролировать себя. Ваш младенец все знает о таком гневе. Как бы вы ни старались, время от времени вы будете его разочаровывать, и в таких случаях он будет гневно плакать; думаю, у вас в таком случае есть одно утешение: гневный плач означает, что ребенок еще сохраняет какую-то веру в вас. Он надеется изменить вас. Ребенок, утративший веру, не впадает в гнев; он просто перестает хотеть, или жалобно плачет, расставшись с иллюзиями, или начинает биться головой о подушку, стену, пол, или испытывает множество вариантов использования своего тела для самоутешения.

Для ребенка полезно испытывать гнев в полном масштабе. В гневе он определенно не выглядит беспомощным. Он кричит и пинается и, если он уже достаточно большой, встает и начинает трясти свою кроватку. Он кусается и царапается, он может плевать, его может даже вытошнить. Если он настроен очень решительно, то может задержать дыхание, посинеть и «закатиться». В течение нескольких минут он действительно намерен уничтожить или, по крайней мере, испортить все и всех, и ему все равно, если в этом процессе он уничтожит и себя.

Но разве вы не видите, что всякий раз, как ребенок проходит через этот процесс, он что-то приобретает? Если младенец гневно плачет и чувствует, что готов уничтожить все и всех, а окружающие при этом остаются спокойными и невредимыми, то у него появляется возможность понять, что то, что он чувствует, не обязательно реально, что фантазия и факт, хотя одинаково важны, тем не менее отличаются друг от друга. Однако, чтобы помочь ему понять это, вам совсем не нужно приводить ребенка в гнев, потому что существует множество других ситуаций, в которых вы заставите его сердиться, хотите того или нет.

Некоторые живут в ужасе перед срывом, они боятся того, что случится, если испытают такой гнев, какой испытывали младенцами. Причины этого неизвестны. Быть может, матери таких людей были сами испуганы. Своим спокойным поведением они придали бы младенцу уверенность, но они вели себя так, словно разгневанный младенец действительно опасен.

Младенец в гневе — это личность. Он знает, чего хочет, знает, как может это получить, и в то же время не отказывается от надежды. Вначале он едва ли сознает, что обладает оружием, вряд ли понимает, что его гневный плач действует сильнее, чем создаваемая им грязь. Но в течение нескольких месяцев он начинает чувствовать себя опасным, потому что может и хочет причинить боль. И рано или поздно по личному впечатлению от боли он узнает, что другие тоже могут испытывать боль и уставать.

Вы узнаете много интересного, наблюдая за своим младенцем и находя первые признаки того, что он знает, что может причинить вам боль и намерен это сделать.

Теперь я хочу перейти к четвертой причине плача — к горю. Я понимаю, что мне не нужно описывать вам печаль, как не нужно описывать цвет тому, кто не страдает слепотой. Однако по целому ряду причин мне недостаточно просто упомянуть печаль и на этом остановиться. Одна из этих причин заключается в том, что чувства младенцев очень прямые и интенсивные, а мы, взрослые, хотя и ценим эти младенческие чувства и иногда хотели бы испытать их снова, но давно научились защищаться от тех почти непереносимых чувств, какие испытывали в младенчестве.

При утрате горячо любимого человека мы не можем избежать чувства горя, для нас наступает период траура; наши друзья понимают это и терпят. И мы можем ожидать, что рано или поздно оправимся от такого состояния. Мы не открыты горю в любой момент дня и ночи, как младенцы. На самом деле некоторые люди так хорошо защищаются от причиняющего боль горя, что не могут воспринимать происходящее так серьезно, как им хотелось бы; они не в состоянии испытывать глубокие чувства,

потому что боятся всего реального. Эти люди не в состоянии пойти на риск любви к определенному человеку или объекту. Они многое теряют, не рискуя, но одновременно получают хорошую страховку от горя. Люди любят печальные фильмы, заставляющие их проливать слезы: это показывает, что они, по крайней мере, не окончательно утратили это свойство. Говоря о горе как причине детского плача, я должен напомнить, что вам нелегко вспомнить горести своего младенчества и потому нелегко в них поверить и проявлять сочувствие.

Дети тоже могут создавать мощную защиту против приносящей боль печали. Но я пытаюсь описать вам печальный плач младенцев, который, несомненно, существует и который вы сами наверняка слышали. Я хотел бы помочь вам понять смысл и значение печального плача, чтобы вы знали, что делать, если услышите его.

Когда вы впервые услышали печальный плач своего младенца, можете сделать вывод, что его чувства стали более оформленными. Однако скажу то же, что говорил о гневном плаче: вы ничего не достигнете, пытаясь устранить причину печального плача. Вы не можете помешать ребенку быть печальным, как не можете помешать ему гневаться. Но между гневом и горем есть различие: гнев является более или менее прямой реакцией на раздражение, в то время как печаль отражает гораздо более сложные процессы в сознании младенца, которые я попытаюсь описать.

Но вначале несколько слов о самом звуке печального плача, в котором, надеюсь, вы со мной согласитесь, слышится что-то музыкальное. Некоторые считают, что печальный плач — одна из основных причин возникновения музыки. И с помощью печального плача младенец в определенном смысле развлекает себя. Он может легко развить различные оттенки плача и экспериментировать с ними, ожидая, пока им не овладеет сон. Чуть постарше можно будет услышать, как он печально напевает самому себе во сне. К тому же, как вы знаете, слезы относятся скорее к печальному, чем гневному плачу. Сухие глаза и

нос (в который проникают слезы, когда не текут по щекам) означают неспособность печально плакать. А слезы полезны — и физически, и психологически.

Возможно, следует проиллюстрировать, чтобы прояснить то, что имею в виду, говоря о ценности печали. Возьмем восемнадцатимесячного ребенка, потому что легче пронаблюдать за тем, что происходит в этом возрасте, чем на более ранних стадиях. Речь идет о девочке, которую удочерили в четыре месяца и у которой до удочерения был очень нелегкий жизненный опыт; по этой причине она особенно зависима от матери. Можно сказать, что ей с гораздо большим трудом, чем другим, более везучим детям, удастся создать в сознании представление о том, что существуют хорошие матери; по этой причине она цепляется за приемную мать, которая превосходно о ней заботится.

Потребность девочки в постоянном присутствии приемной матери так велика, что мать поняла, что не может оставлять ее. Когда девочке было семь месяцев, мать как-то на полдня оставила ее на попечение опытной помощницы, но результат был почти катастрофическим. Теперь, когда ребенку исполнилось восемнадцать месяцев, мать решила на две недели уехать в отпуск, объяснив все девочке и оставив ее в руках людей, которых хорошо знала. Большую часть этих двух недель девочка стояла у двери материнской комнаты, держась за ручку и пытаясь открыть дверь; она не могла играть и вообще не могла воспринять факт отсутствия матери. Она была слишком испугана, чтобы чувствовать печаль. Думаю, можно сказать, что, с ее точки зрения, мир на эти четырнадцать дней остановился. Когда наконец мать вернулась, девочка какое-то время ждала, убеждаясь, что она реальна, а потом обхватила мать руками и разразилась горестным плачем, после чего вернулась к нормальному состоянию.

Глядя на ситуацию со стороны, можно заключить, что печаль присутствовала и до возвращения матери. С точки зрения девочки, до появления матери никакой печали не было, но, увидев мать, девочка поняла, что она опечалена,

и тут слезы полились из ее глаз, и она уцепилась за шею матери. Но почему так? Думаю, что этой маленькой девочке приходилось справляться с чем-то очень пугающим — с ненавистью, которую она испытала к матери, когда та ее покинула. Я выбрал этот пример, потому что тот факт, что девочка была сильно зависима от матери (и не могла смириться с тем, что матери нет) позволяет легче понять, какую опасность она ощутила, почувствовав к этой матери ненависть. И она ждала, пока мать не вернулась.

Но что она сделала после возвращения матери? Она могла бы ее ударить или укусить. Я не удивился бы, если бы у кого-то из вас был подобный опыт. Но этот ребенок обхватил мать за шею и заплакал. Что должна на этом основании понять мать? Если бы она смогла выразить это в словах (и я рад, что она этого не сделала), она сказала бы: «Я твоя единственная добрая мать. Ты испугалась, поняв, что ненавидишь меня за то, что я надолго ушла. Тебе страшно, что ты меня ненавидела. Ты считала, что я ушла, потому что ты сделала что-то плохое, или слишком много требовала, или ненавидела меня и раньше; ты считала, что я ушла из-за тебя и ушла навсегда. И только когда я вернулась и ты смогла обхватить меня, ты признала, что сама меня отсылала, даже когда я была с тобой. Своей печалью ты заслужила право обнимать меня, потому что поняла, что в своем горе виновата сама. На самом деле ты испытывала чувство вины, будто виновата во всем дурном, что происходит в мире, в то время как была только отчасти причиной моего ухода. Дети причиняют много неприятностей, но матери этого ждут и это им даже нравится. Ты была слишком зависима от меня и потому очень меня утомила; но я тебя удочерила и потому никогда не испытываю негодования, когда устаю из-за тебя...»

Я уверен, что никакие два человека не смогут одинаково описать то, что происходит, когда ребенок опечален. Должен сказать, что кое-что из сказанного мною не совсем верно сформулировано. Но неверно далеко не все, и я надеюсь, что сказанным сумел показать вам, что пе-

чальный плач — сложное явление, указывающее на то, что ваш младенец уже занял определенное место в мире. Он больше не пробка, плывущая по волнам. Он начинает принимать на себя ответственность за окружение. Вместо того чтобы просто реагировать на обстоятельства, он чувствует ответственность за эти обстоятельства. Беда в том, что он начинает испытывать ответственность абсолютно за все, что с ним происходит, даже за внешние факторы его жизни. Только со временем он научится отличать то, за что действительно ответствен, от того, за что только чувствует себя ответственным.

Теперь сравним печальный плач с другими видами плача. Можно заключить, что плач от боли и голода может появиться в любое время с момента рождения. Гнев возникает, когда младенец оказывается способен сложить два и два, а страх, указывающий на ожидание боли, означает, что у младенца начали возникать некие идеи. Горе указывает на заметное продвижение в приобретении обостренных чувств, и, если мать понимает ценность подобных переживаний для ребенка, она сможет избежать утраты чего-то очень важного. Родители впоследствии радуются, когда их ребенок говорит «спасибо» и «простите», но ранняя версия выражения благодарности и раскаяния — печальный младенческий плач, а это гораздо ценнее, чем то, что возникает в результате обучения.

В моем описании маленькой девочки вы могли заметить, насколько логично для нее быть печальной на шее матери. Печального младенца нужно обязательно взять на руки и приласкать, поскольку, взяв на себя ответственность за то, что причинило ему боль, он сохранил право на хорошие отношения с людьми. В сущности, печальный ребенок нуждается в вашей физической и демонстративной любви. А вот в чем он не нуждается, так это в том, чтобы его подбрасывали, щекотали и вообще всячески отвлекали от печали. Ему необходимо время, чтобы отойти от печали. Он должен только знать, что вы его по-прежнему любите. Иногда даже бывает лучше дать ему возможность полежать в одиночестве и поплакать.

Помните, что нет лучшего чувства в младенчестве и детстве, чем искреннее непосредственное спонтанное восстановление после печали и чувства вины.

Итак, я описал различные типы плача. Можно было бы сказать еще очень многое, но думаю, что и эта моя попытка классификации вам поможет. Я не описывал еще один вид плача — плач безнадежности и отчаяния; так плачет ребенок, у которого нет надежды. У себя в семье вы, вероятно, никогда не услышите такой плач, а если услышите, значит, ситуация вышла из-под контроля и вы нуждаетесь в помощи специалиста, хотя, как я попытался очень отчетливо показать, вы лучше любого другого человека способны справиться со своим младенцем.

В специальных заведениях, где младенцы находятся без матерей, мы слышим этот плач безнадежности и распада. Я упоминаю этот тип плача только для полноты описания. Сам факт того, что вы готовы посвятить себя заботе о вашем младенце, означает, что младенцу повезло. И если не случится ничего чрезвычайного, нарушающего ваши отношения, младенец сможет двигаться вперед, давая вам знать, когда он на вас ссудит, когда он вас любит, когда хочет избавиться от вас и когда он встревожен или испуган; и когда он хочет, чтобы вы поняли, как он опечален.

9. Мир в малых дозах

Если вы прислушаетесь к какой-нибудь философской дискуссии, то увидите, что люди используют множество слов в попытке определить, что такое реальное и нереальное. Один скажет, что реальное — это то, к чему мы можем прикоснуться, что можем увидеть и услышать, а другой скажет, что реальное — это то, что ощущается реальным, как, например, ночной кошмар или ненависть к человеку, который без очереди садится в автобус. Все это кажется очень трудным. Тогда зачем мне обращаться к

этим трудным проблемам в книге для матерей, описывающей, как обращаться с младенцами? Надеюсь, я смогу это объяснить.

Матери и младенцы имеют дело с развивающейся, меняющейся ситуацией. Вначале младенец ничего не знает о мире, но к тому времени, как мать завершает свою работу, он вырастает в человека, который знает о мире, способен в нем жить и даже участвовать в его развитии. Это огромное достижение.

Существуют люди, у которых возникают трудности в отношениях с тем, что мы называем реальностью. Они не чувствуют реальности мира. Да и для нас многие вещи могут быть более или менее реальными в разное время. Всякому может присниться сон, который покажется реальной самой реальностью, а для некоторых их личный воображаемый мир настолько реальной того, что мы считаем реальностью, что они вообще не могут жить в реальном мире.

Почему нормальный здоровый человек одновременно ощущает реальность мира и реальность воображаемого и личного? Как получилось, что мы с вами такие? Быть таким — большое преимущество, потому что мы можем использовать свое воображение, чтобы сделать реальный мир способным возбуждать воображение. Мы просто вырастаем такими? Так вот, я хочу сказать, что мы не просто вырастаем такими. Мы не можем стать такими, если вначале мать не представит нам мир малыми дозами.

Каковы в этом отношении дети в два, три или в четыре года? Как видит мир младенец, который только начинает ходить? Для него любое ощущение невероятно напряженное. Мы, взрослые, только в особые мгновения способны достичь удивительной напряженности чувств, какая характерна для первых лет жизни, и все, что позволяет нам этого достичь, не пугая нас, приветствуется. Для одних это музыка или живопись, другим позволяет испытать это футбол, а третьи испытывают подобное, одеваясь на танцы или отправляясь в театр. Счастливы те, кто прочно обеими ногами стоит на земле, но обладает

способностью наслаждаться напряженными чувствами, даже если это происходит только во сне, который вы можете вспомнить.

А вот для маленького ребенка и в еще большей степени для младенца жизнь — это серия невероятно напряженных переживаний и чувств. Вы замечали, что случается, когда вы прерываете игру; вы знаете, что хорошо сначала как-то предупредить ребенка, чтобы он смог привести игру к какому-нибудь завершению и терпимей отнестись к вашему вмешательству. Игрушка, которую дядя подарил маленькому мальчику, это часть реального мира, но если она дана правильно, в нужное время и нужным человеком, она приобретает для ребенка особое значение, которое мы должны понять и позволить. Возможно, мы помним игрушку, которую нам подарили в свое время, и какое значение она имела для нас.

Ребенок двух, трех, четырех лет живет одновременно в двух мирах. Мир, который мы делим с ребенком, одновременно является его собственным воображаемым миром, и ребенок способен испытывать его интенсивность. И мы в это время не настаиваем на том, чтобы ребенок точно воспринимал внешний мир. В этом возрасте ноги ребенка не должны прочно стоять на земле. Если маленькая девочка хочет полетать, мы не говорим ей: «Дети не летают». Напротив, мы подхватываем ее, поднимаем над головой и сажаем на шкаф, чтобы она почувствовала, что, словно птица, прилетела в гнездо.

Но очень скоро ребенок начинает понимать, что летать по волшебству невозможно. Может быть, до определенной степени волшебные полеты в воздухе можно ощутить во сне; во всяком случае будут сны о передвижении необыкновенно длинными шагами. Волшебные сказки про сапоги-скороходы или ковер-самолет являются вкладом взрослых в эту тему. В десять лет ребенок будет прыгать в длину и высоту, стараясь прыгнуть дальше и выше других. И это все, что, если не считать снов, останется от удивительно острых ощущений, связанных со свободным полетом, которые так естественно возникают в трехлетнем возрасте.

Мы не должны обрушивать на ребенка реальность и надеемся, что не делаем этого, даже когда ребенку пять или шесть лет, потому что, если все идет хорошо, к этому возрасту у ребенка возникает научный интерес к тому, что взрослые называют реальным миром. Этот реальный мир многое может предложить, если только принятие этого не означает утрату реальности личного внутренне-го воображаемого мира.

Для маленького ребенка естественно, что не только реальный, но и воображаемый мир находится снаружи, и поэтому мы погружаемся в его воображаемый мир, когда играем с ним или участвуем в других разновидностях опыта, связанных с воображением.

Перед нами трехлетний мальчик. Он счастлив, целые дни он играет — сам или с другими детьми, и он способен сидеть за столом и есть со взрослыми. Днем он хорошо отдает себе отчет в различиях между тем, что мы называем реальными вещами, и тем, что зовем детским воображением.

Но каков он ночью? Что ж, он спит и, несомненно, видит сны. Иногда он просыпается с пронзительным криком. Мать соскакивает с постели, входит, включает свет и пытается взять ребенка на руки. Доволен ли он этим? Напротив, он кричит: «Уходи, ведьма! Где моя мама?» Мир сна проник в то, что мы называем реальным миром, и мать ждет минут двадцать, неспособная что-то сделать, потому что для ребенка она ведьма. Неожиданно ребенок обхватывает ее руками за шею, цепляется за нее, как будто она только что вошла, а немного погодя уже в состоянии рассказать о метле, которую уронил во сне, так что вскоре мать может снова уложить его и вернуться к себе в постель.

Теперь представим себе семилетнюю девочку, очень хорошую девочку, которая рассказывает вам, что в новой школе все дети против нее, учительница ужасна и постоянно к ней цепляется, унижая ее. Конечно, вы отправляетесь в школу и говорите с учительницей. Я не хочу сказать, что все учителя совершенны; тем не менее

вы можете увидеть, что учительница — честный и прямой человек и что ее расстраивают неприятности вашего ребенка.

Вспомните: вы знаете, каковы дети. Они же не знают точно, каков мир. Им нужно позволить то, что мы могли бы назвать иллюзиями, если бы речь шла о взрослых. Возможно, вы решите эту проблему, просто пригласив учительницу на чай. И вскоре обнаружите, что ваша девочка впала в противоположную крайность, она привязывается к учительнице, восхищается ею, идеализирует ее и теперь боится соперничества со стороны других детей в борьбе за любовь учительницы. Но со временем все нормализуется.

Теперь, если мы обратимся к более раннему возрасту и посмотрим на детей в детском саду, нам трудно будет решить по тому, что мы знаем о воспитательнице, нравится ли она детям. Возможно, вы знакомы с воспитательницей и не очень высокого о ней мнения. Она непривлекательна. Но чувства к ней ребенка основаны совсем не на этом. Возможно, ребенок становится зависимым от нее и предан ей, потому что она надежна и добра; и она может даже стать необходимой для счастья и нормального развития ребенка.

Но все это возможно только на основе отношений, которые еще раньше существовали между матерью и младенцем. Только здесь возникают особые условия. Мать разделяет со своим маленьким ребенком особую часть мира, делая это постепенно, малыми дозами, чтобы ребенок не был ошеломлен и подавлен; эти дозы постепенно увеличиваются в соответствии с растущими возможностями ребенка наслаждаться миром. Это одна из важнейших частей работы матери. И мать исполняет ее естественно.

Другая вещь — мать способна различить факт и фантазию. Вот к этому стоит приглядеться внимательней.

Когда мальчик просыпается среди ночи и называет мать ведьмой, она согласна подождать, пока он полностью не проснется. Когда на следующий день он ее спро-

сит: «Мама, а ведьмы на самом деле бывают?», она спокойно отвечает: «Нет». И в то же время отыскивает для него книгу со сказкой о ведьме. Когда ваш ребенок отворачивается от сладкого творога, который вы ему приготовили из лучших ингредиентов, и делает вид, что это яд, вы не расстраиваетесь, потому что прекрасно знаете: никого яда в твороге нет. Вы находите способы преодолеть трудности, и вполне вероятно, что через несколько минут малыш будет с удовольствием есть творог. Если бы вы не были уверены в себе, вы бы расстроились и попытались силой заставить ребенка есть, чтобы *самой себе* доказать, что творог хорош.

Ваши знания того, что реально и что нереально, во всех отношениях помогают ребенку, потому что он сам только постепенно достигает понимания того, что мир не воображаем и что воображаемое не является частью реального мира. Однако и то и другое нуждаются друг в друге. Вы знаете, что первый предмет, который полюбил ваш младенец, маленькое одеяло или мягкая игрушка, — для него почти часть его самого, и если этот предмет у младенца отбирают, это настоящая катастрофа. Когда младенец обретает способность бросать этот предмет и другие (конечно, ожидая, что их тут же поднимут и вернут ему), вы знаете, что настало время позволить вашему младенцу уходить и возвращаться.

Я хочу вернуться к самому началу. Все эти позднейшие вещи проходят легко, если хорошо прошло начало. Взглянем снова на раннее кормление. Вы помните мое описание того, как мать делает свою грудь (или бугылочку) доступной для ребенка, когда он готов поесть, и убирает, когда эта идея затуманивается в сознании младенца. Видите ли вы, как, поступая таким образом, мать начинает представлять ребенку мир? За девять месяцев мать не менее тысячи раз кормит младенца, и посмотрите, как тонко и точно приспосабливается она к другим его потребностям. Для счастливого младенца мир начинает вести себя таким образом, что объединяется с его воображением, вплетается в текстуру этого воображения, и внутренняя жизнь

младенца обогащается тем, что он воспринимает во внешнем мире.

А теперь снова посмотрим на людей, говорящих о том, что значит «реальное». Если у одного из них была мать, которая представила ему мир, когда он был младенцем, обычным, нормальным способом, этот человек будет понимать, что реальность означает две вещи, и будет способен одновременно воспринимать оба вида реальности. Но если мать не справилась с этой задачей, то для ее ребенка будет существовать только один тип реальности — тот или другой. Этот несчастный человек в результате видит либо только реальное и осязаемое, либо для него все вообразимое и личное.

Итак, чрезвычайно многое зависит от того, как представляется мир младенцу и растущему ребенку. Обычная мать способна представлять реальный мир в малых дозах не потому, что она умна, как философ, а просто потому, что предана своему младенцу.

10. Врожденная мораль младенца

В обычных обстоятельствах можно было бы сказать, что эта глава посвящена «обучению». Слово «обучение» или «приучение» обязательно придет вам в голову, когда я буду описывать то, что собираюсь описать здесь; я имею в виду превращение вашего ребенка в аккуратного, чистого, хорошего, послушного, общительного и морального. Я хотел добавить и «счастливого», но ребенка невозможно научить быть счастливым.

Слово «приучение» лично мне всегда кажется относящимся к уходу за собаками. Собак необходимо приучать. Я думаю, мы можем кое-чему научиться у собак. Если вы понимаете то, что делаете, ваши собаки будут счастливы. То же самое относится и к детям. Но собака не превратится в человеческое существо, так что, обращаясь к мла-

денцу, мы должны все начать сначала, и лучше всего посмотреть, как далеко мы сможем зайти, не используя слово «приучение».

Мне нужно разъяснить несколько вопросов, прежде чем я перейду к тому, что действительно хочу сказать. Сначала поговорим о ваших собственных стандартах. Со временем ребенку придется либо принять ваши стандарты, либо восстать против них. Ваши стандарты заложены в вас глубоко, и без них вы потерялись бы.

Стандарты бывают разными. В одном и том же квартале в разных квартирах живут люди с разными стандартами. Одна семья предпочитает физическую силу или ручной труд, другая особенно ценит ум, третья — чистоту и т. д. Было бы нелепо требовать от человека смены стандартов на том основании, что у него появился ребенок.

Второе обстоятельство, которые мы не должны забывать, это то, что каждый человек когда-то был младенцем, и то, как родители вас воспитывали, находится внутри вас; возможно, вы даже это помните, и вам очень нелегко освободиться от склонности либо точно повторять то, что делали с вами ваши родители, либо (если они впадали в крайности) впадать в противоположные крайности. Я обращаюсь преимущественно к родителям, стандарты которых не слишком жесткие и для которых слова «любовь» и «ненависть» важнее таких слов, как «хороший», «чистый», «красивый», «плохой» и «отвратительный».

И еще мы должны признать, что существуют дети, даже в лучших семьях, которые развиваются не удовлетворительно. Если у ребенка трудности, вы сами — просто чтобы сделать собственную жизнь переносимой — можете поступить плохо, применив строгие методы обучения, которые подавляют непосредственность и спонтанность ребенка. Тут ничего не поделаешь, и неплохо бы при каком-нибудь другом случае обсудить воспитание таких детей, у которых слишком много трудностей, чтобы позволить им развиваться самостоятельно. Однако в данном случае я говорю о начальных стадиях того, что делает обычная хорошая

мать с младенцем, развивающимся вполне удовлетворительно.

Ваш младенец чрезвычайно зависим от вас — вначале зависит почти полностью, но это вовсе не означает, что и в восприятии хорошего и плохого он тоже от вас зависит. Представления о хорошем и плохом у каждого младенца должны возникнуть изнутри. А зависимость связана с окружением, которое вы ему предоставляете.

Если считать предоставляемое вами окружение само собой разумеющимся (физическая забота, надежное поведение, активное приспособление к потребностям младенца и т. д.), то можно сказать, что у каждого младенца существует внутреннее стремление к морали и к тем типам хорошего поведения, которое цените вы сами. Если такие стремления у младенца существуют, то не стоит ли подождать? Со временем ребенок сможет усвоить ваши стандарты (на самом деле ваши стандарты могут оказаться слишком низкими; например, если вы будете учить его говорить «спасибо», когда он не испытывает благодарности). Но это сложный вопрос, это процесс развития от импульсивности и требования контролировать все и всех к способности соглашаться. Не могу даже выразить, насколько он сложен. Такое развитие требует времени. И только если вы чувствуете, что дело того стоит, вы предоставите пространство и время для происходящего.

Я по-прежнему говорю о младенцах, но чрезвычайно трудно описать в терминах самого младенца то, что происходит с ним в первые месяцы. Чтобы легче было это сделать, посмотрим на мальчика лет пяти-шести. Мальчик рисует. Допустим, что он осознает происходящее, хотя на самом деле это не так. Мальчик рисует картинку. Как он это делает? Ему знаком импульс просто черкать и пачкать. Но это не картинка. Примитивное наслаждение еще живо в нем, но в то же время он хочет выразить некие представления и сделать это так, чтобы они были понятны. Если он достиг возможности нарисовать картинку, это значит, что он овладел серией удовлетворяющих его контролей. Прежде всего он должен взять лист

бумаги определенного размера и формы. Далее он надеется использовать определенное мастерство, которое приходит только с практикой. Затем он знает, что, когда рисунок будет закончен, в нем должна быть определенная уравновешенность, например, деревья должны расти по обе стороны домика. Это выражение справедливости, в которой он нуждается и которую, вероятно, получает от родителей. Должны быть уравновешены все привлекающие внимание точки, а также свет, цвета и тени. Картинка должна занимать весь листок, но в то же время должна быть центральная тема, которая все соединила бы.

В пределах системы принятых и даже наложенных на себя требований и контролей мальчик пытается выразить идею и в то же время сохранить в какой-то степени свежесть чувств, какими обладал при рождении. У меня перехватывает дыхание, когда я все это описываю, однако ваши дети совершают все это совершенно естественно, если только вы даете им хоть малейшую возможность. Конечно, как я уже сказал, ребенок ничего такого не знает — по крайней мере в такой форме, которая позволила бы ему об этом говорить. Тем меньше понимает младенец происходящее в нем самом.

Младенец похож на этого мальчика, только он гораздо более скрытен. И картинки в реальности он не рисует — на самом деле это вообще не картинки; это малый вклад в общество, который в силу своей особой чувствительности способна оценить лишь мать младенца. Все это может содержаться в улыбке, или в неловком жесте руки, или в звуке всасывания, указывающем на готовность поесть. Возможно, это своего рода скулящий звук, и чувствительная мать знает, что, если подойдет достаточно быстро, то сможет присутствовать при выделениях. Это начало сотрудничества и социального чувства, ради него стоит пойти на любые затраты. Очень многие дети, которые по ночам мочатся в постель, хотя давно могли бы этого не делать и тем самым сэкономить огромное количество стирки, возвращаются во сне ко временам своего младенчества, пытаясь снова его пережить, чтобы найти и поправить что-то

такое, чего им не хватает. А не хватает в данном случае внимания матери к сигналам возбуждения или отчаяния, которые позволили бы ей сделать необходимое и которые пропали зря, потому что никто не смог участвовать в происходившем.

Итак, проблема вот в чем: или вы будете приучать его к чистоте и сухости, или примете эту грязь, не будете из-за нее расстраиваться и согласитесь ловить мгновения, когда младенец оказывается способен общаться с вами и позволит вам приспособливаться к его успехам и изменяющимся потребностям. Вы будете принимать решение в соответствии со своими наклонностями и с тем, какими вы сами были в младенчестве. Но первый метод не столь богат и благодарен, как второй.

При первом методе вы считаете, что ваша задача — привить понимание правильного и неправильного, чувство хорошего. Но в таком случае у ребенка нет прочного основания для хорошего поведения. С одной стороны, существуют непосредственность, спонтанность ребенка и его способность делать вклад в общество, с другой, совсем отдельно, требования этого общества. Это все равно что просить младенца разделить на две половины. При втором методе предоставляется возможность развития внутренней склонности к морали. Благодаря чувствительности матери, основанной на ее любви, у младенца сохраняются основания личного морального чувства. Младенец не хочет терять этот опыт и предпочитает ждать и переносить раздражения от примитивных удовольствий, если это добавляет тепла в личные отношения. Однако все это становится ясным, только если вы действуете с чувствительностью и любовью на протяжении многих месяцев и лет.

Мать, которая чувствует все это и обладает смелостью действовать в соответствии со своими чувствами, на самом деле облегчает свое положение в последующие годы. Она «балует» своего младенца вначале, но вряд ли стоит называть «избалованностью» естественное и ценное начало.

И что происходит тогда? Я бы сказал, что младенец создает в себе идею матери, такой матери, как вы. Следовательно, эта внутренняя мать тоже человеческое существо, как и младенец, и тоже счастлива приобретать любой опыт в рамках человеческих взаимоотношений. Младенец с хорошей внутренней матерью больше не зависит полностью от вас и готов к встрече с новыми возможностями.

Благодаря тому что все это создается внутри младенца, мать постепенно избавляется от необходимости быть предельно чувствительной. Можно сказать, что младенец приобретает возможность грезить о матери и ее любящей заботе. Теперь происходит нечто новое: вместо того чтобы представлять мать приближенно, улыбкой или движением, младенец хочет рассказать матери о своих мечтах. Мать должна обладать достаточным воображением, чтобы помочь ему в этом, потому что, казалось бы, незначительная игра может означать очень многое, и кому, как не матери, знать, что мечты могут быть счастливыми, пугающими и печальными, и приходят они задолго до того, как младенец способен рассказать о них в словах.

Чтобы проиллюстрировать это, я снова использую мальчика, рисующего картинку. Мы видим, что он прошел еще немного дальше. Он уже давно миновал стадию каракуль и даже просто картинки; теперь картинка (или образ) у него внутри, еще до того, как он попытается изобразить ее на бумаге. И он выбирает листок в соответствии с картинкой, которая у него на уме.

Очень скоро мать, если она была с самого начала так же чувствительна, как младенец, обнаруживает, что примитивное удовлетворение, в котором младенец нуждается, теперь достигается в собственном быстро развивающемся внутреннем мире, и потому ребенок все меньше зависит от точного приспособления к его потребностям в реальной жизни. Младенец испытывает все меньше и меньше потребности в проявлении жадности, наведении беспорядка и во внешнем контроле над всем этим.

Так внутри человеческого существа начинается цивилизация. На практике, если все идет хорошо, вы не приучаете своего малыша и не игнорируете его. Вы предоставляете ему надежное окружение, в котором раньше или позже младенец обнаруживает интерес к сотрудничеству с вами, интерес к вашей точке зрения, стремление делать то, что вам нравится, и способность принимать ваши представления о плохом и хорошем. Такой младенец скоро будет играть роль доброй матери со своей куклой. Не удивляйтесь, если увидите, как куклу строго наказывают за воображаемую грязь. Маленькие дети обладают яростной и строгой моралью. Ваша задача — уловить эту примитивную мораль и постепенно приспособить ее к человеческому пониманию, которое приходит со зрелостью.

11. Отнятие от груди

Вы теперь достаточно хорошо меня знаете, чтобы ожидать, что я вам скажу по поводу того, как и когда отнимать от груди. Существует много хороших методов, и вы можете получить совет от своего детского врача или в клинике. Я же хочу поговорить об отлучении от груди вообще, чтобы помочь вам понять, что вы делаете.

Дело в том, что большинство матерей совершают это без всякого труда. Почему? Главное в том, чтобы хорошо шло само кормление и было бы от чего отлучать ребенка. Нельзя лишить человека того, чего у него никогда не было. В целом, именно те, кто когда-то наслаждался какой-либо возможностью или удовольствием, лучше подготовлены к отказу от этого в случае необходимости. А вот тем, кто недостаточно испытал удовольствий, каковыми для детей являются игрушки, новая одежда, подарки на день рождения, в более поздние годы особенно тяжело смириться с трудностями.

Я отчетливо помню один случай, когда мне, еще маленькому мальчику, позволили съесть столько малины и

мороженого, сколько я смогу. Это было замечательное переживание. Теперь воспоминания об этом переживании для меня милее самой малины. Наверно, вы тоже сможете вспомнить что-нибудь в таком роде.

Итак, основой для отлучения от груди является хороший опыт кормления. За девять месяцев грудного кормления младенец примерно тысячу раз получал грудь, и это дает ему достаточно оснований для хороших воспоминаний и приятных грез. Но это не просто тысяча случаев кормления, это также способ связи матери с младенцем. Тонкая, чувствительная адаптация матери к потребностям ребенка создает в нем представление о том, что мир — хорошее место. Мир идет навстречу младенцу, поэтому и младенец может пойти навстречу миру. Сотрудничество матери с младенцем, которое началось с самого начала, естественно приводит к сотрудничеству младенца с матерью.

Если вы, как и я, считаете, что у младенца с самого начала существуют представления, вы согласитесь, что время кормления часто становится ужасным испытанием — нарушением тихого сна или спокойного размышления. Инстинктивные требования могут быть яростными и пугающими, вначале младенцу может показаться, что эти инстинктивные порывы угрожают самому его существованию.

К девяти месяцам младенец привыкает к такого рода вещам и становится способен оставаться цельным, даже когда инстинктивные стремления разрывают его на части. Он даже может признать эти порывы частью того, что означает быть живым.

По мере того как младенец развивается как личность, мы замечаем, что в спокойные периоды мать тоже начинает восприниматься им как личность, как нечто привлекательное и ценное именно в том виде, в каком она является. И как ужасно потом бывает проголодаться и безжалостно нападать на ту же мать. Неудивительно, что младенцы часто теряют аппетит. Некоторые младенцы воспринимают грудь как нечто отдельное от матери: мать

они любят цельную и прекрасную, а грудь становится объектом возбужденного нападения.

Взрослые часто не могут справиться со своими чувствами, когда они возбуждены друг другом, и в этом причина многих несчастий и неудачных браков. Во многих других отношениях основа постепенного достижения здоровья заключается в том, как прошло младенчество: обычная хорошая мать не боится намерений младенца, и ей даже нравится, когда ребенок ест жадно и страстно.

Возможно, теперь вы понимаете, почему для матери кормление грудью, а для младенца получение еды из материнской груди — такой богатый опыт. Все то же самое можно получить из бутылочки, иногда для младенца это даже лучше, потому что он меньше возбужден. Но опыт кормления грудью, успешно проведенный и завершенный, является хорошей основой для жизни. Он дает материал для богатых фантазий и делает людей способными рисковать.

Но все хорошее, как известно, рано или поздно кончается. И отчасти оно хорошее именно потому, что кончается.

Помните ребенка, которого я описывал, того, что схватил ложку? Он взял ее, сунул в рот, наслаждался обладанием и игрою с нею, а потом уронил. Так к младенцу приходит представление о конце.

Очевидно, что в возрасте от семи до девяти месяцев младенец приобретает способность играть, бросая предметы. Это очень важная игра, правда, она может вызвать раздражение, потому что кому-то приходится все время эти предметы поднимать.

К девяти месяцам младенцы уже умеют успешно избавляться от разных вещей и даже сами могут отлучить себя от груди.

Таким образом, при отлучении от груди мы используем развившуюся способность младенца избавляться от вещей; так, утрата груди не становится делом случая.

Но зачем вообще отлучать младенца от груди? Почему не продолжать кормить его и дальше? Вечно кормить ребенка грудью — в этом есть нечто сентиментальное.

И нереальное. Желание перестать кормить грудью должно исходить от матери. Она должна быть достаточно стойкой, чтобы выдержать гнев младенца и те ужасные представления, которые возникают у него вместе с гневом. Несомненно, младенец, которого кормили успешно, в должное время сам рад отказаться от груди, особенно если это расширяет область его возбуждающих переживаний и опытов.

Естественно, когда приходит время отлучения от груди, вы вводите другие разновидности пищи. Вы даете младенцу твердую пищу, даете пожевать сухари и одно кормление грудью заменяете кашей или чем-то подобным. Вы должны быть готовы к возможному отказу от всего нового, вы подождете и снова вернетесь к тому, от чего младенец отказался, и со временем будете вознаграждены принятием этого. Обычно нет необходимости в неожиданной и полной смене питания: сегодня кормление только грудью, завтра никакой груди. Но если в результате болезни или других нежелательных обстоятельств вам приходится полностью поменять питание, можете ожидать трудностей.

Если вы представляете всю сложность отлучения от груди, вы не будете брать своего малыша на руки без большой на то необходимости. Иначе это проявление жалости не позволит вам продвигаться вперед. Отлучение от груди — один из тех процессов, который позволяет ребенку взрослеть, если вы обеспечите надежное окружение. Если вы не можете этого сделать, то отлучение может стать плохим стартом.

И еще одно. Возможно, вы обнаруживаете, что ваш младенец отлично переносит отлучение от груди; тем не менее неплохо сохранить одно последнее кормление. Видите ли, ваш младенец растет, но он не движется вперед все время. Вы уже и сами это поняли. Вы довольны, если развитие ребенка соответствует его возрасту; в отдельные моменты он может даже опережать свой возраст, но время от времени он снова становится младенцем, всего лишь крошечным младенцем. И вы должны это принять.

Ваш мальчик умеет сам одеваться, он смело сражается с врагами. Он распоряжается всеми вокруг. Но вот, вставая, он

ударился головой о стол, и неожиданно снова стал младенцем: он уткнулся головой вам в колени и рыдает. Вы ожидаете этого. Вы ожидаете, что ваш двенадцатимесячный ребенок временами будет вести себя, как шестимесячный. Все это часть вашей искусной работы — знать, каков возраст вашего младенца в каждый момент. Итак, вы можете, отказавшись от кормления грудью в течение дня, продолжать кормить младенца по вечерам. Но рано или поздно придется отлучить его окончательно, и если вы понимаете, что делаете, ваш ребенок перенесет это легче.

Посмотрим, каких реакций можно ожидать на отлучение от груди, которое вы так храбро осуществили. Возможно, как я уже сказал, ребенок сам откажется от груди и вы никаких трудностей не встретите. Но даже в таком случае может быть некоторая потеря аппетита и жадности к еде.

Очень часто, когда отлучение происходит постепенно и равномерно, никаких особых трудностей не возникает. Младенцу явно нравится новый опыт. Но не хочу, чтобы вы считали чем-то особенным или редким реакцию на отлучение, даже очень сильную. Ребенок, который все воспринимал хорошо, может вдруг утратить всякий интерес к еде, отказываться от нее и в то же время демонстрировать стремление к еде своей раздражительностью и плачем. На этой стадии вредно кормить силой. С точки зрения ребенка, все плохо, и вы не можете с этим не считаться. Вы можете только ждать и быть готовой к постепенному возвращению кормления.

Или младенец может начать просыпаться с криком. Вы просто должны помочь ему проснуться. Или все идет хорошо, но вы замечаете перемену в ребенке, склонность к печали, новую ноту в плаче, в котором, возможно, появляются музыкальные ноты. Эта печаль не обязательно дурной знак. Не думайте, что с печальными детьми нужно обязательно играть, пока они не начнут улыбаться. У них есть о чем печалиться, и, если вы оставите младенца в покое, его печаль кончится сама собой.

Во время отлучения от груди ребенок печалится, потому что обстоятельства заставили его сердиться и испортили

что-то хорошее. В снах младенцу грудь больше не кажется хорошей, он ее ненавидел, и теперь она кажется ему плохой, даже опасной. Вот почему в волшебных сказках находится место для злой женщины, дающей отравленное яблоко. Перед только что отлученным от груди младенцем противоречие: хорошая мать и грудь, которая вдруг стала плохой, поэтому младенцу нужно дать время на то, чтобы приспособиться и прийти в себя. Но хорошая мать не уклоняется даже от этого. В течение дня ей на несколько минут приходилось становиться плохой матерью, и она к этому привыкла. Со временем она снова становится хорошей матерью. Ребенок растет и постигает мать такой, какова она в реальности: не идеал, но и не ведьма.

Да, в отлучении от груди есть и более широкий аспект: отлучение — это не просто приучение к новой пище, к пользованию чашкой и к активной помощи рук при еде. Оно включает в себя постепенное расставание с иллюзиями, и это тоже очень важная часть работы родителей.

Обычные хорошие мать и отец не хотят, чтобы дети преклонялись перед ними. Они выносят крайности ненависти и идеализации, надеясь, что со временем ребенок увидит в них обычных людей, какими они, несомненно, являются.

12. Знание и обучение

Молодой матери многому предстоит научиться. Специалисты сообщают ей полезные сведения о том, как постепенно вводить твердую пищу или как использовать таблицу соотношения веса и возраста. Но ей говорят и о совершенно других вещах, например, о том, какими должны быть ее реакции на отказ ребенка от пищи.

Мне кажется очень важным, чтобы вы умели различать эти совершенно разные вещи. То, что вы знаете благодаря тому, что вы мать младенца, совершенно отлично

от того, чему вас могут научить. Эти два вида знаний различаются, как восточное и западное побережья. Невозможно преувеличить эти различия. Как профессор, открывший витамины, предупреждающие рахит, способен кое-чему научить вас, так и вы можете научить его совсем другому виду знаний, тому, что приходит к вам естественно.

Мать, кормящая ребенка грудью, не должна тревожиться о жирах и белках, пока она погружена в заботы самой ранней стадии младенчества. Примерно к девяти месяцам, когда начинается отлучение от груди, ребенок предъявляет к ней гораздо меньше требований, и у нее появляется возможность прислушиваться к советам врачей и медсестер. Очевидно, существует очень много такого, что она не могла постичь интуитивно, и она хочет, чтобы ей объяснили, как вводить твердую пищу и как использовать имеющиеся виды питания, чтобы ребенок мог расти здоровым. Но она должна быть способной воспринимать эти инструкции.

Мы видим, на каких блестящих, длившихся годами исследованиях основаны советы врачей относительно витаминов, и с восхищением смотрим на работу ученых и на самодисциплину, которая для такой работы необходима; мы благодарны научным исследованиям, которые позволяют избежать многих страданий — иногда благодаря совсем простым советам, вроде добавления в питание нескольких капель рыбьего жира.

В то же самое время ученый может с восхищением смотреть на интуитивное понимание, которое проявляет мать в заботе о ребенке и которое позволяет ей осуществлять эту заботу без всякого формального обучения. Я бы даже сказал, что это интуитивное понимание определяется именно тем, что оно естественно и достигнуто не путем обучения.

Трудность написания книги относительно заботы о детях в том, чтобы избежать вмешательства в то, что приходит к матери естественно и так же точно, как научные исследования дают новые полезные факты и знания.

Я хочу, чтобы вы были уверены в своих материнских способностях и не думали, что если вы ничего не знаете о витаминах, то и не знаете, как, например, создать поддержку для вашего младенца.

Как поддерживать младенца — это неплохой пример, который позволит мне продолжить. Выражение «поддерживать младенца» имеет определенный смысл: сначала вам помогли, показали, затем вы были оставлены. Это выражение свидетельствует, что мать обладает чувством ответственности, и если она «поддерживает младенца», то делает это правильно. Конечно, некоторым женщинам приходится «поддерживать младенца» буквально — в том смысле, что отец по каким-то причинам не может выполнять свою роль и не делит с матерью ответственность за малыша.

А может быть, отца вообще нет. Однако обычно мать чувствует помощь мужа. Когда она заботится о младенце, то делает это естественно, не задумываясь. Такая мать удивилась бы, если бы я сказал ей, что поддержание младенца — это искусная работа.

Ребенка не доверяют тому, для кого он ничего не знает. Младенцы очень чувствительны к тому, как к ним относятся, и поэтому на руках у одного человека плачут, а на руках у другого лежат спокойно, даже если они совсем крошечные.

Иногда маленькая девочка просит разрешения подержать новорожденного брата или сестру, и это большое событие. Мудрая мать не будет всю ответственность возлагать на дочь, она постоянно будет находиться рядом, готовая в любое мгновение снова обеспечить младенцу безопасность у себя на руках. Мудрая мать не будет считать, что младенец в безопасности на руках у старшей сестры. Это совсем не так. Я знаю людей, которые на всю жизнь запомнили ужасное чувство, которое испытали, когда держали на руках крошечного брата или сестру: что они не смогут обеспечить безопасность младенца, что младенец выпадет у них из рук. Такой страх заставляет старшую сестру крепче сжимать ребенка.

Мать, благодаря преданности своему ребенку, все это уже знает. Она не тревожится и не сжимает младенца слишком сильно. Не боится, что уронит его на пол. Она только приспособливает давление рук к потребностям младенца, слегка двигаясь и, может быть, издавая негромкие звуки. Ребенок ощущает дыхание матери. От ее кожи и груди исходит тепло, и ребенок считает, что ему хорошо.

Конечно, матери бывают всякие, есть и такие, которые не любят держать детей. Некоторые сомневаются: им кажется, что в колыбели младенцу лучше. Возможно, в такой матери осталось что-то от страха, который она испытала, когда была маленькой девочкой и мать дала ей поддержать новорожденного младенца. Или ее собственная мать была не очень хороша во всем этом, и она боится, что повторит опыт своей матери. Тревожная мать как можно больше использует колыбель или даже передает младенца медсестре, которую нужно подбирать особенно тщательно. В мире есть место для самых разных матерей, некоторые из них хороши в одном и не очень хороши в другом. Или может, лучше сказать: одни матери плохи в одном, а другие — в другом? Есть среди них и слишком тревожные.

Если вы хорошо держите своего младенца, я хочу, чтобы вы знали, что делаете очень важное дело. Это небольшая часть работы по закладке хорошего основания душевного здоровья нового члена общества.

Попробуйте представить.

Вот младенец, который только что родился: по тому, что происходит с самого начала, мы сможем понять, что будет происходить в дальнейшем. Позвольте описать три стадии отношения младенца к миру (представленному вашими руками и вашим дышащим телом), оставив в стороне голод, гнев и все остальные сильные переживания. Первая стадия: младенец замкнут в себе самом, это маленькое существо, однако окруженное пространством. Помимо самого себя, младенец ничего не знает. Вторая стадия: младенец передвигает локоть, колено, слегка распрямляется. Он пересекает пространство. Он удивил окру-

жение. Третья стадия: вы, держащая младенца, слегка вздрагиваете, потому что зазвонили в дверь или закипела вода в чайнике, и снова пространство пересечено. На этот раз окружение удивило младенца.

Вначале младенец заключен в себе и в пространстве, которое существует между ним и миром, затем он удивляет мир, и наконец мир удивляет его. Это так просто, что, думаю, покажется вам естественной последовательностью и поэтому хорошим материалом для изучения того, как вы держите младенца.

Все это очень просто, но беда в том, что, если вы этого не знаете, вы зря потратите свое искусство, потому что не сумеете объяснить соседке или мужу, что вам необходимо, в свою очередь, иметь собственное пространство, в котором вы могли бы учить младенца основам жизни.

Позвольте выразить это так. Младенец в пространстве со временем становится готов к движениям, которые удивят мир, затем, обнаружив, таким образом, мир, он готов постепенно приветствовать сюрпризы, которые приготовила для него реальность.

Младенец не знает, что пространство вокруг него обеспечено вами. Вы стараетесь, чтобы мир не навалился на младенца раньше, чем младенец сам его найдет. Своим живым и спокойным дыханием вы подкрепляете жизнь младенца и спокойно ждете жеста, который свидетельствовал бы, что младенец готов обнаружить мир.

Если вам хочется спать и особенно если вы утнетены, вы кладете младенца в колыбель, потому что знаете, что в таком состоянии недостаточно живы, чтобы поддерживать в младенце идею окружающего пространства.

Если я говорил о самых маленьких, младенцах, и о вашей заботе о них, это совсем не значит, что я не имею в виду и более старших детей. Большую часть времени старшие дети проходят через гораздо более сложные состояния и не нуждаются в особом обращении, которое у вас получается естественно, когда вы держите новорожденного. Но как часто бывает, что старший ребенок нуждается в возвращении назад, на стадию более раннего возраста, пусть

всего на несколько минут или на час-два. Может быть, с ним случилось что-то неприятное и он заплакал. Возможно, минут через пять-десять он вернется к игре. А тем временем вы обнимаете ребенка и позволяете совершаться той последовательности, о которой я говорил. Сначала спокойное, но живое ваше поддерживание, потом готовность ребенка двинуться и обнаружить вас: к этому времени у него уже высохли слезы. И наконец вы совершенно естественно можете отпустить ребенка. Или, может быть, ребенок нездоров, или опечален, или устал. Что бы это ни было, на короткое время ребенок снова становится младенцем, и вы знаете, что ему нужно дать время, чтобы он мог вернуться от созданной вами безопасности к обычным условиям.

Конечно, я мог бы привести множество других примеров того, что вы обладаете знаниями, потому что вы специалист в деле заботы о своих детях. Я хочу подбодрить вас и побудить защищать и проявлять эти особые знания. Им невозможно научить. А другому вы можете научиться у специалистов. Но только если вы сохраняете то, что для вас естественно, вы в состоянии изучать то, чему учат вас врачи и медсестры.

Вам может показаться, что я учу вас поддерживать вашего ребенка. Это совсем не так. Я стараюсь описать различные аспекты того, что вы делаете естественно, чтобы вы могли понять, что делаете, и почувствовать, что поступаете в соответствии со своими природными свойствами. Это важно, потому что всегда найдутся люди, которые попытаются научить вас тому, что вы в состоянии делать лучше сами. И если вы уверены в этих своих возможностях, вы можете изучать все то лучшее, что предоставляет наша цивилизация и культура, и использовать без вреда для своей естественности.

13. Инстинкты и нормальные трудности

Когда речь заходит о болезни, разговоры и книги могут только сбить с толку. Если ребенок заболел, матери нужен врач, который осмотрит ребенка и обсудит с матерью его состояние. Совсем другое дело — распространенные беды обычных здоровых детей. Мне кажется, что матерям полезно знать: не следует ожидать, что их здоровые дети будут развиваться, не давая им никаких оснований для тревог и беспокойств.

Несомненно, что у обычных здоровых детей найдутся самые различные симптомы. Каковы причины неприятностей в младенчестве и раннем детстве? Если мы допустим, что ваша забота о детях была искусной и соответствующей, то можно утверждать, что вы заложили хороший фундамент для формирования здорового члена общества. Но почему же тогда ребенок представляет проблемы? Я думаю, что ответ преимущественно связан с инстинктами. И именно об этом я сейчас и собираюсь писать.

Возможно, именно сейчас ваш ребенок спокойно лежит и перебирает что-нибудь или играет — это один из тех спокойных моментов, который вам так нравится. Но вы отлично знаете, что и у здорового ребенка время от времени бывают приступы возбуждения. Можно посмотреть на это с одной стороны и сказать, что ребенок проголодался, что у организма есть свои потребности и инстинкты; но можно взглянуть по-другому и сказать, что у ребенка появляются возбуждающие фантазии. Они играют очень важную роль в развитии ребенка, способствуя росту и одновременно усложняя его.

В периоды возбуждения потребности ребенка становятся непреодолимо настоятельными. Часто вы в состоянии их удовлетворить. Но в другие моменты эти потребности могут стать преувеличенными, и удовлетворить их полностью невозможно.

Некоторые из этих потребностей широко известны, другие трудно описать, не вызвав у вас удивление и даже

тревогу. Легко говорить о голоде в общем, проблема в том, как говорить о других видах возбуждения.

Дело в том, что в тот или иной период возбуждаться может любая часть тела. Например, кожа. Вы видели, как дети царапают лицо или кожу в разных местах, кожа становится воспаленной, и на ней возникает что-то вроде сыпи. Определенные участки кожи чувствительней других, особенно в некоторые периоды. Можно представить себе тело ребенка и то, как локализуется возбуждение. Мы не можем обойти вниманием и половые органы. Уверяю вас, все это очень важно для младенца, и это все становится главным содержанием жизни ребенка в периоды бодрствования.

Возбуждающие фантазии возникают одновременно с физическим возбуждением, и вы будете удивлены, если я скажу, что они имеют отношение не только к удовольствию, но и к чувству любви, если ребенок развивается нормально. Постепенно младенец становится личностью, способной любить других и испытывать любовь к себе как к личности. Между младенцем и матерью, отцом и другими окружающими возникает прочная связь, и возбуждение связано с этой любовью. Эта любовь периодически ощущается в форме какого-то физического выражения.

Фантазии, связанные в примитивными любовными импульсами, по преимуществу разрушительны и тесно связаны с гневом. Но если эта деятельность ведет к инстинктивному удовлетворению, ребенок хорошо себя чувствует.

Вы можете видеть, что в такие периоды неизбежно возникает и раздражение, а здоровье ведет к гневу. Вы не думайте, что ваш младенец болен, если время от времени он проявляет гнев, который вы научаетесь отличать от печали, боли или страха. В гневе сердце младенца бьется быстрее. Если попробуете измерить его пульс, то сможете насчитать 220 ударов в минуту. Гнев означает, что младенец далеко зашел в своем развитии: он поверил во что-то, из-за чего можно впасть в гнев.

Но когда эмоции проявляются во всей своей силе, возникает риск, что опыты переживания возбуждения и гнева в большинстве своем будут болезненны; поэтому постарайтесь, чтобы ваш вполне нормальный младенец избегал самых напряженных чувств. Один способ такого избегания — приглушение инстинктов: например, младенец не в состоянии в полной степени испытывать возбуждение при кормлении. Или принимает некоторые виды пищи, а от других отказывается. Или позволяет другим людям кормить себя, но не позволяет матери. Это не обязательно болезнь: просто мы видим, что маленькие дети обнаруживают и усваивают технику обращения с чувствами, которые невозможно переносить. Им приходится избегать некоторого проявления естественных чувств, потому что эти чувства слишком напряжены или потому что они приносят с собой болезненные конфликты.

У нормальных детей часто возникают проблемы с кормлением, и матерям приходится терпеть месяцы и даже годы, когда ребенок сводит на нет все их усилия. Он может принимать только простую пищу и отвергать все особенно тщательно приготовленное. Иногда матерям приходится очень долго терпеть отказ ребенка от еды. Если они стараются в таких обстоятельствах применить силу, то это лишь увеличивает сопротивление. Однако если они терпеливо ждут, рано или поздно ребенок снова начнет есть. Если мать слишком тревожится в такие периоды, то врач или медсестра должны поддержать ее, так как на самом деле все в порядке и мать делает все необходимое для своего ребенка.

Теперь, как я уже сказал, можно поговорить о гневе. Обсуждать его трудней, чем другие виды возбуждения. Дело в том, что ребенок периодически впадает в различные оргии (и не только связанные с кормлением), и эти оргии естественны и важны для младенцев. Особенно их возбуждает процесс выделения, а сексуальные органы по мере роста и в соответствующие моменты возбуждают в еще большей степени.

Кстати, заметили ли вы, что вначале представления детей о том, что такое хорошо и что такое плохо, далеко не такие же, как у вас? Вещество, удаление которого связано с возбуждением и удовольствием, воспринимается как хорошее, его даже хорошо поесть, им хорошо вымазать колыбельку и стены. Возможно, это неприятно, но естественно, и вы не должны из-за этого расстраиваться, спокойно ждите, пока сами собой не возникнут более цивилизованные чувства. Раньше или позже возникнет отвращение, иногда оно возникает очень неожиданно: ребенок, который ел мыло и пил воду во время купания, вдруг становится необыкновенно благонравным и привередливым и избегает любой пищи, которая внешне хоть немного напоминает испражнения; а ведь всего несколько дней назад он эти испражнения брал в руки и даже за-талкивал себе в рот.

Иногда мы видим возвращение в младенчество детей и понимаем, что какие-то трудности блокировали их продвижение вперед и теперь они нуждается в возвращении в младенчество, чтобы утвердить свои права на развитие в соответствии с естественными законами.

Матери следят за всеми этими происшествиями и, как матери, принимают в них участие; но они скорее просто наблюдают за разворачиванием естественных процессов, чем навязывают собственные представления о плохом и хорошем.

Одна из трудностей такого навязывания младенцу представлений о плохом и хорошем заключается в том, что вмешиваются его инстинкты и все портят. Мгновения острых переживаний подрывают усилия ребенка приобрести любовь путем послушания. В результате действие инстинктов не укрепляет его, а только расстраивает.

Нормального ребенка мощные инстинктивные чувства не слишком сурово отбрасывают назад, и поэтому он становится уязвим для беспокойства. Невнимательному наблюдателю это может показаться болезненным симптомом. Я говорил о приступах гнева, можно также назвать капризы и периоды абсолютно вызывающего поведения

в два-три года. Маленькие дети часто подвержены кошмарам, и их пронзительные крики по ночам заставляют соседей гадать, чем это вы там занимаетесь.

А сколько детей заикаются в два-три-четыре года, хотя настоящее заикание у них не развивается. Просто нужно проявлять к ним больше внимания, когда они хотят что-то сказать. Они полагают, что мы должны знать, что они хотят сказать, но знать без многословия, и они считают, что обладают правами человека, которые только еще начинают осознавать.

В таком юном возрасте детям не нужно быть больными, чтобы бояться собак, врачей, темноты или того, что возникает в их воображении при звуках, тенях или неясных фигурах в сумерки; они не обязательно больны, если подвержены коликам или тошноте и рвоте, когда их что-то возбуждает; они не обязательно больны, если в течение недели отказываются иметь дела с обожаемым отцом или говорить спасибо тете; и им не нужно быть больными, чтобы хотеть выбросить новую сестру на помойку или проявлять жестокость по отношению к кошке в попытках подавить ненависть к новорожденному брату или сестре.

И вы сами знаете, как аккуратные дети вдруг становятся грязнулями, а те, что давно ходят сухие, могут обмочиться. Короче говоря, в возрасте от двух до пяти все может случиться. Отнесем это к действию инстинктов и к тем ужасным чувствам, которые вызывают эти инстинкты, к болезненным конфликтам, которые возникают в результате действия детского воображения.

Позвольте добавить, что в этом критическом возрасте инстинкты более не младенческие по своему качеству, и, описывая их, мы не можем удовлетвориться такими примитивными терминами, как «жадность» или «грязь». Когда здоровый трехлетний ребенок говорит: «Я тебя люблю», в его словах уже есть тот смысл, какой вкладывают в него мужчина и женщина, любящие и влюбленные. Возможны даже сексуальные чувства и идеи, связанные с половыми органами, подобные тем, какие бывают у влюбленных подростков и взрослых.

В ребенке действуют чудовищные силы, однако все, что вам нужно делать, это сохранять семью и ждать. Со временем к вам придет облегчение. В пять-шесть лет ребенок успокоится и до достижения половой зрелости будет сохранять трезвость, так что впереди у вас относительно легкие годы, когда вы сможете часть своей ответственности и работы передать школам и специально подготовленным учителям.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Дела семейные

1. А что же отец?

В моей практике многие матери задавали мне вопрос: а что же отец? Я полагаю, что в обычных условиях от матери зависит, знает отец своего младенца или нет. Существует множество различных причин, по которым отцу трудно принимать участие в воспитании младенца. Например, он может не бывать дома, когда ребенок не спит. Но очень часто, даже когда отец дома, мать с трудом сама понимает, как его задействовать и когда необходимо его отстранить.

Несомненно, часто гораздо проще уложить младенца в постель до прихода отца, точно так же, как до его прихода нужно прибраться и приготовить ужин. Но многие из вас согласятся, что для отношений мужа и жены очень хорошо, если они повседневно вместе участвуют в самых мелких заботах о малыше, в тех незначительных подробностях, которые кажутся глупыми постороннему наблюдателю, но которые в этот момент необычайно важны и для родителей, и для младенца. По мере того как младенец начинает ходить и превращается в маленького ребенка, богатство этих подробностей увеличивается, а связь между женой и мужем укрепляется.

Я знаю, что некоторые отцы вначале неловко чувствуют себя с младенцами, и, несомненно, некоторых вообще невозможно заинтересовать детьми. Но матери могут организовать помощь мужей в незначительных делах, например,

вместе купать младенца. Как я уже сказал, все зависит от того, что и как делает мать.

Нельзя сказать, что во всех случаях чем раньше отец появится на сцене, тем лучше. Люди очень отличаются друг от друга. Некоторые мужчины считают, что были бы лучшими матерями, чем их жены, и могут стать серьезной помехой в деятельности матери. Это особенно справедливо, если они могут побыть «образцовой матерью» только в течение получаса, а потом снова упорхнуть, не принимая во внимание, что матери приходится быть хорошей матерью двадцать четыре часа в сутки и так день за днем, без перерывов. Конечно, возможно, что некоторые отцы действительно могли бы лучше своих жен выполнять обязанности матери; тем не менее они не могут быть матерями. Мать не должна отходить на второй план. Обычно матери знают, что они хороши в своей работе, поэтому при желании они могут впускать на сцену и мужей.

Надо заметить, что младенец прежде всего узнает мать. Рано или поздно он распознает некоторые признаки матери, и отдельные из них всегда ассоциируются с матерью: мягкость, доброта. Но в матери есть и строгость, она может быть жесткой, суровой и твердой. На самом деле ее пунктуальность в отношении кормления высоко оценивается младенцем, как только тот смиряется с фактом, что не может есть именно в тот момент, когда хочет. Я бы сказал, что определенные свойства матери не обязательно группируются вокруг нее в сознании младенца. Эти качества связаны с чувствами, которые младенец со временем будет испытывать к отцу.

Таким образом, когда в жизни младенца возникает отец в качестве отца, он притягивает к себе чувства, которые младенец уже испытывал по отношению к некоторым свойствам матери, и для матери огромное облегчение, если отец помогает ей в этом.

Давайте посмотрим, можно ли выделить те особенности, которые ценны в отце. Прежде всего я сказал бы, что отец необходим в семье, чтобы мать могла хорошо чувствовать себя физически и быть счастливой. Ребенок очень

чувствителен к взаимоотношениям родителей, и если за кулисами, так сказать, все идет хорошо, он первым это оценивает. В этом случае он жизнь находит более приятной, легкой, бывает более довольным и с ним легко управляться. Думаю, младенец или ребенок назвал бы это «социальной безопасностью».

Союз матери и отца представляет факт, строго очерченный факт, на основании которого ребенок может строить фантазии; это скала, за которую он цепляется и от которой может оттолкнуться; больше того, это часть естественного основания для решения проблемы трехсторонних отношений.

Второе, что я сказал бы, это то, что отец необходим для моральной поддержки матери, чтобы он подкреплял ее власть, чтобы он был тем человеком, который олицетворяет закон и порядок, вносимые матерью в жизнь ребенка. Для того чтобы делать это, он вовсе не обязан присутствовать постоянно, но должен появляться достаточно часто, чтобы ребенок мог воспринимать его живым и реальным. В основном организация жизни младенца осуществляется матерью, и детям нравится чувствовать, что мать управляет домом, когда нет отца. Каждая женщина должна быть способна властно говорить и действовать, но если ей приходится вносить в жизнь ребенка не только любовь, но и элементы строгости и силы, ноша ее поистине тяжела.

К тому же детям гораздо легче иметь двух родителей; одного родителя можно продолжать любить, ко второму испытывать ненависть, и это само по себе обладает стабилизирующим значением. Иногда приходится видеть младенца, бьющего или пинающего мать, и если отец поддерживает мать, ребенок, вероятно, захочет пнуть и его, но само присутствие отца может заставить его вообще отказаться от пинков. Время от времени каждый ребенок должен кого-нибудь ненавидеть. Если отца нет рядом, он будет ненавидеть мать, а это приводит к глубокому внутреннему смятению, потому что мать он страстно любит.

Третье, что можно сказать, это то, что отец необходим младенцу из-за своих положительных качеств и того, чем

он отличается от других людей. Самое подходящее время маленькому мальчику или девочке познакомиться с отцом — ранний период, когда впечатления так ярки. Конечно, я не прошу отцов навязывать себя, свою личность детям. Один ребенок в возрасте нескольких месяцев оглядывается в поисках отца, тянется к нему, когда тот заходит в комнату, прислушивается к его шагам, другой же отворачивается или лишь со временем позволяет ему стать важной личностью в своей жизни.

Один ребенок захочет знать, каков отец на самом деле, другой предпочтет использовать его как объект фантазий и грез, почти не зная его по-настоящему. Тем не менее, если отец присутствует и хочет узнать своего ребенка, ребенок счастлив, и при благоприятных обстоятельствах отец чрезвычайно обогащает его жизнь. Если отец и мать готовы взять ответственность за жизнь ребенка, они готовы к созданию хорошей семьи.

Вряд ли можно описать все возможности обогащения жизни детей, если в ней участвует отец, настолько они многообразны. Дети создают свой идеал, по крайней мере частично, на основе того, что они видят в отце, или представлений о нем. Когда отец постепенно знакомит их со своей работой, на которую уходит по утрам и с которой возвращается по вечерам, он чрезвычайно расширяет их мир.

Дети любят играть в семью, и, как вы знаете, в таких играх отец утром уходит на работу, а мать занимается хозяйством и детьми. С работой по дому дети знакомятся легко, потому что постоянно бывают ее свидетелями, но работа отца, не говоря уже о его интересах и увлечениях, чрезвычайно расширяет их представление о мире. Как счастливы дети искусного мастера, когда он дома позволяет им видеть результаты своей работы и помогать в изготовлении красивых и полезных вещей.

Если отец иногда включается в игры детей, он вносит в них новые и очень ценные элементы. Более того, знание мира позволяет ему увидеть, какие игрушки или приспособления помогут детям в игре, не мешая естествен-

ному развитию их воображения. Некоторые отцы, к сожалению, портят дело: покупая ребенку, например, игрушечную железную дорогу, они сами играют ею или настолько к ней привязываются, что не позволяют ребенку притрагиваться из опасения, что он что-нибудь сломает.

Одна из самых важных функций отца по отношению к детям — быть живым и оставаться живым, пока они маленькие. Невозможно недооценить значение этого простого факта. Хотя детям свойственно идеализировать своих отцов, им очень полезно иметь опыт общения с ними как с живыми людьми, на их примере постигать людей, даже если отца приходится отыскивать или долго ждать. Я был знаком с детьми, которые жили с одной только матерью в то время, пока их отец был в армии. Они жили в доме с прекрасным садом, у них было все необходимое и даже больше. Но иногда у них случались приступы асоциального поведения, когда дети едва не разрушали дом. Теперь, оглядываясь назад, они понимают, что эти взрывы были бессознательными попытками заставить отца появиться лично. Мать, опираясь на письма мужа, сумела провести их через это трудное время; однако можете себе представить, как ей хотелось, чтобы он был дома, рядом с ней, чтобы хоть немного передохнуть, пока он укладывает детей спать.

Возьмем крайний случай. Я знал девочку, отец которой умер еще до ее рождения. Трагедия в данном случае заключалась в том, что у девочки был только идеализированный отец, на основе образа которого она вырабатывала свои представления о мужчинах. У нее не было опыта общения с реальным отцом, который мог бы осторожно, но уверенно приземлить ее. Она легко идеализировала мужчин, что вначале вызывало в них проявление их лучших качеств. Но рано или поздно мужчина, с которым она знакомилась, проявлял свое несовершенство, и каждый такой случай приводил ее в отчаяние и заставлял постоянно жаловаться. Как легко можно догадаться, это разрушало ее жизнь. Насколько счастливее была бы она, если бы в ее раннем детстве присутствовал живой

отец, которого она считала бы идеалом, но одновременно замечала бы его недостатки и пережила ненависть, которую вызывало бы у нее разочарование в нем.

Иногда возникает особенно прочная связь между отцом и дочерью. Между прочим, каждая маленькая девочка видит во сне, что занимает место матери, или во всяком случае романтически мечтает об этом. Когда проявляются такие чувства, матери должны проявлять большое понимание. Некоторым матерям легче перенести дружбу отца с сыном, чем с дочерью. Очень жаль, если тесная связь между отцом и дочерью, вместо того чтобы развиваться естественно, страдает из-за проявлений ревности и соперничества. Если отношения отца и матери счастливые и надежные, привязанность детей к отцу не будет считаться соперничеством и помехой в отношениях супругов. В этом отношении очень помогают братья, они становятся посредниками в переходе от отца или дяди к мужчинам вообще.

Хорошо также известно, что мальчик и его отец могут оказаться в состоянии соперничества по отношению к матери. Если у матери с отцом хорошие отношения, это не должно вызывать у него тревогу. Никогда не возникает необходимости вмешиваться в отношения родителей, если эти отношения основаны на взаимной любви и сознании надежности и безопасности. Однако мальчик может испытывать очень сильные чувства, и поэтому к ним нужно отнестись серьезно.

Иногда приходится слышать о детях, с которыми в детстве отец никогда не проводил целый день или даже полдня. Мне это кажется ужасным. Я считаю, что в обязанности матери входит время от времени отправлять отца и сына или отца и дочь в какую-нибудь экспедицию. Все участники навсегда запомнят полученный при этом бесценный жизненный опыт. Матери не всегда легко отправить отца с маленькой дочерью: она предпочла бы сама отправиться с ним. Но если она позволит отцу побыть вместе с детьми, она сама станет им намного дороже и как жена, и как мать.

Так что, если ваш муж дома, стоит пойти на некоторые уступки, чтобы помочь ему и детям лучше понять друг друга. Не в ваших силах сделать их отношения более богатыми — это зависит от них самих, но в ваших силах организовать их, либо помешать им.

2. Их и ваши стандарты

Я думаю, у всех есть свои идеалы и стандарты. Всякий создающий семью представляет себе, как все должно выглядеть в его доме: в какой цвет покрашены стены, как должен накрываться стол к завтраку и т. д. Большинство знают, каким хотели бы видеть свой дом, если бы их корабль пришел в гавань, знают, где они предпочли бы жить — в городе или в деревне и какие фильмы хотели бы смотреть.

Когда вы выходите замуж, вы думаете: ну, теперь я смогу жить так, как хочу.

Пятилетняя девочка запоминала услышанные слова и выражения. Однажды она услышала: «Собака пришла домой по своей воле» — и усвоила это выражение. На следующий день она сказала мне: «Сегодня у меня день рождения, и все должно быть по моей воле». Так вот, когда вы выходите замуж, вы чувствуете: вот сейчас я могу жить по своей воле, если воспользоваться выражением этой маленькой девочки. Ваша воля не обязательно лучше, чем воля вашей свекрови, но она ваша, и в этом вся разница.

Получив в свое распоряжение дом или квартиру, вы обставляете их и украшаете, как считаете нужным. И, повесив новые шторы, приглашаете знакомых. Дело в том, что вы достигли такого состояния, когда окружающая вас обстановка выражает вас, и вы можете сами быть удивлены тем, что сделали. Очевидно, вы всю жизнь к этому готовились.

Вам очень повезет, если в эти первые дни вы избежите ссор с мужем из-за пустяков. Забавно, что споры всегда начинаются из-за того, что так «хорошо», а так «плохо», тогда как на самом деле сталкиваются «воли», как сказала бы та девочка. Ковер хорош для вас: вы его выбрали, купили или выторговали на распродаже; он хорош для вашего мужа, если выбирал ковер он; но как он может быть хорош для вас обоих? К счастью, люди, которые любят друг друга, находят возможным до определенной степени приспособлять свои «воли», позволяя им частично налагаться друг на друга. Один из выходов, возможно, даже не сформулированный, заключается в том, что жена по-своему занимается домом, а муж поступает по своей воле на работе. Мужчине вообще нравится, если домом заправляет жена, если она отождествляется с семьей и домом. Слишком часто мужчина на работе не знает ничего и близко схожего с независимостью его жены в доме. Положение мужчин стало еще хуже с тех пор, как ремесленники, владельцы мелкого бизнеса, мастерских были вынуждены отказаться от своего независимого бизнеса и перейти во все более увеличивающиеся фирмы и компании.

Разговоры о женщинах, не желающих заниматься домашним хозяйством, кажутся мне вздором, потому что женщина нигде не располагает такой властью, как в своем доме. Только здесь, если она достаточно смела, она в состоянии свободно искать и найти свою сущность. Необходимо только, чтобы, выходя замуж, она могла сразу получить в свое распоряжение отдельный дом или квартиру, чтобы не опасаться столкнуться с родственниками или с собственной матерью.

Я говорю все это, чтобы показать, какие трудности возникают, когда на сцене появляется ребенок и требует, чтобы все было так, как он хочет, что обычно бывает с детьми. Тем самым он нарушает равновесие, так сказать, «опрокидывает тележку с яблоками», и неудивительно, что это способно всех расстроить. «Тележка с яблоками» — это только что обретенная независимость

молодой матери и способность поступать «по своей воле». Некоторые женщины предпочитают вообще не иметь детей, потому что брак, в котором есть дети, утрачивает для них большую часть своей ценности, если не позволяет установить собственную сферу влияния, завоеванную после долгих лет ожидания и планирования.

Итак, предположим, молодая жена только что организовала свое хозяйство и гордится этим достижением, она еще только начинает осознавать, каково это быть капитаном собственной судьбы. Но что происходит, когда у нее появляется ребенок?

Думаю, что пока она беременна, она не позволяет себе думать о ребенке как об угрозе своей недавно приобретенной независимости, потому что в это время у нее есть о чем подумать помимо этого. В самой идее будущего ребенка много возбуждающего, интересного и вдохновляющего, во всяком случае она может считать, что ребенок займет свое место в ее схеме мира и будет расти в сфере ее влияния. Пока все правильно и хорошо, и, несомненно, женщина права, считая, что по крайней мере отчасти культура и поведение ребенка повторят образцы, усвоенные в семье, в которой он родился. Однако можно сказать и многое другое, и это тоже очень важно.

Правда в том, я полагаю, что почти с самого рождения у ребенка есть собственные идеи, и, если у вас десять детей, то среди них нет двух одинаковых, хотя все они выросли в одном и том же окружении — в вашем доме. Десять детей будут видеть в вас десять разных матерей, и даже единственный ваш ребенок, считая вас любящей и прекрасной, однажды на несколько мгновений, когда освещение будет недостаточно хорошее или ночью, когда вы зайдете в его комнату, потому что ему приснился кошмар, увидит в вас дракона, или ведьму, или что-то другое, ужасное и опасное.

Дело в том, что каждый новый ребенок, приходящий в ваш дом, приносит с собой собственный взгляд на мир и необходимость контролировать свою маленькую часть мира, поэтому каждый ребенок представляет собой угрозу для

вашей системы, которую вы так старательно соорудили и поддерживаете. И, зная, что эта система для вас значит, я испытываю к вам жалость.

Трудности, возникающие в такой ситуации, связаны с тем, что вы предпочитаете то, что предпочитаете, потому что считаете, что так правильно, хорошо и прилично, потому что так лучше, умней, безопасней, быстрее, экономней и так далее. Несомненно, часто ваше мнение оправданно, и ребенок вряд ли в состоянии соперничать с вами в вопросах мастерства и знания мира. Но дело в том, что вы предпочитаете свой способ не потому, что он лучший, а потому, что он ваш, потому что вам он нравится и вы ему доверяете. Именно в этом главная причина того, что вы хотите быть хозяйкой в доме, а почему бы и нет? Дом ваш, семья ваша, и именно ради этого вы вышли замуж — по крайней мере отчасти ради этого. К тому же вы чувствуете себя в безопасности, когда в ваших руках все нити.

Да, вы имеете полное право требовать от всех членов семьи считаться с вашими стандартами — накрывать стол для завтрака так, как вы решили; но это ваше право основано на том, что это ваш дом и семья ваша, а не на том, что ваш способ лучший — хотя может быть и так.

Ваши дети должны знать, чего вы хотите и во что верите, и ваша вера и воля помогут им в большей или меньшей степени создать свои собственные стандарты на основе ваших. Но в то же время — и в этом суть проблемы — вы не станете спорить со мной, что у детей есть собственные верования и идеалы и что они тоже стремятся к порядку — по своей воле. Дети не любят постоянного смятения или постоянного эгоизма. Разве вы не понимаете, что причините вред ребенку, если в стремлении установить собственные права в своем доме вы не заметите внутреннего стремления младенца и ребенка к созданию собственного маленького мира, где он поступает по своей воле и в соответствии со своим собственным кодексом морали?

Если вы достаточно уверены в себе, я думаю, вам захочется посмотреть, насколько можно позволить вашим

детям господствовать на сцене, руководствуясь их собственными импульсами, планами и идеями — в известных пределах и в более обширной сфере вашего влияния. «Сегодня у меня день рождения, и все должно быть по моей воле», — сказала маленькая девочка, и это не привело ни к какому хаосу. Это привело к организации дня, такого же, как все прочие дни, только созданного ребенком, а не матерью, няней или учительницей.

Конечно, в начале жизни младенца каждая мать делает нечто подобное. Не будучи в состоянии постоянно быть на побегушках у младенца, она через регулярные интервалы кормит его грудью, что очень хорошо, и часто ей удается создать у ребенка на короткий период иллюзию груди; и ребенок еще не осознает, что иллюзорная грудь, как бы прекрасна ни была, его не накормит. Он не может расти, питаясь от иллюзорной груди. Чтобы быть хорошей, грудь должна принадлежать матери, которая является по отношению к младенцу внешней и независимой от него. Младенцу недостаточно приобрести идею, что ему хотелось бы поесть; у матери должна возникнуть идея, что хорошо бы покормить младенца. Ребенку трудно осознать это, и мать может защитить его от слишком ранней и неожиданной потери иллюзий.

Вначале ребенку позволено быть центром мира. Если он хочет есть или плачет из-за какого-то неудобства, все тут же появляется и, словно по волшебству, удовлетворяет его потребности; и ему позволено быть импульсивным. И, с его точки зрения, очень странно, когда мать неожиданно становится строгой, иногда под влиянием соседок, и начинает делать то, что называется «приучением»; она не успокаивается, пока не приучит ребенка к собственным стандартам чистоты. И ей кажется, что она достигла успеха, когда ребенок утрачивает всякую надежду и отказывается от своей ценной спонтанности и ценной импульсивности. Кстати, слишком раннее и слишком строгое приучение к чистоте часто оборачивается своей противоположностью, и ребенок, чистый в шесть месяцев, становится в более позднем возрасте

вызывающе грязным, и его чрезвычайно трудно вернуть к порядку. К счастью, во многих случаях ребенок находит способ сохранить хотя бы отчасти надежду, и спонтанность просто прячется в таких симптомах, как ночное недержание мочи. (Как сторонний наблюдатель, которому не приходится стирать простыни, я радуюсь, когда обнаруживаю, что ребенок властной матери мочится в постель: он старательно держится своего, хотя и не понимает, что делает.)

Велико вознаграждение матери, которая, сохраняя собственные ценности, может позволить себе подождать, пока у ребенка выработается своя шкала ценностей. Беда не в том, что у ребенка нет понимания ценностей, а в том, что от ребенка ожидают гораздо более строгого следования стандартам, чем от взрослого. В качестве примера приведу обычай говорить «спасибо». Весьма вероятно, что ваш ребенок, который хотел черепашку, а получил в подарок от тети шапку, откажется говорить «спасибо». А вы стараетесь приучить его благодарить, независимо от того, испытывает он благодарность или нет. Некоторые дети отказываются говорить «спасибо», когда не испытывают благодарности. Не забудьте о внутренней морали своих детей. Возможно, мы не всегда придаем значение тому факту, что одна из самых первых игр детей — это игра в строительство, вопреки тому, что маленькие дети испытывают максимальное удовольствие, связанное с импульсивным разрушением.

Если вы позволите ребенку в чем-то поступать по его собственной воле, вы поможете ему. Конечно, возникнет столкновение между вашей волей и его, и, конечно, гораздо проще навязывать себя своему ребенку лишь на том основании, что вы больше знаете. Естественно, у вас есть и более основательная причина — ваш способ вам нравится больше. Но пусть же и у вашего ребенка будет свой уголок, или шкаф, или часть стены, где он мог бы сорить, наводить порядок, рисовать — в соответствии со своими желаниями, настроениями и капризами. Ребенок имеет право на часть вашего дома, которую он мог бы назвать

своей, и у него также есть ежедневное право на часть вашего времени (и папиного тоже); он может рассчитывать на это время, и это время вы проведете вместе с ним. Конечно, мало проку в противоположной крайности, когда мать, не обладая сильным характером, не имея собственной личной жизни, позволяет детям все делать по-своему. Иногда такое приходится видеть, и при этом все, включая и детей, несчастливы.

3. Ваши дети и другие люди

Эмоциональное развитие младенца начинается с самого начала его жизни. Если мы хотим понять, как человек уживается с другими людьми и как создает собственную личность и жизнь, мы не можем упустить самые первые годы, месяцы и даже недели и дни его жизни. Когда мы сталкиваемся с проблемами взрослых, например, связанными с отношениями в браке, мы, конечно, имеем дело преимущественно с более поздними этапами развития личности. Тем не менее, изучая каждого индивида, мы находим в нем не только настоящее, но и прошлое, не только взрослого, но и ребенка. Чувства и мысли, которые можно назвать сексуальными, возникают очень рано, гораздо раньше, чем полагали наши дедушки, и, в сущности, весь спектр человеческих взаимоотношений присутствует с самого начала.

Посмотрим, что происходит, когда здоровые маленькие дети играют в мам и пап. С одной стороны, мы можем быть уверены, что в этой игре присутствует секс, хотя чаще не в прямом проявлении. Можно отметить многие симптомы взрослой сексуальной жизни, но в данный момент меня занимает не это. С нашей точки зрения, более важно то, что в этой игре дети способны наслаждаться тем, что основано на их способности отождествлять себя

с родителями. Очевидно, они многое наблюдали. В их игре можно заметить, как они создают семью, организуют ее, принимают и разделяют ответственность за детей и даже создают основу, в рамках которой в этой игре дети в состоянии обнаружить собственную спонтанность. Мы знаем, что это проявление здоровья; если сейчас дети способны на такую игру, в будущем они смогут создавать собственные семьи. Основы они уже знают. Выразимся по-другому. Можно ли научить людей создавать свою семью, если они в детстве не играли в отцов и матерей? Я считаю, что вряд ли.

Хотя мы рады способности детей наслаждаться играми, в которых проявляется их способность идентифицироваться с семьей, в которой они растут, с родителями, со взрослым взглядом на мир и чувством ответственности, мы не хотим, чтобы дети весь день только в это и играли. На самом деле стоит встревожиться, если они так делают. Мы ожидаем, что те же дети, которые днем играли в такую игру, во время еды превращаются в голодных младенцев, ко времени сна начинают ревновать друг друга, а на следующее утро становятся непослушными и ведут себя вызывающе; ведь они все же дети.

Если им повезло, у них есть их реальная семья. В этой семье они раскрывают собственную спонтанность и индивидуальность, давая себе свободу, подобно рассказчику, который удивляется тому, какие мысли возникают у него, когда он принимается создавать рассказ. В реальной жизни дети могут использовать своих реальных родителей, хотя в игре они становятся родителями сами. Мы приветствуем игры в семью, как и все другие игры в учителей и учеников, пациентов, врачей и медсестер, в водителей автобуса и пассажиров.

Во всем этом мы видим здоровье. К тому времени, как дети достигли возраста таких игр, мы понимаем, что они прошли уже через многие сложные процессы развития и что эти процессы, в сущности, никогда не бывают завершены. Если детям нужна обычная семья, с которой они могли бы идентифицировать себя, им нужна также устой-

чивая семья и устойчивое психологическое окружение, чтобы они имели возможность развиваться постоянно и естественно, своими собственными темпами и проходить через все ранние стадии развития. Кстати, родителям совсем не обязательно знать все, что происходит в голове их маленьких детей; это нужно не в большем объеме, чем знания анатомии и физиологии: чтобы обеспечить физическое здоровье детей, не обязательно знать все подробности. Однако для родителей важно обладать воображением, чтобы понять, что родительская любовь — это не просто естественный инстинкт родителей, а нечто абсолютно необходимое детям.

Плохо ребенку, мать которого действует из самых лучших побуждений, но считает, что дети поначалу всего лишь набор психофизиологических и анатомических особенностей и условных рефлексов. Несомненно, такая мать будет хорошо кормить младенца, он будет физически здоровым и хорошо расти, но если она не видит в новорожденном человеческое существо, она не сможет заложить основы душевного здоровья, и ребенок, когда он станет взрослым, не сформируется как многогранная устойчивая личность, которая будет жить в согласии с миром и с собой.

Беда в том, что мать естественно боится своей большой ответственности и легко склоняется к использованию руководств и правил. Но подлинная забота о младенце может идти только от сердца; возможно, следует сказать, что голова может достичь успеха, только если свободны чувства.

Один из способов, которыми мать дает знать о себе младенцу, это кормление, но это важнейший способ, и многое из происходящего лучше всего описывать именно в терминах кормления. К концу периода грудного кормления мать может утверждать, что дает грудь младенцу именно в тот момент, когда младенец этого хочет. И тем самым она дает младенцу основания верить в то, что в мире существует надежда на нахождение ожидаемого, воображаемого и необходимого.

Со временем младенец оказывается в состоянии вступать во взаимоотношения с внешними объектами. Здесь можно вспомнить философскую проблему: «Существует ли объект реально или же он только продукт воображения?» Можно часами обсуждать отношения между субъективной и объективной реальностью. Ребенок, которого правильно и разумно кормили и разумно воспитывали в других отношениях, перерос философскую головоломку: является ли объект реальным или воображаемым, потому что у него есть мать, которая готова предоставлять ему иллюзию, предоставлять неизменно, и верно, и так долго, чтобы для этого ребенка пропасть между воображаемым и реальным сократилась настолько, насколько это вообще возможно.

Такой ребенок примерно к девяти месяцам устанавливает хорошие взаимоотношения с внешним миром; под внешним миром он прежде всего понимает мать, и эта связь способна пережить все раздражения, разочарования, осложнения и даже разлуку. Ребенок, которого кормили механически и бесчувственно, когда никто не хотел активно приспособляться к потребностям именно этого ребенка, — такой ребенок оказывается в очень невыгодном положении и если и может воспринять преданную мать вообще, то такая мать должна оставаться воображаемой, идеализированной фигурой.

Встречаются матери, не способные жить в мире младенца. Ребенок должен жить в ее мире. С точки зрения поверхностного наблюдателя, такой ребенок должен очень хорошо прогрессировать. И только в подростковый период или даже позже он начнет протестовать и либо сломается, либо найдет душевное здоровье в вызывающем неповиновении.

Напротив, мать, активно адаптирующаяся, создает у ребенка основание для контактов с миром, придает богатство этим отношениям, и они могут развиваться и с течением времени привести к подлинной зрелости. Важная часть этих первоначальных отношений младенца с матерью — включение в отношения мощных инстинктивных

порывов; мать и младенец переживают эти порывы, и опыт учит младенца, что инстинктивные переживания и идеи можно позволить и они не обязательно уничтожают спокойный тип отношений, дружбу и способность к совместным переживаниям.

Не следует делать вывод, что младенец, которого преданная мать хорошо и правильно кормила и воспитывала, обязательно обретет совершенное душевное здоровье. Даже когда ранние опыты хороши, все обретенное должно консолидироваться с ходом времени. Не стоит также заключать, что любой ребенок, выросший без родителей в заведении или у лишенной воображения или не доверяющей собственному здравому смыслу матери, обязательно кончит психолечебницей или Синг Сингом*. Все совсем не так просто. Ради ясности я сознательно упростил проблему.

Теперь посмотрим, каков ребенок, родившийся в хороших условиях. Каков здоровый маленький ребенок, с которым мать с самого начала обращается как с личностью, обладающей собственными правами? Только ли он хорош, приятен и послушен? Ответ — нет. У нормального ребенка с самого начала есть свой личный взгляд на жизнь. У здоровых детей часто бывают серьезные проблемы, связанные с кормлением; такие дети могут вести себя вызывающе и упрямо по отношению к своим испражнениям; они часто и яростно выражают свой протест криками, они пинают мать и тянут ее за волосы и даже пытаются вырвать себе глаза; в сущности, они представляют собой большую помеху нормальной жизни. Но одновременно они демонстрируют спонтанность и искренние страстные порывы, тут и объятия, и щедрость, и великодушие; и в таких проявлениях своих младенцев матери находят вознаграждение.

В учебниках любят хороших, послушных, чистых детей, но эти достоинства имеют ценность, только когда дети

* Известная тюрьма в штате Нью-Йорк. — *Прим. перев.*

развивают их со временем благодаря своей растущей способности идентифицироваться с родительской стороной семейной жизни. Это похоже на естественный прогресс артистических усилий ребенка. Вначале он черкает каракули. Затем наступает время, когда устанавливаются отношения между черточками и цветом и рисунок занимает весь листок или страницу. Теперь наступает очередь овладения формой. И это гораздо важнее, чем то умение рисовать формы, которому учили в старомодных классах рисования.

Сегодня мы часто говорим о трудных детях, но трудный — это тот ребенок, к которому мир на самых ранних этапах не сумел приспособиться. Всегда покладистый ребенок — на самом деле это страшно. Это означает, что родители дорогой ценой покупают себе спокойствие, и рано или поздно кому-то придется за это платить — или им, или обществу.

В этом отношении я хотел бы упомянуть о проблеме в самых ранних отношениях между матерью и младенцем, столкновение с которой ожидает любую будущую мать. Во время родов и в течение нескольких дней после них врач становится для матери самой важной персоной; он отвечает за все, что с ней происходит, и она ему доверяет. И нет для матери в такой ситуации ничего важнее, чем знать этого врача и работающую с ним сестру. К несчастью, нельзя предполагать, что врач, сведущий в вопросах физического здоровья и физических болезней и вообще ухода за младенцем, будет в такой же степени осведомлен относительно эмоциональной связи между матерью и младенцем. Врачу приходится изучать так много материала, что вряд ли можно ожидать, что он, будучи специалистом в области физической стороны жизни, одновременно и в курсе новейших психологических исследований в области взаимоотношений матери и младенца. Поэтому всегда существует вероятность, что отличные врач и медсестра, не желая ничего дурного, вмешаются в необыкновенно тонкий первый контакт матери с младенцем.

Мать нуждается во враче и медсестре и в их знаниях и мастерстве, в условиях, которые они создают и которые позволяют ей отбросить тревоги. Однако в рамках этих условий она должна иметь возможность найти своего младенца и дать младенцу найти ее. Она должна иметь возможность совершить это естественным образом, а не в соответствии с правилами, которые можно найти в книгах.

Очевидно, это важная и большая тема, и она тем более сложна, если попытаться одновременно сформулировать нужду матери в медицинской помощи и нужду быть предоставленной самой себе со своим младенцем. Однако стоит упомянуть, что такая трудность существует, и матери не должны стыдиться сознания, что они больше знают в том деле, в котором врач и медсестра могут выступать лишь помощниками.

В нашей культуре существует тенденция избегать того, что принято называть вульгарным, то есть обнаженного, естественного и натурального, тенденция к боязни физических контактов и взаимодействий. Если считается гораздо почетней быть управляющим молочной фермой, чем непосредственно доить коров, то разве не естественно ожидать презрительного отношения к первой обязанности матери?

Есть еще одно направление, на котором эмоциональная жизнь младенца закладывает основы эмоциональной жизни индивида в дальнейшем. Я говорил о том, что инстинктивные порывы участвуют в отношениях младенца и матери с самого начала. Одновременно с этими мощными порывами возникают и элементы агрессии, а также ненависти и гнева, связанные с раздражениями. Агрессивные элементы, ассоциирующиеся с возбуждающими любовными порывами, заставляют ощущать жизнь как нечто очень опасное, и по этой причине большинство людей становятся слегка заторможенными. Возможно, стоит пристальней взглянуть на эту сторону проблемы.

Я сказал бы, что наиболее примитивные ранние импульсы совершенно безжалостны. Ощущая при первых кормлениях деструктивные порывы, младенец совершенно

не заботится о последствиях. Я, разумеется, говорю об идеях, а не о реальных физических процессах, которые мы можем наблюдать своими глазами. Вначале младенец совершенно поглощен своими импульсами, и только очень постепенно приходит осознание, что то, на что он в своем возбуждении кормления нападает, является уязвимой частью матери, другого человеческого существа, которое он так ценит в спокойные периоды между возбуждением и оргиями. Возбужденный младенец в воображении яростно нападает на тело матери, хотя мы видим только очень слабые попытки; затем с насыщением приходит удовлетворение, и на время нападения прекращаются.

Каждый физический процесс обогащается фантазией с постоянно, по мере роста ребенка, развивающимися устойчивостью и сложностью. В фантазиях ребенка тело матери разрывается, чтобы можно было достать из него хорошее для себя. Как важно для младенца, чтобы мать какое-то время добросовестно заботилась о нем, пережила его нападения и со временем стала бы объектом нежных чувств; а чувства вины и заботы о ее благополучии — все это приходит со временем. То, что мать продолжает оставаться живым существом в жизни младенца, дает ему возможность обнаружить в себе и развить внутреннее чувство вины — единственное подлинно ценное чувство вины и главный источник стремления к исправлению, переделке и отдаче.

Существует естественная последовательность безжалостной любви, агрессивных нападений, чувства вины, беспокойства, печали, желания исправить, создавать и отдавать. Эта последовательность — существеннейшее переживание младенчества и раннего детства, но она не может стать реальностью, если мать или тот, кто выполняет ее работу, не в состоянии пережить эти этапы вместе с младенцем и тем самым сделать возможной интеграцию различных элементов.

Можно по-другому выразить то, что делает обычная хорошая мать для своего младенца. Без особого труда и даже не отдавая себе отчет в том, что делает, она всегда

помогает ребенку отличить реальность от того, что происходит в воображении. Она отсортировывает для младенца реальное от фантастического. Можно сказать, что она объективна. Особенно это важно по отношению к агрессии. Мать защищается от очень сильных укусов и не дает двухлетнему ребенку ударить новорожденного кочергой по голове, но в то же время она признает невероятную силу и реальность разрушительных и агрессивных *фантазий* ребенка, который обычно ведет себя достаточно хорошо, и они ее не тревожат. Она знает, что такие фантазии должны присутствовать, и, когда они со временем проявляются в играх или снах, она не удивлена и даже предоставляет ему сказки и книги, которые развивают эти темы, спонтанно возникшие в сознании ребенка. Она не пытается помешать ребенку порождать деструктивные фантазии и тем самым позволяет выработаться и внутреннему чувству вины. Мы надеемся, что именно это чувство вины обязательно возникнет, и согласны ждать его появления. Навязанная мораль скучна.

Время выполнения задач матери или отца, несомненно, время самопожертвования. Обычная хорошая мать без всяких подсказок знает, что в это время ничто не должно прерывать постоянство ее отношений с ребенком. Знает ли она, что, ведя себя в этом отношении естественно, закладывает фундамент душевного здоровья своего ребенка? И знает ли также, что ребенок не может вырасти душевно здоровым, не испытывая вначале тот опыт, который она старается ему предоставить?

4. Какого ребенка мы называем нормальным

Мы часто говорим о трудных детях и пытаемся описать и классифицировать их трудности; также мы говорим и о норме, или здоровье, но описать нормального

ребенка гораздо труднее. Говоря об организме, мы хорошо представляем, что такое норма. Это означает, что физическое развитие ребенка в среднем соответствует его возрасту и у него нет серьезных физических болезней. Мы знаем также, что означает нормальный интеллект. Но физически здоровый, интеллектуально развитый ребенок, даже с интеллектом выше среднего, может быть ненормально сформировавшейся личностью.

Мы можем, размышляя в терминах поведения, сравнивать данного ребенка с другими детьми его возраста, но не можем только на основе этого назвать ребенка ненормальным, потому что существуют очень широкий разбег в пределах нормы. Этого даже следует ожидать. Например, проголодавшийся ребенок плачет, вопрос в том, сколько ему лет. Когда плачет голодный годовалый ребенок, это нормально. Ребенок берет монетку из сумочки матери. И снова — в каком возрасте? Так поступает большинство детей в возрасте двух лет. Или мы видим двух детей, ведущих себя так, словно они каждую минуту ожидают, что их ударят; в одном случае нет никаких оснований для страха, в другом — ребенка постоянно бьют дома. Ребенок в три года все еще кормится грудью; для Соединенных Штатов это необычно, но таков обычай в некоторых частях света. Нет, мы не поймем, что такое норма, сравнивая поведение одного ребенка с поведением другого.

Нужно знать, нормально ли развивается ребенок как личность и правильно ли формируется его характер. Сообразительность ребенка не компенсирует отставание в формировании личности. Если эмоциональное развитие в каком-то пункте было зафиксировано, ребенку приходится в соответствующих повторяющихся обстоятельствах и вести себя так, словно он все еще малыш. Например, мы говорим, что человек ведет себя инфантильно, если в раздражении начинает отвратительно себя вести или испытывает сердечный приступ. Так называемая зрелая личность умеет справляться с раздражением.

Попытаюсь сказать что-нибудь положительное о нормальном развитии. С самого рождения чувства и потреб-

ности младенца необыкновенно сильны. Важно понимать, что ребенок — это человеческое существо, и, начиная свой жизненный путь, он обладает сильными чувствами, свойственными человеку, хотя его отношения с миром еще только зарождаются. Люди изобретают самые различные способы, чтобы вернуть чувства, испытанные в младенчестве и раннем детстве, чувства, которые ценны именно своей напряженностью и интенсивностью.

На основе такого предположения мы можем представлять себе раннее детство как постепенный процесс обретения веры. Вера в предметы и людей формируется постепенно через многочисленный хороший опыт и в переживаниях. В данном случае «хорошее» означает «приносящее удовлетворение», то есть можно сказать, что потребность вызвала ответную реакцию и была удовлетворена. Хороший опыт сравнивается с плохим, и мы используем слово «плохой» для описания возникающих чувств гнева, ненависти и сомнения. Каждый человек должен найти место, с которого можно начать действовать, начать организовывать в себе инстинктивные влечения. Каждый человек должен выработать личный способ уживаться с этими влечениями в том мире, в котором ему предстоит жить, и сделать это нелегко. В сущности, самое главное, что нужно знать о младенцах и маленьких детях, это то, что, хотя их окружает много всего хорошего, жизнь младенца и маленького ребенка нелегка; не существует жизни без слез — если только ребенок не становится абсолютно послушным, теряя всю свою спонтанность.

Исходя из того, что жизнь по своей природе трудна, и ни один младенец или ребенок не может не демонстрировать последствия этого, можно сделать вывод, что у всех есть симптомы, которые в определенных условиях можно считать симптомами болезни. Даже самая благоприятная домашняя обстановка, полная доброты и понимания, не способна изменить того обстоятельства, что развитие дается человеку с трудом; ребенку было бы трудно жить в семье, удовлетворяющей все его потребности, потому что у него не было бы выхода для оправданного гнева.

Таким образом, мы приходим к выводу, что у слова «нормальный» есть два значения. Одно значение полезно для психолога, которому необходим стандарт и который назовет отклоняющимся от нормы все несовершенное. Другое значение пригодно врачам, пациентам и учителям, когда они описывают ребенка, который, вероятно, со временем станет удовлетворительным членом общества; и это несмотря на тот факт, что у этого ребенка явно присутствуют симптомы поведенческих проблем.

Например, я знаю преждевременно родившегося мальчика. Врачи говорят, что это ненормально. В течение десяти дней он отказывался брать грудь, и матери приходилось сцеживать молоко и давать ему в бутылочке. Это нормально для недоношенного ребенка и ненормально для доношенного. С того дня, когда он должен был родиться, мальчик начал брать грудь, хотя и ел очень медленно, в своем особом темпе. Вначале он предъявлял повышенные требования к матери, и она поняла, что добьется успеха, только подчиняясь этим требованиям, и поэтому позволяла ему решать, когда начать есть и когда закончить. В младенчестве этот мальчик плакал при появлении любой новой вещи; единственным способом использовать новую чашку, или ванночку, или кроватку было показать их ему, а потом долго ждать, пока он их не примет.

Степень его требований психолог назвал бы ненормальной, но мать ребенка была готова исполнять его требования, и поэтому мы можем назвать этого ребенка нормальным. Как дополнительное доказательство того, как трудна его жизнь, у ребенка начались приступы интенсивного плача; его невозможно было успокоить; единственное, что оставалось делать, — укладывать его в кроватку, находиться поблизости и ждать, пока приступ кончится. Во время этих приступов он не узнавал мать, так что она не могла принести ему никакой пользы; и только приходя в себя, он мог снова воспринимать мать. Ребенка направили к психологу для специального обследования, но пока мать вместе с ним ждала в приемной,

она обнаружила, что они с ребенком могут понимать друг друга без посторонней помощи. Психолог предоставил их самим себе. Он видел отклонение от нормы и в ребенке, и в матери, но предпочел называть их нормальными и дать возможность совместно внутренними резервами преодолевать трудности.

Я бы дал следующее описание нормального ребенка. Нормальный ребенок может использовать свои способности, которыми снабдила его природа для защиты от тревоги и непереносимых конфликтов. Способы, используемые здоровым ребенком, соответствуют тому виду помощи, которую он в состоянии получить. Ненормальность заключается в *ограниченности* и *жесткости* способностей ребенка проявлять симптомы, возможно, без явной связи их с той помощью, на которую он вправе рассчитывать. Естественно, приходится делать скидку на тот факт, что в раннем младенчестве существует лишь очень слабая способность оценивать тип возможной помощи и соответствующую необходимость адаптации со стороны матери.

Возьмем ночное недержание мочи — распространенный симптом, с которым приходилось сталкиваться всем, кто имеет дело с детьми. Если таким образом ребенок выражает протест против строгого воспитания, борется, так сказать, за права индивида, тогда это вовсе не болезненный симптом; скорее, это свидетельство того, что ребенок не утратил надежду сохранить свою индивидуальность, которой что-то угрожает. В огромном большинстве случаев ночное недержание мочи выполняет свою задачу, и со временем и при условии хорошего воспитания ребенок оказывается способен отказаться от этого и усвоить другие методы самовыражения.

Возьмем еще такой распространенный симптом — отказ от пищи. Для ребенка отказываться от пищи абсолютно нормально. Я предполагаю, что ваша еда хорошая. Но на самом деле ребенок не в состоянии всегда *чувствовать*, что еда хорошая. Он не может *всегда* чувствовать, что заслужил хорошую еду. Со временем и в спокойной обстановке он научится отличать хорошее от

плохого, иными словами, подобно всем нам вырабатывает свои пристрастия и антипатии.

Именно такие способы, естественно используемые детьми, мы называем симптомами и говорим, что нормальный ребенок в соответствующей обстановке может демонстрировать любые симптомы. У больного ребенка беда вовсе не в симптомах — она в том, что симптомы не выполняют своей работы и являются помехой не только для матери, но и для самого ребенка.

Таким образом, и ночное недержание мочи, и отказ от пищи, и все прочие симптомы могут служить серьезными указаниями на необходимость лечения, но это совсем не обязательно. На самом деле дети, которых мы несомненно назовем нормальными, способны демонстрировать все эти симптомы и демонстрируют их просто потому, что жизнь каждого человека трудна — и трудна с самого начала.

Как же возникают трудности? *Во-первых*, существует фундаментальное противоречие между двумя типами реальности: между внешним миром, который может принадлежать любому, и внутренним личным миром ребенка, миром чувств, фантазий, воображения. С самого рождения каждого ребенка знакомят с фактом существования внешнего мира. В самом раннем опыте кормления фантазии сопоставляются с фактами: то, что желательно, то, что ожидается, то, что вымыслено, сравнивается с тем, что предлагается и зависит от желания и воли другой личности. Это существеннейшее противоречие, и человек сталкивается с ним на протяжении всей жизни.

Даже самая благоприятная внешняя реальность разочаровывает, потому что она не воображаемая и потому, что она не подчиняется контролю волшебства, хотя ею до определенной степени можно манипулировать. Одна из главных задач тех, кто заботится о ребенке, помочь ему в болезненном переходе от фантазии к реальности, насколько возможно упрощая любую возникающую в данный момент перед ребенком проблему. Плач, приступы раздражительности и дурного настроения в младенчестве

в основном связаны с этим перетягиванием каната между внутренней и внешней реальностью, и такое перетягивание каната должно считаться нормальным.

Особую часть процесса отказа от иллюзий представляет собой открытие ребенком получения радости от удовлетворения непосредственных потребностей. Но если ребенок должен вырасти, присоединиться к другим членам группы, то ему придется отказаться от большей части радости, связанной с этой спонтанностью. Однако нельзя отказаться от того, что вначале не обнаружил и не испытал. Так, мать вначале должна постараться одарить младенца своей любовью, прежде чем просить его обходиться лишь частью. В связи с таким болезненным обучением естественно ожидать конфликтов и сопротивления.

Во-вторых, всякий ребенок делает страшное открытие: его возбуждение всегда сопровождается разрушительными намерениями. Во время кормления ребенок способен испытывать желание уничтожить все хорошее — и пищу, и ту личность, которая дает ему пищу. Это очень страшно и становится еще страшнее, когда младенец узнает личность, которая заботится о нем, начинает любить ее и она всегда присутствует при кормлении, как будто готовая быть уничтоженной или использованной. И наряду с этим возникает чувство, что ничего не останется после того, как все будет уничтожено; и что же будет с ним, когда голод вернется?

Так что же делать? Иногда ребенок теряет интерес к пище, тем самым приобретая душевное спокойствие, но теряя нечто ценное, потому что без желаний и стремлений не может быть полного удовлетворения. Итак, перед нами симптомы — заторможенность или здоровая жадность, которых следует до определенной степени ожидать у детей, называемых нормальными. Если, пытаясь разными способами объяснить эти симптомы, мать понимает, в чем дело, она не впадет в панику и будет способна ждать. А это всегда очень ценно в заботе о детях. Поразительно, на что в конце концов способен человеческий младенец или ребенок постарше, если тот, кто о

нем заботится, действует естественно, спокойно, уверенно и последовательно.

Все это принадлежит только к отношениям младенца и матери. Однако вскоре неизбежно добавляются новые сложности: ребенок обнаруживает, что существует и отец, с которым тоже приходится считаться. Многие симптомы, которые вы замечаете у своего ребенка, связаны с осложнениями, неизбежно вытекающими из этого факта. Однако мы вовсе не хотим сказать, что отсутствие отца полезно. Очевидно, лучше, если все виды симптомов проявятся как прямой результат детской ревности к отцу и любви к нему, чем если бы ребенок рос, не столкнувшись с этими обстоятельствами реального мира.

И появление нового младенца тоже приносит перемены, которые скорее желательны, чем вредны.

В-третьих и в-последних, так как я не могу упомянуть всего, ребенок вскоре начнет создавать собственный внутренний мир, в котором проигрываются и выигрываются сражения, мир, в котором господствует волшебство. Вы можете заглянуть в этот мир с помощью детских снов и рисунков, и к нему нужно относиться очень серьезно. Поскольку ребенок считает, что этот внутренний мир существует в его организме, вы можете ожидать участия его тела. Например, напряжения и стрессы во внутреннем мире могут сопровождаться всеми видами физических болей и расстройств. В попытках контролировать внутренние феномены ребенок может испытывать боль, или совершать магические жесты, или носиться и танцевать дико, как одержимый. Я не хочу, чтобы вы, столкнувшись с таким «безумным» поведением своего ребенка, решили, что он болен. Вы должны ожидать, что ваш ребенок будет одержим самыми разными реальными и воображаемыми людьми, животными и вещами, и иногда эти воображаемые люди и животные будут выходить наружу, и вам придется делать вид, что вы их видите. Иначе вы вызовете в нем большое смятение, не стоит ожидать взрослого поведения от своего ребенка. И не удивляйтесь, если вам придется обслуживать его воображаемых товарищей

по играм, которые для него совершенно реальны, они вышли из его внутреннего мира и по какой-то важной причине стали внешними по отношению к нему.

Вместо того чтобы и дальше описывать, насколько трудна и сложна нормальная жизнь, я закончу дружеским советом. Рассчитывайте на способность вашего ребенка к игре. Если ребенок играет, у него есть место для одного-двух симптомов, а если он играет увлеченно, наслаждается игрой и в одиночестве, и с товарищами, то никаких оснований для серьезных тревог нет. Если в играх используется богатое воображение и если удовольствие, получаемое от игр, зависит от точного соответствия игры внешней реальности, то вы должны быть спокойны, даже если ваш ребенок мочится по ночам в постель, заикается, демонстрирует приступы дурного настроения или постоянно страдает от раздражительности и депрессии. Игра показывает, что при наличии хорошего, устойчивого и надежного окружения ребенок в состоянии выработать свой личный путь в жизни и со временем станет цельной личностью.

5. Единственный ребенок

Теперь я хочу поговорить о детях, живущих в обычных хороших семьях, но не имеющих братьев и сестер, то есть о единственных детях. Вопрос такой: какое значение имеет то, что ребенок единственный в семье?

Сегодня, оглядываясь назад и вспоминая, какое огромное количество семей с единственным ребенком мне приходилось встречать, я начинаю думать, что существуют очень основательные причины для того, чтобы иметь только одного ребенка. Конечно, во многих случаях родители готовы на все, чтобы иметь большую семью, но по какой-то причине это становится невозможно. Однако

часто у родителей существует сознательное решение иметь только одного ребенка. Думаю, если спросить большинство супругов, почему у них только один ребенок, то самой распространенной причиной будет названа экономическая: «Мы просто не можем позволить себе больше, чем одного ребенка».

Несомненно, дети дорого обходятся. И думаю, было бы крайне неразумно со стороны родителей не обращать внимания на финансовую сторону семейной жизни. Мы все встречали множество законных и незаконных детей, рожденных безответственными мужчинами и женщинами, и именно это обстоятельство заставляет многих молодых людей колебаться и принимать решение не заводить большую семью. Если люди предпочитают рассуждать в денежных терминах, пусть так и делают, но на самом деле, мне кажется, они боятся не финансовых проблем, а того, что большая семья приведет к частичной утрате их личной свободы. Если два ребенка предъявляют вдвое больше требований к родителям, чем один, тогда полезно заранее обдумать цену, которую придется платить. Однако можно усомниться в том, что несколько детей — большая обуза, чем один.

Прошу простить меня за употребление слова «обуза». Дети — это обуза, и если они приносят радость, то лишь потому, что они желанны, потому, что двое людей решили взвалить на себя эту обузу — в сущности, договорились называть это не обузой, а своим ребенком. Существует пожелание: «Да будут все ваши беды малыыми!» И если мы будем говорить о детях только сентиментально, люди могут вообще от них отказаться; возможно, матерям нравится стирать и штопать, но не забудем, что это работа, и работа трудная и полезная.

Несомненно, у единственного ребенка есть некоторые преимущества. То, что родители уделяют внимание только одному ребенку, означает, что его младенчество будет проходить без лишних сложностей. Иными словами, младенец начинает с самых простых отношений с матерью, и постепенно, с той скоростью, какая наиболее благопри-

ятна для младенца, этот кусочек мира расширяется. Начало существования в таком упрощенном окружении создает ощущение стабильности, которое может стать опорой на всю последующую жизнь. Конечно, мне следует упомянуть и другие важные обстоятельства, такие, как хорошая еда, одежда, образование, которые родители в состоянии предоставить своему единственному ребенку.

Теперь обратимся к некоторым отрицательным сторонам. Очевидный недостаток положения единственного ребенка — в отсутствии товарищей по играм и богатого опыта, который ребенок приобретает в общении со старшими и младшими братьями и сестрами. В играх детей есть очень многое, с чем не могут соприкоснуться взрослые; и даже если они в состоянии это сделать, они не могут уделить игре столько времени, сколько нужно детям. На самом деле, когда взрослые играют с ребенком, становится слишком очевидной естественная бестолковость игры ребенка. Таким образом, если других детей нет, у ребенка нет достаточных возможностей для игры и он упускает наслаждение непоследовательностью, безответственностью и импульсивностью. У единственного ребенка развивается тенденция к преждевременному развитию, он предпочитает слушать и говорить в обществе взрослых, помогать матери по дому или пользоваться инструментами отца. Игра кажется ему слишком глупой. Дети, играющие друг с другом, обладают бесконечными возможностями к изобретению деталей игры и могут не уставая играть бесконечно.

Но я считаю, что есть гораздо более важные соображения: для ребенка чрезвычайно важен факт обретения в семье нового брата или сестры. Невозможно переоценить значение этого опыта. В самом факте беременности есть нечто фундаментальное, и ребенок, который не видел происходящих в матери перемен, не обнаруживал неожиданно, что ему неудобно сидеть у нее на коленях, не узнавал постепенно причину этих перемен, не получал осязаемых доказательств того, что в глубине души он уже знал ко времени появления нового младенца и одновременного

возвращения матери к нормальному состоянию, — такой ребенок очень многое теряет. И даже если множество детей не в состоянии это постичь, не в состоянии справиться с чрезвычайно сильными чувствами и конфликтами, возникающими в такой ситуации, я думаю, что ребенок, который не имел такого опыта, который никогда не видел, как мать кормит младенца грудью, как она купает младенца и заботится о нем, гораздо беднее того, кто был всему этому свидетелем. И, возможно, маленские дети хотят иметь своих собственных младенцев не меньше, чем взрослые. И если у матери есть младенец, то и другие ее дети «понарошку» могут его иметь.

Одно переживание, которого особенно не хватает единственному ребенку, — это переживание ненависти, собственной ненависти ребенка, которая возникает при появлении нового младенца, который как будто расшатывает сложившиеся безопасные отношения с отцом и матерью. Это настолько распространено, что следует признать нормальным, если ребенка расстраивает появление нового члена семьи. Первое замечание ребенка обычно совсем не самое вежливое: «Да у него лицо, как помидор».

Родители должны испытывать облегчение, когда сталкиваются с прямыми проявлениями нелюбви и даже яростной ненависти к новорожденному. Эта ненависть со временем сменится любовью, когда новорожденный превратится в человеческое существо, с которым можно играть и которым можно гордиться. Однако первой реакцией может быть страх или ненависть, и ребенок испытает желание выбросить младенца на помойку. Я считаю очень ценным опытом, когда ребенок обнаруживает, что начинает любить того же младенца, которого несколько недель назад ненавидел и хотел от него избавиться. Все дети испытывают большие трудности в выражении законной ненависти, и отсутствие у единственного ребенка возможности проявить агрессивную сторону своей природы — это очень серьезный недостаток. Дети, растущие вместе, играют в самые разные игры и тем самым учатся справ-

ляться со своей агрессивностью; у них есть ценная возможность обнаружить, что им не все равно, если они причиняют боль тому, кого любят.

Появление новых младенцев к тому же означает, что отец и мать по-прежнему любят друг друга. Лично я считаю, что появление нового младенца придает детям уверенность в том, что у матери с отцом хорошие отношения, а для детей всегда очень важно, если они чувствуют, что их родителей сексуально влечет друг к другу; это позволяет сохранять структуру семейной жизни.

Семья, в которой несколько детей, имеет еще одно преимущество перед семьей с единственным ребенком. В большой семье у детей есть возможность играть самые разные роли относительно друг друга, и это готовит их к жизни в больших группах, а со временем и в мире. Становясь взрослее, единственные дети, в особенности если у них нет еще двоюродных братьев и сестер, с трудом контактируют с мальчиками и девочками и слишком серьезно относятся к таким контактам. Единственный ребенок всегда ищет только постоянных, устойчивых отношений, поэтому случайные знакомства его пугают, в то время как дети из большой семьи привыкли встречать друзей своих братьев и сестер, у них большой опыт в практических взаимоотношениях к тому времени, как они достигают возраста свиданий.

Разумеется, родители могут очень многое сделать для единственного ребенка, и многие предпочитают такую возможность, но при этом они рискуют: возможно, их ждут страдания. В особенности в военное время нужно быть чрезвычайно смелым, чтобы позволить своему единственному ребенку участвовать в боях, хотя, с точки зрения самого ребенка, это, возможно, наилучший выход. Мальчикам и девочкам необходима свобода и возможность рисковать, и для них серьезное разочарование, если они не могут это делать, потому что они единственные и причинят боль родителям, если пострадают. К тому же мужчину и женщину обогащает каждый ребенок, которого они воспитывают и выпускают в мир.

Далее, возникает проблема заботы о матери и отце, когда ребенок становится взрослым. Когда есть несколько детей, они могут делить заботу о родителях. А вот единственного ребенка стремление помочь родителям может угнетать. Возможно, родителям стоит заранее подумать об этом. Они часто забывают, что младенец, за которым они ухаживают, очень скоро вырастет и лишь несколько лет будет оставаться юным. А вот ребенку, возможно, придется (или он сам будет хотеть этого) ухаживать за родителями двадцать-тридцать лет или даже больше — это почти бесконечность. Если есть несколько детей, им гораздо легче обеспечить родителям спокойную старость. Кстати, часто бывает, что молодые люди, которые хотели бы иметь много детей, не могут себе этого позволить из-за ответственности за престарелых или больных родителей, у которых не было достаточного количества детей, чтобы разделять эту заботу.

Вы заметили, что я обсуждаю достоинства и недостатки положения единственного ребенка, основываясь на предположении, что это обычный нормальный здоровый ребенок, живущий в обычной хорошей семье. Очевидно, гораздо больше можно было бы сказать об отклонениях от нормы. Например, перед родителями, ребенок которых отстает в развитии, возникают проблемы, заслуживающие особого рассмотрения, и со многими детьми бывает так трудно справиться, что родители совершенно естественно задумываются, как скажется этот трудный ребенок и меры, которые вынужденно к нему применяются, на других детях.

И совершенно особый случай представляет ребенок, родители которого больны физически или душевно. Например, некоторые матери или отцы более или менее постоянно испытывают депрессию или тревогу; некоторые так боятся мира, что создают семью на основе представления о том, что мир враждебно к ней относится. И единственному ребенку приходится в одиночку открывать такое представление и справляться с ним. Как сказал мне один друг: «У меня всегда существовало странное ощу-

щение запертости; возможно, слишком много любви, слишком много внимания, слишком много обладания заставляют почувствовать себя запертым с родителями, которые по-прежнему считают, что они — весь твой мир, хотя это давно уже не так. Для меня это было самое тяжелое в моей жизни единственного ребенка. Внешне мои родители в этом отношении вели себя вполне разумно. Меня отдали в школу, когда я едва умел ходить, мне позволили практически жить с соседскими ребятами, но в доме была прежняя закрытость, словно семейные связи бесконечно важнее всего остального. Если в семье нет сверстников, все это должно наполнять ребенка своеобразной гордостью».

Вы поняли, что по моему личному мнению существует больше доводов в пользу многодетной семьи, чем в пользу семьи с единственным ребенком. Однако гораздо лучше иметь одного или двух детей и давать им все лучшее, чем иметь неограниченное количество детей, не обладая физическими и эмоциональными возможностями для их воспитания. И если в семье есть только один ребенок и больше быть не может, не забывайте, что в дом можно приглашать других детей и начинать это нужно как можно раньше. И то, что двое маленьких детей бьют друг друга по голове, вовсе не означает, что они не должны встречаться. Если нет возможности пригласить детей, существуют собаки и другие домашние животные, а также ясли и детские сады. Если осознаны недостатки положения единственного ребенка, их можно устранить — при наличии для этого достаточной воли.

6. Близнецы

Прежде всего следует сказать, что близнецы — совершенно естественное явление, и незачем из-за них суесться или проявлять повышенное внимание. Я знаю

многих матерей, которым нравилось, что у них близнецы, и знаю многих близнецов, которым их положение тоже нравилось. Но почти все матери говорят, что, если бы была возможность выбора, они не выбрали бы близнецов, а близнецы, даже те, которые как будто удовлетворены своей участью, говорят мне, что предпочли бы появляться на свет не одновременно.

Близнецам приходится решать специфические проблемы. В их положении есть свои преимущества, но есть и недостатки. И если я могу помочь, то не тем, что скажу, что нужно делать, а тем, что наметку на главные трудности.

Прежде всего, я должен напомнить вам, что существуют два разных типа близнецов, поскольку у этих разных типов не совсем одинаковые проблемы. Вы знаете, что каждый младенец развивается из крошечной оплодотворенной яйцеклетки. Как только яйцеклетка оплодотворена, она начинает расти и делится надвое. Каждая из этих двух клсток в свою очередь делится надвое, получается четыре клетки, из четырех становится восемь, и так продолжается до возникновения нового индивида из миллионов клеток разных видов, связанных друг с другом и представляющих такое же единство, каким была первоначальная оплодотворенная яйцеклетка. Иногда после первоначального деления яйцеклетки каждая из двух половинок начинает развиваться и делиться независимо; так возникают идентичные, или однояйцовые, близнецы: это два младенца, развившиеся из одного и того же оплодотворенного яйца. Идентичные близнецы всегда принадлежат к одному полу и обычно бывают очень похожи друг на друга внешне, по крайней мере вначале.

Другой тип близнецов может быть, а может и не быть одного пола, потому что они во всем подобны другим своим братьям и сестрам, только развились из двух яйцеклеток, оплодотворенных одновременно. В этом случае две яйцеклетки развиваются в матке рядом друг с другом. Близнецы такого вида не обязательно похожи друг на друга, как не обязательно похожи обычные братья и сестры.

Глядя на близнецов обоих типов, мы начинаем думать, что, должно быть, хорошо иметь общество другого ребенка, никогда не оставаться в одиночестве, особенно когда дети подрастают. Однако тут возникает неожиданное затруднение, и чтобы понять его, мы должны напомнить себе, как развиваются младенцы. В обычных обстоятельствах и при условии обычного хорошего ухода дети сразу после рождения начинают закладывать основу своей личности и индивидуальности и обнаруживать собственную важность и значительность.

Мы все ценим отсутствие эгоизма и готовность воспринимать точку зрения другого человека и надеемся найти эти добродетели в своих детях, но, изучая эмоциональное развитие младенца, мы обнаруживаем, что бескорыстие и отсутствие эгоизма здоровым и устойчивым образом приходит только тогда, когда основано на первичных опытах эгоизма. Можно сказать, что без первичного эгоизма бескорыстие и отсутствие эгоизма у ребенка подменяется раздражением и негодованием. В любом случае первичные опыты эгоизма у младенца — это опыты взаимодействия с хорошей матерью, которая вначале готова по возможности уступать желаниям ребенка, позволяет его потребностям доминировать и согласна ждать, пока с течением времени ребенок не научится видеть и учитывать точку зрения других людей. Вначале мать должна позволить ребенку почувствовать, что он ею обладает, что она полностью под его контролем, что он сам ее создает в каждом нужном случае. Вначале она не навязывает ребенку свою собственную личную жизнь. Ощувив самой своей сутью опыты первичного эгоизма, ребенок позже не испытывает особого негодования, когда приходится от этого эгоизма отказываться.

В обычных условиях, когда дети рождаются поодиночке, каждый из них располагает достаточным временем и возможностями, чтобы понять право матери на другие интересы. Но одновременное появление еще одного ребенка может стать осложнением, и достаточно серьезным. Ни одна мать не станет волноваться, если до года ее младенец не

ценит преимуществ дружбы с другими детьми, и даже двухлетние могут вначале не играть, а колотить друг друга. Ибо поистине у каждого ребенка свой срок для принятия брата или сестры; и это действительно значительный момент, когда маленький ребенок может искренне «позволить» матери новую беременность.

А близнецам приходится считаться с наличием другого младенца сразу, у них нет времени на выработку готовности позволить расширение семьи.

Это один из тех моментов, когда мы отчетливо видим ошибочность утверждений, что различные мелочи в первые месяцы жизни не имеют никакого значения, потому что ситуация очень различается в зависимости от того, считает ли каждый близнец, что мать с самого начала принадлежит только ему, или не считает. У матери близнецов появляется дополнительная задача: ей нужно всю себя отдавать двум младенцам одновременно. До определенного предела она неизбежно с этой задачей не справляется и должна стараться, чтобы дети со временем ощутили преимущества своего положения — преимущества, которые компенсируют первоначальные недостатки положения близнецов.

Мать не может одновременно удовлетворять все требования двух младенцев. Например, ей все равно придется брать детей по очереди, чтобы покормить, или выкупать, или сменить пеленки. Она может очень стараться быть справедливой, и это себя оправдает, если она отнесется к делу серьезно с самого начала, но это нелегко.

Кстати, она достигнет своей цели не тогда, когда будет стараться обращаться с детьми одинаково, а когда будет с каждым из близнецов обращаться так, словно он единственный. Иными словами, она постарается с самого рождения найти различия между детьми. Именно она единственная из всех людей должна легко отличать близнецов друг от друга, даже если это делается по пятнышку на коже или по какой-то другой мелочи. Обычно она понимает, что у детей разные темпераменты, и, если будет действовать по отношению к каждому как к отдель-

ной личности, у каждого близнеца со временем сформируются индивидуальные черты характера. Считается, что большинство трудностей в воспитании близнецов связано с тем, что не всегда осознаются их отличия друг от друга, даже когда дети совсем разные; делают это для забавы или потому, что считают полезным и необходимым. Я знал одну хорошую семью, хозяйка которой так и не научилась различать своих дочерей-близнецов, хотя другие дети без труда отличали их друг от друга; в сущности, эти девочки были совершенно разные и отчетливо различающиеся личности. А мама каждую из них называла «близняшка».

Заботиться об одном близнеце, а заботу о другом поручить няне — это не выход. Вы можете по какой-то важной причине, например из-за нездоровья, возложить часть заботы о детях на кого-то другого, но это только отсрочит кризис, потому что со временем близнец, которого вы отдали, начнет ревновать к тому, которого оставили у себя, даже если помощница воспитывала его лучше.

Матери как будто соглашаются с тем, что, хотя близнецам нравится, если их путают друг с другом, но они хотят, чтобы мать различала их без труда. Для самих детей важно, чтобы не было никакого смешения, поэтому в их жизни должен существовать хотя бы один человек, ясно их различающий.

Я знаю мать, идентичные близнецы которой были абсолютно похожи, но она легко различала их с самого начала по разнице темпераментов. В первую неделю мать во время кормления надевала красную шаль. Один близнец реагировал на это, смотрел на эту шаль — возможно, его привлекал яркий цвет — и утрачивал интерес к груди. Однако на второго шаль никак не действовала, и он вел себя как обычно. После этого мать поняла, что перед ней не только две разные личности, но что они перестали параллельно испытывать жизненный опыт. Эта внимательная мать преодолела первые трудности, связанные с кормлением: она была готова к кормлению и первым кормила того младенца, который казался более негерпеливым.

Обычно это легко было определить по плачу. Не утверждаю, что этот метод годится для всех случаев.

Несомненно, главной сложностью в воспитании близнецов является вопрос об их личностях, об уважении к этим личностям, так, чтобы признавались цельность и единство личности каждого из младенцев. Даже если бы существовали абсолютно одинаковые близнецы, все равно матери нужно было с каждым из них устанавливать индивидуальные отношения.

Мать, которую я только что упомянул, рассказала мне, что решила укладывать одного младенца спать в саду перед домом, а второго — в саду за домом. Конечно, у вас, возможно, нет двух садов, но все равно можно как-то так организовать быт, чтобы, когда заплакал один младенец, совсем не обязательно, чтобы плакал и второй. С вашей точки зрения, это не только помеха; плачущий младенец стремится господствовать на сцене; в раннем младенчестве, на стадии природного диктаторства, наличие соперника может свести с ума, и мне приходилось отмсчать устойчивое воздействие такого рода вещей на всю жизнь каждого из близнецов.

Я сказал, что близнецы одного типа называются идентичными. Этот термин способен ввести в заблуждение. Если бы дети были идентичными, они были бы абсолютно одинаковыми; это все равно что к одному добавить еще один, точно такой же; но это нелепо. Они похожи, но не идентичны, не одинаковы; опасность в том, что с ними обращаются как с одинаковыми; и если с ними так поступают, сами близнецы теряются и не могут разобраться в своей индивидуальности. Все дети, не только близнецы, испытывают трудности в определении своей индивидуальности; только постепенно они приобретают уверенность в себе. Как вы знаете, дети далеко не сразу начинают употреблять местоимения. Они говорят «мама», и «папа», и «еще», и «собачка» задолго до того, как произнесут «я», или «ты», или «мы».

Близнецы вполне могут сидеть в одной коляске, причем каждый не считает другого отдельной личностью.

Гораздо естественней для близнеца думать о себе, сидящем напротив (словно он смотрит в зеркало), чем сказать (на языке младенца): «Там, напротив меня, мой брат (или сестра) близнец». Но если одного достают из коляски, второй чувствует себя брошенным и обманутым. Трудность в том, что как обычный ребенок хочет что-то иметь, так и близнецы хотят иметь каждый свое, а это достижимо, только если мы верно играем свою роль и признаем в них двух разных людей. Позже, если близнецы приобретают уверенность в своей индивидуальности, они могут использовать свое сходство, и только тогда, а не раньше, наступает время забав, игр и розыгрышей, связанных с их сходством.

Наконец, любят ли близнецы друг друга? На этот вопрос должны ответить они сами. Судя по тому, что говорили мне, представление о том, что близнецы особенно привязываются друг к другу, нуждается в дополнительном рассмотрении. Часто они принимают общество друг друга, вместе играют, не любят, когда их разделяют, и тем не менее трудно сказать, что они любят друг друга. А потом они однажды обнаруживают, что ненавидят друг друга, и только после этого наступает возможность привязанности и любви. Так бывает не всегда, но там, где двум детям волей-неволей приходится считаться друг с другом, они заранее не могут знать, получится ли у них это. После того как была испытана ненависть, появляется шанс и у любви. Вы ведь не станете считать само собой разумеющимся, что ваши близнецы пожелают всю жизнь провести вместе? Это возможно, но совсем не обязательно, и они даже могут быть благодарны вам, если по какой-нибудь причине (например, из-за кори) их приходится разъединять. Гораздо легче стать цельной личностью одному, а не в обществе другого близнеца.

7. Воровства и лживость

Мать, у которой несколько детей, знает, что с каждым из них время от времени возникают проблемы, особенно в возрасте от двух до четырех лет. У одного ребенка бывает период ночных кошмаров и криков такой интенсивности, что соседи начинают подозревать вас в дурном с ним обращении. Другой совершенно отказывается приучаться к туалету. Третий настолько постоянно чист и хорош, что мать начинает волноваться, не утратил ли он свою непосредственность, спонтанность и личную предприимчивость. А у еще одного ребенка склонность к приступам дурного настроения и истерикам, когда он бьется головой о стены и задерживает дыхание до посинения. Можно было бы привести длинный перечень подобных происшествий, которые случаются в нормальной семейной жизни. Одно из самых неприятных таких происшествий — это пристрастие к воровству.

Маленькие дети очень часто достают монетки из маминой сумочки. Обычно при этом никаких проблем не возникает. Мать терпимо относится к тому, что ребенок выбрасывает из ее сумочки содержимое и все перемешивает. И когда обнаруживает это, то скорее смеется, чем сердится. Она может даже завести две сумочки, одну из которых никогда не показывает ребенку, а вторую, более поношенную, предоставляет ему для исследования. Со временем ребенок вырастает из этого и больше к такой привычке не возвращается. Мать вполне справедливо считает это нормальным здоровым поведением и частью общих отношений ребенка к ней и ко всему миру.

Однако мы понимаем, почему иногда мать начинает тревожиться, когда ее маленький ребенок берет принадлежащие ей вещи и прячет. Возможно, она пережила гораздо более тревожный опыт — воровство ребенка старшего возраста. Нет ничего более пугающего и нарушающего счастье семьи, чем присутствие в ней ребенка (как, кстати, и взрослого), который склонен к воровству. Вместо того чтобы верить всем и оставлять вещи на своем месте, при-

ходится разрабатывать специальные приемы, чтобы защитить ценности, такие, как деньги, шоколад, сахар и т. д. В этом случае в семье есть больной.

У многих людей при мысли об этом появляются очень нехорошие чувства. Они испытывают такое же замешательство при мысли о воровстве, как, например, при употреблении слова «мастурбация». Помимо столкновений с самим вором, людей расстраивает мысль о воровстве при воспоминании о тех сражениях, которые происходили в их детстве из-за склонности к воровству. Именно это неприятное чувство, возникающее при мысли о настоящем воровстве, заставляет некоторых матерей неоправданно волноваться из-за невинной привычки маленьких детей брать их вещи.

После недолгого размышления можно прийти к выводу, что в обычной нормальной семье, не имеющей больного, которого можно было бы назвать вором, всегда происходит немало воровства, только его никто так не называет. Ребенок берет одну-две булочки или достает из шкафа кусок сахара. В хорошей семье такого ребенка не назовут вором. (Однако тот же самый ребенок в учреждении может быть наказан и назван вором из-за нарушения существующих в этом заведении правил.) Родителям бывает необходимо разработать правила, чтобы поддерживать порядок в семье. Они могут сделать правилом, например, что ребенок всегда может брать хлеб или, допустим, какой-нибудь вид печенья, но не должен трогать особое печенье или сахар. Относительно таких вещей всегда существуют некоторые колебания, и жизнь в семье в определенном смысле состоит в выработке отношений родителей и детей в такой и подобных ей ситуациях.

Однако нельзя просто ограничиться утверждением, что нормальный маленький ребенок склонен красть вещи матери и что это означает только то, что он ее любит, а потом описывать старшего ребенка, у которого развивается стремление к воровству. Размышляющая об этом мать хотела бы знать, существует ли связь между этими двумя

феноменами. Попытаюсь четко сформулировать ответ. В любом случае существует лишь очень слабая пограничная линия между распространенной и свидетельствующей о здоровье кражей маленького ребенка у матери и воровством больного старшего ребенка. Но в большинстве случаев, если старший ребенок так болен, можно установить, что первыми случаями его воровства были монетки из сумки матери или сахар из шкафа.

Больше того, мы должны научиться узнавать нормальный переходный период, когда маленький ребенок становится немного старше и начинает чувствовать, что воровать нехорошо. Этот переход не всегда происходит легко или неожиданно. Обычно бывает трудное время, когда попеременно то сама мысль о воровстве приводит ребенка в ужас, то ему хочется украсть и он крадет. Это может проявиться в реакции на появление еще одного младенца. Четырехлетний ребенок возмущается тем, что его маленькие брат или сестра берут вещи из маминной сумки, и бьет их за это; и тот же четырехлетний ребенок крадет втайне от матери.

Легко представить себе, какое чувство вины может при этом у него возникнуть. Такой четырехлетний ребенок оказывается в трудном положении, он словно разделен на двух человек: один обладает яростной строгой моралью, гораздо более строгой, чем мораль его родителей; второй по его собственным стандартам считает себя очень плохим.

В такой ситуации ребенок начинает лгать, если его неожиданно обвиняют. Если мать или отец отведут такого ребенка в сторону и начнут расспрашивать о воровстве, они будут говорить со сверхморалистом и, по существу, у этого сверхморалиста спросят, не является ли он одновременно и злым вором. Он не сможет с этим смириться, и обследование покажет, что у ребенка может возникнуть серьезное раздвоение личности. Его ложь — это его попытка объяснить то, что он (по самой природе вещей) не в состоянии объяснить. Родители, которые это понимают, сумеют мягко подойти к ребенку, который с трудом совершает пере-

ход от естественного воровства ранних лет к более поздней стадии, на которой, если все пройдет хорошо, его строгая и импульсивная сторона личности договорятся, так что он сумеет справиться со своими примитивными желаниями обладать, не сталкивая их со своим строгим моральным чувством.

Со временем появятся и другие возможности. Родители станут давать карманные деньги, и этот источник должен предотвратить желание красть деньги. К тому же существуют дни рождения, Рождество и другие праздники, когда ребенок может с уверенностью ожидать подарков. Перед вручением подарков ребенок может позволить слегка ожить своей воровской стороне и получит достаточное удовлетворение от происходящего, так что его примитивные влечения, порывы к жадности, безжалостности и волшебству будут удовлетворены; от них не нужно будет отказываться, и они не будут для ребенка потерянными.

Более того, взрослея, ребенок сам вырабатывает способность контролировать свои возбуждения. И может совершать сознательные поступки. По мере роста уверенности ребенок научается ждать; сексуальное возбуждение связывается с мыслями о людях и потому обогащается положительными ценностями и пониманием, которые способны привнести люди в отношения с ребенком. Благодаря этому и другим обстоятельствам обычный ребенок из обычной хорошей семьи превращается в социальное существо без серьезных асоциальных проявлений.

8. О приемных детях

Я придерживаюсь распространенного мнения о том, что приемному ребенку родители должны как можно раньше сказать правду. Главная причина заключается в

том, что рано или поздно дети узнают правду сами. Мне очень часто приходилось устанавливать связь между изменениями в поведении нормальных детей в худшую сторону при случайно услышанном ими замечании по поводу их происхождения или когда соседский ребенок повторил то, что услышал в разговоре родителей, причем взрослые и не подозревали, что их кто-то слышит.

Не следует также забывать, что дети ведут полнокровную жизнь, в которой есть место не только забавам и играм, но и ненависти и мстительности, и в самый непредсказуемый момент ребенок может сознательно сказать: «У тебя ненастоящие папа и мама». Конечно, в жизни всегда существует плохое, это часть самой жизни, но всегда в ней есть и хорошее. Для приемного ребенка самое плохое — это неожиданная новость, услышанная от чужих.

Совсем не обязательно, чтобы приемный ребенок был несчастен, однако такое с ним случается.

Иногда приходится соглашаться с тем, что не стоит говорить ребенку, что он приемный, однако со временем он обязательно сам об этом узнает; и в вашей власти сообщить эту новость ребенку как можно раньше и сделать это менее болезненным.

Но как это сделать? Не знаю. Вы должны сами найти способ, наиболее соответствующий вашему темпераменту. Часто родители сообщают мне, что придумывают сказку; эту сказку они рассказывают ребенку перед сном, она бесконечно повторяется и в то же время развивается и обогащается. В эту сказку вводится животное или ребенок, потерянные и снова найденные. Дети любят такие сказки, только нужно рассказывать их интересно. Придет время, и вы начнете намекать на то, что эта сказка для вашего ребенка имеет особый смысл.

А как рассчитать время? Думаю, что главный принцип таков: не надо ждать подходящего момента. Сообщение должно быть постепенным. В какой-то момент вы небрежно говорите, что твои Том или Хэлен приемные дети. Вы затаили дыхание, потому что сами понимаете глубо-

чайший смысл своей небрежной фразы, но скорее всего ребенок не обратит на нее внимания. Однако вы сказали правду и поэтому испытываете облегчение. Постепенно рассказ все более обогащается истинными подробностями, и ваш ребенок вырастает без уязвимости, которая характерна для ложных ситуаций.

У вас все может пройти как очень легко, так и очень трудно. Я хорошо понимаю, что может быть трудно, особенно трудно сделать первый шаг. Но уверяю вас, что постоянная тревога, связанная с обманом, гораздо изнурительней, чем мгновение паники в первый момент раскрытия правды.

Большое достоинство таких вечерних рассказов в том, что открывается возможность для ответа на вопрос, из чьего животика вышел ребенок. Этот вопрос глубоко интересует каждого ребенка, но приемный ребенок гораздо больше вашего собственного нуждается в правде о происхождении детей. Могу допустить, что ваш собственный ребенок готов играть в аистов и капусту, но приемный не может. Больше того, со временем приемный ребенок будет нуждаться в более полной информации о взаимоотношениях полов — информации, которую собственный ребенок может получить более случайным образом. Я говорю о взаимоотношении полов хотя бы как у животных, а не растений. Ботаники в данном случае недостаточно.

Есть причина, по которой все эти трудности оправданны и имеют смысл. Видите ли, вы имеете дело с сознанием ребенка. Самые фундаментальные вещи имеют корни, уходящие глубже сознания; ваш маленький ребенок физически, телесно знает, что было состояние (мы называем его внутриутробной жизнью, заботой о младенце, хорошим исполнением материнских обязанностей), из которого он появился как индивид. И вы лишь пытаетесь предотвратить путаницу в сознании ребенка. Вы стараетесь создать условия, которые позволили бы вашему приемному ребенку соединить эти телесные воспоминания с мышлением, воображением, пониманием.

Слово «воображение» позволяет перейти к следующему пункту. У всех детей возникают фантазии о том, что они на самом деле дети каких-то других родителей, может быть, королей и королев. В жизни некоторых эти фантазии начинают играть очень существенную роль. Они ценны и не представляют опасности. Они составляют материал детских игр наряду с отождествлением с настоящими реальными родителями, как бывает в играх в семью. Во всем этом заметна растущая уверенность в способности отличить фантазийный мир от реального. У приемного ребенка в этом отношении есть особая задача, поскольку в его сознании появляется представление о других родителях, которые для него недоступны. Станут ли реальные родители фактом, а вы — чем-то вроде сна наяву или фактом станете вы, а игры в воображении будут сосредоточены на подлинных родителях?

Ответ на этот вопрос может дать только сам приемный ребенок, вырабатывающий свой путь в жизни.

Приемные родители должны найти способ понять, как развивается их ребенок, в гораздо большей степени, чем родители, заботящиеся о своих собственных детях. Когда положение становится тяжелым и у ребенка появляются симптомы болезни, родители могут довериться интуиции, когда речь идет о своих детях. А приемные дети нуждаются в понимании больше, даже если они здоровы.

Подросток, мальчик или девочка, могут попытаться что-нибудь узнать о своих настоящих родителях. Я помогал приемным детям-подросткам в таких поисках. Иногда кажется, что если факты существуют, то их нужно сообщить ребенку. И если такое происходит с вашим приемным ребенком, я надеюсь, вы не будете считать себя оскорбленной. Вполне нормально, если человек хочет знать, с чего он начинался. В подростковом возрасте дети начинают интересоваться наследственностью, и в особенности тем, что сказать другу или подруге, если услышишь неловкий вопрос. И за всем этим стоят мощные фантазии, тогда как ваш собственный мальчик или собственная девочка знают все хорошее и все плохое.

Но беда в том, что не всегда удается помочь детям в поисках и даже нельзя сказать, почему вы не можете помочь. Можно ожидать в таких случаях яростной реакции с самыми тяжелыми последствиями. Возможно, лучше просто искренне сказать, что вы не знаете. Если знаешь, то можешь и сказать, и я не верю, что хорошие отношения между приемными детьми и родителями могут ухудшиться в результате успешного поиска настоящих родителей.

Многие из вас могут похвастать тем, что успешно воспитали приемных детей, и, возможно, у вас теперь есть внуки. И вам может показаться, что кое-что из сказанного мною слишком преувеличено. Но часто родители испытывают разочарование только потому, что их с самого начала не предупредили о возможных трудностях при воспитании приемного ребенка. Если у вас все прошло хорошо и вы не столкнулись ни с какими трудностями, могу только сказать, что вы действовали, сами того не понимая, хорошо и правильно.

9. Первые опыты независимости

Психология может быть поверхностной и легкой или глубокой и трудной. Любопытное обстоятельство, связанное с изучением первых поступков младенцев и предметов, которые младенцы используют, когда засыпают или когда испытывают опасения, заключается в том, что эти предметы как будто существуют между поверхностным и глубоким, между простым анализом очевидных наблюдаемых фактов и погружением в тайные глубины бессознательного. По этой причине я хочу привлечь ваше внимание к тому, как младенцы используют самые обычные предметы, и показать, что можно очень многое узнать из самых обычных наблюдений и известных всем фактов.

Я говорю о таком простом предмете, как детский плюшевый мишка. Всякий имевший дело с детьми может рассказать интересные подробности, характерные для поведения каждого ребенка, которые никогда не повторяются у разных детей.

Вначале, как всем известно, младенец сует в рот кулачок, а чуть позже, когда вырабатывается устойчивый шаблон поведения, использует палец или два пальца для сосания, в то время как другой рукой он гладит мать или простыню, одеяло или даже собственные волосы. В данном случае одновременно происходят две вещи: в первой — часть руки во рту очевидно связывается с возбуждающим кормлением; во второй — на шаг дальше — проявляется возбуждение, почти любовное и страстное. На основе этой страстной ласковой деятельности могут развиваться отношения с тем внешним, что находится рядом, и этот объект может для младенца стать очень важным. В определенном смысле это первое обладание, то есть первая в мире вещь, которая принадлежит младенцу и в то же время не является его частью, в отличие от пальцев во рту. Таким образом, это чрезвычайно важное начало взаимоотношений с миром.

Эти вещи развиваются параллельно с началом ощущения безопасности и с началом отношений младенца с одним человеком. Это свидетельство того, что все в эмоциональном развитии младенца идет нормально и что начинает формироваться память об отношениях. Все это может быть использовано в новых отношениях с объектом, который я предпочитаю называть переходным. Переходным, конечно, является не сам объект; он представляет переход младенца от состояния слияния с матерью к состоянию возникновения отношений с матерью как с чем-то внешним и отдельным.

Хотя я хотел бы подчеркнуть, что эти феномены свидетельствуют о здоровье, я ни в коем случае не желаю создавать впечатление, будто отсутствие у младенца интересов такого рода свидетельствует о ненормальности. В некоторых случаях сохраняется сама мать, и младенцу

необходима именно она в целом, в то время как другим детям нужны так называемые переходные объекты, при условии, что мать присутствует и постоянно находится на заднем плане. Однако обычно младенец привязывается к какому-то одному предмету, который со временем получает имя, и любопытно бывает проследить за происхождением этого имени: часто оно идет от какого-то слова, которое младенец услышал задолго до того, как сам научился говорить.

Разумеется, очень скоро родители и родственники снабжают младенца множеством мягких игрушек, которые (скорее всего ради самих взрослых) сделаны в форме детей или животных. С точки зрения младенца, форма этих игрушек не имеет значения. Гораздо большее значение имеют текстура и запах, в особенности запах, так что родители очень скоро узнают, что нельзя безнаказанно стирать такие предметы. Родители, которые во всех остальных отношениях строго придерживаются правил гигиены, вынуждены терпеть грязные, пахнувшие мягкие предметы — просто ради мира и тишины в доме. Младенец, который уже слегка подрос, постоянно нуждается в этих предметах, он хочет, чтобы ему их возвращали, когда он выбрасывает их из колыбели, хочет иметь возможность раздирать их и слюнявить. На самом деле с этими предметами, ставшими объектами самой примитивной формы любви — смеси страстных ласк и разрушительных нападений, может произойти что угодно. Со временем добавляются новые объекты, которые все более полно напоминают фигуры животных и людей. Больше того, родители пытаются приучить ребенка говорить им «спасибо», в знак того, что кукла или плюшевый мишка пришли из реального мира, а не рождены воображением младенца.

Если вернемся к первому такому объекту, который может быть обрывком одеяла, в котором младенца принесли из роддома, или шерстяным шарфиком, или маминым носовым платком, то мы должны признать, что, с точки зрения младенца, мы допускаем ошибку, когда просим его говорить «спасибо» и признавать тем самым, что

предмет пришел из мира. С его точки зрения, этот первый объект поистине был создан его воображением. Это было началом создания ребенком мира, и мы должны согласиться, что в случае с каждым младенцем мир создается заново. Существующий мир для новорожденного не имеет никакого смысла, если не создан и не открыт им.

Невозможно описать невероятное разнообразие этих ранних владений, используемых младенцами, особенно во время перехода ко сну.

Девочка сосала пальцы и одновременно гладила длинные волосы матери. Когда достаточно отросли ее собственные волосы, она стала ими, а не материнскими, закрывать лицо, когда засыпала. Она делала это регулярно, пока не подросла настолько, что захотела, чтобы у нее коротко, как у мальчика, срезали волосы. Результатом стрижки она осталась очень довольна, но когда нужно было ложиться спать, девочка пришла в отчаяние. К счастью, родители сохранили ее волосы и дали девочке прядь. Та сразу, как всегда, закрыла ими лицо и счастливо уснула.

Мальчика всегда интересовало многоцветное шерстяное одеяло. Еще до года он начал вытягивать из одеяла нити и раскладывать их по цвету. Его интерес к текстуре шерсти и цветам все усиливался и никогда его не покидал, так что взрослым он стал специалистом по цвету на текстильной фабрике.

Ценность этих примеров лишь в том, что они иллюстрируют широкий круг феноменов и применяемых младенцем способов выживания в стрессах и при разлуке. Любой, кто заботился о детях, может привести примеры, которые невероятно интересно изучать при условии, что осознается важность и значительность всех мельчайших деталей. Иногда вместо объектов мы находим различные приемы вроде гудения или менее заметные виды деятельности, например, сравнение источников света или изучение пересечения границ двух занавесей, которые колеблются на ветру, или наблюдение за переменной положением двух объектов, когда младенец слегка поворачивает

голову. Иногда место двигательной активности занимает мышление.

Чтобы подчеркнуть нормальность всех этих феноменов, я бы хотел привлечь ваше внимание к тому, как воздействует на них разлука. Грубо говоря, когда мать или другой человек, от которого младенец зависит, отсутствует, немедленных перемен не происходит, потому что во внутреннем видении младенца мать на какое-то время остается реальной и присутствующей. Но если мать отсутствует достаточно долго, внутреннее видение блекнет; в это время ребенок может активно использовать переходные объекты. Мы видим в таком случае младенца, который, если оставить его одного, начинает получать явное удовольствие от активной деятельности.

При этом теряется промежуточная область эмоционального контакта. Если мать отсутствовала не слишком долго, то вначале снова возникает внутреннее представление о ней, и на это требуется время. Успешное обретение уверенности в матери проявляется в возврате к различным видам промежуточной деятельности. Младенцы внешне становятся более серьезными, в особенности на поздних стадиях, когда ребенок чувствует себя покинутым и не способным проявлять чувства или принимать их. Наряду с этим возможна навязчивая эротическая деятельность. Можно сказать, что воровство детей, лишенных внимания и приходящих в себя после такого испытания, есть разновидность поиска промежуточных объектов, которые оказались утрачены в результате смерти или рассеивания внутреннего образа матери.

Девочка постоянно сосала грубую шерстяную ткань, которой оборачивала большой палец. В три года ее «излечили» от сосания пальца, отобрав ткань. Позже она начала грызть ногти, что сопровождало обязательное чтение перед сном. Когда ей исполнилось одиннадцать лет, ей помогли вспомнить о ткани и о том, как она ее любила, и девочка перестала грызть ногти.

У здорового ребенка происходит постепенная замена переходных объектов игровыми возможностями. Легко

понять, что игра имеет огромное значение в жизни всех детей и что способность к игре есть признак нормально-го эмоционального развития. Я стараюсь объяснить вам, что раннее использование переходных объектов есть не что иное, как ранний вариант игры. Надеюсь, родители поймут, что эти переходные объекты нормальны и по сути являются признаками здорового роста, и не будут стыдиться того, что берут с собой самые неожиданные предметы, когда путешествуют вместе с ребенком. Они не будут проявлять неуважение к этим предметам и постараются не потерять их. Подобно старым солдатам, эти объекты постепенно сойдут со сцены. Иными словами, эта рамки наблюдаемых явлений расширятся, включают в себя способность детей к играм и все их культурные интересы и деятельность — обширную область, расположенную между жизнью во внешнем мире и жизнью в фантазиях.

Очевидно, задача отличия реальности от фантазий очень трудна. Мы все надеемся, что нам удастся решать эту задачу, если хотим остаться в здравом рассудке. Тем не менее иногда нам необходимо отдыхать от такой сортировки, и для этого у нас есть культурные интересы и деятельность. Детям мы предоставляем гораздо большую сферу господства воображения и игры, чем себе самим, так что игра, которая позволяет использовать мир и в то же время сохраняет яркость и напряженность фантазии, является характерной особенностью жизни детей. Младенцу, который еще только начал решать чрезвычайно трудные задачи достижения взрослой нормальности, мы позволяем вести промежуточную жизнь, особенно в периоды между бодрствованием и сном, и эти явления, которые я описываю, и объекты, с ними связанные, относятся как раз к такому месту отдыха, которое мы с самого начала отводим детям, когда они только еще едва отличаются сны от реальности.

Как детский психолог, я часто контактирую с детьми, вижу, как они рисуют, и слышу, что они рассказывают о своих фантазиях; и часто удивляюсь тому, с какой легко-

стью они вспоминают эти самые ранние объекты. Они часто удивляют родителей, вспоминая обрывки ткани и странные предметы, о которых родители давно забыли. Если объект еще существует, то именно ребенок знает, где, в каком хранилище полузабытых вещей он лежит, быть может, на дне самого нижнего ящика или на верхней полке шкафа.

Ребенок тяжело переносит не только случаи, когда объект теряется, но и когда родители, не понимая его подлинного значения, отдают этот объект другому ребенку. Некоторые родители так привыкают к мысли о подобных объектах, что как только рождается новый младенец, берут семейный переходный объект и отдают новорожденному, ожидая, что на него он окажет такое же действие, как на предыдущего их ребенка. Естественно, они могут быть разочарованы: отданный таким образом объект может приобрести особое значение для младенца, а может и не приобрести. Все зависит от обстоятельств. Можно даже сказать, что такая передача объекта в подарок опасна, потому что лишает младенца возможности его создания. Конечно, полезно, если ребенок может использовать какой-нибудь имеющийся в доме предмет, нечто такое, чему можно дать имя и что становится почти членом семьи. Из интереса младенца к этому предмету рождается увлеченность куклами, другими игрушками и животными.

Родителям захватывающе интересно изучать эту проблему. Им не обязательно быть психологами, чтобы получить большую пользу от таких наблюдений и, возможно, регулярных записей относительно развития такой привязанности.

10. Поддержка нормальных родителей

Если вы дочитали до этого места, то убедились, что я старался сказать что-то позитивное. Я не давал советов,

как преодолевать трудности, или что делать, если проявляют тревогу, или когда родители ссорятся в присутствии детей, но пытался поддержать здоровые желания нормальных родителей, тех, которые в состоянии создать семью и вырастить нормальных здоровых детей.

Можно спросить: зачем писать для людей, которые и так все хорошо делают? Ведь гораздо больше нуждаются в помощи те родители, которые испытывают трудности. Что ж, я слишком хорошо знаю, что существует много горя и отчаяния. Но мои надежды основаны на устойчивых и здоровых семьях: именно такие семьи являются единственной основой стабильности общества в течение следующих десятилетий.

Можно также спросить: зачем сосредоточиваться на здоровых семьях, которые, как вы говорите, существуют и на которых основаны ваши надежды? Разве они не справятся сами? Что ж, у меня есть очень основательная причина для поддержки таких семей, и вот почему: существует стремление к их разрушению. Неправильно было бы предполагать, что все хорошее защищено от опасности; правильной утверждать противоположное: чтобы хорошее выжило, оно всегда нуждается в защите. Всегда существует ненависть к хорошему и страх перед ним, преимущественно бессознательный и проявляющийся в форме вмешательства, регулировки даже в мелочах, ограничений со стороны закона и иных всевозможных глупостей.

Я не хочу сказать, что официальная политика вмешивается в семейные дела. Правительство в демократическом обществе старается предоставить родителям свободный выбор — принимать или отвергать то, что оно предлагает. Рождение и смерть необходимо регистрировать, родители обязаны сообщать об инфекционных болезнях, и дети в определенный период жизни должны учиться в школе. И мальчики и девочки, нарушающие закон, подвергаются вместе с родителями определенным формам наказания. Однако есть множество других возможностей, которые родители имеют право принять или отвергнуть.

Например, во многих государствах предлагаются детские сады, детские клиники, вакцинация против оспы, иммунизация против дифтерии, лечение зубов, молоко для школьников. Некоторые из этих услуг оказываются бесплатно тем родителям, которые не могут за них заплатить; некоторые — такие, как детские сады, — доступны для всех. Большинство из этих видов услуг хотя и доступны, но не обязательны. Все это доказывает, что правительство признает право хорошей матери самой решать, что хорошо для ее ребенка, если она имеет достаточную информацию и достаточно образованна.

Беда в том, что те, кто предоставляет эти услуги, далеко не так единогласны во мнении, что мать способна лучше кого бы то ни было понять своего ребенка. На врачей и медсестер часто так сильно действует невежество и глупость некоторых родителей, что они лишают всех остальных права на ум. Или, может быть, недостаток уверенности у матерей, как часто бывает, вызван специальной подготовкой врачей и медсестер, которые обладают глубокими познаниями человеческого организма, и здорового и больного, но совсем не обладают целостным пониманием задачи родителей. И если мать настроена против их советов, такие врачи склонны считать, что она делает это из упрямства, тогда как на самом деле она знает, какой вред причинит ребенку, если ее во время отлучения младенца от груди госпитализируют, или если ребенка раньше времени увезут в больницу для обрезания, или если ее девочке сделать инъекции и иммунизацию (если только нет настоящей эпидемии), в то время как она слишком возбуждима.

Что делать матери, если ее тревожит решение врача удалить миндалины ее ребенку? Врач, несомненно, все знает о миндалинах, но часто не может создать у матери впечатление, что также понимает, насколько это серьезное дело — оперировать ребенка, который еще слишком мал и ему еще ничего невозможно объяснить. Мать может только держаться за свое убеждение, что нужно, если это возможно, избегать подобной операции, и если она действительно доверяет себе,

потому что разбирается в том, как развивается ее ребенок, она может изложить свою точку зрения врачу и сыграть свою роль в принятии решения. Врач, уважающий мнение родителей, заслуживает их уважение к своим собственным специальным знаниям.

Родители знают, что их детям нужно упрощенное окружение и это упрощенное окружение нужно им до тех пор, пока они не поймут значение более сложных вещей и способны будут их принять. Тогда наступает время, когда сыну и наследнику можно удалять миндалины без вреда для его развивающейся личности, и больничный опыт может даже оказаться для него интересен и полезен; мальчик сделает шаг вперед, преодолев серьезное препятствие. Но время этого шага зависит не только от возраста мальчика, но и от того, каков он; а это может понять только его мать, хотя, конечно, врач должен помочь ей принять решение.

Государство разумно в своей политике непринудительного обучения родителей, и следующий шаг — это обучение тех, кто предоставляет услуги, воспитание уважения к чувствам обычной матери и ее пониманию своего ребенка. Относительно собственных детей она непревзойденный специалист и, если официальная власть ее не подавляет, сама в состоянии определить, что хорошо и что плохо для ее ребенка.

Все, что не соответствует идее ответственных родителей, в конечном счете вредно для самого существования общества.

Существен индивидуальный опыт превращения младенца в ребенка и подростка в семье, которая продолжает существовать и справляться со своими проблемами; такая семья представляет собой мир в миниатюре. В миниатюре, да... но здесь такие же напряженные чувства, такой же богатый опыт.

Если то, что я написал, стимулирует прочитавших делать лучше то, что я делаю, то есть поддерживать обычных людей и уважать их инстинктивные чувства, я буду удовлетворен. Давайте делать то, что мы можем, как врачи и медсестры, для больного тела и больной души, и пусть

государство делает все возможное для тех, кто по тем или иным причинам нуждается в заботе и защите. Но не будем забывать, что, к счастью, существует множество нормальных мужчин и женщин, которые не боятся проявлять свои чувства. Чтобы использовать все лучшее, на что способны родители, мы должны позволить им взять на себя ответственность за состояние семьи и воспитание детей.

11. Вклад матери в общество

Я полагаю, что у каждого человека есть главный интерес, страстное влечение к чему-то. И если жизнь человека достаточно долгая, позволяющая оглянуться назад, замечая тенденцию, которая объединяет все разнообразные виды деятельности в частной жизни и профессиональной карьере.

Что касается меня, то я вижу, какую огромную роль в моей жизни сыграло стремление понять и верно оценить обычную хорошую мать. Я знаю, что отцы не менее важны, и интерес к матери включает в себя и интерес к отцу и к той важной роли, какую отец играет в жизни ребенка. Но мне в первую очередь необходимо было говорить с матерями.

Мне кажется, что в человеческом обществе чего-то не хватает. Дети растут и в свою очередь становятся отцами и матерями, но в целом они недостаточно вырастают, чтобы понять и оценить, что сделала для них мать. Причина в том, что только недавно мы по-настоящему начали понимать роль матери. Но тут я должен кое-что пояснить.

Я не хочу сказать, что дети должны быть благодарны родителям за то, что те их зачали. Они должны надеяться на то, что зачатие произошло при взаимном согласии и удовольствии. Родители не должны ожидать от детей

благодарности за сам факт их существования. Дети не просят, чтобы их родили.

Есть и другие вещи, которые я имею в виду. Я не хочу сказать, что дети имеют некие обязательства перед отцами и матерями за их участие в создании семьи и в семейных делах, хотя со временем они могут почувствовать благодарность за это. Обычные хорошие родители действительно создают семью и поддерживают ее существование, тем самым создавая основу для заботы о детях и создания окружения, в котором каждый ребенок постепенно находит себя и мир и устанавливает отношения между этими двумя открытиями. Но родители не хотят за это благодарности; они получают награду в самом этом процессе и всяким благодарностям предпочитают возможность увидеть, что их дети растут и сами создают семьи и становятся родителями. А дети вправе винить родителей, если те, породив, не обеспечили им достойного старта в жизни, что является их обязанностью.

За последние пятьдесят лет значительно выросло осознание значения семьи. (Невозможно не отметить, что это осознание возникло на базе наблюдений за плохими семьями.) Мы кое-что знаем о том, почему эту долгую и трудную работу — родительскую работу по воспитанию детей — стоит делать; в сущности, мы полагаем, что эта работа создает единственную реальную основу общества и единственную возможность осуществления демократической тенденции в общественной системе страны.

Но семья — это ответственность не детей, а родителей. Я хочу, чтобы все ясно поняли: я не прошу никого выражать благодарность. То, что меня заботит, не восходит ни к зачатию, ни к созданию семьи. Меня интересуют отношения матери с младенцем в первые недели и месяцы после рождения. Я пытаюсь привлечь внимание к тому огромному вкладу в развитие индивида и общества, который делает обычная хорошая мать при поддержке мужа, *просто будучи преданной своему младенцу.*

Если его признать, то получится, что каждый нормальный мужчина и каждая нормальная женщина, каждый

мужчина и каждая женщина, которые чувствуют себя на своем месте в мире и для которых мир кое-что значит, каждый счастливый человек — все они в бесконечном долгу перед матерью. В то время, когда этот человек был младенцем (мальчиком или девочкой), он ничего не знал о своей зависимости, но он был абсолютно зависим.

Позвольте еще раз подчеркнуть, что результатом такого признания, если оно когда-нибудь будет достигнуто, совсем не должны быть благодарность и даже хвала. Результатом должно быть ослабление в нас страха. Если общество не торопится полностью признавать эту зависимость, которая является историческим фактом на начальных этапах развития каждого индивида, то продолжает существовать преграда на пути и прогресса и регресса, преграда, основанная на страхе. Если нет подлинного признания роли матери, остается смутный страх перед зависимостью. Этот страх иногда принимает формы страха перед женщиной или другие формы, но всегда включает страх перед господством.

К несчастью, страх перед господством не помогает людям избегать подчинения; напротив, он приводит к различным формам подчинения. Когда изучаешь психологию диктатора, то ожидаешь, помимо всего прочего, увидеть его личное стремление подчинить себе женщину, господства которой он подсознательно боится; он пытается подчинить ее себе, лишая ее самостоятельности, действуя за нее и в свою очередь ожидая от нее подчинения и «любви».

Многие из тех, кто изучал историю общества, приходили к выводу, что страх перед женщиной является причиной внешне нелогичного поведения людей в группах, но этот страх редко прослеживается до своего основания. Если проследить его до основания в жизни каждого индивида, то он оказывается страхом признания факта зависимости. Есть, следовательно, чрезвычайно основательные причины для развертывания исследований самых первых этапов развития отношений младенца с матерью.

Что касается меня лично, то я всегда испытывал стремление к изучению понятия преданности. Я хотел, насколько

это возможно, узнать все относительно того, что сделала моя собственная мать. Здесь мужчина в более трудном положении, чем женщина; он не может выяснить это, став в свою очередь матерью. У него нет другой альтернативы, кроме сознательного и добросовестного изучения материнских достижений. Развитие материнских особенностей в его характере не может зайти достаточно далеко, и женственность в мужчинах оказывается ответвлением главной темы.

Одно из решений для мужчины, заинтересованного этой проблемой, — участие в объективном исследовании роли матери, с самого младенчества.

В настоящее время решающая роль матери в начале жизни младенца иногда отрицается. Или мы слышим, как матерям говорят, что таков их крест; по сути, это отрицание их природной способности быть матерью. Часто бывает, что перед пониманием какой-нибудь проблемы существует этап отрицания, слепоты или сознательного невидения, как море отступает от берега, прежде чем обрушится на него прибой.

Требования аккуратности, диктат гигиены, похвальное стремление к заботе о физическом здоровье — все это и многое другое встает между матерью и младенцем, и маловероятно, чтобы матери сами воспротивились подобному вмешательству. Кто-то должен вступить за молодых матерей, у которых первый или второй ребенок и которые по необходимости находятся в зависимом состоянии. Можно заранее предположить, что мать новорожденного младенца не выступит против врачей и медсестер, как бы ни была расстроена, потому что во всех остальных отношениях зависит от них.

Главы первой части этой книги адресованы преимущественно молодым матерям, но сами молодые матери слишком заняты и вряд ли их прочтут. Я не хочу менять такое положение. Не могу предположить, что молодые матери захотят узнать, что они делают, когда наслаждаются уходом за своими младенцами. Естественно, они опасаются, что лечебные заведения лишат их радости и

творческого опыта, который является существеннейшим элементом удовлетворения и роста.

Молодая мать нуждается в защите и информации, ей нужно все, что в состоянии предоставить медицинская наука в отношении заботы о физическом здоровье и предотвращении заболеваний и различных случайностей. Ей нужны врач и сестра, которых она знает и которым доверяет. Ей также нужны преданный муж и удовлетворяющий сексуальный опыт. Да, обычная молодая мать не склонна учиться по книгам. Тем не менее я сохранил форму непосредственного разговора с матерью, потому что это способствует дисциплинированности. Тот, кто пишет о человеческой природе, должен пользоваться простым языком и не прибегать к психоаналитическому жаргону, который пригоден для статей в научных журналах.

Вероятно, те, кто прошел через материнство и имеет возможность оглянуться назад, заинтересуются тем, что здесь написано, и помогут сделать то, что больше всего сегодня нужно, — морально поддержать обычную хорошую мать, образованную и необразованную, умную и не очень, богатую или бедную, и защитить ее от всего, что способно встать между нею и ее младенцем. Мы объединим силы, чтобы могли нормально возникнуть и развиваться эмоциональные отношения между матерью и младенцем. Эта коллективная задача является аналогом отцовских обязанностей, начальной работы отца, в то время, когда его жена вынашивает и кормит младенца, — до того, как младенец получит возможность иначе общаться с отцом.

СЕМЬЯ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
1. Первый год жизни. Современный взгляд на эмоциональное развитие	6
2. Начальные взаимоотношения матери с ребенком. Пара, связанная кормлением	24
3. Рост и развитие в незрелости	32
4. Относительно безопасности	46
5. Пятилетний ребенок	52
6. Объединяющие и разъединяющие факторы семейной жизни	61
7. Воздействие на семью депрессивной болезни одного или обоих родителей	76
8. Воздействие психозов на семейную жизнь	92
9. Воздействие страдающих психозом родителей на эмоциональное развитие ребенка	103
10. Подростковый возраст. Борьба с приступами депрессии	117
11. Семья и эмоциональная зрелость	131

ЧАСТЬ ВТОРАЯ 141

1. Теоретические утверждения
в области детской психиатрии 142
2. Вклад психиатрии в акушерство 155
3. Советы родителям 166
4. Социальная работа при лечении
душевнобольных детей 176
5. Депривированный ребенок и как можно
компенсировать утрату семейной жизни 192
6. Влияние группы и дети с нарушениями развития.
Школьный аспект 213
7. Некоторые мысли о значении слова «демократия» ... 227

МАТЬ И ДИТЯ

Предисловие 250

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 254

ОБЫЧНАЯ ПРЕДАННАЯ МАТЬ

И ЕЕ МЛАДЕНЕЦ 254

1. Знакомство с младенцем 254
2. Ребенок — это действующая система 260
3. Кормление младенца 264
4. Куда идет пища 270
5. Окончание процесса пищеварения 274
6. Младенец как личность 279
7. Кормящая младенца мать — крупным планом 284
8. Почему младенцы плачут 289
9. Мир в малых дозах 300
10. Врожденная мораль младенца 306
11. Отнятие от груди 312
12. Знание и обучение 317
13. Инстинкты и нормальные трудности 323

ЧАСТЬ ВТОРАЯ	329
--------------------	-----

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ	329
----------------------------	------------

1. А что же отец?	329
2. Их и ваши стандарты	335
3. Ваши дети и другие люди	341
4. Какого ребенка мы называем нормальным	349
5. Единственный ребенок	357
6. Близнецы	363
7. Воровство и лживость	370
8. О приемных детях	373
9. Первые опыты независимости	377
10. Поддержка нормальных родителей	383
11. Вклад матери в общество	387